

Р. Г. Кузеев

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

Р.Г. Кузеев

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

Башкирское книжное издательство
Уфа — 1978

902.7 (С17)
К89

Кузеев Р. Г.
К89 Историческая этнография башкирского
народа. Уфа, Башкирское книжное изда-
тельство, 1978.
264 с. с илл.

Книга посвящена вопросам исторической этнографии, анализу социально-экономической, этнической и культурной истории башкирского народа в эпоху древности и средневековья. Особое внимание уделяется историко-этнографическому исследованию хозяйства, социальных организаций, происхождения и формирования башкирского народа, а также этнических и культурных связей с народами Средней Азии, Сибири, Северного Кавказа и Волго-Камья. Исследуются вопросы этнической демографии и динамики численности башкир на протяжении XVI—XX вв.

Книга рассчитана на научных работников, студентов исторических факультетов, лекторов.

К $\frac{10602-128}{M121 (03) -78}$ 11—78

902.7(С17)

© Башкирское книжное издательство, 1978 г.

ОТ АВТОРА

Для многих народов мира, особенно стран, которые недавно завоевали победу в национально-освободительной борьбе, исторический путь Советской Башкирии может явиться ярким примером безграничных возможностей свободного народа, который живет и трудится в условиях социализма.

Для того, чтобы глубоко понять и зримо представить революционные изменения во всех сферах жизни народов Башкирии и особенно коренных ее жителей — башкир, полезно сравнить сегодняшнюю Башкирию с тем, что было до Октябрьской революции, с тем, что было столетие или несколько столетий назад. Другими словами, надо знать точку отсчета, чтобы по достоинству оценить высокий уровень социально-экономического и культурного развития современной Советской Башкирии. Если говорить об исторической судьбе башкирского народа, то 60 лет истории республики по достигнутым результатам в народном хозяйстве, культуре, науке и образовании несопоставимы с предшествующим тысячелетием. За десять столетий, которые башкиры живут на современной территории их расселения, они прошли сложнейший путь хозяйственного, социально-экономического, политического, этнического и культурного развития. Для башкирского народа в конечном итоге это была дорога исторического прогресса, однако это был путь замедленный, мучительный и тернистый. За 1000 лет общественный строй башкир медленно эволюционизировал от первобытнообщинных форм к патриархально-феодалным, а позднее к буржуазным. Однако вплоть до Октябрьской революции социально-экономические отношения в башкирском обществе так и не смогли полностью освободиться от патриархально-феодалного уклада, унаследованного от эпохи древности и средневековья. Сложнейшее, а подчас уродливое сочетание во всех сферах жизни патриархально-родовых традиций, остатков кочевничества с нарастающими буржуазными отношениями лишь усугубляло тяжесть эксплуатации трудового народа, сдерживало и без того отсталое развитие культуры, образования и науки.

Эта книга посвящена прошлому башкир и Башкирии: познакомившись с ней, современный читатель узнает не только о сложном и трудном пути исторического развития башкирского народа, но увидит также необычайные контрасты в его истории до Октябрьской революции и за годы Советской власти.

Книга является историко-этнографической. Предметная область исторической этнографии как научного направления чрезвычайно широкая: в нее входят эволюция хозяйства, традиционных социальных институтов и их пережиточных

явлений, история культуры и т. д. Однако какими бы проблемами не интересовалась историческая этнография, она всегда исследует их в неразрывной связи с историей самого этноса, а еще точнее — с историей происхождения, формирования и развития народа. Разделы книги писались в разные годы, но в конечном итоге преследовали одну цель — с различных сторон подойти к изучению тысячелетней этнической истории башкирского народа.

В последние годы изданы новые работы историков и этнографов, в которых содержатся интересные материалы и обобщения по затронутым в книге проблемам. Они, естественно, учтены при подготовке книги к печати. В некоторых из упомянутых публикаций высказаны точки зрения, отличающиеся от изложенных в книге. Однако автор в целом ряде случаев остался на ранее сформулированных им позициях. Это относится к вопросам этноисторической демографии, становления и формирования башкирской народности, к некоторым аспектам истории хозяйства и др. Новые источники, а также основанная на них аргументация позволят в будущем вернуться к полезному обсуждению дискуссионных вопросов.

Если книга вызовет у читателя интерес к современным и, особенно, будущим историко-этнографическим изысканиям, если показанные в ней различные аспекты прошлой истории башкирского народа позволят еще ярче представить достижения Советской Башкирии, можно будет с удовлетворением считать, что книга достигла цели.

Роль
исторической
этнографии
в изучении
древней
и средневековой
истории
башкирского
народа

История Башкирии и башкир изучена крайне неравномерно. В многочисленной исторической литературе по Башкирии, опубликованной в XIX—XX вв.¹, исследований по древней и средневековой истории чрезвычайно мало, а по многим периодам и проблемам они вообще отсутствуют. Имеющаяся литература, с точки зрения построения и общей концепции древней и средневековой истории башкир и Башкирии, не всегда безупречна. В XIX в. наметилось (особенно в краеведческой литературе) стремление рассматривать Башкирию с давних времен как относительно замкнутый регион с установившейся внутренней тенденцией исторического развития. Такой подход, плодотворный при накоплении фактов и разработке региональной истории, оказывает сдерживающее влияние при попытке определить место башкир и роль Башкирии в тех бурных событиях, которые в течение многих веков обусловили направление исторического процесса на обширной территории Евразии. Стремление анализировать сложные этнокультурные, хозяйственные и политические процессы исходя из тенденций, имеющих преимущественно региональное значение, неизбежно ведет к сужению исторического фона исследования, к этноцентризму в оценке исторических фактов и явлений.

История Башкирии может быть глубоко изучена лишь в тесной взаимосвязи с историческими процессами того мира, частью которого она являлась. В VIII—X вв. башкиры впервые упоминаются в сочинениях арабо-персидских ученых и путешественников. В это время они органически входили в огромный кочевой тюрко-угорский мир, который раскинулся на обширнейшей территории от Приуралья

¹ Библиографию работ см.: МИБ, ч. I. М.-Л., 1936, с. 497—511; ОИБ, т. I, ч. I. Уфа, 1956, с. 289—300; ч. 2. Уфа, 1959, с. 472—513. О развитии исторической науки в Башкирии см.: В. П. И в а н к о в. Историческая наука Советской Башкирии. — «Наука в Советской Башкирии за 50 лет». Уфа, 1969, с. 474—498; е г о ж е. Исторические исследования в Башкирском филиале АН СССР. — «Южно-Уральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 18—33.

до Волги, от Южного Урала и Западной Сибири до Северного Кавказа, Прикаспия и Причерноморья. Совершенно очевидно, что многие крупные события, потрясшие степь, так или иначе коснулись судьбы древних башкир и сказались на их истории.

Но ни до монгольского нашествия, ни после башкиры не создали своей государственности; их история во всей полноте (общественный строй, этнические процессы, политические события) может быть изучена и понята в связи с историей политических организаций, которые образовали здесь печенеги, огузы, булгары, хазары, кыпчаки, монголы, с историей Золотой Орды и возникших на ее развалинах феодальных государств. С XVII в., когда Башкирия становится частью Русского государства, исторический путь развития ее народа еще более усложняется. Будучи связаны традиционными узлами и происхождением с тюркским степным миром, башкиры оказались в орбите сильного и многостороннего влияния совершенно иного мира, находящегося на более высокой ступени развития. Столкновение и взаимодействие этих линий в социально-экономическом, этнокультурном и политическом развитии, приведшие к весьма существенным сдвигам в исторической судьбе этой страны, являются основным содержанием истории Башкирии в последующие столетия. Таков исторический фон путей развития башкирского народа.

Однако дело не только в том, чтобы правильно определить (с учетом исторических событий в Восточной Европе) общее направление изучения истории Башкирии и башкир. Коренной проблемой, с которой исследователи сталкиваются сейчас и будут сталкиваться в будущем, является вопрос об источниках, на основе которых можно было бы проследить историю прошлого башкирского народа.

Известно, что башкиры не имели своей письменности. Вместе с исламом суннитского толка к ним проникла арабская письменность, которой они пользовались вплоть до начала XX в. Однако дата приобщения башкир к мусульманской религии (и соответственно — заимствования арабского письма) до сих пор с достоверностью не установлена. В X в. башкиры не были мусульманами; судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось только в XIV—XV вв.¹ Наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики, не считая эпиграфических памятников, были составлены в XVI в., но и они дошли до нас в более поздних копиях². Подлинные башкирские тексты относятся к концу XVII—XVIII в. Это обычно хранящиеся в ЦГАДА различного рода челобитные, купчие записи, письма башкирских старшин представителям царской администрации. Коли-

¹ В. В. Бартольд. Еще о христианстве в Средней Азии.— Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964, с. 316; Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, с. 3; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии.— Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. IV. СПб., 1859, с. 257—287; Е. А. Халикова. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII в. как исторический источник. Рукопись канд. диссертации. Казань, 1976.

² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 27—35, 177, 178.

чество выявленных текстов сравнительно невелико. В научный оборот введено несколько десятков документов, опубликованных в подлинниках или переводах частью на рубеже XIX—XX вв.¹, а в большинстве случаев недавно — в «Материалах по истории Башкирской АССР»². К этому же времени (XVII—XVIII вв.) относится появление большого количества документальных материалов по истории Башкирии на русском языке, в значительной части опубликованных³ или подготовленных к публикации⁴. Представляя исключительную ценность в изучении социально-экономической и политической истории Башкирии XVII—XVIII вв., они в то же время не отражают своеобразия социальной структуры и социальных отношений башкирского общества. Именно этим обстоятельством надо объяснить тот очевидный факт, что, несмотря на документальные публикации и ряд исследований⁵, вопрос о характере социально-экономических отношений в башкирском обществе в XVII—XVIII вв. еще рано считать решенным. Для выполнения этой задачи необходим материал, исходящий от самого народа и глубоко характеризующий основы социального строя и социальной структуры башкирского общества.

Как видно из сказанного, отсутствие или малочисленность башкирских исторических источников ставит перед исследователями серьезные проблемы: история башкир и Башкирии до XVI в. включительно находится, по существу, за пределами письменных источников; важные проблемы истории XVII—XVIII вв. (общественный строй, этнические процессы, развитие культуры) также требуют поиска новой источниковой базы.

Известно, что исследователи древней и средневековой истории многих народов Евразии черпают сведения из двух сокровищниц. Они прежде всего изучают древних авторов — греков, византийцев, римлян, средневековых западноевропейских писателей, а также арабских, персидских, сирийских и армянских историков и путешественников. В последние десятилетия ученые обращают свои взоры на археологические источники. Однако применительно к истории Башкирии мы в обоих случаях сталкиваемся с дополнительными трудностями. Башкиры, по крайней мере с IX—X вв. расселяясь в Приуралье и находясь с тех пор на периферии степного мира, в большин-

¹ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, тт. 1—2. Оренбург, 1900.

² МИБ, т. 3. М.-Л., 1949, с. 577, приложения; т. 4, ч. 1. М., 1956, с. 387, приложения.

³ МИБ, ч. 1. М.-Л., 1936; т. 3. М.-Л., 1949; т. 4, ч. 1, 2. М., 1956; т. 5. М., 1960.

⁴ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР; МИБ, тт. 6, 7.

⁵ ОИБ, т. 1, ч. 1, с. 86—98, 128—135, 259—265; ч. 2, с. 7—32, 169—200, 288—304; Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.-Л., 1950, с. 17—31; «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958; И. Г. Акманов. Башкирское восстание 1704—1711 гг. — «Из истории Башкирии». Уфа, 1968; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957; У. Х. Рахматуллин. О некоторых особенностях ясака в башкирской общине. — «Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв.». Уфа, 1973.

стве случаев оставались вне пределов обычных маршрутов как восточных, так и европейских путешественников. Кажется, один лишь Ибн-Фадлан оставил описание башкир, которое опирается (и то не целиком) на личные наблюдения и впечатления¹. Во всех остальных случаях сведения о башкирах заимствованы у предшественников или почерпнуты из устных рассказов и поэтому отрывочны, чрезвычайно противоречивы и во многих случаях без привлечения новых источников (по происхождению не нарративных) не поддаются расшифровке. В этом определенное значение имеет и то обстоятельство, что сведения о башкирах, разбросанные по многочисленным западным и восточным источникам, еще полностью не собраны, не переведены на русский язык, не сведены воедино и не подвергнуты сопоставительному анализу. Отчасти поэтому многочисленные и противоречивые гипотезы и исторические построения (преимущественно по этнической истории), возникшие в XIX—XX вв. на основе свидетельств западных или восточных путешественников и писателей (Д. А. Хвольсон, С. И. Руденко и др.), нуждаются в пересмотре или в существенном дополнении. В целом, с учетом данных исследований последних десятилетий, историческая интерпретация сведений средневековых (западных и восточных) источников о башкирах возможна лишь на широком историческом фоне, разработанном прежде всего по местным источникам. Только на основе синтеза автохтонных источников с ранее известными памятниками можно будет восстановить древнюю и средневековую историю башкир во всей ее сложной взаимосвязи с окружающим миром.

Археологическое изучение Башкирии и смежных территорий в достаточно широких масштабах началось два-три десятилетия назад². Сейчас накоплен значительный материал, который впервые обобщен в нескольких монографиях и многочисленных сборниках³. Однако весь этот материал относится по существу к «добашкирскому» периоду истории Башкирии. Этническая и социально-экономическая история башкир в IX—XVI вв. археологическими материалами освещена пока чрезвычайно слабо. Лишь в последние годы изучено несколько памятников, которые можно с некоторыми оговорками считать древнебашкирскими⁴. Однако в целом археология пока не в состоянии создать стройную древнюю и тем более средневековую историю башкирского народа. Причина не только в недостаточной археологической изученности территории Башкирии в эпоху средневековья; основная трудность заключается, на наш взгляд, в неустойчивости (в неотработанности) критериев при вы-

¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.-Л., 1939, с. 66, 67.

² Н. В. Б и к б у л а т о в, Н. А. М а ж и т о в. Археология и этнография Башкирии за 50 лет. — «Наука в Советской Башкирии за 50 лет», с. 513—530.

³ К. В. С а л ь н и к о в. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. М., 1968; «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959; АЭБ, т. I. Уфа, 1959; т. II. Уфа, 1962; т. III. Уфа, 1968; т. IV. Уфа, 1971; т. V. Уфа, 1976.

⁴ М. Х. С а д ы к о в а. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. — БАС. Уфа, 1959; Н. А. М а ж и т о в. Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит Южного Урала. М., 1976; Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.

делении археологических культур в степном мире и в относительности определений этнической характеристики племен данной культуры. В степях и предгорьях Восточной Европы, Приуралья, Западной Сибири и Приаралья, начиная со второй половины I тыс. н. э., кочевали племена, этническая принадлежность которых была весьма различна. Но великая степь и мощные походы кочевников нивелировали культуру степняков, и сегодняшняя археология вряд ли в состоянии по фрагментарным находкам вообще отличить башкира от тюрка, печенега от мадьяра, огуза от алана и т. д. Для этого необходим массовый археологический материал на огромнейшей территории, материал, тщательный сопоставительный анализ которого может выявить региональные особенности, соответствовавшие тем или иным племенным объединениям. Недостаток такого материала, фрагментарность археологических исследований, наметившаяся тенденция у некоторых археологов отдавать предпочтение анализу этнической принадлежности добытых археологических источников в ущерб тщательному выявлению особенностей хозяйства, общественного строя, идеологии древнего и средневекового населения — все это является следствием того, что один и тот же материал интерпретируется разными археологами совершенно с различных, порой противоположных позиций¹. Эти обстоятельства заставляют, отдавая должное археологическим источникам и максимально используя их при изучении отдельных вопросов древней истории края, в то же время с осознанностью привлекать археологический материал при разработке общей концепции древней и средневековой истории Башкирии.

Приведенная общая характеристика источников, нам кажется, вполне объясняет тот факт, что история Башкирии и башкир до XVI в. еще не написана; более того, исследование многих проблем древней и средневековой истории башкир (общественный строй, уровень политической централизации общества, генезис культуры и др.) практически даже не начиналось². Но и в последующих этапах исторического развития башкирского общества XVII—XVIII вв. немало белых пятен (этническая история, социально-экономические отношения, история культуры), которые нуждаются в анализе источников, исходящих от самого народа.

На современном уровне знаний существенный вклад в разработку древней и средневековой истории Башкирии и башкир в состоянии внести историческая этнография. И не только потому, что, работая над собственными ей проблемами этногенеза, истории культуры и родового строя, она может с большим эффектом использовать дошедшие до нас немногочисленные свидетельства средневековых хронистов, писателей и путешественников. Главное преимущество исторической этнографии в данном случае заключается в том, что, тщательно изучая этнографические явления на обозримом для фик-

¹ См.: «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969.

² В «Очерках по истории Башкирской АССР», т. I (с древнейших времен до Октябрьской революции) из 830 страниц текста истории Башкирии с древнейших времен до конца XVI в. посвящено лишь 80 страниц.

сации периоде (вторая половина XIX—XX в.), отталкиваясь от этой достоверной действительности и сопоставляя полученный материал с письменными и иными источниками предшествующих веков, она может делать весьма плодотворные ретроспективные реконструкции. Такая область исследований может охватить весьма широкий круг тем: хозяйство, этнический состав и историю расселения, некоторые вопросы общественного строя и истории культуры.

Отмеченные возможности исторической этнографии особенную ценность имеют при разработке истории бывших кочевников.

Исследователи вынуждены отмечать, что письменные источники по истории кочевников не отражают во всех нюансах внутренние особенности социальной организации скотоводческого общества, специфики и истории хозяйства, тем более сложные явления этнической истории.

Таким образом, перед исторической этнографией в использовании накопленных ею этнографических источников открываются, по крайней мере, две перспективы или задачи. Цель разработки древней и средневековой истории Башкирии — сомкнуть полевой этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв., с письменными и иными (археологическими, фольклорными и др.) источниками предшествующих веков. В разработке вопросов общественного строя и этнических процессов в Башкирии в более позднее время (XVII—XIX вв.) задача заключается в том, чтобы сопоставить данные этнографических и документальных (архивных, статистических) источников, скоррелировать их и на этой основе создать качественно обновленную источниковедческую базу для изучения, например, таких сложных проблем, как башкирская община, система землепользования, социальная структура общества, этнические процессы и т. д.

Такой подход к использованию источников при широком хронологическом диапазоне изучаемого периода требует особой тщательности в выборе методов и приемов исследования. Вопросы достоверности, датировки, репрезентативности используемого материала всегда должны быть в поле зрения исследователя. В методическом отношении расширение сферы исследования (как в плане территориальном, так и во временном) и соответственно привлечение самого разнообразного сопоставительного материала, а также установление на его основе преемственных и иных связей между удаленными друг от друга территориями или временем фактами, событиями и явлениями, само по себе повышают эффективность использования источников и объективность исторического повествования.

Обращаясь к традиционному в русской и советской исторической науке сравнительно-историческому методу, необходимо отметить, что его применение при разработке древней и средневековой истории Башкирии требует определенной последовательности. Он превращается в примитивный компаративизм, если к историческим сопоставлениям привлекается хотя и обширный, но в сущности случайно подобранный материал, вырванный из контекста исторических событий различных времен и народов. Следовательно, плодот-

ворность этого метода тем выше, чем глубже использована история сравниваемых народов и сопоставляемых явлений, чем тщательнее отобраны факты и в целом материал для анализа. Таким образом, сравнительно-историческому исследованию вопросов социальной и этнической истории башкирского народа должны предшествовать возможно тщательная систематизация местных материалов и установление в них внутренних связей. Особенная тщательность необходима в изучении этнической истории и истории культуры, где недостаточно обоснованные сопоставления (скажем, орнаментов, характерных для башкир в XIX—XX вв., с узорами на керамике I—III вв. н. э.; хозяйственной деятельности этнически разнородных племен в I тыс. н. э. и башкир в XIX в. и т. д.), пренебрежение принципами установления генетической или территориально-временной преемственности фактов и явлений обычно рождают довольно смелые, но столь же малоубедительные концепции и гипотезы.

Сказанное в какой-то степени относится и к так называемому комплексному методу, который вот уже второе десятилетие успешно применяется в этногенетических, социальных и культурологических исследованиях. Однако сущность комплексного подхода исследователями воспринимается по-разному. В некоторых работах последних лет намечаются не совсем правильные, на наш взгляд, направления развития этого метода. Вопрос обстоит так: комплексность — это разработка крупных этногенетических и этнокультурных проблем усилиями различных дисциплин (истории, этнографии, археологии, антропологии, языкознания, фольклористики, демографии и др.), которые работают самостоятельно, применяя собственные методы и приемы исследований, или же это совмещение в одном монографическом исследовании анализа разнородного (исторического, этнографического, археологического, антропологического, языковедческого и т. д.) материала с попыткой привести их к общему знаменателю. Нужно ли говорить о том, что исследования второго типа, которые в последние годы довольно часто появляются, особенно на периферии, при современном уровне развития науки и постоянном совершенствовании методов исследования в пределах различных дисциплин, малоперспективны. При неодинаковых темпах и уровне развития различных дисциплин такой «арифметический» подход к комплексному изучению проблемы почти всегда неизбежно приводит к инкорпорированию выводов одной отрасли знания, вырвавшейся в своем развитии несколько вперед (обычно археологии или языкознания), в другую. Создание обобщающих исследований по этногенезу, этнической и культурной истории народа с использованием данных многих смежных наук возможно лишь тогда, когда научный уровень всех этих дисциплин будет достаточно высоким. При этом появляется возможность в обобщающем историческом труде использовать как факты, достоверно установленные другими науками, так и выводы, сделанные на их основе, не проводя специальных изысканий, являющихся прерогативой соответствующей дисциплины. Такие исследования являются заключительным этапом осуществления комплексного подхода в этногенетических исследо-

ваниях. Если изложенная сущность комплексного изучения этногенетических проблем верно, то правомерность термина «комплексный метод» проблематична. Речь идет о сотрудничестве различных дисциплин в разработке единой проблемы и о последовательности проведения различных этапов исследования. В науке такая схема решения проблем не является новостью: о «комплексном методе» в этногенетических исследованиях с начала 1950-х годов стали говорить как об открытии лишь потому, что после ряда лет главенствующего положения языкознания появилась возможность вернуться, правда на значительно более высоком уровне, к историческим исследованиям на основе изысканий ряда смежных наук. Использование в исторических и историко-этнографических исследованиях данных языкознания, антропологии, демографии, а также сведений других наук достаточно широко и плодотворно практиковалось еще в конце XIX — начале XX в. (исследования В. В. Бартольда, Н. А. Аристова, С. И. Руденко и др.) в рамках сравнительно-исторического метода.

Опыт, накопленный за последние три десятилетия в области этногенетических и социальных исследований, показал, что по-прежнему ведущее значение сохраняют исторические (или историко-этнографические) исследования, опирающиеся на обширную собственную базу источников, на достоверно установленные факты и материалы смежных наук, охватывающие изучением достаточно длительный исторический период этнического и социально-экономического развития, строго придерживающиеся принципа последовательного историзма, органически вытекающего из марксистско-ленинской концепции истории народов мира.

Историческая этнография наиболее плодотворно может заниматься следующими крупными проблемами башкирской истории: история хозяйства башкир; социальная история башкирского рода и башкирская территориальная община; этногенез и этническая история башкир; история культуры башкир. По каждой из этих проблем новые этнографические исследования могут дать и дают обширные материалы. Сектором археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР с 1958 г. широко организуются этнографические экспедиции со сбором материала практически по всем перечисленным выше проблемам. Активность этнографических исследований в республике совпала с периодом (1950—1960-ые гг.), когда еще имелась возможность зафиксировать многие явления культуры и традиции, генетически восходящие к эпохе древности и средневековья. Собранные материалы обрабатываются и систематизируются в соответствии с принятыми в советской этнографии правилами и хранятся в фондах сектора¹. Часть материала обобщена и опубликована. Накопленный в этом направлении опыт показал, что ретроспективный анализ явлений хозяйственной, социальной, этнической и культурной истории на

¹ См.: С. Н. Ш и т о в а, Н. В. Б и к б у л а т о в. Этнографический архивный фонд сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР.— «Южноуральский этнографический сборник», вып. 2, с. 119—126.

основе синтеза полевых и письменных источников весьма перспективны. Способность исторической этнографии убедительно решать, например, проблемы историко-культурных связей и раннесредневековой социальной организации общества иллюстрируется исследованиями Н. В. Бикбулатова по системе родства у башкир с широким привлечением сопоставительного материала по тюркским, монгольским и финно-угорским народам; работами С. Н. Шитовой по установлению коррелятивных связей в материальной культуре башкир с народами Сибири и др.¹

Отмеченные возможности исторической этнографии обусловлены и самой спецификой проблем, которые она решает.

История хозяйства башкир — одна из сложных малоразработанных проблем. До настоящего времени неясным остается вопрос о соотношении земледелия и кочевого скотоводства в башкирском хозяйстве на различных этапах его развития. Более того, в связи с открытием археологами земледельческих орудий в культурах I тыс. н. э. становится дискуссионным вопрос об исторических основах хозяйства башкир. Известно, что с XVI в. с присоединением Башкирии к России начинается активное проникновение и распространение среди башкир земледелия. Однако масштабы и темпы развития земледелия по областям Башкирии в XVI—XIX вв., закономерности и специфические особенности трансформации кочевого скотоводческого хозяйства башкир в оседлое земледельческое мало изучены. Судя по опубликованным работам, в которых специально анализируется или затрагивается состояние башкирского хозяйства в тот или иной период, складывается впечатление, что на основе только письменных источников нет возможности точно представить структуру хозяйства башкир. Применительно к XIX в., например, по письменным документам трудно различить такие понятия, как «тип хозяйства» и «образ жизни». В условиях Башкирии XVII—XVIII вв., а местами и XIX в., оседлый образ жизни далеко не всегда сопровождался земледельческими занятиями, так же как не всякая башкирская семья, приобщившаяся к земледелию, становилась оседлой. Не поставлен еще по существу вопрос о качестве земледельческого хозяйства у недавних кочевников. Нет необходимости доказывать, насколько важно знание истории хозяйства, способов его ведения, путей и особенностей перехода башкир от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию (а переходный период составил в истории башкирского хозяйства целую эпоху в три столетия) для правильного понимания характера общественного строя народа.

Известно, что общественные отношения в кочевых обществах специфичны; но эта специфика еще сложнее в обществах, которые длительное время переживали перестройку своего хозяйства. Вот почему важно исторической этнографии, которая может объединить и подвзгнуть анализу источники различного типа, с возможной точ-

¹ Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир.— АЭБ, т. II; С. Н. Шитова. Народная одежда башкир.— АЭБ, т. III.

ностью реконструировать хозяйство башкир на различных этапах его развития.

Изучение родо-племенной структуры и родо-племенных организаций (племени, рода, патронимии) является традиционным для этнографии. Сами по себе исследования по структуре и социальному содержанию рода, конечно, не заменят специальных исторических изысканий по социально-экономическим отношениям в башкирском обществе. Однако проведение таких историко-этнографических исследований является совершенно обязательной предпосылкой и основой для создания капитальной работы по общественному строю башкир в эпоху от X до XIX в. включительно.

Значимость конкретных исследований по социальной истории рода определяется несколькими обстоятельствами. В восточных письменных источниках (X в.) башкирское общество показано в период распада первобытнообщинных и формирования раннеклассовых отношений. В силу слабости и специфических особенностей развития производительных сил нарастающая формация развивалась в рамках устойчиво и длительное время сохраняющихся патриархально-родовых отношений. Особую прочность они проявляли в низших звеньях (род, патронимия) социальной организации общества. Задача глубокого и конкретного изучения генезиса раннеклассовых отношений в башкирском обществе уже давно подсказывает необходимость всестороннего исследования рода, в частности процессов его постепенного распада, формирования общины сельского типа и ее динамического соотношения с родом. Специально должны быть изучены трансформация традиций родового землепользования в общинные, углубление социального неравенства в родовом коллективе в условиях усложнения политической истории края накануне и после присоединения Башкирии к Русскому государству и т. д.

Важен вопрос об определении характера классовых отношений в башкирском обществе в X—XVI вв. По этой проблеме в нашей литературе нет никаких исследований, за исключением общих положений о развитии у башкир феодальных отношений, которые содержатся в работах, посвященных исследованию других сюжетов. Однако накопленный историко-этнографический материал, а также развернувшаяся дискуссия об азиатском способе производства, о характере классовобразования и специфике общественных отношений в кочевых обществах, настоятельно требуют конкретного (применительно к башкирам) исследования многих вопросов, в частности форм собственности на основные средства производства, специфических особенностей эксплуатации и характера зависимости населения и т. д. В условиях существенного сохранения роли патриархального уклада все эти вопросы не могут быть глубоко вскрыты без изучения социальных процессов, происходивших в недрах традиционных родо-племенных организаций башкирского общества.

Изучение общественных отношений башкир имеет значение, выходящее за пределы истории Башкирии в связи с еще одним обстоятельством: башкиры — одно из тех кочевых обществ, которые рано

были включены в сферу активного воздействия земледельческой культуры Русского государства и его социально-политической организации. В социально-экономических отношениях башкир взаимодействие двух различных по типу социальных структур и культур, а также вызванные ими процессы представляют значительный интерес для исторической науки в целом.

Наибольшие изменения в социальном содержании башкирских родо-племенных организаций и во внешних очертаниях форм их существования произошли как раз после вхождения Башкирии в Русское государство. Это обстоятельство требует тщательного изучения социальной истории башкирского рода вплоть до полного распада даже пережиточных его явлений. В этом плане важно изучение башкирской территориальной общины, которая, во-первых, генетически была связана с патриархальным родом, во-вторых, обладала свойствами, характерными, с одной стороны, русской общине, с другой — общинам кочевых народов, которые в литературе часто называют «аульными». Без исследования этой проблемы трудно рассчитывать на глубокое понимание характера социально-экономических отношений в башкирском обществе в XVII—XIX вв.

Таким образом, перед исторической этнографией стоит задача показать развитие одной из важных линий в истории общественного строя башкир в X—XIX вв., а именно патриархально-родовых отношений. Если в самом начале второго тысячелетия они еще господствуют в башкирском обществе, хотя это была уже нисходящая формация, то через одно-два столетия они эволюционируются в уклад в формирующемся раннеклассовом обществе. Патриархальный уклад в башкирском обществе еще многие столетия составлял важный и реальный компонент общественных отношений. Лишь с присоединением к Русскому государству и возрастанием темпов социально-экономического развития общества патриархально-родовые институты к XVIII—XIX вв. превращаются в пережиточные явления. Следовательно, представления о чрезвычайной консервативности и неизменности родовых организаций и патриархальных институтов в скотоводческих обществах преувеличены. Изучение рода на длительном историческом отрезке (X—XIX вв.) с последовательным соблюдением принципа историзма, т. е. в определенных исторических рамках, с учетом конкретной хозяйственной и политической обстановки в разных частях Башкирии покажет весьма существенные временные и территориальные изменения в социальном содержании и внешних формах существования как самого рода, так и общины.

Разработка исторической этнографией вопросов хозяйственной и социальной истории позволит ей внести определенный вклад в изучение политической истории башкир в эпоху средневековья. До настоящего времени в большинстве исследований политическая история башкир до XVI в. разрабатывается преимущественно на основе аналогий с историей средневековых образований на Среднем и Нижнем Поволжье. В качестве ориентиров служит обычно история Золотой Орды, Казанского и Сибирского ханств, Ногайской орды.

Не отрицая тесную связь истории башкир с этими, а также и с другими образованиями, приходится подчеркнуть, что собственно политическая история башкир не может быть ограничена этими аналогиями. Необходимо тщательное изучение постепенного вызревания и развития форм политического самосознания башкирского народа на основе внутренних социально-классовых процессов развития.

Исследования по социально-экономической и политической истории средневековых башкир, которые в виде отдельных фрагментов уже появляются в литературе, вносят новый аспект в освещение основного исторического события характеризуемой эпохи — в историю присоединения Башкирии к Русскому государству. Эта тема освещена А. Н. Усмановым и другими исследователями¹. Однако современный уровень исторических знаний настоятельно диктует необходимость расширения проблемного и территориального диапазона этих исследований. Имеется в виду, например, что присоединение всего Среднего Поволжья и Приуралья в XVI в. к Русскому государству, с одной стороны, было логическим завершением развития сложной исторической ситуации в Восточной Европе в XIII—XVI вв., с другой — оно явилось исходной позицией, предопределившей новое направление исторических событий в этом районе в последующий период, особенно в XVII—XVIII вв. Применительно к Башкирии это, в частности, коренные изменения в тенденциях хозяйственного развития башкир, которые первыми из кочевых тюркских народов вступили в составе России в процесс постепенной эволюции к оседлому земледельческому хозяйству. В свою очередь, это вызвало соответствующие изменения в социально-экономическом строе общества, наложило отпечаток на характер политических движений в крае, на развитие культуры и т. д.

Задачи исторической этнографии в изучении этнической истории особенно сложны и многообразны.

Известно, что в силу некоторых научных традиций, а также успехов в области археологии и исторического языкознания многие этногенетические исследования, опубликованные в 1950—1960 годах, обращают основное внимание на ранние этапы этногенеза, а точнее — на происхождение той племенной общности, которая явилась ядром в последующем формировании данной этнической общности. Однако такое понимание сущности проблемы едва ли является верным или во всяком случае исчерпывающим. В последние годы хронологические рамки этногенетических исследований существенным образом раздвигаются: происхождение народностей рассматривается как длительный процесс от возникновения первичных этнических образований в глубинах первобытности до формирования

¹ А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Р. Г. Кузеев, Б. Х. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.

самой народности и тех основных признаков, которые до настоящего времени определяют ее этнический облик. Такая постановка вопроса заставляет говорить не столько о происхождении, сколько о сложении народности. Вопрос об этническом ядре, легшем в основу формирования народности, становится, таким образом, лишь частью более широкой и более правильно поставленной проблемы. В этом случае в исследование в массовом масштабе вовлекается материал по поздним этапам этнической истории народа, которые применительно к народам Восточной Европы являются определяющими в формировании их основных этнических признаков. Так, например, затянувшиеся дискуссии о болгарской основе татарского или чувашского этногенеза, угро-мадьярской или исключительно древнетюркской основе башкирского этногенеза независимо от их решения едва ли в состоянии удовлетворительно объяснить происхождение (источники) этнических показателей, определяющих нынешний облик этих народов: языка, культуры, физического типа и др. К решению этих вопросов можно прийти путем тщательного изучения этнических процессов X—XV вв., когда в обстановке усложнения социально-экономической и политической истории в обширной зоне смыкания степи и земледельческих областей активизировались тенденции к консолидации этнических групп, приведшие в конечном итоге к образованию ряда народностей Восточной Европы.

Следовательно, значительные масштабы исследования (преимущественно археологические), направленные к реконструкции древнейших этапов этногенеза башкир и татар, лишь одна из необходимых линий развертывания исследований. Другая линия — изучение поздних этапов этногенеза. Только одинаково глубокое исследование этногенеза народа на всех его этапах дает возможность построить обобщенную и достаточно аргументированную этническую историю народа. Отсечение одной из линий или гипертрофирование другой неизбежно ведет к ошибкам, необоснованным гипотезам и, как следствие, к бесплодным дискуссиям, не имеющим под собой достаточно серьезной научной базы и отвлекающим ученых от общего решения проблемы.

Этническую историю башкир с учетом современных знаний можно разделить на два периода: а) до VIII—IX вв., когда предки башкир еще пребывали в составе других, более обширных этнических образований на разных территориях; б) с VIII—IX вв., когда начинается собственно башкирская история и башкирские племена под общим названием вступают на самостоятельный путь развития на современной территории их расселения. В плане формирования башкир, их этнического облика и культуры второй период является определяющим, хотя, конечно, происхождение племен и племенных групп, влившихся в состав башкирской этнической общности, восходит к предшествующему этапу. Консолидация башкирской этнической общности происходила в эпоху между падением Западно-тюркского каганата (VIII в.) и возникновением империи Чингизхана (XIII в.). Сложение башкирской народности завершилось в

последующие столетия и было тесно связано с вхождением Башкирии в состав Русского государства (XVI в.).

Историческая этнография призвана сосредоточить свои исследования по этнической истории на втором периоде и довести их до начала XX в. Применительно к XVII—XIX вв. необходимо изучить преимущественно миграционные процессы, изменения в этническом составе башкир, сложение современной этнографической карты Башкирии, основные направления и характер культурных изменений, демографическую ситуацию на разных исторических этапах.

Исследование широкого круга этнических вопросов требует привлечения разнообразного материала: исторического, этнографического, археологического и др. В свете этих соображений об особенностях письменных источников по древней и средневековой истории Башкирии ценность полевых этнографических материалов возрастает. Историко-этнографические исследования последних лет по народам Средней Азии и Восточной Европы убедительно показали, что тщательное выяснение родо-племенного (этнического) состава, картографирование этого материала, изучение истории расселения отдельных групп народа и сопоставление полученных результатов с другими источниками открывают возможности для плодотворного исследования именно тех этапов этнической истории тюркских народов, на которых происходили процессы становления их современного этнического облика. Такая направленность исследования требует от исторической этнографии тщательного фиксирования родо-племенного (этнического) состава башкир в тот или иной период. Но главным содержанием исследований должно быть изучение всего исторического процесса сложения и формирования этнического состава народа. Это, в свою очередь, вызывает необходимость широкого вовлечения в сферу исследования не только дополнительных историко-этнографических данных по собственно башкирской истории (исторические предания, легенды, средневековый эпос и др.), но и материалов по родовой системе всех тюркских и финно-угорских народов, в разное время участвовавших в этнических процессах на огромной территории от Волги до Алтая. В соответствии с теми успехами, которые достигнуты в этой области исторической этнографии, такие сопоставительные изыскания по этнической истории башкир вполне возможны. Создание же монографий, обобщающих в сравнительно-историческом плане колоссальный материал по родо-племенной системе тюркских, финно-угорских и других народов, — сложнейшая задача будущего.

Этническая история народа, если она разработана достаточно глубоко, является определяющей канвой для трактовки проблем истории культуры (хотя здесь существует и обратная зависимость). По истории башкирской культуры пока мало работ, и анализ обычно не уходит далеко за пределы XVIII—XIX столетий. Исключением являются несколько исследований, посвященных изобразительному искусству, фольклору и материальной культуре, которые, однако, надо рассматривать лишь как начало систематической работы по

изучению культуры башкирского народа¹. Башкирский народ за тысячелетие фиксированной истории создал оригинальную и богатую культуру, которая включает все виды человеческого творчества: зодчество, изобразительное искусство, музыку и танцы, фольклор, национальную одежду, украшения и т. д. Знание исторических основ и развития всех отраслей народной культуры необходимо не только в плане изучения истории Башкирии, но и для понимания специфики развития и путей дальнейшего подъема современной национальной башкирской культуры. В разработке истории народной культуры участвуют, естественно, многие отрасли знания. Однако исторической этнографии принадлежит особая роль. Башкиры, в силу ряда исторических обстоятельств, вплоть до Октябрьской революции, не имели профессионального искусства; все или почти все отрасли культуры развивались как народные, на традиционной фольклорной основе. Именно поэтому этнографии (в тесном сотрудничестве с другими дисциплинами) предстоит не только осуществить исследование происхождения и развития многих отраслей народной культуры, но и на определенном этапе взять на себя обобщение проделанной работы и создание марксистской концепции истории культуры башкирского народа.

Обрисованные выше направления историко-этнографических исследований могут быть осуществлены при условии накопления и систематизации не только собственно этнографических материалов, в том числе полевых, но и всего корпуса источников. Каково состояние дел в этой сфере исследовательской работы и какие основные задачи предстоит здесь решить?

Важнейшие сведения, отражающие различные аспекты истории башкир с конца I тыс. н. э. до XVI в. содержатся в восточных, западных и русских нарративных (повествовательных) источниках.

В восточных источниках содержатся сведения о башкирах или о крупных башкирских племенах периода VIII—XVII вв., т. е. на протяжении одного тысячелетия. Первое известие о средневековых бурджанах, которых в востоковедной литературе идентифицируют с башкирскими бурзянами, содержится в сочинении арабского поэта начала VIII в. Абу-Джарми ат-Тамими, известного благодаря географической энциклопедии Якута аль-Хамави². Ранее восточное известие о собственно башкирах принадлежит, вероятно, арабскому путешественнику IX в. Салламу Торджеману. Записки Саллама

¹ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Кирәй Мәргән. Башкорт халкының эпик комарткылары. Өфө, 1961; Ә. Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы. XVIII—XIX быуаттар. Өфө, 1965; С. Н. Шитова. Народная одежда башкир.— АЭБ, т. III и др.

² М. Рамзи. Тәлфик-әль-ахбар вә тәлкихәл — асар фи векаиғи Казан вә Болгар вә мөлөкит-татар, т. I. Оренбург, 1907, с. 241; И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература.— Соч., т. IV. М.-Л., 1957, с. 131.

были инкорпорированы в сочинение ученого IX в. Ибн-Хардабеха, а у него заимствованы писателем XII в. Идриси¹.

Начиная с X в. сообщения о башкирах и бурзянах или, согласно восточным источникам, о баджгардах, баджгурдах, басхартах, бурджанах, вплоть до позднего средневековья не сходят со страниц сочинений восточных — арабских, персидских и, позднее, тюркских — авторов. Наиболее достоверные сведения о башкирах можно найти в сочинениях писателей и ученых среднеазиатско-харасанской школы: аль-Балхи (X в.), Бируни (XI в.), Махмуда Кашгари (XI в.), Абу-л-Гази (XVII в.)². Не менее ценные, но чрезвычайно противоречивые и до сих пор не получившие источниковедческой оценки, данные о башкирах и бурджанах разбросаны в работах арабо-персидских путешественников и ученых X—XVI вв.: Ибн-Фадлана (X в.); Ибн-Руста (X в.), анонимного Худуд-ал-алема (X в.), Гардизи (XI в.), ал-Бекри (XI в.), Абу-Хамида ал-Гарнати (XII в.), Якута ал-Хамави (XIII в.), Ибн ал-Асира (XIII в.), Рашид-ад-дина (XIII в.), Димашки (XIII—XIV вв.), Ибн-Хальдуна (XIV в.), Казвини (XIV в.), Ибн-Батута (XIV в.), Абу-л-Фида (XIV в.), ал-Омари (XIV в.), Ан-Нувейри (XV в.), Шокраллаха (XV — начало XVI в.) и др.³

Применительно к истории башкир изучение восточных источников началось, по существу, с исследования Д. А. Хвольсона, хотя идея башкиро-мадьярского этнического родства, развернутая им в стройную концепцию на основании сообщения Ибн-Руста, впервые

¹ Н. И. Пантусов. Сведения арабских географов о Средней Азии.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXV, вып. 5. Казань, 1909, с. 96; «Материалы по истории туркмен и Туркмени» (МИТТ).— Труды Института востоковедения АН СССР. Источники по истории народов СССР, т. I, VII—XV вв. М.-Л., 1939, с. 221.

² «История Татарии в документах и материалах» (ИТДМ). М., 1937, с. 37; М. Кошгарий. Түркий сүзлөр девони (Девону луготит Турк), т. I. Ташкент, 1960; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хава хивинского. М.-Л., 1958.

³ Д. А. Хвольсон. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Дастан... СПб., 1869; А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870; А. Кунин и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.— «Записки Российской академии наук. Отделение истории и филологии», серия VIII, т. I, № 4. СПб., 1897; его же. Худуд-ал-Алем, рукопись Туманского 1924; С. А. Macartney. The Maguars in the ninth century. Cambridge, 1930; А. П. Ковалевский. Чуваш и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, 2. М.-Л., 1952; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Воллиным. М.-Л., 1941; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962 и др.

была высказана еще А. Фишером и А. Г. Шлёцером¹, также хорошо знакомых с доступными тогда сообщениями восточных писателей. На протяжении столетия после опубликования исследования Д. А. Хвольсона историческая интерпретация известных и вновь выявляемых восточных источников в историографии о башкирах сохраняется в духе его концепции. Не поколебали эту гипотезу и публикации сочинения Ибн-Фадлана, а также научные комментарии к ним Б. Н. Заходера, И. Ю. Крачковского и А. П. Ковалевского², хотя противоречия в концепции Д. А. Хвольсона с появлением мешедской рукописи стали совершенно очевидными. Объясняется это, по-видимому, тем, что в нашей ориенталистике нет ни одной работы, посвященной анализу восточных источников в аспекте истории башкир, так же как не было и нет сводных публикаций восточных текстов по истории Среднего Поволжья и Приуралья. Поэтому заслуживает внимания начало такой работы в дореволюционной национальной историографии. В журнале «Шура» в 1909—1917 гг. были опубликованы выполненные в основном Р. Фахретдиновым переводы на татарский язык небольших извлечений из сочинений Ибн-Руста, Масуди, Ибн-Халдуна, Димашки, Истахри, Ибн-Батутта, Ибн-Гарабшаха, а также комментарии к ним³. Публикации некоторых текстов не утратили значения до сих пор, так же как исторические изыскания (с включениями в тексты исследований переводов на татарский язык отрывков из сочинений восточных писателей) Шихабуддина Марджани, Мурада Рамзи и др.⁴

К группе западных источников по средневековой истории башкир и Башкирии обычно относятся сочинения греческих, византийских авторов, а в более позднее время — путешественников из различных западноевропейских стран, посетивших столицу Монгольской империи Каракорум, Золотую Орду или Московское государство. В совокупности эти источники датируются V—XVI вв., т. е. охватывают различные аспекты истории башкир на протяжении более чем одного тысячелетия.

В разработке ранних этапов этнической истории башкир и истории их миграций существенное значение имеют некоторые, вероятно древнегуннские сюжеты, содержащиеся в сочинениях греческих пи-

¹ И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774; А. Г. Шлёцер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке (перевод Дм. Языкова), ч. 2. СПб., 1813.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. академика И. Ю. Крачковского. М.-Л., 1939; А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков, 1956.

³ Ибн-Батутта. «Шура», 1909, № 20; Ибне Герешшах. «Шура», 1909, № 22; Әбу Исхак Истахри һәм Мәсуди. «Шура», 1909, № 23; Шәмсетдин Әддимәшки. «Шура», 1910, № 1; Ибне Даста. «Шура», 1910, № 6; Ибне Хәлдун. «Шура», 1910, № 8; см. также Р. Фахретдинов. Ибне Батутаның Дәште Кыпчакта сәйәхәте.— «Шура», 1917, № 1, 4, 8.

⁴ Ш. Марджани. Мустафад-эль-ахбар фи ахваль Казан в Булгар. I, Казан, 1885; 2, Казан, 1900; М. Рамзи. Указ. соч.

сателей V в. н. э. Евнапия, Созомена, Зосима¹. Эти сюжеты находят неожиданные параллели в древнебашкирских преданиях². Сведения, отражающие эпоху раннетюркской миграции из Азии в Восточную Европу и показывающие, что истоки этнокультурной истории башкир восходят к гунской эпохе и территориально связаны с Северным Кавказом и Причерноморьем, содержатся в сочинениях византийских писателей VI в. Прокопия Кесарийского, Агафия³, а также в сообщениях гота Иордана и «Армянской географии» Моисея Хоренского⁴. По мнению М. И. Артамонова, автор «Армянской географии», написавший свое сочинение не ранее последней трети VII в., под именем воинственных бушков, в зимнее время занимавших пастбища «на западе и востоке» от Нижней Волги и вместе с хазарами постоянно угрожавших болгарам, упоминает башкир⁵. Если утверждение М. И. Артамонова правильное, то это первое письменное сообщение о башкирах вообще, в Прикаспии или на Северном Кавказе — в особенности.

История башкир на их современной территории в домонгольскую эпоху нашла отражение в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного (X в.), в старинных венгерских гестах, опубликованных в 1948 г. в Будапеште Д. Д'ёрффи, в записках о знаменитом путешествии Юлиана на Волгу в поисках так называемой Magna Hungaria (Великая Венгрия)⁶. Ценные сообщения о последующем периоде истории Башкирии, о хозяйстве и образе жизни башкир мы находим в записках Платона Карпини (XIII в.) и Гильома Рубрука (XIII в.)⁷. Из более поздних сочинений интерес представляет дневник путешествия в XVI в. англичанина А. Дженкинсона⁸.

¹ Е. Ч. Скржинская. Иордан и его «Getica». — В кн.: «Иордан о происхождении и деяниях готов». М., 1960, с. 274—273; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893.

² Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд). — АЭБ, т. III. Уфа, 1968.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 385, 386; Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.-Л., 1953, с. 147, 148.

⁴ Иордан. О происхождении и деяниях готов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 90; К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — ЖМНП, март, 1883, с. 28.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар. М.-Л., 1962, с. 234.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, вып. 91, 1934; Gy. Györfy. Krónikáink es a magyar őstörténet. Budapest, 1948; С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — ИА, т. III. М.-Л., 1940; И. Эрдели. Извлечения из хроники венгерского Анонима. — ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967.

⁷ Н. П. Шастина. Путешествие на восток Платона Карпини и Гильома Рубрука. — В кн.: «Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука». М., 1957.

⁸ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Перевод с английского Ю. В. Готье. Л., 1937.

Следующую группу нарративных источников по истории средневековых башкир составляют сообщения русских летописей, хроник и повествований. Применительно к истории Приуралья и башкир эти источники изучены чрезвычайно слабо. Сведения, которые могут быть использованы при разработке истории башкирского народа, содержатся в Лаврентьевской, Ипатьевской и Никоновской летописях, а также в сочинении Казанского летописца¹. Интересные данные, относящиеся к истории заселения северной Башкирии, могут быть извлечены из Строгановских летописей. Предстоит тщательно изучить русские летописи и повествовательные истории XV—XVI вв. (Казанская история, Московский свод и др.), в которых нашли отражение общая обстановка в Среднем Поволжье в эту эпоху, а также первые контакты башкир с быстро активизирующим восточную политику Русским государством². Ценным источником по истории расселения и хозяйству башкир в XVI — начале XVII в. является широко известная «Книга Большому Чертежу...»³.

Каковы общая характеристика обрисованных источников, состояние их изученности применительно к истории Башкирии и башкир и задачи, связанные с их освоением? Касаясь оценки этих источников, надо признать, что пока масштабы и степень мобилизованности других исторических данных остаются недостаточными, они сохраняют первостепенное значение при разработке многих аспектов древней и средневековой истории Башкирии и башкир. Во-первых, восточные и западные средневековые сообщения позволяют построить (в совокупности с другими источниками) линию исторического развития башкирской этнической общности на протяжении более чем одного тысячелетия. Во-вторых (и это очень важно), характеризуемые источники вскрывают широкие этнические, культурные и социально-политические связи башкирского этноса в VII—XVI вв. с тюркским и тюрко-монгольским миром Средней и Центральной Азии, со сложной этнополитической областью Северного Кавказа и Причерноморья, а позднее — с растущим миром восточнославянской общности и Русским государством.

В широком аспекте евразийской истории территория Волго-Уральской области до Прикаспия многие столетия (вплоть до XVI в. и позже) была зоной контакта и смешения различных этносов и культур. Рассматриваемые источники дают возможность если не решить, то, по крайней мере, обоснованно поставить целый ряд общеисторических проблем, характерных для контактных зон с гене-

¹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. I (Лаврентьевская летопись), т. II (Ипатьевская летопись), т. IX—X (Никоновская летопись), т. XIX (Казанский летописец).

² «Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.-Л., 1954; ПСРЛ, т. XXV.

³ «Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года». М., 1950.

тически разными культурами. Это, например, проблемы: взаимодействие различных типов хозяйства и особенности их развития в условиях активных контактов; специфика синкретизации и причудливого сосуществования разностадиальных форм общественных отношений, выросших на почве различных — оседло-земледельческих и кочевническо-скотоводческих — базисов; взаимопроникновение культур и преобладающее развитие определенного комплекса культуры в условиях сравнительно быстрой хозяйственной эволюции и столкновения различных религиозных систем.

В исторических исследованиях последних десятилетий заметно расширилась сфера использования нарративных источников, однако башкироведение, а в ряде случаев историческая наука во всем Волго-Камье, находится лишь в начальной стадии системного и строго критического использования всей совокупности повествовательных источников V—XVI вв. Этот процесс, однако, будет быстро развиваться по мере преодоления трудностей, с одной стороны, нагроможденных нашей прежней источниковедческой практикой, с другой — имеющих объективное значение.

Сдерживающим моментом в широкой мобилизации средневековых нарративных источников является упомянутая выше позиция крайнего автохтонизма в решении этногенетических и этнокультурных проблем, занятая рядом исследователей, и связанная с этим довольно устойчивая тенденция ограничивать исследование исторического процесса народа территориальными рамками современных этнических групп. При такой постановке исторических и историкокультурных проблем необходимость в привлечении очерченного круга источников резко снижается. В методическом отношении такая позиция ущербна не только потому, что она обедняет действительную историю народа, но и искажает исторический процесс, так как привносит в нее тезис региональной замкнутости.

Широкому и, можно сказать, обновленному использованию восточных источников в изучении истории Башкирии препятствуют некоторые формулы, ставшие с XVIII—XIX вв. своеобразными стереотипами в историографии и в некоторых аспектах до сих пор не только не преодоленные, но критически даже не рассмотренные. В качестве иллюстраций приведем тезис, сформулированный в свое время Шлёцером и поддержанный Хвольсоном, о том, что во всех случаях, когда в восточных источниках вне пределов современной Башкирии упоминаются башкиры (например, в Приазовье, Причерноморье, у границ Византийской империи, в Паннонии), под этим именем надо подразумевать мадьяр. Эта точка зрения без особой аргументации была принята многими последующими историками, вплоть до современных. Однако, если в интерпретации этнической истории башкир выйти за пределы региональных границ и попытаться осмыслить ее на фоне широких этноисторических связей и крупных миграций тюркских образований в III—XIII вв., такая позиция не покажется безупречной. А конкретный анализ истории башкирских племен в VII—XIII вв. показал возможность и вероят-

ность проникновения башкирских групп далеко на запад, вплоть до византийских границ и Паннонии¹.

Аналогичными стереотипами, имеющими по инерции внешнюю форму аксиоматичности, являются положения: отрицающие возможность формирования древних башкир как этнической группы уже в пределах Азии; с определенной негативной тенденциозностью рисующие башкиро-ногайские отношения на всем протяжении их истории; утверждающие раннюю всеобщую исламизацию башкир и др.

Следовательно, критический подход к установившимся формулам, освобождение исторической науки о Башкирии и башкирах от некоторых недоказанных, но ставших аксиомами тезисов откроют в использовании нарративных источников новые и очень широкие возможности.

Другой причиной, сдерживающей широкое вовлечение в научный оборот рассматриваемых групп источников, особенно восточных и части западных, является чрезвычайная их разбросанность и отсутствие научных переводов на русский язык сочинений многих авторов. В ряде республик (Туркмении, Татарии, Киргизии и др.) предпринимаются издания извлечений из арабо-персидских и некоторых западных сочинений². Издания эти, конечно, ценны и полезны, хотя нельзя не видеть и их недостатки. Во-первых, отбор извлечений по истории данного этноса или региона не может быть исчерпывающим или даже сравнительно полным. Поэтому они не освобождают исследователя от необходимости поиска новых материалов, опубликованных на самых различных языках и требующих от историка (редко встречающегося) знания нескольких восточных и западноевропейских языков. Во-вторых, критерии отбора материала не всегда унифицированы и едва ли свободны от субъективных оценок. Как правило, в сборники включаются извлечения, в которых имеются упоминания данного этноса или региона. Однако надо признать, что это недостаточно точный критерий отбора источников по истории того или иного региона. Наконец, вызывают затруднения нередко встречающиеся различия в переводах на русский язык одних и тех же извлечений, опубликованных в разных сборниках.

На современном уровне развития исторических знаний публикации сборников извлечений из нарративных источников востока и запада являются, видимо, еще необходимыми. Но какой бы значительной не показалась идея полного издания восточных и западных источников, выдвинутая в 1972 г. Институтом истории СССР, именно этот путь является наиболее фундаментальным. Наряду с изданием региональных сборников извлечений, историки должны, очевидно, принять участие в большой коллективной работе по изданию «Корпуса древнейших источников по истории народов СССР».

¹ Р. Г. Кузеев. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности.— АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

² МИТТ, М.-Л., 1939; ИТДМ, Казань, 1948; «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)». Алма-Ата, 1969.

В разработке древней и средневековой истории Башкирии важное значение имеет синтез и координация труда историков, этнографов и археологов. Существенную роль сыграет установление коррелятивных связей между источниками нарративными и итогами исследований археологов, хотя, конечно, в связи с успехами археологии в Волго-Камье и в Приуралье археологический материал, как источник, может иметь и самостоятельное значение.

Для понимания проблем средневековой истории волго-камских и приуральских народов наибольшее значение имеет археологическое изучение памятников эпохи железа. Самые значительные достижения в изучении археологии Башкирии в эпоху железа относятся к 1950—1970 годам. Это исследования А. П. Смирнова, В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка, С. М. Васюткина, Г. И. Матвеевой, Н. А. Мажитова и других археологов. В изучении истории Башкирии и башкир на рубеже I и II тысячелетий крупную роль сыграло исследование казанских археологов во главе с профессором А. Х. Халиковым, особенно работы, связанные с раскопками болгарских памятников¹.

Итоги археологических исследований в Башкирии по эпохе железа и раннему средневековью вне всякого сомнения значительный успех наших ученых. Накоплен обширный материал, который уже сейчас позволяет не только по-новому поставить ряд проблем по истории хозяйства, общественного строя, торговых и культурных связей населения Башкирии, но и построить хронологически-последовательный очерк истории миграций населения на территории большей части современной Башкирии в периоде V—X вв. Значительным достижением является опубликованная в 1976 г. «Археологическая карта Башкирии», которая обобщает достигнутый уровень археологической изученности территории Башкирии и позволяет обоснованно планировать наиболее целесообразные направления работ.

В то же время резкий скачок в накоплении материала создал упомянутые выше трудности в его интерпретации. Высоко оценивая накопленный археологический материал, как ценный исторический источник для изучения древней и средневековой истории Башкирии, отметим одновременно ряд моментов, которые, на наш взгляд, надо учитывать при планировании и организации будущих исследований:

а) Обращают внимание заметные различия в результатах археологических работ по историческим периодам. Крупные открытия в области палеолита и неолита Башкирии, сравнительная плотность археологической изученности территории Южного Урала в эпоху бронзы и железа, удачно начавшиеся исследования в области раннего средневековья сочетаются в то же время с чрезвычайно слабой изученностью археологии Башкирии более позднего периода, особенно XI—XVI вв. Это как раз те века, без знания которых на ос-

¹ См., например: Е. П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978; Р. Г. Фахрутдинов. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

нове материальных памятников культуры (и корреляции полученных выводов с данными нарративных и этнографических источников) невозможно восстановить многие ключевые для Башкирии и башкир страницы истории. Расширение археологических и палеоантропологических исследований по истории Башкирии и башкир эпохи средневековья — одна из очередных и неотложных задач исторической науки на Южном Урале.

б) Разработка проблем древней и средневековой истории Башкирии требует расширения территориальных рамок археологических изысканий, так как границы исторической Башкирии, тем более границы территорий, на которых происходили события, касающиеся истории нашего края, были значительно шире рамок современной Башкирии. Когда речь идет об изучении ранних этапов этнической истории башкир, территориальные рамки археологических исследований должны быть главным образом расширены на запад и юг, в зоны миграции булгарских племен и их контакта с различными по происхождению племенами Среднего Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья. Специфика в формировании башкирского этноса и особенности последующей истории башкирского народа, вплоть до позднего средневековья, требуют пристального внимания археологов к культурам Средней Азии, Западной Сибири и Казахстана.

в) В разработке проблем древней и средневековой археологии Башкирии исследователи не должны ограничиваться концентрацией внимания на этногенетических аспектах изучения и оценки добытых источников. Этническая интерпретация археологических источников должна быть не отправной точкой, а итогом тщательных изысканий и обоснованных заключений по хозяйству, общественному строю, религии, культурно-торговым связям и контактам носителей той или иной культуры или комплекса памятников. Этот тезис приходится подчеркнуть с особой силой, так как в этническом определении археологических культур Башкирии эпохи железа и раннего средневековья в настоящее время существует множество взглядов, нередко диаметрально противоположных. Отражая это состояние археологии, авторы статьи о научной сессии по этногенезу башкир, прошедшей в 1969 г. в Уфе, А. П. Смирнов и Е. А. Краснов отметили на страницах журнала «Советская археология» ограниченные возможности решения поставленной на сессии проблемы на основе археологических материалов¹. Правда, в настоящее время, когда первый этап бурного, внезапного накопления археологического материала прошел и наступила пора спокойных, лишенных эмоциональности, оценок, стали появляться статьи, посвященные системному анализу накопленных материалов. Однако в этом направлении основная работа еще впереди.

Синтез восточных, западных, русских нарративных источников с результатами археологических изысканий составляет источниковедческую основу разработки древней и средневековой истории мно-

¹ СА, 1970, № 2, с. 294—298.

гих народов, находившихся в ту эпоху на так называемой варварской периферии мировых цивилизаций или крупных культурных центров. Однако в силу особенностей той и иной группы источников, они не обеспечивают изучения целого ряда проблем, прежде всего касающихся внутренней организации общества. Вот почему необходимы источники автохтонного происхождения, на основе которых можно было бы, во-первых, исследовать социально-этнические и социально-экономические процессы внутреннего развития башкирского общества и, во-вторых, более глубоко раскрыть сущность этнокультурных и политических связей башкирского этноса с внешним миром. В последние годы в выявлении таких материалов и в повышении их источниковой ценности достигнуты некоторые успехи.

Большое значение в изучении древней и, особенно, средневековой истории башкир и Башкирии будут иметь тюркоязычные письменные источники. Пока это обширный, но чрезвычайно мало изученный корпус источников по самым различным аспектам башкироведения. В выявлении и изучении тюркоязычных источников по истории Башкирии предстоит большая работа, успех которой во многом будет зависеть от числа и квалификации подготовленных специалистов, так как для этого требуется, кроме широкой исторической эрудиции, знание тюркских языков и солидная филологическая подготовка¹.

Хороший пример в изучении и исторической интерпретации тюркоязычных источников показали наши коллеги из Татарской АССР². В Башкирии тема о тюркоязычных рукописных памятниках в филологическом аспекте изучена А. И. Харисовым³, а ныне успешно в этой области работают Г. Б. Хусаинов, Р. Х. Халикова, И. Г. Галляутдинов и др.

Из совокупности известных письменных источников особенно важное значение в разработке средневековой истории Башкирии имеют шежере — генеалогические записи, сопровождающиеся сведениями исторического характера. Высокая ценность шежере как исторических источников в последние годы доказана благодаря ряду удачных корреляционных этюдов, проиллюстрировавших совпадение и взаимное подтверждение данных археологических и историко-этнографических источников с сообщениями башкирских шежере и восточных авторов. В качестве примера приведем историю миг-

¹ И. Г. Г а л я у т д и н о в. Некоторые проблемы выявления и изучения письменных памятников Башкирии. — «Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем)». М., 1974, с. 524—531.

² Ш. Ф. М у х а м е д ь я р о в. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958; его же. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», вып. 3. М., 1959, стр. 89—122; М. А. У с м а н о в. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972; его же. Актуальность комплексного изучения актовых источников Джучиева улуса XIV—XVI вв. — «Южноуральский археографический сборник», вып. I. Уфа, 1973, с. 151—159.

³ Э. Х а р и с о в. Башкорт халкының әзәби мирасы. Өфө, 1965, с. 254—257.

рации группы биляр на р. Б. Ик и ассимиляции этой группы в составе башкирского этноса. Археологические данные о разгроме Биляра монголами и уходе части населения на восток, опубликованные А. Х. Халиковым, подтверждаются сообщениями восточных источников (Ибн-ал-Асир) и сведениями шежере башкирского племени биляр о переселении части билярцев на р. Зай и далее на восток в долину р. Ик¹.

Тщательные изыскания показали, что в основе многих сведений, сообщаемых башкирскими шежере, лежат утерянные (или сохранившиеся частично) данные старинных хроник, ханских ярлыков, царских грамот и т. д. Несмотря на критическое, а иногда совершенно негативное отношение к источникам типа шежере, царившее в исторической литературе еще в 1950-х годах, проведенная источниковедческая характеристика шежере и, особенно, публикации текстов позволили совершенно иначе взглянуть на значимость этих источников. Ценность шежере как исторических источников еще более возрастает, если вспомнить, что по истории Башкирии до XVI в. пока не обнаружено других письменных текстов, хотя сами шежере сохранились в основном в записях конца XVIII — начала XX в.

В настоящее время найдено около 150 башкирских шежере. Хранятся они в научном архиве Башкирского филиала АН СССР, в Башкирском краеведческом музее, в личных собраниях. Частично они опубликованы². В настоящее время готовятся к публикации 25 новых текстов.

Башкирские шежере составлялись преимущественно как родоплеменные генеалогии. Имелись попытки создать кодифицированное общешкирское шежере типа «Родословной туркмен» Абу-л-Гази. Таких шежере найдено у башкир 5 списков. Шежере башкирского племени кыпчак известно в 9 вариантах, шежере табынцев — в 17, минское шежере — в 16, юрматынское — в 4, усерганское — в 8 и т. д. Известны шежере или фрагменты шежере всех западнобашкирских племен, расселявшихся по долине р. Б. Ик. Почти не сохранились шежере у северных башкир.

Шежере не есть сугубо башкирское явление. В известных у башкир формах оно обнаружено почти у всех тюркских народов. Башкирские шежере по сюжетам содержащихся в них сообщений можно подразделить на несколько видов, аналогии которым легко найти в произведениях Рашид-ад-дина, Абу-л-Гази и др. Одни шежере отличаются смешением исторических или древних хроникальных сведений с библейскими сюжетами, другие — привязкой реальных исторических лиц и событий к чингизидам и к их завоеваниям; третьи — переплетением исторических сведений и эпических сказаний; четвертые — включением в шежере текстов исторических до-

¹ А. Халиков. Бек шаһәр эзләре.— «Социалистик Татарстан», № 289—291 за 1971 г.; М. А. Усманов. Татарские письменные источники..., с. 167 и сл.

² Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960 (в дальнейшем — БШ).

кументов, грамот; пятые — содержат только генеалогические таблицы. По форме изложения известны шежере в прозе и стихах.

Анализ татарских шежере, сделанный М. А. Усмановым, также показал, что мы имеем дело с источниками, возрастающий авторитет которых тесно связан с содержащимися в них историческими сообщениями, значение их нередко выходит за пределы данного этноса. В башкирских шежере немало повествований, восходящих к истории Северного Кавказа, Средней Азии, Волжской Булгарии и т. д. Все это означает, что значение шежере, как исторических источников, может быть исчерпывающе установлено, если эти рукописные документы будут выявлены и изучены у широкого круга тюркских народов.

Предстоящие задачи в области изучения шежере можно было бы сформулировать в следующей последовательности. Прежде всего необходимо выявить и, желательно, сконцентрировать в одном или нескольких архивах рукописные тексты башкирских шежере. В этом плане важное значение имеют организованные ИИЯЛ БФАН СССР археографические экспедиции в районы Башкирии, а также работа по сбору текстов из личных архивов. Необходимо, далее, планомерно и систематически готовить квалифицированные кадры, которые могли бы целенаправленно работать по поиску, выявлению, сбору и изучению старинных тюркоязычных текстов. Безотлагательной задачей является публикация новых текстов с историко-этнографическими комментариями. Многие аспекты этой работы сейчас успешно начаты и ведутся в ИИЯЛ БФАН СССР¹.

И, наконец, в перспективе было бы важно организовать сбор и публикации аналогичных источников по тюркским народам Средней Азии, Северного Кавказа и Поволжья. Это позволило бы приступить к их корреляционному анализу. В изучении многих проблем средневековой истории тюркских племен и народов обширного региона Евразийского континента это открыло бы совершенно новые возможности по целому ряду актуальных, но малоизученных проблем. Например, давняя дискуссия о сущности и специфике патриархально-феодалерских общественных отношений у бывших кочевников успешно не завершится до тех пор, пока эта проблема не будет глубоко рассмотрена на обширной источниковой основе, покоящейся, наряду с другими, на документах описанного типа.

В последние годы заметно возрос объем архивных источников, используемых в историко-этнографических исследованиях по истории башкирского земледелия, по различным аспектам социальной и культурной истории. Дальнейшее накопление архивных источников расширит предметную область исторической этнографии и повысит степень доказательности ее выводов и обобщений. В то же время неиспользованные возможности в этом направлении поистине безграничны.

¹ Г. Б. Х у с а и н о в. Археографические экспедиции Башкирского филиала АН СССР в 1975 г. — «Южно-Уральский археографический сборник», вып. 2, с. 46—57.

Соотношение охарактеризованных или упомянутых выше источников (нарративных, историко-этнографических, археологических, архивных и др.) в разработке различных исторических тем, естественно, неодинаково. Оно определяется характером самого исследования, избранной темой и методами, принятыми исследователем. Однако общая задача историков заключается сейчас в том, чтобы целенаправленно сконцентрировать усилия ученых самых различных специальностей на комплексной разработке исторических проблем древности и средневековья, на создании объединенными усилиями общего свода или корпуса источников по истории Башкирии, на совершенствовании методов сбора, хранения, обработки и систематизации этих источников, на глубокое взаимное проникновение исторических дисциплин.

Развитие
хозяйства
башкир
в X–XIX вв.

История хозяйства башкир специальной монографической разработке не подвергалась. Эта тема, однако, была в центре внимания многих исследователей, для которых история Башкирии и башкир была объектом общего изучения. В то же время важнейшие аспекты этой темы — история и специфические особенности перехода башкир от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию — заинтересовали немногих исследователей.

Ценные сведения о хозяйстве башкир содержатся в трудах выдающихся историков XVIII в. В. Н. Татищева и П. И. Рычкова; собственно в русской историографии им принадлежит первая попытка обобщенно представить историю башкир, в том числе историю их хозяйства в XVIII в.¹ В XIX в. появляется несколько крупных исторических или историко-этнографических исследований с обстоятельной характеристикой хозяйства башкир в разные исторические эпохи. Выделяются среди них подробнейшие описания хозяйственной жизни северных башкир Н. Попова, монографии В. М. Черемшанского и особенно В. Н. Витевского². Эти три работы в исторической литературе XIX в. о башкирах занимают особое место; они не только представили впервые систематизированную хозяйственную и политическую историю башкир в XVI—XIX вв., но и заложили в сущности основы научного познания (с позиции дворянской и буржуазной историографии) истории населения Южного Урала и Приуралья. Многие из десятков и даже сотен работ, опубликованных

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.-Л., 1962, с. 237; П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. I, гл. IV. Оренбург, 1887; его же. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии. — «Памятная книжка Уфимской губернии», ч. II. Уфа, 1873, с. 131—136.

² Н. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. III. СПб., 1813, с. 1—50; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; В. Н. Витевский и И. И. Нешлюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I, гл. VI—VIII; т. II, гл. XIII—XV; т. III, гл. XXVII—XXVIII. Казань, 1889—1897.

в XIX в. по истории и хозяйству башкир¹, написаны под тем или иным влиянием этих исследователей.

В конце XIX столетия появилась серия работ, написанных под влиянием растущих тогда в России буржуазно-демократических идей и посвященных экономическому положению башкир определенного региона или анализирующих состояние какой-либо одной отрасли хозяйства всех башкир². Эти работы отличаются новой направленностью в исследовании хозяйственной жизни башкир и более глубокую характеристику истории и структуры башкирского хозяйства.

Качественно новая ступень в изучении хозяйства башкир наступила после Октябрьской революции. В 1920-х годах появляется ряд работ, в которых развитие башкирского хозяйства рассматривается в тесной связи с основными направлениями социально-экономической и политической истории края³. Значительным событием, расширившим фактологическую основу исследований по социально-экономической и политической истории Башкирии в XVII-XVIII вв., было начало публикации «Материалов по истории Башкирской АССР». Первый том этой серии вышел в 1936 г.⁴ с обширной вводной статьей А. П. Чулошникова, в которой впервые, правда в общей форме, был поставлен вопрос о соотношении оседлого земледелия и кочевого скотоводства в хозяйстве башкир в XVIII в. и эволюции этого соотношения на протяжении ряда столетий⁵. Характеристика башкирского хозяйства в исследованиях, опубликованных в конце 1930-х и в 1940-х годах, дана под тем или иным влиянием работы А. П. Чулошникова, а также включенных в «Материалы...» документов⁶. В 1949 г. была возобновлена публикация документов по истории Башкирской АССР; с выходом в свет III, IV, V томов этой серии историческая наука обогатилась новыми источниками по социаль-

¹ См. подробную библиографию в «Материалах по истории Башкирской АССР», ч. 1. М.-Л., 1936, с. 497—536.

² Л. П. Сабанеев. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873; Н. Л. Скалозубов. Очерк экономического положения населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1898; А. Калачев. Очерки современного экономического положения башкир Уфимской губернии.— «Живая старина», т. IX, вып. III. СПб., 1899 и др. См. также: Р. З. Янгуз и н. Хозяйство башкир (1798—1917 гг.) в дореволюционной историко-этнографической литературе.— «Очерки истории дореволюционной России», вып. 3. Уфа, 1975.

³ Н. А. Чулошникова. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г.— Труды Оренбургского общества по изучению Киргизского края, вып. I. Оренбург, 1924, с. 5—40; М. Никитин. Основные моменты колонизации Башкирии.— «Хозяйство Башкирии», 1928, № 6—7.

⁴ МИБ, ч. I (Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.). М.-Л., 1936.

⁵ А. П. Чулошников. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.— МИБ, ч. I, с. 3—7.

⁶ В. И. Лебедев. Башкирское восстание 1706—1711 гг.— «Исторические записки», № 1. М., 1937; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1940; Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг.— «Исторические записки», № 24. М., 1947 и др.

но-экономической и политической истории Башкирии XVIII в.¹ Во всех работах последних двух десятилетий хозяйство башкир XVII—XVIII вв. показано с учетом новой документальной базы. Это позволило уточнить многие прежние характеристики относительно структуры башкирского хозяйства, выделить на территории Башкирии XVIII в. районы с преобладанием какого-либо одного типа хозяйства (обычно полукочевое скотоводства или оседлого земледелия), дать достаточно подробное описание тех или иных занятий башкир, определить уровень их развития и технической оснащенности².

История хозяйства башкир в XIX в. до недавнего времени оставалась малоизученной. По этому периоду наиболее капитальными работами являлись упомянутые монографии В. М. Черемшанского и работа Н. А. Чулошниковой. Медленно шло и накопление архивных источников. Между тем наиболее существенные сдвиги в структуре башкирского хозяйства произошли именно в XIX столетии. Это было еще зафиксировано, правда без развернутого анализа внутренних и внешних причин эволюции хозяйства башкир и на сравнительно небольшом фактическом материале, в исследованиях, посвященных главным образом политической истории края начала XX в.³ В конце 1950-х годов историческая литература о Башкирии обогатилась специальным исследованием, посвященным проблемам социально-экономической истории края в начале XX в.; в этой книге также дана интересная характеристика хозяйства башкир на рубеже двух веков⁴.

Обобщающей работой, в которой дан обзор истории хозяйства башкир на протяжении ряда столетий, главным образом XVII—XIX вв., являются «Очерки по истории Башкирской АССР»⁵. Хотя «Очерки» явились серьезным достижением историков республики и впервые дали обобщенную картину постепенной эволюции хозяйства башкир, им в то же время присущи почти все те недостатки и про-

¹ МИБ, т. III (Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.). М.-Л., 1949; МИБ, т. IV, ч. 1 и 2 (Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50—70-х годах XVIII в.). М., 1956; МИБ, т. V. М., 1960.

² С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки М.-Л., 1955, с. 61—65; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, с. 21—26; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, с. 25—27, 158—164; Н. В. Устюгов. Башкирия.— «Очерки истории СССР», период феодализма, XVII в. М., 1955, с. 796—798; Н. Ф. Демидова. Социально-экономические отношения в Башкирии в первую четверть XVIII в.— «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, с. 26—39.

³ Р. М. Раймов. 1905 год в Башкирии. М.-Л., 1941, с. 9—14; его же. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, с. 35—55; С. Н. Нигматуллин. Крестьянские движения в Башкирии в период революции 1905—1907 гг.— «К 50-летию первой русской революции». Уфа, 1956, с. 96, 97.

⁴ Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, с. 14—20.

⁵ ОИБ, т. I, ч. I. Уфа, 1956, с. 44, 45, 86—89, 124—127, 204—213, 259—263; ч. 2. Уфа, 1959, с. 9—14, 176—180, 292—293.

белы, которые в свете нашей темы характерны для упомянутых выше монографических исследований и отдельных статей¹.

За последние десять лет интерес исследователей к истории башкирского хозяйства заметно возрос. Появился ряд интересных работ, которые ценны не только тем, что вводят в научный оборот новые источники (архивные или полевые, этнографические), но и постановкой и оригинальными решениями многих сложных проблем истории башкирского хозяйства. Особое внимание исследователей вызвала история башкирского хозяйства в XIX в., главным образом проблемы, связанные с переходом башкир к оседлости и земледелию. Однако стремление понять и объективно осмыслить этот сложный процесс обусловило глубокий интерес и к предшествующим этапам истории хозяйства башкир². Все эти работы существенным образом продвигают изучение проблемы истории хозяйства башкир, хотя они, как правило, ограничены тематически (большинство работ посвящено главным образом земледельческим занятиям башкир), хронологически (в основном охватываются XVIII—XIX века) и регионально (наибольшим вниманием исследователей пользуются районы восточной и зауральской Башкирии).

Анализируя всю опубликованную литературу в целом, нетрудно заметить, что хозяйственная жизнь башкирского народа в различные эпохи изучена далеко не равномерно. Наименее исследована история хозяйства башкир до XVI в.; несколько шире наши знания о XVI—XVII вв.; основная же часть работ освещает экономику башкирского общества в XVIII—XIX вв., хотя и здесь полнота изучения разных периодов весьма различна. Это, конечно, затрудняет разработку общей схемы развития башкирского хозяйства в масштабах нескольких столетий, хотя совершенно ясно, что без решения этой задачи трудно рассчитывать на положительные итоги в разработке социально-экономической и политической истории Башкирии. Историкам и этнологам предстоит весьма трудоемкая работа по восполнению существующих пробелов. На этом пути им придется

¹ Развернутую характеристику литературы по теме см.: Р. З. Я н г у з и н. Дореволюционное хозяйство башкир в советской историко-этнографической литературе.— «Очерки советской историографии Башкирской АССР». Уфа, 1975.

² Р. З. Я н г у з и н. Земледелие у зауральских башкир в первой половине XIX в.— «Из истории Башкирии». Уфа, 1968; его же. Земледелие у башкир в XVII — первой половине XVIII в.— «Вестник МГУ», 1970; № 4; его же. Из истории хозяйства башкир в пореформенный период (1861—1917 гг.).— УЗ БГУ, вып. 54, серия исторических наук, № 12. Уфа, 1970; его же. Некоторые характерные явления хозяйственной эволюции башкир.— УЗ БГУ, вып. 59, серия исторических наук, № 11. Уфа, 1971; его же. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— АЭБ, т. V. Уфа, 1973; его же. Из истории основных направлений хозяйства башкир в первой половине XIX в.— УЗ БГУ, вып. 87, серия исторических наук, № 18. Уфа, 1975; А. Н. У с м а н о в. Развитие земледелия в третьей четверти XVIII в.— «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Уфа, 1971; Х. Ф. У с м а н о в. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству.— «Исследования по истории Башкирии в XVII—XIX вв.» Уфа, 1973; А. З. А с ф а н д и я р о в. Хозяйство башкир в первой половине XIX в.— «Страницы истории Башкирии». Уфа, 1974; Н. В. Б и к б у л а т о в, М. В. М у р з а б у л а т о в. Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в.— «Этнография Башкирии». Уфа, 1976.

столкнуться с рядом конкретных вопросов, без решения которых к разработке общей истории хозяйства башкир приступить невозможно. Недостаточно, например, ясна историческая основа хозяйства башкир. Собственно, до недавнего времени этот вопрос дискуссионным не считался: башкиры до X в. н. э. рассматривались как кочевники-скотоводы. Однако открытие археологами материальных остатков земледелия, в частности, в поздних слоях бахмутинской культуры¹, послужили основанием для выдвижения тезиса о древних корнях оседлого земледельческого хозяйства среди северо-западных башкир². Аналогичные предположения выдвигаются также некоторыми археологами, историками и этнографами, которые нередко истоки пашенного земледелия северо-западных башкир, зафиксированного многочисленными письменными источниками XVIII в., склонны возводить к земледельческим занятиям племен, населявших край в I тысячелетии н. э.³ Нет также ясности и в таком важнейшем вопросе, как удельный вес оседлого земледелия в хозяйстве башкирского народа в различные исторические эпохи. Господствовавший ранее в литературе взгляд о том, что башкиры были исконными номадами, сохранившими свой образ жизни с некоторыми изменениями до конца XIX в. и даже первых десятилетий XX в., постепенно сменился другой концепцией, главная идея которой заключается в том, что башкиры после присоединения к Русскому государству, на протяжении XVI—XVIII вв. перешли к земледелию и в XIX в. в основной массе своей мало отличались по образу жизни от оседлых соседей. По расчетам Р. М. Раимова, уточненным Х. Ф. Усмановым, к концу XIX в. «основная масса башкирского населения занималась хлебопашеством», 64% башкир — земледелием, 26 — лесными промыслами и лишь 10% занимались полукочевым скотоводством в сочетании с земледелием⁴. Изменения взглядов на эволюцию башкирского хозяйства в свете накопления новых материалов являются естественными; однако приходится констатировать наметившуюся в последние годы тенденцию преувеличивать темпы внедрения оседлого земледелия в экономику башкир в XVII—XIX вв. При определении масштабов развития земледелия в тех или иных районах наблюдается смешение таких взаимосвязанных, но все же разных понятий, как тип хозяйства и образ жизни. В условиях Башкирии XVIII—XIX вв. наличие посева далеко не всегда означало полную оседлость данного хозяйства, и, наоборот, не все оседлые башкиры имели посеvy.

¹ Н. А. М а ж и т о в. Поселения бахмутинской культуры.— БАС, Уфа, 1959, с. 149; его же. Поселение Ново-Турбаслинское II.— АЭБ, т. I. Уфа, 1962, с. 158.

² К. В. С а л ь н и к о в. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭБ, т. II. Уфа, 1964, с. 14, 15.

³ Н. В. У с т ю г о в. Башкирия, с. 796; С. М. В а с ю т к и н, Р. З. Я н г у з и н. К вопросу о возникновении и развитии земледелия на территории Башкирии.— УЗ БГУ, вып. 70. Уфа, 1972.

⁴ Р. М. Р а и м о в. 1905 год в Башкирии, с. 14; Х. Ф. У с м а н о в. Столыпинская аграрная реформа, с. 20.

Нуждается в дальнейшем изучении и вопрос о хозяйственном районировании территории Башкирии в разные исторические эпохи.

В конце XIX в. исследователи делят территорию Башкирии на западную — сельскохозяйственную и восточную — скотоводческую области¹. В дальнейшем эта идея была развита и более четко обоснована в работах советских историков. В частности, Х. Ф. Усманов выделяет сельскохозяйственный (западная Башкирия), горно-лесной районы, где основным занятием башкирского населения были лесные промыслы и скотоводство, и сельскохозяйственно-скотоводческий район (восточная Башкирия)². Разделение Башкирии на указанные выше хозяйственные районы существенных разногласий не вызывает, однако определение уровня развития и структуры хозяйства в каждом из районов требует тщательного изучения, особенно вопрос о времени формирования хозяйственных районов Башкирии. Большинство исследователей считает, что местные различия в хозяйстве башкир сложились преимущественно в XVI—XVIII вв.; в то же время нередко формирование сельскохозяйственной области Башкирии возводится, по крайней мере, к болгарскому периоду истории народов Среднего Поволжья³.

Пробелы в исследовании истории башкирского хозяйства объясняются не только новизной и сложностью многих вопросов или односторонностью письменных источников XVII—XIX вв., которые в общем-то слабо отражают внутреннюю структуру башкирских хозяйств; дело еще и в том, что в исторической литературе установился несколько упрощенный подход к такому сложному явлению, как влияние на хозяйственное развитие башкир оседлых сельскохозяйственных народов: болгар, русских, татар и др. Во многих работах исходным является положение, предполагающее, что соседство и территориальные контакты скотоводов-кочевников и оседлого сельскохозяйственного населения само по себе обеспечивает направление и силу влияния и более или менее быстрый переход кочевников к оседлости и земледелию. Такая абсолютизация силы влияния, которым начали объяснять очень многие, а иногда почти все сложные процессы эволюции хозяйства башкир, неизбежно происходит за счет ослабления внимания к внутренним, глубинным явлениям, без учета которых едва ли возможно построить достоверную картину истории хозяйственной жизни любого народа. Переход народа от одного типа хозяйства к другому (в данном случае от кочевого скотоводства к оседлому земледелию) чрезвычайно сложный процесс и упрощать его, сводя все или почти все к влиянию, было бы вульгарной примитивизацией исторического процесса.

Все эти вопросы интересны не сами по себе, а главным образом, с точки зрения создания более точной основы для анализа со-

¹ П. С. Назаров. К этнографии башкир.— «Этнографическое обозрение», № 1—2. СПб., 1890, с. 173.

² Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа..., с. 18, 19.

³ Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960, с. 132; Р. Г. Кузеев. Очерки..., с. 22; А. Н. Усманов. Присоединение..., 1960, с. 26.

циально-экономических отношений и истории культуры башкир. Известно, что смена типа хозяйства и даже способов его ведения никогда не ограничивается только сферой хозяйственной деятельности человека; она вызывает крупные изменения в развитии производительных сил в целом и, соответственно, серьезные сдвиги в социальной структуре общества, в общественных отношениях и культуре.

Мы поставили своей целью не столько решить упомянутые выше вопросы, сколько привлечь к ним внимание исследователей, а также показать исторический путь развития хозяйства башкир в X—XIX вв. в тесной связи с основными направлениями политической и этнической истории края.

В соответствии с установленной периодизацией истории Башкирии хозяйство башкир рассматривается нами по трем основным периодам:

а) с X в. до присоединения Башкирии к Русскому государству (XVI в);

б) с момента завершения присоединения Башкирии к Русскому государству в конце XVI в. до буржуазных реформ 1860-х годов;

в) пореформенный период XIX столетия.

В дальнейшем публикации новых источников и широкая разработка различных аспектов проблемы создадут основу для написания капитального исследования по истории хозяйства башкир во II тысячелетии н. э. В последнее время опубликован ряд статей по этому периоду, однако они не изменили взглядов автора, касающихся основных тенденций развития различных отраслей башкирского хозяйства во II тысячелетии н. э.

1. Территория и хозяйство башкир в X—XVI вв.

В X в. Башкирия представляла собой северную периферию огромного кочевнического мира тюркских племен и племенных объединений. По крайней мере с конца I тысячелетия н. э. Южный Урал, Приуралье и населяющие их племена находились в тесной хозяйственной и этнической связи с Приаральем, низовьями Сырдарьи, Западной Сибирью, Волго-Яицкими степями, Северным Кавказом, Причерноморьем и Средним Поволжьем. Эти связи по существу не прерывались много столетий, хотя в соответствии с развитием политической карты упомянутых районов евразийского континента сила и направление этих взаимосвязей постоянно менялись. До начала монгольского нашествия, например, часть башкирских племен составляла восточную провинцию Булгарского государства; основная же территория Башкирии входила в политическое объединение Дешт-и-Кипчак. В XIII—XIV вв. башкиры — подданные золотоордынских ханов, а с начала XV в. территория Башкирии была расчленена между Ногайской ордой, Казанским и Сибирским ханствами. Предположительно с конца XV в. и, особенно, в XVI в. среди башкирских племен начинает активно проявляться тенденция

к политической централизации. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству было собственно одним из проявлений этой тенденции. С другой стороны, X—XVI вв. были периодом формирования башкир в народность: именно в ту эпоху происходит расселение башкирских племен на современной территории их обитания и активное приспособление к природным условиям. Без учета всех этих факторов — особенностей природно-географических условий территории и, в равной степени, основных направлений этнической и политической истории огромного региона от Черного моря до Аральского — невозможно было бы рассчитывать на сколько-нибудь достоверный анализ хозяйственной жизни башкир в эпоху средневековья.

В X в. башкирские племена были кочевниками-скотоводами. Ибн-Фадлан (922 г.), описывая свое прибытие «в страну народа турок, называемого аль-Башгирд», указывает, что обитатели этой страны кочевали поблизости от камских булгар и печенегов¹. Краткую, но в то же время чрезвычайно точную характеристику образа жизни башкир дает Ибн-Руста (около 912 г.): «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища»².

В установлении на обширных пространствах Приуралья и Зауралья кочевого скотоводства как господствующего типа хозяйства первостепенную роль сыграли физико-географические условия этого региона. Сочетание гор, покрытых густыми лесами и богатых летними пастбищами, с малоснежными степями и лесостепями, в перелесках которых удобно укрывался скот во время зимних буранов, — было необходимым условием для кочевников, круглый год державших скот на подножном корму (тебеневке). Расчлененный рельеф предгорных долин создавал хорошие возможности для зимовки скота — ветер, сдувая снег с возвышенных частей на низины, облегчал тебеневку. Разнообразная фауна лесов, многочисленные реки и озера были основой для развития других традиционных занятий кочевников — охоты, бортничества, рыболовства. Примечательно, что древние районы кочевого скотоводства возникли и развивались примерно в аналогичных природно-географических условиях: на Алтае, предгорьях Тянь-Шаня, в Монголии, на Северном Кавказе³.

Есть серьезные основания полагать, что примерно с середины I тысячелетия н. э. юго-восточный Урал, а позднее южное и юго-

¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М.-Л., 1939, с. 66.

² Д. Х в о л ь с о н. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Ибн-Руста. — ЖМНП, декабрь, 1868, с. 669, 670. (Описание Ибн-Руста относится к «маджарам», однако для восточных авторов IX—XIII вв. смешение «маджар» — мадьяр и башкир явление обычное. Приведенная цитата относится, очевидно, к башкирам, так как Ибн-Руста указывает: «Маджары — это тюркское племя», с. 669).

³ Л. Н. Г у м и л е в. Хунну. М., 1960, с. 95; С. И. Р у д е н к о. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по этнографии», вып. 1. Л., 1951, с. 13; М. И. А р т а м о н о в. История хазар. Л., 1962, с. 362.

западное Приуралье были вовлечены в единый территориально-хозяйственный комплекс с северным Приаральем и низовьями Сырдарьи; здесь установился круглогодовой цикл кочевки с учетом климатических особенностей отдельных частей этого огромного региона. Короткие зимние месяцы кочевники со своими стадами проводили в присырдарьинских и приаральских степях. По мере приближения весны стада уходили на север; сроки продвижения кочевников на летние пастбища соответствовали срокам наступления весны и ее продвижения к северу. В жаркие летние месяцы скот укрывался в прохладных долинах уральских предгорий. С первыми признаками осени кочевники снимались с летних пастбищ и медленно продвигались на юг, добираясь до приаральско-присырдарьинских зимних пастбищ лишь к наступлению зимы. Такие дальние переходы кочевников были вызваны особенностями природно-климатических условий: летом трава на приаральско-присырдарьинских равнинах часто выгорала и приходилось перегонять стада на богатые и сочные травы горных и предгорных пастбищ Урала. Осенью кочевники уходили от холода и снежных буранов снова на юг.

Передвижения кочевников от зимних к летним пастбищам на многие сотни километров не являются чем-то необычным, особенно для эпохи раннего средневековья. Восточные источники часто упоминают о том, что кочевники, чтобы сохранить стада, на зимнее время перебирались далеко на юг. Гардизи сообщает о кыпчаках: «зимой они уводят лошадей в отдаленную страну»¹; Масуди (X в.) и Идриси (XII в.) упоминают о далеких перекочевках «гузов» и других тюркских племен на зиму в причерноморские и приазовские степи². Это вполне соответствует описаниям Гильома Рубрука, который в середине XIII в. писал об обитателях половецкой степи: «Зимой они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные»³. Главной целью далеких передвижений кочевников было сохранение трав на зимних пастбищах, расположенных в малоснежных районах. Традиция такой системы ведения кочевого скотоводческого хозяйства у башкир сохранялась очень долго: даже в XIX в. зауральские башкиры весной и летом старались откочевать от деревни на несколько десятков километров, чтобы уберечь от вытравливания наиболее ценные близлежащие к поселениям зимние пастбища⁴.

Таким образом, основной особенностью «Арало-Уральского цикла» кочевания, который установился в этом районе не позднее рубежа I и II тысячелетий, были постоянные круглогодичные передвижения кочевников со стадами с юга на север и с севера на юг в соответствии со сменой времен года. С изменением политической об-

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. СПб., 1897, с. 106, 107.

² МИТТ, т. I. М.-Л., 1939, с. 167, 221.

³ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.— «Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука». Редакция, вступительная статья и примечание Н. П. Шатиной. М., 1957, с. 91.

⁴ Полевые записки 1953 г.

становки в Восточной Европе и Средней Азии «Арало-Уральский цикл» кочевания постепенно затухал, однако о былом его господстве свидетельствуют недавние традиции присырдарьинских казахов и каракалпаков. Еще в конце прошлого столетия они на лето переносили стада в верховья Яика, Тобола и даже Уя, т. е. в зауральскую Башкирию¹. Древность и глубокая традиционность Арало-Уральского цикла кочевания иллюстрируются материалами по этнографии башкир: этногенетическими преданиями башкир о переселениях их предков на Урал с низовьев Сырдарьи, многочисленными историческими повествованиями о нахождении древней родины башкирских племен в «Башкортских горах» близ Бухары, у побережья легендарного моря Мбуф (Аральского) или Мавераннахре и т. п.² Показательны в этом отношении предания, легенды и исторические песни о животных-покровителях в башкирском фольклоре, объединенные единым сюжетом повествования: животное (волк, конь, корова, овца) помогает найти дорогу заблудившимся предкам башкир и приводит их из Приаралья на Урал. Таковы предания о мифическом волке, который был покровителем юго-восточных башкир на пути из низовьев Сырдарьи на Урал; сказание башкир рода тырнаклы, родовой вождь которого еще на Сырдарье потерял любимого коня (бузат) и, идя по его следу, перекочевал вместе со своими соплеменниками на Урал. Многие северо-восточные башкиры, как рассказывают их легенды, переселились на Урал из Средней Азии, идя по следу потерявшей отары овец³. К этому же циклу примыкает старинная башкирская песня Конгор-буга (Куңыр-бога) и легенда к ней, повествующие трогательную историю о том, как башкирская девушка, выданная замуж в далекую Каракалпакию, вернулась оттуда на родину, идя по следу коровы, с наступлением весны отправившейся в путь на родину, к прохладным горным долинам Южного Урала⁴. Былые урало-приаральские этнические и хозяйственно-территориальные связи зафиксированы письменными документами сравнительно недавнего времени. В описании «Киргиз-Кайсаковской Орды», составленном в 1734 г., указывается, что казахи Среднего Жүза «кочуют по реке Таргой (Тургай.— Р. К.) и по другим, которые башкиры называют своими»⁵. Казахи Младшего Жүза, кочевавшие «близ Аральского озера», а также в пределах Среднего Жүза и Яика, по словам того же источника, «не мало башкирской земли захватили»⁶.

¹ М. С. М у к а н о в. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.).— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, с. 137; В. В о с т р о в. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области.— «Вопросы этнографии и антропологии Казахстана». Алма-Ата, 1962, с. 75; Полевые записи 1959 г., с. 103—112.

² БШ, с. 50—52, 54, 58, 66, 84, 200.

³ Полевые записи 1953, 1958, 1959 гг.

⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 292, История песни «Конгор-буга», л. 12; Э. Х а р и с о в. Башкорт халык ижады, т. I. Өфе, 1954, с. 193, 291.

⁵ ПСЗ, т. IX. СПб., 1830, с. 309.

⁶ Там же.

Древнейшая традиция арало-уральского кочевания подтверждается и археологически. Правда, выявленные материалы пока фрагментарны, однако они совершенно ясно указывают на направления кочевнических передвижений и миграций в конце I тысячелетия н. э.¹

В целом приведенные материалы не только подтверждают существование на рубеже двух тысячелетий Арало-Уральского цикла кочевания; они позволяют выдвинуть положение о том, что с этой системой кочевания связана миграция на Южный Урал тюркских племен, сыгравших крупную роль в формировании этнического облика башкирской народности.

С. П. Толстов характеризует хозяйство аральских племен с древнейших времен и до XI в. н. э. как комплексное скотоводческо-рыболовно-земледельческое. Такой тип хозяйства сложился здесь в результате взаимодействия и смешения пришлых тюрков-кочевников (в том числе кангаров, известных позже под именем печенегов) с местными племенами оседлых рыболовов и земледельцев. Едва ли это смешение было окончательным. На протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. среди различных племен приаральских степей и аральского побережья, хозяйство которых характеризуется в целом как комплексное, преобладал тот или иной тип хозяйства: в степях — кочевое скотоводство, в долине рек и на побережье моря — оседлое земледелие и рыболовство. По мере продвижения с востока новых волн кочевников и, возможно, в силу других, нам пока неизвестных, причин удельный вес кочевого скотоводства в хозяйстве значительной части аральских племен поднимается. Весьма вероятно, что новый подъем кочевого скотоводства в аральском регионе и передвижения кочевников на дальние расстояния были связаны с временным засыханием степной зоны, начавшейся в IX и достигшей кульминации в X в. Увлекательные гипотезы Л. Н. Гумилева, на наш взгляд, убедительно демонстрируют тесную взаимосвязь явлений природы, развития хозяйства и этнополитической истории в эпоху средневековья².

Так или иначе, в IX—XI вв., по словам С. П. Толстова, происходит «отрыв стад» «от древних оседлых поселений», активно идет процесс «образования настоящего кочевого хозяйства с развитым циклом»³. Именно к этому времени относится, судя по нашим материалам, расцвет Арало-Уральской системы кочевания, в иных масштабах практиковавшейся кочевниками и в предшествующие столетия. Новейшие археологические данные свидетельствуют, что «освоение» Южного Урала и прилегающих степных и лесостепных просторов кочевниками с азиатскими чертами культуры имело место по крайней мере с VII—VIII вв.⁴

¹ В. С. Стоколос. Курган на озере Синеглазово. — АЭБ, т. I. Уфа, 1962.

² Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966, с. 89, 90.

³ С. П. Толстов. Города гузов. — СЭ, 1947, № 4, с. 100.

⁴ Н. А. Мажитов. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа. — Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР. 1965. Уфа, 1966, с. 97; его же. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, т. II. Уфа, 1964, с. 153, 156 и др.

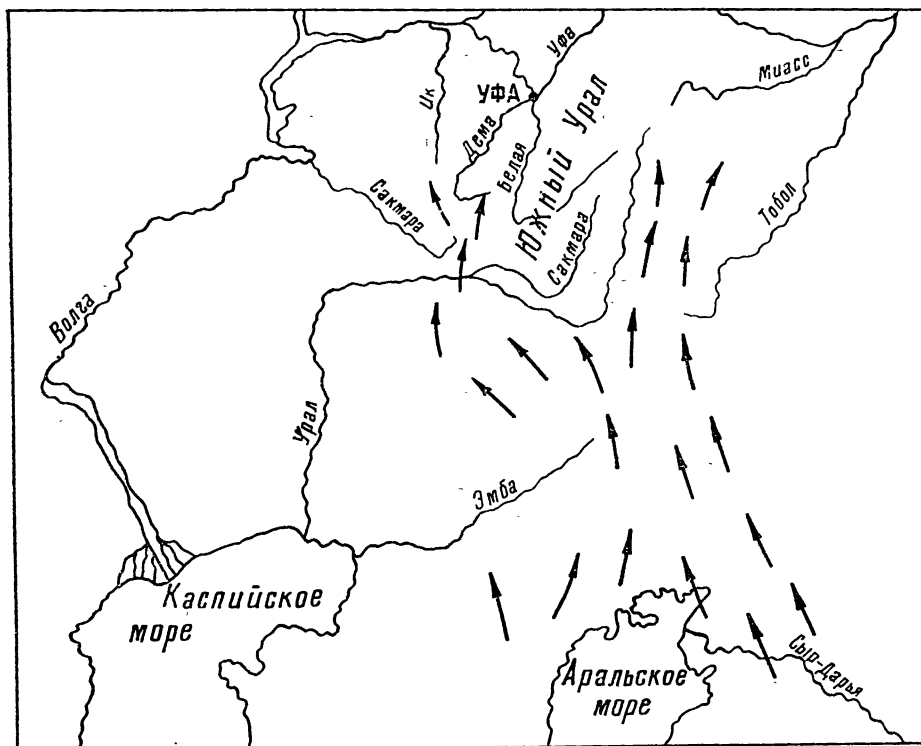

Рис. 1. Движение древнебашкирских племен в конце I — начале II тысячелетия н. э.

Таким образом, в последние века I тысячелетия н. э. и особенно на рубеже тысячелетий Южный Урал и прилегающие с востока и запада территории были самым активным образом включены в орбиту нового этапа степной жизни, которая вновь забурлила тогда на просторах Средней Азии, Западной Сибири и захлестнула южнорусские степи. С этого времени кочевое скотоводство азиатского происхождения в качестве господствующего типа хозяйства постепенно захватывает основную территорию древней Башкирии. Процесс этот протекал медленно. Зауралье вплоть до среднего течения р. Tobol и ее притока р. Уй издавна составляло часть огромного природно-хозяйственного комплекса, освоенного кочевниками. Эта часть башкирского Зауралья, по крайней мере на протяжении последних двух столетий I тысячелетия н. э., представляла собой по существу единый хозяйственный и этнический мир с Приаральем. С началом печенежского движения в сферу перекочевков включается и юго-западное Приуралье. Так, к IX — началу X в. образуется как бы два основных потока Арало-Уральского цикла передвижения кочевников (рис. 1), причем западный поток оказал более су-

щественное воздействие на этнические процессы в этом районе. Племена печенежско-огузского этнического мира, расселившись в Приуралье, образовали северную периферию кочевого мира Волжско-Яицких и Прикаспийских степей.

Вторжение тюркских кочевников в западное Приуралье не было чем-то неожиданным; они пришли в страну, которая была им известна по предшествующим традиционным летним кочевкам. Придя в эту страну, кочевники сохраняли тесные связи с прежней родиной; еще долго на зимнее время стада перегонялись в приаральские степи. Весной, возвращаясь в Приуралье, они увлекали с собой из глубин степных просторов новые и новые кочевые группы, часть которых активно включалась в башкирский этногенез, часть — вновь покидала эту страну и растворялась в безбрежных степях Западной Сибири, Средней Азии или Восточной Европы.

Характер расселения кочевников в Башкирии в X в. находился в тесной зависимости от физико-географических условий страны и типа их хозяйства. Основными районами расселения древние башкиры выбирали невысокие возвышенности и речные долины. Когда далекие передвижения кочевников на зимние пастбища на юг прекратились или были ограничены, степные возвышенности стали первыми местами их зимовок. Эти возвышенности — водоразделы, со склонов которых раньше стаявал снег, где не было широких разливов, а пастбища из-за малоснежности годились для зимней тебеневки и уже ранней весной покрывались травой, были удобны для зимне-весеннего содержания скота. Отсюда, с этих возвышенностей, на долгие весенне-летне-осенние месяцы башкиры растекались по долинам берущих здесь начало многочисленных рек и речек.

У раннесредневековых кочевников на Южном Урале и прилегающих территориях было два основных центра расселения: в Приуралье — Бугульминская возвышенность, являющаяся водоразделом рек, текущих на восток (Ашкадар), на север (Уршак, Дема, Большой Ик, Зай, Шешма), на запад (Черемшан, Сок, Кинель, Самара) и на юг (Саелмыш, Юшатырь); в Зауралье — обширный район бассейна верхнего течения р. Урал (Яик), включая северные отроги Мугоджар, часть Тургайского плато и юго-восточные предгорья Уральского хребта. Эти два центра не были территориально изолированными областями; напротив, «древняя Башкирия» представляла собой единую, огромную страну на стыке Европы и Азии. Европейская и азиатская части древней Башкирии смыкались на юге широкой полосой приицких степей и лесостепей, чрезвычайно удобных для скотоводов-кочевников. В то же время покрытые густыми лесами и поэтому труднодоступные для степных кочевников хребты Южного Урала как бы рассекали страну древних башкир на две довольно отдаленные друг от друга области. Несмотря на этническое и территориальное единство «приуральских» и «зауральских» башкир, в их исторической судьбе (в том числе в формировании хозяйства) уже с конца I тысячелетия н. э. намечаются заметные своеобразия, связанные главным образом с тем, что племена на Бугульминской возвышенности вошли в тесное взаимодействие с пест-

рым тюрко-булгаро-угорским и финским этническим миром Среднего Поволжья. Зауральское население продолжало впитывать новые и новые группы кочевников, которых выбрасывали необозримые казахстанские и приаральские степи. Таким образом, уже с момента расселения в древней Башкирии крайние западные и восточные группы башкирских племен попали хотя и в примерно одинаковые природные условия, но в различную политическую обстановку и в разное этническое окружение. В этом смысле удобнее вести речь о двух основных районах расселения, тем более, что в дальнейшем хозяйственное развитие в разных частях Башкирии имело специфические оттенки.

В IX—X вв., когда еще сохранялись хозяйственные связи древних башкирских племен с приаральскими степями, уже определились главные направления дальнейшего освоения башкирами современной территории края. С Бугульминской возвышенности кочевники растекались на летние пастбища по всем направлениям стран света, однако основные кочевые группы двигались по течением рек на север и восток, на богатые лесные и горно-лесные пастбища. Западнее долин рек Зай и Шешма, где еще в XIII в. оставались некоторые башкирские племена¹, начиналась территория волжских булгар.

Из другой зауральской области расселения тюркских кочевников шло главным образом на северо-запад и запад. Это направление определялось течениями рек Урал, Белая, Уфа, Ай, Юрюзань, Инзер и других, по которым ранней весной скот перегонялся на летние горные пастбища. Таким образом, движение кочевников как с Бугульминской возвышенности, так и из Зауралья было направлено на освоение горно-лесных зон Южного Урала, Уфимского плато и Танышской долины.

Способ ведения кочевого скотоводческого хозяйства древними башкирами был, очевидно, таким же, как и в остальном кочевом тюркском мире. Однако длительный период приспособления к природно-климатическим условиям Урала не мог пройти бесследно. Главным образом это отразилось на составе стада. В развитом кочевом обществе печенегов, огузов, половцев в IX—XIII вв. стадо состояло из лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота². Но некоторые из этих животных, в частности, верблюды, а во многих случаях и крупный рогатый скот, в условиях средних широт, где снежный покров бывает значительным, не могут добывать корм из-под снега. Поэтому на территории Башкирии стадо состояло главным образом из лошадей, овец, коз, что в последнее время подтверждено исследованиями археологов как в западной, так и в зауральской Башкирии³. Верблюды, крупный рогатый скот разво-

¹ БШ, с. 31.

² С. А. Плетнева. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, с. 187.

³ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир, с. 153, 154; М. Х. Садыкова. Тюркоязычные кочевники на территории южной Башкирии.— БАС, Уфа, 1959, с. 164, 165; В. С. Стоколос. Указ. соч., с. 165.

дились башкирами лишь в южных широтах края, на территории современной Оренбургской области, частично в степном Зауралье, где существовали условия для круглогодичного их содержания на подножном корму. Эта традиция сохранялась еще в XVIII в., хотя П. Паллас, побывав в этих краях, писал: «Здесьние пастьба и зимние стужи верблюдам не великое размножение предзнаменуют»¹. По мере продвижения в горно-лесные районы в составе стада все более стали преобладать лошади и овцы. Прошло немало времени, пока башкиры, освоив сенокосение, вновь стали в значительных масштабах разводить крупный рогатый скот.

Анализ состояния хозяйства древних башкир в связи с природными условиями края позволяет, на наш взгляд, высказать некоторые соображения о масштабах освоения башкирами территории края в X в. Роль физико-географических условий в истории кочевых народов в эпоху их расселения была весьма существенна. Между тем боязнь переоценить значение географического фактора в развитии производительных сил кочевых народов привела в прошлые годы к тому, что в исторических исследованиях о хозяйстве ранних башкир природная среда учитывалась недостаточно. Изучение общества в той географической среде, в которой оно формировалось, безусловно, повышает эффективность изысканий и объективность выводов. Так, рассматривая историю расселения кочевых народов, надо прежде всего иметь в виду, что продвижение кочевников на новые территории зависит от наличия удобных зимних пастбищ и возможностей их освоения. Это естественно, так как от зимних пастбищ зависит количество и сохранность скота и, следовательно, благополучие народа. Глубокой осенью или зимой передвижения кочевников на некоторое время прекращались. «У тюрков, — пишет персидский автор XI в. Фахрэддин Мубаракшах Мерверруди, — имеется очень много племен, большинство живет в степях и имеет шатры, из-за скота они остаются на одном месте только зимой, когда степь покрывается снегом»². На зимних пастбищах проводились празднества, коллективная охота; зимовки обычно были в периоды войн местами сбора войска³. Одним из существенных признаков переселения на новую территорию является появление на ней родовых кладбищ; кочевники стремились хоронить умерших поблизости от зимних пастбищ, которые ассоциировались у них с понятием «родина». Следовательно, завершение переселения кочевников на ту или иную новую территорию связано с освоением зимних пастбищ. Только при этом условии можно считать, что кочевники целиком заселили эти земли.

Таковыми прочно заселенными башкирскими племенами районами в X в. были, как уже отмечено, Бугульминская возвышенность, юго-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. II. СПб., 1786, с. 95.

² И. Умняков. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. — ВДИ, 1938, № 1, с. 114.

³ В. С. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, с. 81.

восточное Зауралье и прилегающие приайкские степи. Именно на этой территории археологами обнаружены разнохарактерные памятники, принадлежащие кочевникам и датирующиеся концом I — началом II тысячелетия н. э. Следовательно, распространенный в исторической литературе тезис о том, что башкиры издревле заселяли ту же территорию, какую они занимали, например, в XVIII в., в том числе северную и северо-западную части края¹, вызывает сомнение. Почти вся территория северо-западной Башкирии в междуречье рек Уфа и Белая сплошь была покрыта хвойными и лиственными лесами, прерываемыми редкими пятнами лесных прогалов по правобережью среднего течения р. Танып. О былом господстве здесь густых, часто непроходимых лесов свидетельствует структура почвенного покрова этой части края: к северу от Уфы преобладающими типами почв являются дерново-подзолистые и серые лесные почвы, формирующиеся под хвойными и широколиственными лесами². Даже сравнительно недавно, в середине XIX в., когда истребление башкирских лесов достигло значительных масштабов, карта распространения лесов в северной Башкирии все же существенно отличалась от современной (рис. 2 и 3). Не менее показательны в этом отношении этнографические материалы. Башкирские предания о расселении, записанные в северо-западных районах, обычно включают такой фрагмент: прадеды башкир ставили дома из деревьев, срубленных на том же месте, так как кругом стеной стояли леса и на многие десятки верст не было даже открытых полей³. Север и северо-запад современной территории Башкирии были, таким образом, по преимуществу лесной зоной, не пригодной или местами мало пригодной для кочевого скотоводства. Вот почему мысль о том, что эта территория уже в X в. была прочно заселена древними башкирами, которые в то время жили в условиях господства кочевого скотоводства, трудно допустима. Скорее напротив: северные и северо-западные лесные районы тогда оставались еще за пределами активных передвижений кочевников, и если они пересекали такую серьезную для них в летнее время преграду, как р. Белая, то это случилось, очевидно, лишь эпизодически.

Основной район расселения древних башкир в X в. в общем совпадал с территорией, в физико-географическом отношении наиболее благоприятной для кочевого скотоводства. Эта обширная территория удачно сочетала степной и лесостепной ландшафт с горным. С севера пределы древнебашкирских земель ограничивались нижним течением рек Белой и Камы, с запада — долинами рек Зай, Шешма и временами достигали Волги, на востоке — западной окраиной Тургайской возвышенности, верхним течением Яика. В центре область древнего расселения башкирских племен, как уже сказано, расчленилась южноуральским хребтом на две не изолированные, но

¹ А. Н. Усманов. Присоединение..., 1960, с. 25; «Очерки...», т. I, ч. 1, с. 7.

² Х. Я. Тахаев. Природные условия и ресурсы Башкирской АССР. Уфа, 1959, с. 159—168.

³ Полевые записи 1959 г., с. 7, 18, 20, 21; 1965 г., с. 7—9.

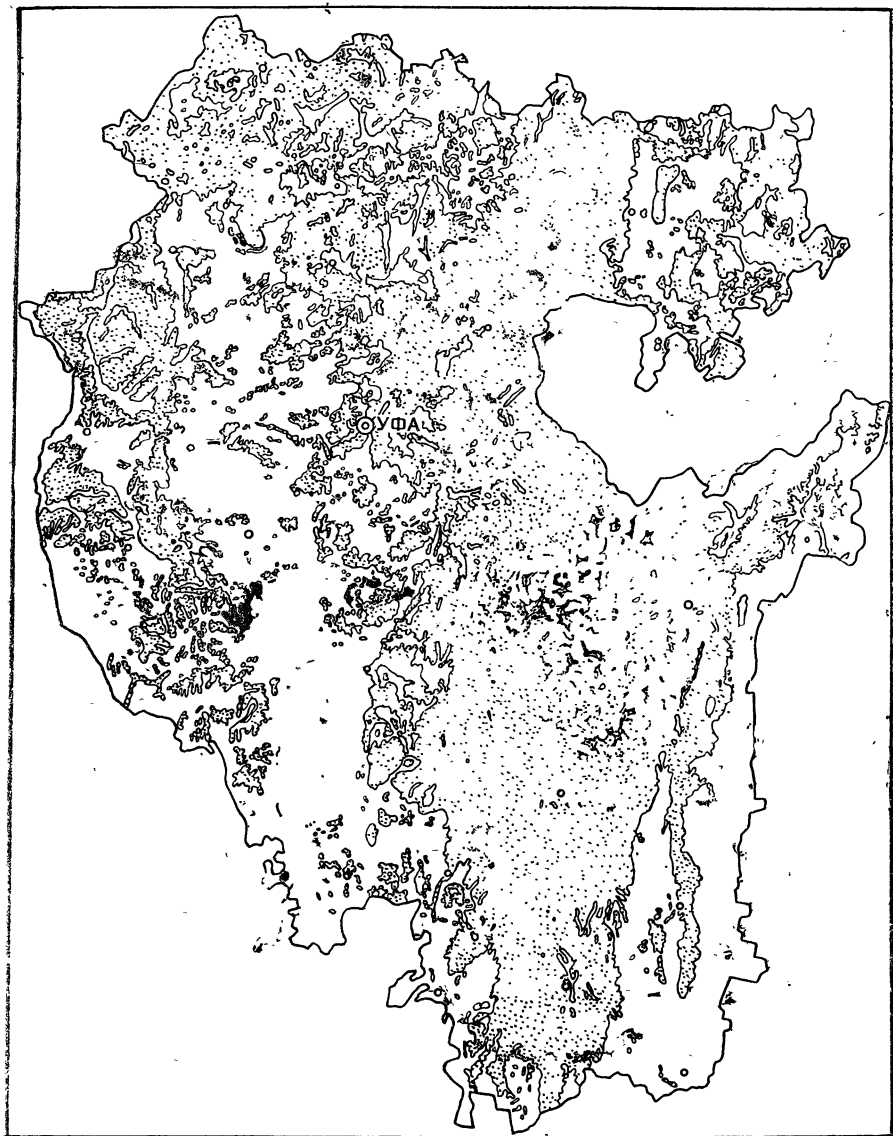

Рис. 2. Распространение лесов в Башкирии в 1850 г.
(карта составлена К. И. Туровцевым)

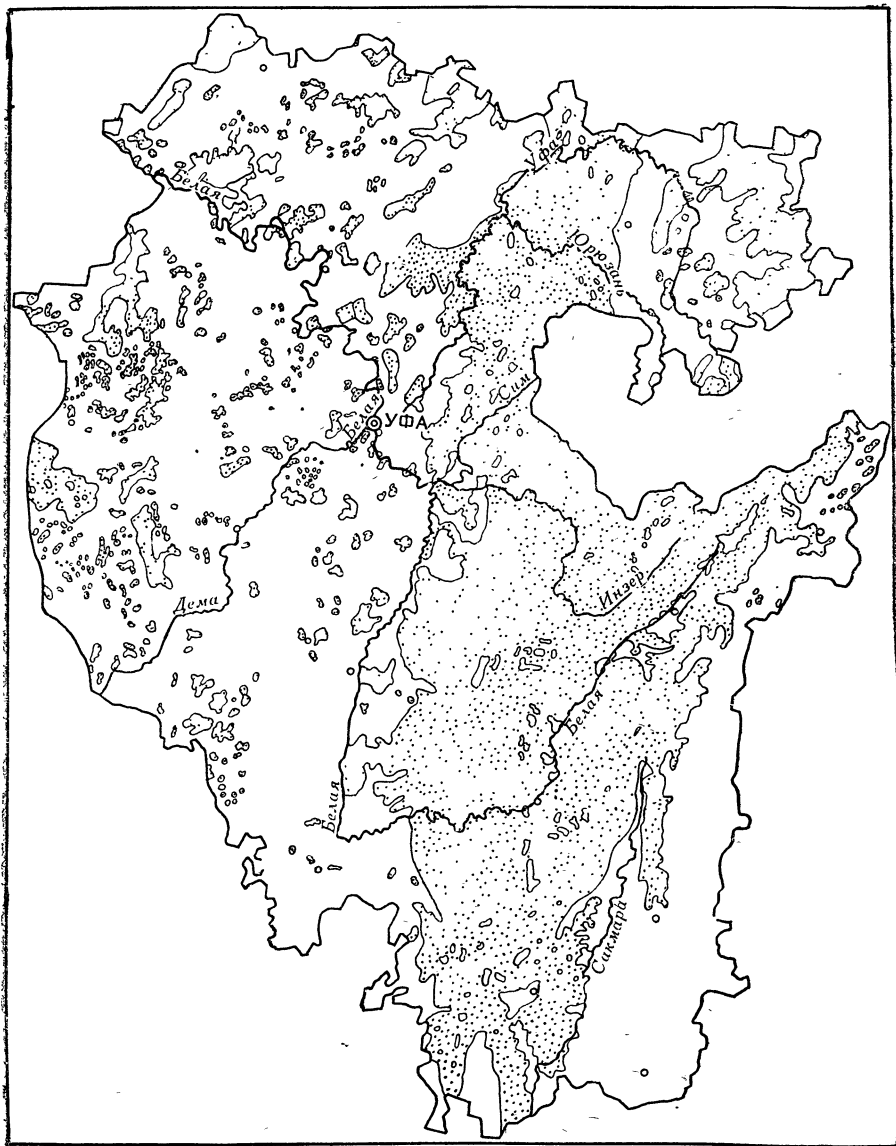

Рис. 3. Распространение лесов в Башкирии в 1940 г.

все же отдаленные области. На юге пределы кочевков башкир всегда были неопределенными; однако уже в X в. южные кочевки башкир находились по течению Сакмары и захватывали, видимо, по крайней мере часть бассейна Самары. Именно в этих краях встретил древних башкир направлявшийся в Булгары Ибн-Фадлан (922 г.), которому принадлежит первое достоверное описание этого народа¹. Кочевки башкир, особенно зимние, распространялись, когда позволяла политическая обстановка, в заволжских степях, далеко на юг, вплоть до Прикаспийской низменности. Во всяком случае, еще в первой половине XIX в. на реках Большая и Малая Сезе (Сэзе), которые берут начало примерно на широте г. Уральска, а на юге теряются в песках Прикаспия, были многочисленные башкирские кочевья, которые самими башкирами считались старинными².

Итак, основной частью огромной территории обитания башкир в X в. в западном Приуралье была Бугульминская возвышенность, откуда башкиры постепенно распространили свою территориальную экспансию на север и восток. Из зауральской области кочевники, включившиеся позднее в процесс консолидации башкирского этноса, продвигались на север и северо-запад, заселяя Уфимское плато и долину р. Ай, верховья Белой, долины Кизила и Таналыка, предгорья Южного Урала. История расселения западных и восточных башкир имела, как видим, некоторые своеобразия. Это впоследствии сыграло определенную роль в формировании этнического облика, диалектов и культуры башкирского населения северных территорий, где сомкнулись разные потоки миграционных волн. В то же время надо подчеркнуть и другое: несмотря на местные особенности в истории расселения западных и восточных башкир, они продолжали оставаться единым этническим миром. Связи между обеими группами древнебашкирских племен не прерывались с самого момента их переселения из Средней Азии и Западной Сибири. Во всяком случае арабским писателям X в. приуральские и зауральские башкиры были известны под одним именем, хотя некоторые источники (аль-Балхи, X в.) различают башкир «внутренних» и «внешних»³. Чрезвычайно ценно то, что источниками X в. территория расселения древних башкир зафиксирована такой, какой мы ее описали. По словам Ибн-Руста, башкиры «народ самостоятельный, занимавший территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика»⁴. Это свидетельство, если сопоставить его с другими данными, толкуется в том смысле, что древние башкиры обитали к западу и востоку от Уральских гор; северными границами их расселения были нижнее течение Камы, верховья Яика и Тобола. Следовательно, опираясь на арабские источники, мы можем подтвердить вывод о том, что в X в.

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 66, 67.

² Научный архив БФАН СССР, фонд Ш. Салимьянова, лл. 14, 16 и др.

³ ИТДМ, с. 8, 33.

⁴ И. И. Соколов. Территория Башкирии в свете источников древности. Уфа, 1935, 5 (рукопись хранится в рукописном фонде библиотеки БФАН СССР).

горные районы Южного Урала, а также северные области современной территории расселения башкир еще не были или почти не были заселены древнебашкирскими племенами.

В последующие после X в. столетия основой хозяйства башкир оставалось кочевое скотоводство. Крупных изменений в структуре хозяйства башкир со времен Ибн-Фадлана и до начала монгольского завоевания, видимо, не произошло. Во всяком случае пока историки не располагают ни письменными источниками, ни данными археологии, которые фиксировали бы серьезные сдвиги в этом отношении. Напротив, волны кочевников печенего-огузо-половецкого степного мира, одна за другой заполнявшие в X—XII вв. обширные пространства Восточной Европы, постоянно питали кочевую культуру и кочевой образ жизни населения этого региона. Многочисленные средневековые источники и особенно археологические материалы, свидетельствующие о господстве кочевого скотоводства и кочевой культуры в южнорусских степях и в Дешт-и-Кипчаке той эпохи, собранные и опубликованные в исследованиях последних лет, относятся во многих случаях и к башкирам, которые были тогда составной частью этого мира¹. Вскоре после подчинения башкир власти монгольских завоевателей в Волго-Яицких степях побывал по пути в Каракорум Гильом Рубрук (1240 г.), по словам которого, башкиры — «пастухи, не имеющие никакого города»². Через столетие, в середине XIV в., башкиры также оставались кочевниками. Это мы узнаем из сочинения Ибн-Фадлаха аль-Омари (XIV в.), который, рассказывая о Золотой Орде, перечисляет среди ее подданных «тюркский народ на крайнем севере» ханства и замечает, что этот народ живет «в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину»³. В середине XVI в. в Башкирии скотоводство по-прежнему главное занятие. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, побывавший в 1558 г. в стране «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани», пишет, что жители этой страны «скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство». Они «едят много мяса, преимущественно конского и пьют кобылье молоко»⁴. Источники, которые исходят от самих башкир (шежере, предания и легенды), с еще большей определенностью говорят о том, что скотоводство вплоть до присоединения Башкирии к Русскому государству оставалось основой хозяйства башкир⁵.

Мысль об устойчивости кочевого (или полукочевого) скотоводства у большинства башкир в X—XVI вв., которая в той или иной

¹ С. А. Плетнева. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях, с. 189, 190; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 194—196.

² «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», с. 122..

³ В. Г. Тизенгаузен, т. I, с. 229.

⁴ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937, с. 169, 170.

⁵ БШ, с. 32, 73, 78 и др.

форме высказывалась и раньше, не означает, что в хозяйстве башкир в течение нескольких столетий не происходило никаких сдвигов. Напротив, эти сдвиги оказались довольно существенными. Наиболее серьезными были изменения в самом кочевом скотоводстве, точнее, в формах его ведения; иной стала в жизни башкир и роль такого традиционного занятия кочевников, как охота.

Формы ведения скотоводческого хозяйства устанавливаются на протяжении многих десятилетий и даже столетий. Чтобы изменить устоявшиеся традиции, необходимы весьма серьезные экономические или политические причины. Эти причины в Башкирии были: во-первых, башкиры постепенно продвигались к северу и в горно-лесные районы Урала, оказывались под воздействием новых географических условий; во-вторых, это был период крупных исторических потрясений, которые сначала, в предмонгольскую эпоху, изолировали башкир от привычной жизни приаральско-прикаспийских степей, а позднее, с началом монгольского нашествия, заставили башкирские племена откочевать в районы, мало пригодные для круглогодичной кочевки. Основная структура башкирского хозяйства сохранялась и в эту эпоху, тем более, что завоеватели также были кочевниками, но в то же время под воздействием указанных факторов способы кочевания претерпевали заметную метаморфозу.

Еще в XI—XII вв., в связи с движением и возвышением половецких племен, для значительной части башкир Бугульминской возвышенности, вступивших к этому времени в тесный этнический контакт с населением левобережья Средней Волги, кочевые пути в Приаралье или в Прикаспий были закрыты или существенно ограничены. В шежере сохранились многочисленные сведения о притоке в Башкирию в этот период из Средней Азии, Приаралья и с Северного Кавказа новых родовых и племенных групп¹, но нет сведений о перекочевках в обратном направлении. Еще более отчетливо ослабление связей Башкирии со Средней Азией, с Приаральем прослеживается по арабским источникам. В IX в. Салламом Торджеманом — послом халифа Васика, в начале X в. — Ибн-Фадланом древние башкиры зафиксированы в Приаралье или к юго-востоку от Эмбы, в степях между Каспийским и Аральским морями². Но уже со второй половины X в. в источниках нет никаких упоминаний о постоянном или временном пребывании башкирских родов так далеко за пределами современной их территории. Следовательно, Южный Урал с прилегающими с запада и востока степями и лесостепями начинает с первых столетий II тысячелетия н. э. постепенно формироваться в самостоятельный природно-хозяйственный район. События XIII в.: нашествие монголов, образование Золотой Орды, подчинение башкирских племен власти монгольских баскаков — лишь ускоряют этот процесс. Кроме того многие башкирские племена, напуганные при-

¹ БШ, с. 58, 95, 171.

² Н. И. П а н т у с о в. Сведения арабских географов о Средней Азии. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 25, вып. 5. Казань, 1909, с. 95, 96; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 65.

ближением монгольского войска, или под давлением других родоплеменных групп, пришедших в движение в связи с монгольскими походами, сами покидают удобные для скотоводства степи и лесостепные районы южного и юго-западного Приуралья и углубляются в горы, леса, что само по себе способствует обособлению башкирской территории. Нарушение привычных связей и природно-географических условий не только постепенно трансформируют формы ведения скотоводства, но и воздействуют на структуру всего хозяйства в целом, повышая роль других занятий (охоты, бортничества).

Изменения территории обитания башкир были, видимо, в ту эпоху значительными. До конца XII — начала XIII в. башкиры Приуралья, как уже сказано, вряд ли углублялись далеко к северу от р. Белой. С началом монгольского нашествия, когда степь и лесостепь надолго стали огромным полем бесконечных битв, набегов, грабежей и истреблений, башкирские племена нередко навсегда покидали уже прочно освоенные места. В шежере содержатся любопытные сведения об этих событиях: предки юрматынцев, например, в XIII в. навсегда оставили свои старые кочевья по рекам Зай и Пешма, «переправились за большую реку» и откочевали далеко на восток¹. Процесс вытеснения башкир с территории Бугульминской возвышенности продолжался долго. В зависимости от обстановки на засушливом юге и в Дешт-и-Кипчакских степях, в Уральские предгорья на летние кочевки приходили все больше и больше родоплеменных групп, которые или смешивались с башкирами, или вытесняли их дальше на север. В середине XVI в. А. Дженкинсон огромную территорию по левобережью Волги от устья Камы до Астрахани называет «землей ногаев»; река Самара — район древних кочевий башкир, — по его словам, также «течет через ногайскую землю»². Можно думать, конечно, что Дженкинсон имел в виду прежде всего политическое господство Ногайской орды. Если так, то какая-то часть башкир определенно оставалась на этих «ногайских» землях. Хорошо известно, что кочевые политические образования типа Ногайской орды никогда не имели твердо очерченных границ; это положение тем более было верным здесь, в Башкирии, где ногайцы столкнулись с родственной им по языку, образу жизни и обычаям народностью. Но, с другой стороны, законы степей были суровы — победителям всегда принадлежали лучшие пастбища, особенно те, которые были пригодны для зимней тебеневки. Именно этими качествами прежде всего обладали Приуралье (Бугульминская возвышенность и ее периферия) и приаякские степи до Тургайской возвышенности на северо-востоке. Естественно поэтому, что на всем юго-западе и юге Башкирии вплоть до Уфы господствовали ногайцы. «Из актов, относящихся ко времени царствования Ивана Васильевича, видно, — писал известный исследователь истории Башкирии В. А. Новиков, — что ногайские владетели кочевали в тех местах, где ныне [стоит]

¹ БШ, с. 31, 32.

² «Английские путешественники в Московском государстве», с. 169, 170.

город Уфа» и на всем «протяжении долины р. Демы»¹. Значительная часть приуральских башкирских племен была оттеснена на север в леса и на восток — к горам; башкиры, которые остались здесь и в приаякских степях, стали подданными ногайских ханов и «владельцев», платили им ясак, а в XV—XVI вв., судя по источникам, вступили в ожесточенную борьбу. Особенно яркие картины этой борьбы запечатлены в шежере башкир племени мин, потомки которых живут ныне в Демской долине. В тех же шежере сохранились и многочисленные свидетельства о башкиро-ногайских этнических связях². Таким образом, в XV—XVI вв. южное и юго-западное Приуралье — огромная территория от Уральского хребта и до восточных притоков Волги — представляло собой в племенном отношении пестрый район; господствовали здесь ногайцы, оказавшие воздействие на этнический облик той части башкир, которая кочевала в соседстве с ними на тех же землях.

В то же время XIII—XVI вв. — это период активного освоения современной северной территории Башкирии. В XIV в. впервые появляются сведения о том, что башкиры достигли «Чулымана» (Чулман — река Кама. — Р. Г.) и областей «Сибирь и Ибиль». «Страны Сибирские и Чулыманские, — пишет Ибн-Фадлах аль-Омари (XIV в.), — прилегают к Башкирдам»³. Продвижение башкир на север шло в двух основных направлениях: один, наиболее мощный поток шел с юга, с Бугульминской возвышенности, через таежные леса бельско-уфимского междуречья в верховья Таныша, в долину р. Буй, на левобережье средней Камы; другой поток шел с востока из Зауралья; он захватил северо-восточную Башкирию (Уфимское плато) и далее по течению р. Уфы направился в область р. Туй, верховьев рек Ирени и Тулвы. В будущем предстоит тщательно исследовать эти миграционные процессы. Пока этнографические материалы (легенды, предания о расселении, особенности материальной культуры башкир севера и т. д.) позволяют предполагать, что миграция башкир из Зауралья на северо-запад имела место позднее, чем из Приуралья на север. Продвижение башкир на север было постепенным; по сообщению епископа пермского Дионисия, татары и башкиры «сделались жителями опустелых земель Перми, особливо южной части оных», лишь после падения Казани в 1552 г.⁴

Каковы были результаты этих миграций для хозяйства башкир? Главным последствием было значительное сокращение дальности и продолжительности кочевков. Превращение лесных и горно-лесных районов в места постоянного расселения само по себе требовало приспособления или перестройки хозяйства. Сначала на этих землях, особенно на горных пастбищах Южного Урала, находились лишь летовки, куда скот перегоняли на несколько жарких летних

¹ В. А. Новиков. Сборники материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 8.

² БШ, с. 32, 52, 53.

³ В. Г. Тизенгаузен, т. I, с. 236, 238.

⁴ «Исторический, статистический и географический журнал», ч. IV, кн. 2. СПб., 1825, с. 84.

месяцев. Карагай-кыпчакские башкиры в одном из преданий рассказывают: «В древности здесь (т. е. на карагай-кыпчакских землях на Урале.— Р. Г.) не было деревень; стада пригоняли лишь на летовки»¹. Теперь, когда лесные и горно-лесные районы были заселены, положение меняется: кочевники зимой, сами оставаясь на одном месте, отгоняли табуны на склоны гор, на небольшие возвышенности, где скот мог тебеневать, а все лето кочевали в горах, на лесных пастбищах. Зимовка скота существенно осложнилась; в суровые, многоснежные зимы много скота погибало. Там, где еще была возможность, башкиры по-прежнему стремились на зиму отгонять стада в степные районы. М. С. Умитбаев рассказывает о давних традициях юмран-табынских и бишул-табынских башкир: постоянно живя в лесных и горно-лесных районах по среднему течению р. Белой, они в XVI в. перегоняли стада в самарские степи; эта традиция у них жила, впрочем, еще и в XIX в.²

К XV—XVI вв. дальность перекочевков все же была значительной и на лето кочевники уходили иногда за сотни верст от своих зимовок. Но в целом масштабы передвижений были уже совершенно не похожи на те, которые преобладали в X и даже в XI—XII вв., когда Аральско-Уральские связи еще были реальностью. Основная особенность этого процесса заключалась в том, что зимние передвижения кочевников, постепенно сокращаясь, сошли во многих случаях на нет. Лишь в степных просторах Зауралья, да в южных самарских степях в XVI в. башкиры продолжали еще кочевать круглый год, имея возможность перегонять стада далеко на восток, вплоть до Тобола, или на юг, в Волго-Яицкое междуречье. Иными словами, период с XI—XII по XV в. характеризуется постепенным переходом башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте.

Кочевое или полукочевое скотоводство известно, согласно схеме С. И. Руденко, в трех вариантах:

1. Все племя или род кочует в течение круглого года, перегоняя стада с места на место и нигде не имея постоянных жилищ. Эта форма «таборного» кочевания, замечает С. И. Руденко, наблюдалась в арало-каспийских степях и полупустынях, в забайкальских степях.

2. Все племя или род кочует с весны до поздней осени вместе со стадами, на зимнее время оставаясь на одном месте.

3. Племя, род, подразделение рода или группа семей имеет постоянную оседлость, «но часть семей более или менее продолжительное время года» кочует вместе со своими стадами³.

Наш анализ показывает, что если в X в. башкиры вели кочевое хозяйство (первый вариант), то период XI—XV вв. характери-

¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7, л. 116.

² «События в Уфимском крае до основания г. Уфы». Выписка из рукописи татарского переводчика М. Умитбаева, лл. 3—4 (рукопись хранится в секторе археологии, этнографии и народного искусства ИИЯЛ БФАН СССР).

³ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— «Материалы по этнографии», вып. I. Л., 1961, с. 3, 4.

зается постепенным переходом к разным формам полукочевого скотоводства (второй и третий варианты). Ранние письменные сведения о постоянных жилищах-землянках башкир мы встречаем в шежере, описывающих события XIII—XIV вв.¹ Землянки, как ранние типы жилищ древних башкир, упоминаются во многих исторических рассказах и преданиях². По мере освоения лесных северных и горно-лесных восточных районов там появлялись небольшие постоянные зимние поселения с простыми полуземлянками или срубными жилищами, соответствующими местным климатическим условиям. Эти поселения сначала едва ли были прочными: они легко возводились и также легко оставались. Традиции кочевников были еще прочны. Однако перед мощной силой объективных условий, в частности природно-климатических, традиционные формы хозяйствования начали рушиться. В северо-западных и северных районах, почти сплошь покрытых лесами и отдаленных от степных и лесостепных пастбищ, кочевое скотоводство в его прежних формах быстро угасало. Меняется здесь и соотношение между различными традиционными занятиями. В частности, большое хозяйственное значение приобретает охота.

Охота — древнейшее занятие башкир. С. И. Руденко отмечает, что «наиболее многочисленную, таежную группу» приемов и орудий охоты у башкир составляют преследование на лыжах по насту или глубокому снегу крупных зверей, ловля их ударными капканами или ловушками и стрельба зверя из лука и другие, характерные в XIX в. и раньше для северной и горно-лесной части Башкирии. За пределами Башкирии эти виды охоты издревле были широко распространены во всей лесной полосе к западу от Урала, среди народов Волго-Камского бассейна (удмуртов, мари, коми-пермяков, татар, чувашей, а также русских) и среди племен «средней Оби» (манси, ханты). Вторая «степная группа» охотничьих приемов у башкир, характерная вообще для «азиатских кочевников-скотоводов», заключалась в охоте гоном (преследование зверей верхом на лошадях), с ловчими птицами (соколами, беркутами и др.). Эти виды охоты были в XIX в. распространены в степной и лесостепной части Башкирии, главным образом в степях Зауралья³.

Сочетание приемов охоты, характерных для таежных и степных зон, — глубоко традиционное явление в Башкирии. Это предопределялось географическим положением Башкирии в переходной зоне лесов и степей, где сомкнулись и вступили в активное этническое взаимодействие племена различных хозяйственно-культурных типов. Соотношение таежно-лесного и степного видов охоты в Башкирии в разные эпохи было, конечно, различным.

Тюркские кочевники-башкиры, переселившиеся в IX—X вв. из Западной Сибири и приаральских степей на Урал, принесли с собой азиатские, степные «облавные» способы охоты «гоном», с по-

¹ БШ, с. 31.

² Полевые записи 1958 г., с. 18, 37; 1959 г., с. 11, 40; 1965 г., с. 18 и др.

³ С. И. Руденко. Башкиры, с. 94, 95.

мощью ловчих птиц и т. п. Еще в конце XVIII в. охота гоном у степных башкир довольно часто фиксируется источниками: «...бьют они (башкиры — *Р. К.*) волков, лисиц и зайцев по степям верхами, — говорится в «Топографическом описании Оренбургской губернии», составленном в последнем десятилетии XVIII в. губернским землемером Т. Афанасьевым. — Собравшись многим числом, заганивают зверей до того, что убивают их плетьюми и всю свою в том добычу делят поровну»¹. Облавные охоты башкир в XVIII в., подробно описанные также И. И. Лепехиным², по своим масштабам мало сравнимы с аналогичными грандиозными предприятиями хуннов или древних монголов, у которых охота гоном, кроме промыслового значения, преследовала цели военного обучения молодежи³. Однако сама традиция такой охоты у башкир и обычаи равного раздела добычи восходят к истокам тюрко-монгольской империи в Центральной Азии. В X в. у кочевников-башкир Приуралья и Зауралья преобладали, очевидно, приемы охоты, характерные для степняков. Но уже тогда, в той мере, в какой местные племена приняли участие в этногенезе башкир, не только растворившись в составе пришлых кочевников, но и оказав на них известное культурное влияние, охотничье хозяйство таежно-лесного типа получает распространение в этих районах. Этому способствовали природные условия края: густые леса левобережья Белой (в нижнем ее течении) и Камы изобиловали ценными породами пушных зверей (куница, бобр, соболь, горностай, белка, лисица). Крупными запасами пушнины, по сведениям арабских источников, обладали наряду с другими северными народами и булгары⁴, южными и восточными соседями которых долгое время были башкиры. В период расцвета Булгарского государства (X—XII вв.), когда оно распространило свои торговые связи далеко на север и на восток, приуральская Башкирия, а точнее северный лесной район Бугульминской возвышенности, была одним из основных районов экспорта пушнины. Проникновение булгарской культуры в Башкирию, которое прослеживается по археологическим и этнографическим материалам⁵, было следствием торговой экспансии булгар, которые прежде всего были заинтересованы в пушнине. Обращает внимание то, что памятники ранней булгарской культуры распространены преимущественно в центральной и западной части Башкирии и совсем не встречаются севернее нижнего течения р. Белой. По сообщению Шарафаддина Булгари, автора булгарской истории, могилы более чем 20 мусульманских проповедников, полу-

¹ МИБ, т. VI, с. 130 (рукопись, хранится в научном архиве ИИЯЛ БФАН СССР).

² И. И. Лепехин. Записки путешествия 1768—1772 гг. — «Полное собрание ученых путешествий по России», т. IV, ч. III. СПб., 1822, с. 4, 5.

³ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962, с. 25, 26; А. Рона-Таш. По следам кочевников. М., 1964, с. 184.

⁴ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 114, 115.

⁵ ОИБ, т. I, ч. I, с. 21, 22; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, с. 42, 43; Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960, с. 111—137.

чивших духовное образование в Булгарах и направившихся с миссионерской целью к башкирам, расположены главным образом в долинах рек западной Башкирии: Белой, Уршака, Демы, Черма-сага, Ика¹. Это, очевидно, было связано с тем, что активная миссионерская деятельность проводилась в тех башкирских областях, в которых булгары экономически были наиболее заинтересованы, т. е. в лесных «охотничьих» зонах Бугульминской возвышенности (бассейн р. Большой Ик, левобережье р. Белой и т. д.). Любопытно в этом плане обратиться к этнографическому материалу, в частности, к преданиям и историческим рассказам башкир долины р. Б. Ик — племени буляр (или биляр). Происхождение башкир этого племени связывают с булгарами² и, лишь поэтому, обычно их относят к древним земледельцам³. Однако в действительности икские башкиры (кроме билярцев, племена еней и иректэ) в древности были скотоводами и охотниками. В старом предании рода буляр рассказывается: «...булярцы кочевали в степях; сюда на Ик они приходили лишь на охоту; здесь были кругом леса, разных животных было много и лес был богат бортями. Однажды охотникам-булярцам надо было переправиться через небольшую речку; свалили для этого поперек речки большое дерево; когда оно упало, увидели, что дерево дуплистое и в нем много душистого меда. Понравился этот изобильный край старикам-булярцам и постепенно весь род перекочевал сюда. Речку назвали Баллы (медовая); так же стала называться и деревня булярцев, которая со временем здесь появилась»⁴. Аналогичные предания записаны у енейцев, издавна населявших низовья р. Б. Ик: рассказ обычно начинается с упоминания о том, что здесь кругом стеной стоял густой лес, где предки башкир охотились на разного зверя⁵.

Еще в домонгольский период, по мере повышения булгарского спроса на пушнину, башкиры-охотники уходили в леса далеко к северу от р. Белой. Многочисленные предания, топонимические названия достаточно достоверно устанавливают направление миграции башкир с юго-запада, с долины р. Б. Ик и левых притоков Белой, на северо-восток — в бассейн р. Таныш. Предание башкир танышского племени тазлар повествует, что их родоначальник Таз-баба одним из первых пришел на эти земли: зимой он охотился, а летом занимался еще и бортничеством. Предок башкир племени иректэ Исен-баба жил когда-то по соседству с булгарами на р. Б. Ик (еще в XIX в. там была Иректинская дача); Исен-баба был охотником и ради пушнины пришел с р. Б. Ик на Таныш, где поселился на землях, подаренных ему Таз-баба⁶. Эти предания, несмотря на то,

¹ Г. В. Юсупов. Указ. соч., с. 111.

² С. И. Руденко. Башкиры, с. 329.

³ ОИБ, т. 1, ч. 1, с. 32.

⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7, л. 270 (р. Баллы — правый приток р. Б. Ик — Р. К.).

⁵ Фольклорно-этнографические материалы башкир Мензелинского и Бугульминского районов Татарской АССР, собранные Н. Д. Шункаровым в 1964 г., с. 1, 2.

⁶ Полевые записи 1959 г., с. 1—3.

что их трудно или невозможно датировать, отражают, на наш взгляд, период освоения башкирами северной Башкирии и занятия первых переселенцев. С началом монгольского завоевания миграция башкир на север и восток (в горно-лесные районы), как упоминалось, усиливается. Охотничьи угодья становятся теперь постоянными местами расселения. Граница башкирской территории отодвинулась далеко на север и восток, охватив лесные и горно-лесные районы. Эти передвижения сопровождались существенными преобразованиями в хозяйстве башкир: кочевое скотоводство становится полукочевым и в нем поднимается удельный вес занятий, связанных с лесом. Более того, в лесных районах к северу от Белой недостаток открытых пастбищ и трудность зимней тебеневки делали зачастую невозможным даже полукочевое скотоводство: здесь основным источником существования и главным занятием становятся охота и, кроме того, летом — бортничество. Некоторые башкиры севера происхождения родо-племенных этнонимов (например, хунарсы — охотник) объясняют древними занятиями своих предков. Здесь, в иных условиях, чем на юге, не могли сохраняться и развиваться азиатские, степные способы охоты: ни природные условия, ни отсутствие развитого кочевого скотоводства не способствовали этому. В лесных и горно-лесных районах развиваются приемы и орудия охоты, характерные для всего Прикамья и Приволжья, приемы, первые навыки которых башкиры принесли еще с Бугульминской возвышенности. Существенное значение в этих условиях приобрело влияние охотничьих традиций камско-волжских народов.

Бортничество, так же как и охота, еще в домонгольское время у башкир западной области и в предгорьях имело, видимо, не только подсобное, но и промысловое значение. О развитом бортничестве среди жителей Булгарского государства писал Ибн-Фадлан: «В их лесах много меду в жилищах пчел, которые они [жители] знают и отправляются для сбора этого...»¹. Мед был одним из существенных статей торговли булгар; мед и воск, которыми торгуют хазары, по сведениям арабских источников X в., «ввозится к ним из земель руссов и болгар»². Эти сведения и приведенные выше предания башкир-булярцев позволяют высказать предположение, что бортничество у башкир является традицией камско-волжского происхождения. Восприняв навыки лесного пчеловодства на обширной территории Бугульминской возвышенности от племен булгарского этнического круга, башкиры, поселившиеся в лесных и горно-лесных районах, превратили их в одно из основных занятий. Благоприятные природно-климатические условия, сохранение огромных лесных массивов, а также пример соседних финских народов, позволили Башкирии, по выражению С. И. Руденко, стать «классической страной пчеловодства»³. Позднее, в XVII—XVIII вв. в западной Башкирии

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, с. 74.

² Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане, I, Ал-Истахри. Тифлис, 1901, с. 45.

³ С. И. Руденко. Башкиры, с. 96.

с порубкой лесов бортничество постепенно исчезло; его заменило пасечное пчеловодство. В лесных и горно-лесных районах севера и северо-востока бортничество во многих местах сохраняло большое значение до начала XX в.

Итак, эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была тесно взаимосвязана с повышением удельного веса в хозяйстве башкир охоты и бортничества. Башкиры развивали те приемы и способы охоты и бортничества, которые соответствовали природным условиям. В целом хозяйство башкир уже с X в., тем более позднее, становится сложным сочетанием различных форм кочевого скотоводства азиатского происхождения, а также охоты, бортничества, многие приемы и способы которых были восприняты у народов Волго-Камья.

Мысль о том, что северо-западные башкиры еще в домонгольский период были оседлыми земледельцами, опирается на два момента: на находки зерен и земледельческих орудий в слоях бахмутинской культуры и на предполагаемое влияние болгарской земледельческой культуры на кочевническую периферию. Развитие оседлого земледелия, по словам К. В. Сальникова, «тем более вероятно для северо-западных районов, где была сильна связь с Булгарией, страной высокоразвитого земледелия»¹. Однако такую постановку вопроса трудно считать бесспорной. Генетическая преемственность бахмутинской культуры с ранними башкирами не прослеживается. Но дело не только в этом: территорию к северу от Белой, т. е. основной район распространения бахмутинской культуры, едва ли можно включать в зону активного воздействия болгарской культуры в пору ее подъема и расцвета. Политическая и культурная экспансия болгар на восток распространялась, как уже отмечено, главным образом на центральную и южную часть Бугульминской возвышенности (западное Приуралье), где во второй половине I тысячелетия н. э. обитали пришлые кочевники, которых археологи объединяют в турбаслинскую, кара-якуповскую или кушнаренковскую культуры. По мнению Н. А. Мажитова, турбаслинцы, например, были северной периферией древнетюркских кочевников, которые впоследствии сыграли активную роль в формировании башкирского народа². Однако в этой зоне заметного болгарского влияния ни археологические, ни этнографические источники существенных следов оседлого земледелия у ранних башкир пока не обнаруживают. Это обстоятельство заставляет несколько по-иному взглянуть на характер культурного влияния болгар; во всяком случае приходится отказаться от упрощенного взгляда, что простое соседство или столкновение на одной территории различных типов хозяйства обязательно сопровождается разрушением одного и внедрением другого, более прогрессивного типа хозяйства. Эволюция хозяйства шла гораздо более сложным путем.

¹ К. В. С а л ь н и к о в. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, с. 14, 15.

² Н. А. М а ж и т о в. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э.— АЭБ, т. I, с. 110.

Представление о том, что башкиры-кочевники никогда совершенно «не знали» земледелия, требует уточнения. Едва ли когда-либо существовало развитое кочевое общество, которое бы «не знало» земледелия. Земледелие (культура проса) хорошо было известно хуннам; однако, несмотря на находки в древнехунских курганах семян проса, сошников, зернотерок, С. И. Руденко подчеркивает, что основой хозяйства хуннов было кочевое скотоводство¹. Посевы проса у печенегов и у кочевников хазарского каганата не раз отмечают арабские источники². Хозяйство племен Приаралья «тюркского периода до IX в.», т. е. района древнего обитания части древнебашкирских племен, С. П. Толстов рассматривает как скотоводческо-рыболовно-земледельческое с культивированием проса³. Кажется, нет оснований полагать, что башкиры отличались в этом отношении от других кочевников: небольшие посевы, главным образом проса, были среди кочевников древней традицией, которая повсюду сохранялась. Аль-Омари пишет о кыпчаках XIV в.: «Чаще всего встречается у них просо, им они питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда их»⁴. Башкиры, как и другие кочевники обширных степей Дешт-и-Кипчака, издавна засеивали весной небольшие поля просом или ячменем; урожай исключительно шел в пищу. В шежере башкир — юрматынцев, в котором описываются события XIV—XVI вв., говорится: «Однажды года пришли голодные. Зима была долгая... хлеба совсем не уродились»⁵. Но такое земледелие отнюдь не было привилегией лишь северо-западных башкир и, тем более, следствием булгарского влияния; оно было известно всем башкирам, так же как и многим другим кочевникам. Не следует в то же время переоценивать масштабы и значение этих посевов в хозяйстве башкир; они были незначительны, периодически исчезали совсем, особенно в неблагоприятных для земледелия лесных и горно-лесных районах Башкирии. Основой хозяйства (кроме крайних северных районов) оставалось скотоводство, которое и в XVI в. было господствующим типом хозяйства на огромной территории между Камой на севере и Каспийским морем на юге. Дженкинсон пишет о кочевниках этих земель: «Они ничего не сеют и не едят хлеба...», «они, главным образом, скотоводы и имеют большое количество скота, который составляет их главное богатство»⁶.

Таким образом, о древнейших корнях оседлого земледелия как типа хозяйства и о сколько-нибудь активном земледельческом влиянии булгар на северо-западных башкир говорить не приходится. Чтобы «влияние» приобрело материальную силу, необходимы,

¹ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы, с. 28, 29.

² «Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствии его по Средней Азии». Исследование В. Григорьева. СПб., 1872, с. 27; Ф. Р. Вестберг. К анализу восточных источников. — ЖМНП, 1908, февраль, с. 409.

³ С. П. Толстов. Города гузов, с. 100.

⁴ В. Г. Тизенгаузен, т. I, с. 233.

⁵ ВШ, с. 32.

⁶ «Английские путешественники в Московском государстве», с. 170.

очевидно, условия внутреннего порядка; к ним прежде всего относится кризис господствующего типа хозяйства, что экономически стимулирует поиски новых путей хозяйственного развития. В X—XV вв. этих условий в большей части Башкирии не было. Земельные просторы, возможности путем набегов поддерживать хозяйство питали прочность традиций кочевого скотоводства, хотя формы его ведения постоянно менялись. Булгарскому государству, заинтересованному в притоке таких товаров, как пушнина, мед, воск, скот, было более выгодно развитие в Башкирии скотоводства, охоты и бортничества, нежели земледелия. Все это, конечно, не исключает возможности развития земледелия в башкирских районах смежных с булгарами; но если оно и имело место (о чем достоверных источников не сохранилось), весьма сомнительно, чтобы эта тенденция получила дальнейшее развитие в монгольскую эпоху. Даже хозяйство самих булгар, по свидетельству Аль-Омари, с монгольским завоеванием утратило в значительной степени свои прежние достижения¹. Среди башкир же в период монгольского господства еще прочные традиции кочевого скотоводства возродились с новой силой; они надолго сломили даже те сравнительно небольшие навыки земледелия, которые, возможно, начали формироваться у них. «Книга Большому Чертежу», в которой о башкирах XVI в. говорится, что «кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют»², в общем, точно характеризует состояние башкирского хозяйства в момент присоединения Башкирии к Русскому государству.

2. Развитие хозяйства башкир в XVII — первой половине XIX в.

Присоединение Башкирии к Русскому государству открыло новую страницу в истории края. С конца XVI и, тем более, в XVII в. башкиры вступают во взаимодействие с новым для них миром: на огромной территории от низовьев Камы до Тобола, от таежной Тулвы и до степной Самары башкиры-скотоводы и охотники с преобладающей у них кочевнической культурой сталкиваются во всех сферах жизни с оседлой земледельческой культурой русского крестьянства и крестьян-переселенцев из народов Поволжья и Прикамья. Сила этого взаимодействия, первоначально слабого и эпизодического, нарастала из десятилетия в десятилетие, пока к середине XVIII в., в связи с постройкой Оренбурга, закамской, яицкой и других крепостных линий, а также активизацией крестьянской колонизации края, она не стала главным фактором в хозяйственной и культурной жизни коренных жителей края — башкир. Два с половиной столетия истории башкирского народа явились периодом постепенной эволюции его хозяйства в приобретении навыков земледелия и полной осед-

¹ В. Г. Тизенгаузен, т. I, с. 233.

² «Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года». СПб., 1839, с. 139.

лости. Пути этой эволюции, основные результаты которой окончательно обозначились лишь в XIX в., были чрезвычайно сложными, противоречивыми.

Современный уровень наших знаний позволяет подразделить рассматриваемый период в истории башкирского хозяйства на два этапа: XVII в.—30-е годы XVIII в.; с 30-х годов XVIII в. до середины XIX в.¹

В XVII — начале XVIII в. основой хозяйства по-прежнему остается полукочевое, а в некоторых районах даже кочевое скотоводство; в лесных и горно-лесных областях оно сочетается с охотой и бортничеством. Лишь в некоторых районах севера и северо-запада появляется и даже получает значительное развитие земледелие русского типа (рис. 4). В то же время в этот период происходит постепенное накопление предпосылок для крупных качественных изменений в хозяйстве башкир, которые произошли в XVIII — первой половине XIX в. Главными факторами, подготовившими эти качественные сдвиги, были развитие производительных сил в самом башкирском обществе, колонизация Башкирии, рост пришлого земледельческого населения и сложение новой этнической карты края, хозяйственное и культурное взаимодействие башкир с переселенцами.

До 30-х годов XVIII в. все эти процессы развивались медленно. Как известно, кочевое или полукочевое скотоводство, промысловая охота и бортничество требуют больших пастбищных или лесных площадей. Рост численности на данной территории (как в результате естественного прироста, так и миграции) вносит в распределение полезных площадей существенные коррективы. Наиболее крупные хозяйственные изменения среди башкир, а именно переход к земледелию и оседлости, первоначально имел место в районах с наибольшей плотностью коренного и, особенно, пришлого населения. Это естественно, так как здесь произошло постепенное перераспределение земельных площадей, исчезла или резко уменьшилась экономическая возможность вести прежние экстенсивные формы хозяйства.

Точных сведений о численности в Башкирии пришлого населения в XVII — начале XVIII в. в источниках нет. По данным 1730 и 1739 гг., оно составляло около 60—65 тыс. человек; башкир в это время было более 250 тыс. человек². Как видим, масштабы крестьянской колонизации края, за исключением некоторых северных, северо-западных и центральных районов, где главным образом расселялись пришельцы, были еще незначительными. Соответственно, влияние пришлого земледельческого населения на башкир было ограничено лишь несколькими северными и в меньшей степени цен-

¹ ОИБ, т. I, ч. I, с. 142—146.

² МИБ, ч. I. М.-Л., 1936, № 134, с. 302. Подробно о численности населения Башкирии в XVII—XVIII вв. см. в разделе «Историческая демография башкирского народа» в настоящей книге. По данным У. Х. Рахматуллина, в конце первой трети XVIII в. численность пришлого населения составляла 80—85 тыс. человек. См.: У. Х. Рахматуллин. Заселение Башкирии (30—90-е годы XVIII в.). Автореферат канд. дисс. М., 1975, с. 20.

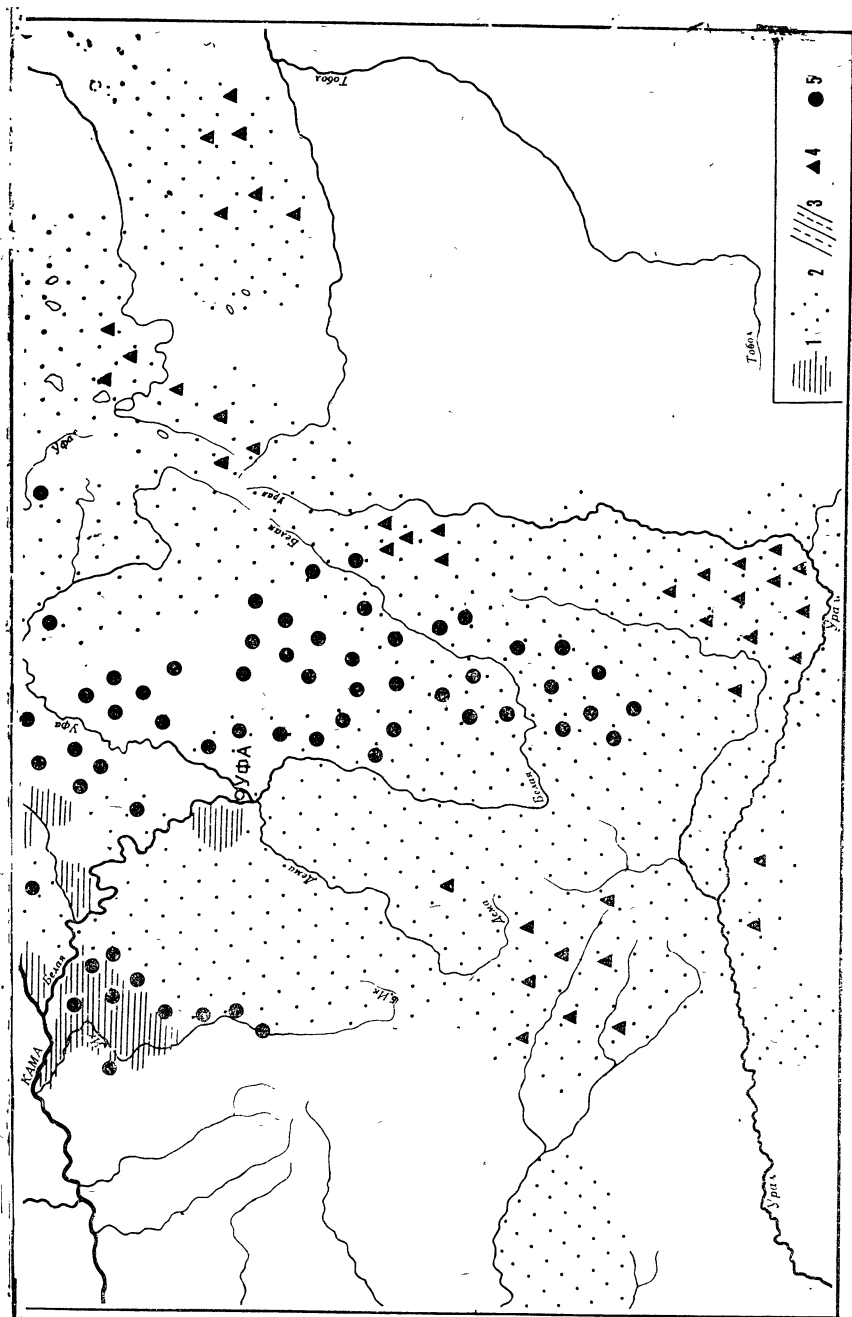

Рис. 4. Хозяйство башкир в начале XVIII в.:

1 — оседлое земледелие; 2 — полукочевое скотоводство; 3 — кочевое скотоводство; 4 — смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство; 5 — лесная охота, борщичество и начало лесных промыслов.

тральным районами активной колонизации. Политика царской администрации в крае до 30-х годов XVIII в. вовсе не ориентировалась на внедрение среди башкир более производительных форм хозяйства. Основная забота царизма была направлена на достижение политической стабильности в этом «неспокойном» крае, на борьбу с многочисленными выступлениями башкир против политической и национального гнета, за неприкосновенность земельных вотчин, против злоупотреблений царских чиновников.

Таким образом, примечательной особенностью хозяйственной жизни башкир до 30-х годов XVIII в. были не общие структурные изменения в их экономике (хотя и они в ряде районов имели место), а те крупные сдвиги, которые произошли внутри уже существующих, традиционных отраслей хозяйства и которые подготовили коренную перестройку башкирской экономики в целом в последующие десятилетия.

Башкирское скотоводство в рассматриваемый период окончательно перестало быть кочевым. Лишь в нескольких районах — в челябинском Зауралье, в междуречье Миасса и Уя, в степных долинах южных рек Ток и Уран, да кое-где на юго-востоке края — башкиры продолжали в течение всего года передвигаться со своими стадами. Однако и здесь в конце XVII — начале XVIII в. они постепенно переходили к полуседлости (ултырак тормошка күсеп киткәндәр)¹. Во всех остальных районах Башкирии скотоводство стало полукочевым. Полный переход к полуседлости был, очевидно, заключительным этапом длительной внутренней эволюции башкирского кочевого хозяйства. Этот процесс, медленно развивавшийся уже в XIV—XV вв., после присоединения Башкирии к Русскому государству быстро шел к завершению. Здесь ускоряющую роль сыграли несколько взаимосвязанных факторов. В конце XVI и в XVII в. стабилизировались и получили юридическое оформление традиционные границы племенных, а зачастую и родовых земель. Это, а также коренные изменения в политической ситуации на южных и восточных границах башкирских земель, ставшими одновременно и восточными пределами Русского государства, лишали башкир возможности перекечевывать на большие расстояния. Кочевники, таким образом, уже не могли, передвигаясь на сотни километров с севера на юг (в Приаралье или в Прикаспий) и с юга на север, смягчать для своих стад резкие климатические колебания времен года. Отыные основным, а в большинстве случаев и единственным районом кочевков становятся родо-племенные земли. Размеры же родовых территорий позволяли кочевать лишь на десятки, редко — на одну или две сотни километров. Теперь башкиры зимой и летом оставались примерно в одних и тех же природно-климатических условиях; скотоводы стремились лишь рационально использовать имеющиеся пастбища: для зимней тебеневки оставлялись степные или открытые возвышенные места. Трудно согласиться с приводимой в «Очерках по истории Башкирской АССР» мыслью, что «основ-

¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 24, ед. хр. 2, л. 17.

ным районом зимних кочевок» башкир в XVII в. были «горы Южного Урала»¹. Это было невозможно по природно-климатическим условиям: в горах тебеневка скота была сильно затруднена или невозможна. Этнографический материал по истории башкир свидетельствует о том, что даже значительно позже, в конце XVIII — начале XIX в. горные пастбища были главным образом районом летних кочевок; на зимние несколько месяцев скот горцы зачастую перегоняли в предгорья².

Новые условия уже не требовали дальних переходов на зимние пастбища. С окончанием весенне-летне-осенних кочевок башкиры оставались, как правило, на одном месте, поблизости от зимних пастбищ; зимние становища, к которым кочевники возвращались из года в год, постепенно становились традиционными. Так возникают и оформляются первые постоянные аулы — прообразы будущих деревень. Первоначально это были небольшие поселения, состоящие в среднем из 5—20 семей³, с застройкой, имитирующей планировку летней кочевки. Зимы башкиры проводили, в зависимости от природных условий района, в утепленных войлочных юртах, примитивных срубках или землянках. Б. Г. Калимуллин — исследователь архитектуры башкирских деревень — считает, что в южных районах Башкирии первые деревни возникли уже в XIII—XIV вв.⁴ Трудно подтвердить или опровергнуть эту мысль: зимние стоянки у кочевников появлялись там, где они оставались на зимовку. Но перерастание зимних стоянок кочевников в деревни с постоянными типами жилищ, тем более с какой-либо устоявшейся планировкой, был процессом длительным. В XVII в. этот процесс еще не завершился. Башкирские деревни, особенно на востоке, по-прежнему оставались небольшими поселениями, которые даже в XVIII в. нередко «рушились его обитателями»⁵, в связи с тем, что они покидали по тем или иным причинам старые призимовочные участки. С переходом к полуоседлости и возникновением деревень связано и дальнейшее освоение занятой башкирами территории. В некоторых отдаленных горно-лесных районах Южного Урала постоянные поселения башкир возникли лишь в конце XVII — начале XVIII в.⁶

Ограничение зимних перекочевок на обширные южные степные пастбища и, соответственно, уменьшение площадей, годных для зимней тебеневки, вызвало сокращение поголовья стада. Естественное стремление скотоводов сохранить привычное количество скота в стадах заставляет их обратиться к новым формам хозяйствования. Одним из существенных последствий перехода башкир к зимней оседлости было появление и распространение заготовки сена на зиму. Суровая южноуральская зима, с ее частыми выюгами и бура-

¹ ОИБ, т. I, ч. I, с. 87.

² Полевые записи 1953 г., с. 64, 65, 87; 1958 г., с. 91, 111.

³ МИБ, ч. I, № 15, с. 85, 86.

⁴ Б. Г. Калимуллин. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959, с. 16.

⁵ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., с. 11.

⁶ Полевые записи 1953 г., с. 87, 88, 109.

нами, требовала большей, чем раньше, заботы по сохранению поголовья стада, особенно молодняка и крупного рогатого скота.

Точно датировать время появления у башкир сенокосения пока невозможно. А. П. Чулошников указывает на «частичное существование» у башкир «порядка заготовления сена для скота» «со второй половины XVII в.» Развитие сенокосения, по словам А. П. Чулошникова, ускоряет «эволюцию всего башкирского скотоводческого хозяйства к полукочевому состоянию», которая завершилась, по его мнению, к середине или второй половине XVIII в.¹ Наблюдения А. П. Чулошникова основываются преимущественно на материалах экспедиций П. Палласа, И. Лепехина и И. Георги, сведения которых, однако, относятся к южной и восточной Башкирии, т. е. к той части башкирского населения, переход которой к полуседлости действительно завершился лишь к концу рассматриваемого этапа в истории башкирского хозяйства или примерно к середине XVIII века. Что касается северной и северо-западной Башкирии, там переход башкир к полуседлости протекал значительно раньше. Поэтому естественно предположить, что развитие сенокосения у башкир началось с этого района, распространившись впоследствии по всей территории. Это подтверждается бытованием в XVII в. и позднее среди башкир косы-горбуши², издавна известной финским народам Прикамья и, напротив, совершенно прежде неизвестной среди тюркских народов к востоку от Урала. Даже казанские татары косой-горбушей почти не пользовались³. Коса-горбуша еще в XIX в. хорошо была известна удмуртам, мордве, коми-зырянам и коми-пермякам⁴. В северо-западной Башкирии часто можно услышать рассказ о том, что «предки башкир», пришедшие жить в приуральские леса, научились косить сено косой-горбушей у вотяков⁵. Башкиры вошли в хозяйственные и культурные контакты с финноязычными соседями Прикамья раньше, чем с русскими. Так, «из писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда» узнаем, что «мордва сурская» «на беловолжской стороне», т. е. на башкирских землях, «наездом» издавна распахивали поля, но к 1565—1567 гг., видимо в связи с обострением политической обстановки в этом районе, они «ту землю покинули»⁶. Эти немногочисленные данные говорят, очевидно, о том, что коса-горбуша и сенокосение стали известны северо-западным башкирам от местных народов Прикамья еще до присоединения к Русскому государству. По мере перехода башкир к зимней оседлости сенокосение и коса-горбуша распространились по всей Башкирии и к концу XVII — началу XVIII в. они были известны повсюду, за исключением крайних юго-восточных районов.

¹ А. П. Чулошников. Феодальные отношения в Башкирии, с. 5, 7.

² С. И. Руденко. Башкиры, с. 110.

³ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953.

⁴ Там же; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, с. 55.

⁵ Полевые записи 1959 г., с. 26.

⁶ ИТДМ, с. 97, 98.

Переход к полуседлости сопровождался дальнейшим повышением удельного веса охоты и бортничества в хозяйстве башкир. На взаимосвязь распространения полуседлого скотоводства с развитием охоты и бортничества в XVII в. впервые обратил внимание А. П. Чулошников¹. Этот процесс, начало которого, как показано выше, восходит еще к раннему средневековью, в XVI—XVII вв. приобрел некоторые новые особенности. Русское государство взяло ясак со своих новых подданных пушшиной и медом. В «Грамоте из Приказа Казанского Дворца» уфимскому воеводе Д. Н. Голловину в 1692 г. говорилось, что за «великих государей жалованные вотчины» башкиры Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской дорог «платят в нашу казну куничный и лисий ясак и медвяной оброк»².

В башкирских шежере нередко включались тексты или содержание различных юридических документов (жалованных грамот, оберегательных памятей, отдельных писем), полученных некогда башкирами от русских царей; в них обычно указывались размеры и вид ясака, который вносили те или иные роды в казну за свои вотчины: юрматынцы платили сто куниц; минцы — 171 куницу и 18 батман меда; бурзяне, кыпчаки, усерганы и тамьянцы доставляли царю «мед, шкуры куницы, а некоторые — выдры и бобра» и т. д.³ Уплата ясака натурой стимулировала со второй половины XVI и в XVII в. дальнейшее развитие охоты и бортничества. В соответствии с хозяйственной необходимостью быстро развивается промысловая охота на пушных зверей, для которой были характерны приемы и орудия лова преимущественно таежного типа. Напротив, многие приемы степной охоты постепенно утрачивают хозяйственное значение. В горно-лесных районах Южного Урала, на северо-западе — в лесной зоне низовьев Белой и Бельско-Уфимского междуречья — промысловая охота, добыча пушнины, бортничество являются основным, порой единственным занятием башкир.

К концу XVII — началу XVIII в. у башкир сохраняются, таким образом, все традиционные виды занятий; в то же время в них происходят изменения, свидетельствующие о новых тенденциях в хозяйственном развитии Башкирии. Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое, возникновение постоянных поселений, развитие сенокосения, повышение значения промысловой охоты и бортничества — все эти изменения сами по себе были значительными. Такое направление развития башкирского хозяйства не могло не вызвать изменений в самой структуре башкирского хозяйства. Переход к полуседлости, ограничение сезонных передвижений стад сначала территорией Южного Урала и Приуралья, а позднее — пространствами родо-племенных земель, не могло не привести, как отмечено выше, к сокращению поголовья стада. Трудности зимней тебеневки скота лишь усугубляли положение. Сенокосение и за-

¹ А. П. Чулошников. Феодалные отношения в Башкирии, с. 7.

² МИБ, ч. I, № 13, с. 82.

³ БШ, с. 33, 53, 73.

готовка кормов на зиму могли сберечь часть молодняка, облегчить зимовку крупному рогатому скоту, но существенным образом на сохранение, тем более на рост всего поголовья стада не влияли. Это естественно, так как башкиры «сено летом готовят токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне», «а большие стада лошадей и протчего скота ходят в степи без сена и очень от голоду худы, понеже они питаются всю зиму травой сухой, выкапывая копытом из-под снегу»¹. Быстрые темпы развития охоты и бортничества должны были в какой-то степени, особенно в лесных районах, компенсировать потери хозяйства башкир от упадка скотоводства. Однако те же причины, которые вызвали серьезные метаморфозы в Башкирском скотоводческом хозяйстве и некогда стимулировали подъем в развитии охоты и бортничества (колониализация края, уплата ясака в казну пушниной и медом и т. д.), со временем привели к упадку этих занятий. Хищническая охота, к которой постепенно присоединялись тысячи переселенцев, быстро истощала леса. Уже в конце XVII в. (1692 г.) башкиры всех четырех дорог писали в Приказ Казанского дворца, что «от того их (т. е. переселенцев в Башкирию.— Р. К.) многолюдства в вотчинах их всякой зверь: лось и медведи, лисицы и куницы, и белки отошли и бровые вяжи запустели и им зверя бить и рыбу ловить, и конских стад и скотины выпускать стало негде... и ясаку и всяких податей стало платить нечем»². Охота начинает терять экономическое значение. Царская администрация постепенно заменяет ясак натурой денежным эквивалентом. Таким образом, на рубеже XVII—XVIII вв. среди северных башкир складывается положение, когда традиционные занятия — скотоводство, ставшее полукочевым, охота и бортничество не обеспечивают даже внутренних потребностей башкирского хозяйства, не говоря уже о том, что башкиры зачастую не в состоянии были платить даже тот сравнительно легкий ясак, который на них был положен³. Лишь в степных и лесостепных районах, где скотоводство, несмотря на ограничение дальности зимних перекочевок, еще целиком господствовало, башкирское хозяйство не испытывало разрушительных потрясений. В остальных же районах, особенно в северной и некоторых районах центральной Башкирии, башкиры ищут новые источники повышения производительности своего хозяйства, иначе говоря — новых занятий.

В этих условиях наиболее перспективными становятся занятия земледелием. Не надо думать, однако, что земледелие сразу же завоевало прочные позиции в хозяйстве башкир. Более того, тогда земледелие для башкир не было единственной возможностью стабилизировать падающую доходность хозяйства. Можно отметить, по крайней мере, еще два источника дохода, которые с XVII в. начали играть существенную роль в хозяйстве северо-западных башкир; и тот и другой были связаны с осуществлением вотчинного пра-

¹ МИБ, т. III, № 546, с. 485.

² МИБ, ч. I, № 13, с. 82.

³ ОИБ, т. I, ч. I, с. 100, 101.

ва башкир на свои земли. Уже с начала XVII в. получает развитие припуск, когда башкиры на условиях уплаты за них ясака или на каких-либо других условиях разрешали поселяться на их родоплеменных землях пришлым татарским, мишарским, чувашским, марийским, удмуртским и русским крестьянам. Припуск в Башкирии принял огромные масштабы: возникнув на северо-западе края и в Зауралье, он к XVIII в. распространился по всей территории. Механизм влияния припуска на развитие хозяйства башкир изучен слабо; принято считать, что поселение на башкирских землях крестьян — исконных земледельцев способствовало быстрому приобщению башкир к земледелию. Хотя в общей форме такое утверждение и является верным, однако оно больше касается конечных результатов процесса, чем его развития. Совершенно ясно, что на первых порах распространения припуска, взимание башкирами с припущенников арендной платы и покрытие им ясака (целиком или частично), напротив, тормозило приобщение башкир к земледелию, способствовало сохранению в течение некоторого времени традиционного уклада жизни.

В том же XVII — начале XVIII в. в лесных районах появляются лесные промыслы. Начавшись с обычной продажи леса с родовых вотчин, лесные промыслы постепенно принимают многообразные формы. По примеру финских народов Прикамья башкиры не только рубят и сплавляют лес, но начинают драть мочало, гнать деготь, изготавливать из дерева различные бытовые и хозяйственные изделия. По мере того, как охота постепенно утрачивала хозяйственное значение, лесные промыслы в северных лесных и позднее в горных районах приобретают все большее и большее значение.

Каковы были масштабы развития и территория распространения земледелия среди башкир в рассматриваемый период? В исторической литературе в последнее время бытует не совсем точное представление о степени приобщения башкир к земледельческому хозяйству в XVII в. Успехи земледелия среди башкир, особенно на севере края, преувеличиваются. «В северной части Башкирии, — говорится в «Очерках по истории Башкирской АССР», — главным занятием населения было земледелие»¹. Начиная со второй половины XVII в. в источниках действительно изредка встречаются сведения о наличии у башкир пашен, посевов. Сведения эти обычно исходят не от самих башкир, а от третьих лиц и требуют тщательного анализа и критического отношения. Так, в 1675 г. служилые иноземцы Е. Кинишемцев и И. Гречкин, побывавшие на Ногайской дороге, доносили в Уфимскую воеводскую избу якобы со слов самих башкир: «А той де Ногайской дороги все башкирцы пашню папшт и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят»². Однако хорошо известно, что даже в середине XIX в. значительная часть башкир Ногайской дороги посевов не имела. Очевидно «служилые иноземцы» распространили на «всех башкирцев» те, еще редкие, случаи пе-

¹ ОИБ, т. I, ч. I, с. 87.

² МИБ, ч. I, № 71, с. 204.

перехода к частичной оседлости и земледелию, которые имели место в XVII в. среди башкир земель Ногайской дороги, прилегавших к городу Уфе. Эти единичные сведения нет оснований обобщать. Более того, даже прочно утвердившийся в литературе тезис о господстве земледелия на протяжении всего XVII в. среди северных башкир вызывает сомнение. Исследователи часто ссылаются при этом на грамоту 1680 г. из Приказа Большой казны соликамскому воеводе С. Г. Кондыреву об освобождении от таможенных пошлин башкир, которые «ездят де... к Соли Камской и в иные города и возят с собою продавать хмель, воск и хлеб и всякую животину...»¹ Этот документ толкуется обычно в том смысле, что развитие зернового хозяйства у северных башкир в XVII в. достигло уже того уровня, при котором образуются товарные излишки, доставляемые ими на дальние рынки². Однако внимательное изучение этого и других источников показывает, что такое толкование неправильное. Дело в том, что башкиры, ради уплаты ясачных денег отвозившие на городские ярмарки всякие товары со своих вотчин, освобождались от уплаты таможенных пошлин; однако башкиры привозили на ярмарку не только свои, но и товары «русских людей». Издавна развивая у себя извозный промысел, башкиры Сызгинской волости близ Красноуфимска заключали подряды на перевозку крупных партий зерна в г. Уфу³. В Соликамск в 1680 г. башкиры также привезли не свой хлеб; это видно из того же документа. Возражая против уплаты пошлин за привезенные товары, башкиры писали, что «тот де хмель и мед и воск они не покупают, собирают де в вотчинном своем лесу сами... и продают для платежу ясаков»⁴. Как видим, в этом перечне «хлеб» не упоминается. Русская администрация отлично знала, чей хлеб башкиры привозят в Соликамск и в «иные города»; в грамоте Приказа Большой казны вменяется в обязанность уфимскому воеводе П. Д. Скуратову «учинить башкирцам заказ крепкий», чтобы они продавали лишь свои товары, «а у русских людей в продажу товаров не имали»⁵. Таким образом, даже в северной Башкирии, несмотря на то, что именно сюда была направлена наиболее активная колонизационная волна земледельческих народов, успехи земледелия среди самих башкир в XVII в. были скромные. В 1633 г. верхотурские башкиры писали в своей челобитной, что «пашен де у них нет...»⁶. Значительно позднее, в 1672 г., у гайнинских башкир в вотчинных их землях перечисляются «зверинные и рыбные ловли», «бобровые гоны» и др., однако нет упоминания о пашне, о посевах⁷. Любопытно в этом плане предания и исторические повествования гайнинцев о том, что их предки занимались лесными

¹ МИБ, ч. I, № 5, с. 75.

² ОИБ, т. I, ч. I, с. 88.

³ МИБ, т. III, № 185, с. 134.

⁴ Там же, ч. I, № 5, с. 75.

⁵ МИБ, ч. I, № 5, с. 75.

⁶ Там же, № 1, с. 69.

⁷ Там же, № 4, с. 74.

промыслами, сплавливали плоты, охотились, собирали мед. Земледелием гайнинцы занялись позднее, «когда лесов стало меньше, зверь покинул эти земли, люди повыврубили бортные деревья»¹. Такое время наступило в северной Башкирии, от Камы до Урала, в самом конце XVII — начале XVIII в.

Северная Башкирия, бывшие земли пермские, издавна служила путем для передвижения русского люда в Сибирь и Закамье. Заселение закамских и уральских земель продолжалось интенсивно на протяжении всего XVII в. как в виде правительственной, так и вольной колонизации. При этом вплоть до 30-х годов XVIII в. колонизационная волна во внутреннюю Башкирию, в Приуралье и на Южный Урал была из-за частых башкирских восстаний незначительной. Здесь пришлое население скапливалось лишь вокруг городов Уфа, Бирск, Табынск. Основная часть переселенцев в Башкирию в XVII — начале XVIII в. направлялась в северную Башкирию, оседающая широкой полосой вдоль казанского пути в Зауралье и в Сибири. Скопление населения в этом районе, частая его смена, интенсивная промысловая охота привели к довольно быстрому истощению лесов и упадку хозяйственного значения охоты. В лесных районах севера скотоводческое хозяйство невозможно было вести в тех же масштабах, как в степном Зауралье или в лесостепном юге. Поэтому уже само проникновение башкир на северные земли сопровождалось, как упоминалось выше, перестройкой их хозяйства, а именно: повышением значения охоты, бортничества, позднее — лесных промыслов и, наоборот, эволюцией скотоводства степного типа сначала в полукочевое, а затем в обычное домашнее скотоводство со стойловым содержанием скота зимой и заготовкой кормовых запасов. На всем севере Башкирии зимняя тебеневка скота никогда не практиковалась. С упадком хозяйственного значения охоты лесные промыслы, скотоводство и продажа на рынке таких продуктов, как воск, хмель и другие, не могли, видимо, создать прочную экономическую основу башкирского хозяйства. В этих условиях северные башкиры мало-помалу переходят к земледелию; этот процесс стал активным в самом конце XVII и в начале XVIII в. в связи с тем, что постепенная миграция пришлого населения на рубеже XVII—XVIII вв. достигла той ступени, при которой резко возросло ее воздействие на дальнейшее развитие экономики края. Пришлое население — татары, мордва, марийцы, русские — перенесли на новые земли как способы ведения зернового хозяйства, так и земледельческую технику. По мере расширения зоны колонизации во внутренние районы Башкирии к земледелию приобщаются все новые и новые группы башкир. Вслед за осинскими земледельцами становятся северо-западные башкиры, живущие в северной части Казанской дороги. Кунгурский бургомистр Юхнев, побывавший в 1725—1726 гг. во всех четырех башкирских дорогах, оставил, кажется, наиболее точное описание башкирского хозяйства к концу первого этапа рассматриваемого периода. Если, по Юхневу, башкиры Ногайской и основной части

¹ Ш. Тульвинский. Гайнинские башкиры. — «Совет Башкортостан», № 93, 21 апреля 1959 г.

Сибирской дороги еще скотоводы-полукочевники, то совсем иная картина в Осинской дороге: «При оной живут башкиры все в домах. Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи...». При Казанской же дороге башкиры также «сеют рожь и всякий хлеб без навозу», «только половина из них летом кочует в степи...»¹. Таким образом, к 30-м годам XVIII в. лишь башкиры Осинской дороги да их восточные и юго-западные соседи достаточно прочно перешли к земледелию или были на пути к нему. Во всей остальной Башкирии господствовало еще, хотя и сильно изменившееся, полукочевое, а местами, по-видимому, даже кочевое скотоводство. Конечно, небольшие очаги земледелия могли встречаться и в пределах южной и восточной Башкирии, однако там оно играло ограниченную и подсобную роль.

Говоря о начальных этапах развития башкирского земледелия, важно подчеркнуть, что развивалось оно на основе опыта русского земледелия. Системы земледелия, известные башкирам в XVIII в. (перелог, подсека, трехполье), набор культивируемых зерновых (ячмень, просо, овес, пшеница; позднее — озимая рожь), сельскохозяйственные орудия (соха-косуля, обыкновенная соха, позднее татарский сабан; бороны, серп, коса-горбуша и т. д.) ничем или почти ничем не отличались от распространенных среди земледельческих народов Поволжья и Прикамья². Русские, татарские, марийские, мордовские крестьяне принесли в Башкирию давние земледельческие традиции, которые и были восприняты башкирами. Сейчас нет никаких материалов, которые дали бы основание усмотреть в башкирском земледелии какие-то более древние черты. Если и были у башкир небольшие своеобразия в ведении земледельческого хозяйства (преобладание подсечной или переложной системы, преимущественное культивирование яровых и др.), то они находят исчерпывающее объяснение в особенностях природных условий и специфике земельных отношений края.

Дальнейшее распространение земледелия по всей территории Башкирии шло в том же направлении — башкиры перенимали и приспособляли к природно-климатическим условиям и специфике земельных отношений земледелие русского типа. Это, конечно, не означает, что приемы и техника земледелия заимствовались только у русских крестьян. Напротив, есть основания полагать, что в XVII в. в этом более значительной была роль марийских, мордовских и татарских крестьян. Среди северных башкир нередко можно услышать предание, подобное записанному нами в деревне Сурапаново на р. Таныш: «Когда пришли в эти края деды башкир, кругом были леса и никто не знал хлебопашества; и вот однажды пришли 4 марийских мужика. Они умели и землю пахать и соху мастерить из дерева.

¹ МИБ, т. III, № 546, с. 486, 487.

² С. И. Руденко. Башкиры, с. 113—123; Н. Ф. Демидова. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, с. 27—30; Н. И. Воробьев. Казанские татары, с. 88.

От них наши деды и научились поднимать новину»¹. Родство языка и культуры башкир и татар, естественно, облегчало не только культурные взаимосвязи, но и способствовало довольно быстрому смешению этих народов в зонах контакта и обмену навыками хозяйствования. Но татары, так же как и марийцы, мордва, принесли с собой преимущественно навыки русского земледелия, распространившегося у них значительно раньше. Земледелие, как и переселенческая волна русских, татарских, марийских, мордовских и других крестьян, в сравнительно короткие сроки в XVII в. распространилось по всему северу Башкирии, а также в Зауралье и Западной Сибири, включая земли по течению рек Исеть и Теча, заселенных башкирами².

Земледелие русских крестьян оказало прогрессивное влияние на развитие хозяйства башкир. Однако процесс этого влияния был чрезвычайно сложен; было бы неверным полагать, что простое «культурное общение» было способно «повести дикое туземное население» «по пути прогресса», как это представлялось большинству дореволюционных историков³. Основным в этом процессе было формирование хозяйственно-экономических предпосылок перехода к земледелию и земледельческой культуре. Без появления этих предпосылок «влияние» едва ли могло быть эффективным. Экономические предпосылки перехода к иным формам хозяйствования создавались постепенно, десятилетиями. В условиях северной Башкирии они заключались, в основном, в быстром притоке пришлых людей, росте численности населения и относительном обезземеливании башкирских общин, в отсутствии возможности вести скотоводческое хозяйство в тех же масштабах и формах, как в степной полосе края, в упадке хозяйственного значения охоты, в несоответствии к концу XVII в. размеров ясака производительности башкирского хозяйства. Следовательно, появляется экономическая необходимость новых средств существования, новых источников дохода. Поиски этих путей башкиры ведут не только в направлении освоения земледельческих навыков. Источники свидетельствуют о быстром и широком развитии припуска крестьян-переселенцев на общинные земли, расширении торговли продуктами со своих вотчин, распространении на огромной территории нового для башкир занятия — лесных промыслов и т. д. Возможность эксплуатировать вотчинные земли и леса и получать с них определенные доходы в какой-то степени оказала на первых порах даже тормозящее воздействие на темпы освоения северными башкирами земледельческих навыков. Именно поэтому приобретение прочных земледельческих традиций затянулось на севере до последних десятилетий XVII — начала XVIII в. Но в конечном итоге земледелие оказалось наиболее перспективным путем хозяйственного развития. В этих и только в этих

¹ Полевые записи 1959 г., с. 17.

² В. И. Шунков. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII века. — «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952, с. 226.

³ В. А. Ефремов. Из истории Уфимского края. — «Вестник Оренбургского учебного округа», 1913, № 1, с. 2.

условиях влияние земледельческих навыков приобрело первостепенное значение. Наблюдая опыт пришлых крестьян, видя его преимущества и не имея реальной возможности воскресить традиционные занятия, башкиры заимствовали у переселенцев созданный веками тип хозяйства — земледелие.

Время с 30-х годов XVIII и до середины XIX в. является этапом в хозяйственном развитии Башкирии, на котором определились основные контуры структуры башкирского хозяйства, сохранившиеся в главных чертах до Октябрьской революции. Это был период, когда элементы перестройки хозяйства башкир, активно проявившиеся уже в XVII — начале XVIII в., достигли в своем развитии ступени, вызвавшей качественные изменения во всем хозяйстве. К середине XIX в. хозяйство коренного населения края представляло собой сложное переплетение традиционных занятий, постоянно теряющих свои позиции, и новых, интенсивных, которые среди примерно одной трети башкирского населения полностью восторжествовали и продолжали успешно распространяться в среде остальной части народа.

Период с 30-х годов XVIII в. знаменуется крупными и сравнительно быстрыми переменами не только в области хозяйства башкир. Это период резкой активизации политики Русского государства на востоке. Могучий толчок, сообщенный петровскими реформами экономическому развитию России, а также далеко идущие внешнеполитические проекты, рассчитанные на проникновение русского влияния в Казахстан, Среднюю Азию и далее на восток, требовали окончательного закрепления Башкирии в составе России, превращения ее во внутреннюю область страны, более эффективной эксплуатации ее неисчерпаемых природных богатств. Именно эти цели преследовала организация в 1734 г. Оренбургской экспедиции во главе с видным царским сановником обер-секретарем Сената И. К. Кирилловым. В течение нескольких десятилетий XVIII в. Башкирия была окружена цепью городов, крепостей и крепостных линий. Оренбургский край был широко открыт для земледельческой и промышленной колонизации. После постройки Оренбурга на Урале возникли десятки металлургических заводов. Только с 1735 по 1773 г. на Южном и Среднем Урале было построено более 80 заводов¹. К концу XVIII в. на Южном Урале уже действовало 39 медеплавильных, доменных и передельных заводов². Все это сопровождается ростом переселенческого движения, которое, то затухая, то вновь оживляясь, не прекращается на протяжении всего рассматриваемого периода.

По последствиям наибольшее значение в развитии хозяйства башкир имели рост земледельческой колонизации края, повышение плотности населения, потери башкирами земель в результате отвода крупных площадей под заводы и города, крепости и села, углубле-

¹ Л. Е. Иофан. Города Урала. М., 1951, с. 139—157, 159.

² Н. И. Павленко. К истории южноуральской металлургии в XVIII в. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1953, с. 187.

ние социальной дифференциации в башкирском обществе и абсолютное или относительное обезземеливание рядовых башкир-общинников. Лишь в 30—40-х годах XVIII в. у башкир для нужд казны было изъято 11 млн. десятин земли¹.

Характер и темпы многих хозяйственных перемен в Башкирии рассматриваемого периода находятся в тесном соответствии с направлением и масштабами переселенческого движения, с изменением в том или ином районе плотности и этнического состава населения. В XVIII — первой половине XIX в. переселенческий поток на севере Башкирии усиливается.

В связи со строительством Закамской и Яицкой линий и г. Оренбурга появляется и очень скоро становится многолюдным новый переселенческий поток, который захватывает западную и южную Башкирию. К последней четверти XVIII в. Башкирский край с севера, востока и юга был окружен плотным кольцом русских и казачьих поселений. С этого времени быстро увеличивается пришлое русское, татарское, марийское, мордовское, чувашское и другое население во внутренних районах Башкирии. Однако рост количества пришлого населения по районам идет разными темпами. Западная Башкирия становится объектом особенно активной колонизации; сюда устремляется преимущественно татарское крестьянство с соседних западных областей. В середине XIX в. общая численность татар в Башкирии (485 тыс. по данным 1850 г.) почти равнялась численности башкир (508 тыс. по данным 1851 г.); численность же пришлого татарского населения в западной Башкирии к этому времени заметно превышала численность башкир. Постоянный и быстрый рост всего населения края с 30-х годов XVIII в. иллюстрируют следующие цифры: в 1743 г. Оренбургскую губернию населяло 412 тыс. человек, в 1767 г.—421 тыс., в 1781 г.—520 тыс., в 1794 г.—692 тыс., в 1800 — около 740 тыс., в 1811 г.—788 тыс., в 1838 г.—1771 тыс., в 1863 г.—1843 тыс.² Наиболее крупные переселенческие волны имели место в предпоследнем десятилетии XVIII в. и особенно во втором и третьем десятилетиях XIX в. С 1811 по 1838 г., т. е. только за 17 лет, население в крае, как видно из приведенных данных, возросло более чем в два раза. В середине XIX в. башкиры составляли меньше одной трети всего населения края. Если в южных и особенно в восточных частях Башкирии башкиры по-прежнему расселялись компактными группами, то северо-западные и западные районы представляли теперь пеструю этнографическую мозаику многих национальностей, языков и культур.

С 30-х годов XVIII в. меняется и политика царского правительства в отношении перспектив хозяйственного развития Башкирии и башкир. Строительство городов, крепостей, заводов требовало больших запасов продовольствия и фуража. Но в Башкирии, несмотря на огромные просторы плодородных черноземных степей

¹ У. Х. Рахматуллин. Заселение Башкирии, с. 17.

² ОИБ, т. I, ч. I, с. 256, 257; С. М. Васильев. Башкирия в последней четверти XVIII в.—МИБ, т. V, с. 6; А. Г. Рагин. Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956, с. 28.

(особенно на лесостепном юге и юго-западе края), не было, по существу, товарного хлеба. Небольшое количество хлеба, которое начали производить башкиры некоторых районов, целиком ими же и потреблялось. Основная часть башкирского населения переходила к земледелию очень медленно. Поэтому, поощряя переселенческое движение в Башкирию, царизм преследует цель организовать здесь производство хлеба. В то же время царская администрация, особенно с конца XVIII в. и в первой половине XIX в., в период кантонной системы управления в Башкирии, принимает ряд мер, направленных на развитие земледелия среди башкир.

В XVIII в. основной зоной развития земледелия Башкирии остается север. На всем юге Башкирии, начиная от Зауралья на востоке и до белебеевских степей на западе, и даже в центральных районах края, по выражению П. И. Рычкова, было еще «мало прилежащих земледельцев». П. И. Рычков в работе «О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии», написанной им в 1767 г. и впервые опубликованной в 1873 г. Р. Г. Игнатьевым, дает довольно точное представление об уровне и масштабах развития земледелия на основной части территории Башкирии. Даже в урожайные годы, пишет П. И. Рычков, Оренбургская губерния «удовлетворяет едва 1/10 часть потребности в хлебе; из огромных просторов годных для земледелия земель... и сотая часть к пашне не употребляется»; башкиры, которые в те годы составляли в крае «наибольшее людство», «никакого почти рачения к тому (к земледелию. — Р. К.) не прилагают»¹. Однако и здесь, в степных и лесостепных районах южной и центральной Башкирии, П. И. Рычков видит успехи оседлой жизни «с того времени, как начался Оренбург...». Башкиры, по его словам, «привыкли уже косить траву и довольно заготавливают ныне сена, чего у них прежде было весьма мало»; некоторые «сами собой к пашне охотятся», «особливо те, кои живут ближе к Уфе и к тем жителям, где издавна было и есть земледелие»². Таким образом, хотя к концу третьей четверти XVIII в., когда П. И. Рычков писал свою работу, успехи земледелия были еще сравнительно невелики, но уже начиная с 30-х годов, в связи с постройкой Оренбурга, других городов и крепостей сдвиги в хозяйственном развитии были заметны, особенно на севере и в центральной Башкирии.

Наиболее крупные хозяйственные изменения произошли в конце XVIII и особенно в первой половине XIX в. В этот период определившиеся ранее районные различия в хозяйственном развитии еще более углубляются. На всем севере Башкирии, как уже говорилось, быстро развивается земледелие. Но и здесь наблюдаются местные различия. Весь север башкирской территории в этом отношении подразделяется на три района: а) север и северо-запад — сюда относилось башкирское население долины рек Быстрый Таныш, Буй,

¹ П. И. Рычков. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии. — «Памятная книга Уфимской губернии за 1873 год», ч. II. Уфа, 1873, с. 132, 133.

² П. И. Рычков. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии, с. 133, 134.

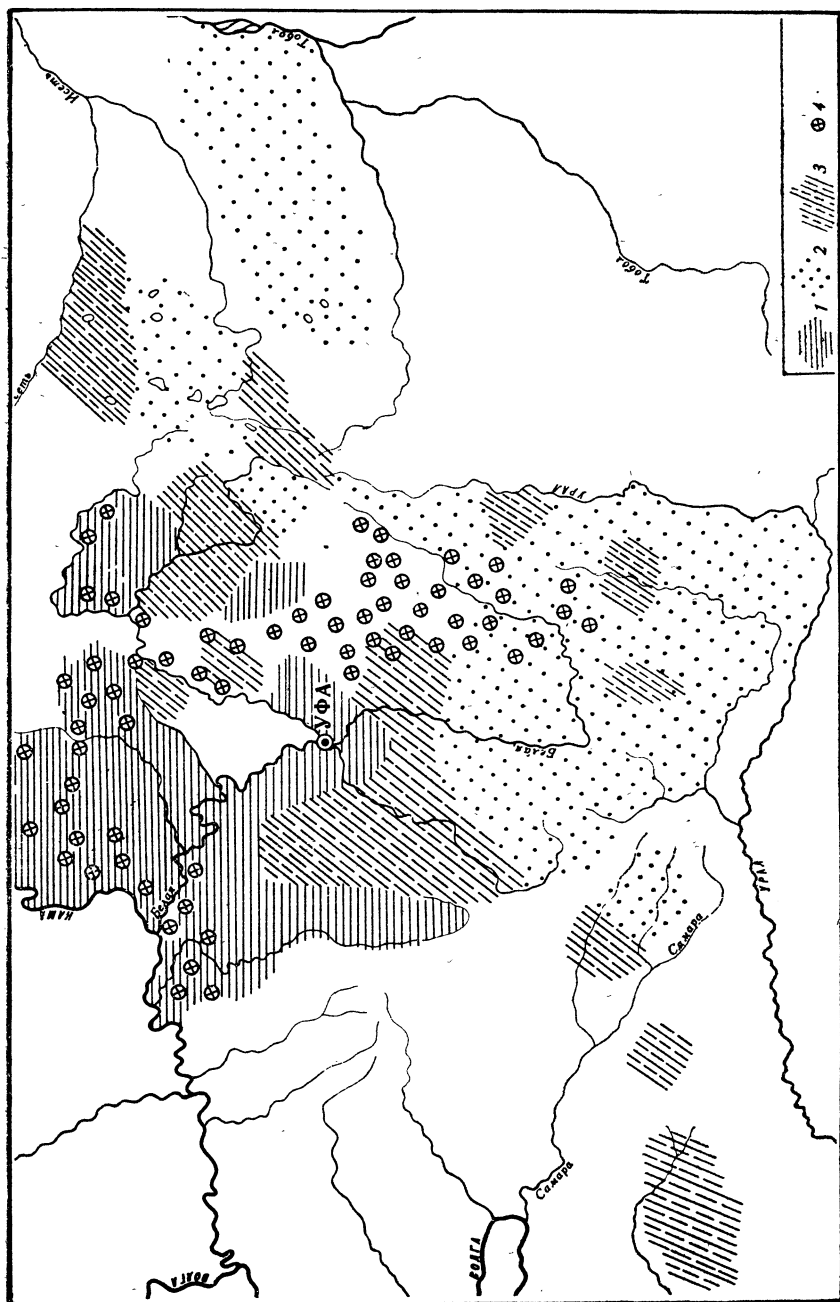

Рис. 5. Хозяйство башкир в середине XIX в:

1 — оседлая земледелие; 2 — полукочевое скотоводство; 3 — смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство; 4 — лесные промыслы.

Пизь, Тулва, Тюй и некоторых других; б) северо-восток — башкиры лесостепных районов Уфимского плато вплоть до Уральского хребта (бассейны рек Ай и Юрюзань), а также башкирское население бывшего Красноуфимского уезда и северных притоков р. Уфы (Бисерть и др.); в) северное Зауралье — башкиры, жившие по долинам рек Исеть, Синара, Теча, Караболка, а также по берегам многочисленных озер между течениями рек Миасс, Тобол и Уй.

Преимущественно земледельческим к середине XIX в. становится башкирское население севера и северо-запада Башкирии (рис. 5). По описаниям Н. С. Попова, башкиры Пермского и Осинского уездов уже в начале XIX в. «постоянные имеют жилища», скот «кормят... всю зиму при своих домах», а сами «главное пропитание имеют от земледелия»¹. Но даже здесь, где земледельческое хозяйство окончательно утвердилось, оно еще долго сочеталось с традиционными занятиями. Летом пермские и осинские башкиры «живут в вежах», которые стоят поблизости от зимних жилищ². Сохраняющийся обычай переходить на лето «в вежи» свидетельствовал не только о давних скотоводческих традициях северных и северо-западных башкир, но и о приспособлении этих традиций к потребностям охотничьего и лесного скотоводства. Мигрировав в таежно-лесные районы долины Быстрого Таныпа, Буя, Тулвы, предки башкир вынуждены были отказаться от привычных форм ведения скотоводческого хозяйства, но не от сложившегося образа жизни. Летом они, как и их предки, переселялись на «кочевки», где занимались охотой, бортничеством, лесными промыслами. С упадком экономического значения охоты и бортничества и повышением удельного веса земледелия «вежи» все более и более приближались к зимним жилищам, пока наконец в середине XIX в. северные башкиры не стали «кочевать» просто на своей усадьбе, перебираясь на лето в своеобразную бревенчатую имитацию древней юрты.

Было бы очевидно неверным, если бы все башкирское население севера и северо-запада Башкирии середины XIX в. мы считали земледельческим. К этому времени земледелие здесь стало ведущей, господствующей, но все же не единственной формой хозяйства башкир. Какая-то часть башкир этого района продолжала заниматься лесными промыслами; земледелие для них было лишь подспорьем. Исторических и тем более статистических данных, которые позволили бы точно судить о масштабах бытования различных занятий среди северных и северо-западных башкир, к сожалению, нет. Однако этнографические материалы, накопленные за последние годы, позволяют внести кое-какие коррективы в установившийся в литературе взгляд о давности и всеобщей распространенности земледелия среди северо-западных башкир. Судя по этим материалам, земледелие всецело господствовало в редких здесь в то время малолесных районах; в остальной части севера и северо-запада земледельцы отвоевывали

¹ Н. С. Попов. Указ. соч., с. 3, 12.

² Там же, с. 9. Вежи — примитивные срубы без окон, потолка и пола, крытые корой или драницей; использовались в качестве летнего жилища в лесных районах Башкирии.

пахотные участки в трудной борьбе с лесом. Среди башкир, живших у долин рек Буй, Таныш, Гарейка и других, повсюду записано примерно одно и то же предание, которое гласит, что «деды и прадеды их сеяли хлеб, выкорчевав или спалив лес» («ата-бабалар урманды кыркыш, яндырыш, ағас төштәрен куштарыш ташлап иген иккәндәр, ау аулагандар») ¹. Среди башкир, живших в долинах рек Буй и Пизь, записан следующий рассказ: «Раньше здесь кругом были непроходимые леса. Негде было сеять. Люди сеяли хлеб, выкорчевав лес. Кто где хотел, там расчищал землю от леса; эта земля затем принадлежала ему. Земледелием занимались не все, а те, которые занимались — сеяли мало. За 60 лет до революции большинство башкир хлеб не сеяли, картофель, овощи не выращивали. Уходили на реку Пизь, рубили лес, сплавлили плоты; тем жили... Некоторые корчевали сосны и гнали смолу» ². Даже во второй половине и в конце XIX в. в северной Башкирии и Осинском уезде Пермской губернии, где жили башкиры племени гайна, довольно распространенным был порядок, согласно которому общинные земли переходили в пользование тому, кто расчищал их от леса и засеивал ³. Аналогичная картина была в верховьях Таныша, в долине р. Гарейки и др. Здесь башкиры кроме охоты, бортичества, «драли мочалу», «гоняли плоты», из мочалы «делали кули» на продажу и т. д. Но постепенно леса были сведены и там, где некогда «стоял дремучий лес, появились хлебные поля» ⁴. Башкиры долины р. Тюй (правого притока р. Уфы) в середине XIX в. в равной степени занимались как земледелием, так и лесными промыслами. «Мой дед и прадед, — рассказал 75-летний житель деревни Кшлау-Елга в верховьях Таныша, — как и все жители деревни, рубили и сплавливали лес, драли мочалу, вили веревки. Хлебопашеством занимались подражая русским, но сеяли очень мало» ⁵.

Таким образом, общая хозяйственная картина в середине XIX в. на севере и северо-западе Башкирии не была однородной: при определяющей роли и прочных перспективах развития земледельческого хозяйства в силу природно-географических условий и недавних традиций еще значительна была роль лесного хозяйства. В некоторых районах северо-запада (долина рек Пизь и Буй, верховья Таныша, Тюя и др.) лесные промыслы — рубка и сплав леса, гонка дегтя и смолы, заготовка мочалы, производство из дерева и мочалы различных хозяйственных товаров — в середине XIX в. еще конкурировали с земледелием и занимали в общем балансе хозяйства башкир хотя и убывающее, но все же еще видное место. Несмотря на большие масштабы истребления лесов, огромные территории се-

¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 451; «Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 г.», с. 69.

² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 451; см. также «Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 г.», с. 419, 420.

³ Полевые записи 1965 г., с. 107, 111.

⁴ Рукописный фонд сектора археологии, этнографии и народного искусства ИИЯЛ БФАН СССР, «Материалы Муллаяра Ганеева», с. 5, 6.

⁵ Полевые записи 1959 г., с. 47.

вера и северо-запада Башкирии по-прежнему были лесными районами (см. рис. 2), и одно это обстоятельство обуславливало сохранение хозяйственного значения лесных промыслов в условиях активного развития и распространения земледелия.

Северо-восток Башкирии к середине XIX в. стал преимущественно земледельческо-скотоводческим районом. До конца XVIII — начала XIX в. к обработке земли и культивированию зерновых перешло большинство башкир Красноуфимского уезда и небольшое число башкирских деревень по левобережью низовьев р. Уфы и в лесостепной части среднего течения Юрюзани, т. е. крайние северная и южная части рассматриваемой территории. Еще И. И. Лепехин, побывавший в деревне Казылбаево (сейчас Больше Кызылбаево), расположенной на северной излучине р. Ай, писал, что «до сих мест от самого Красноуфимска живут хлебопашцы и не втуне пользуются привольными местами...»¹. П. Паллас аналогичным образом характеризует хозяйство башкир юго-западной части Сибирской дороги. О жителях деревни Кубаул, расположенной в 20—30 км северо-восточнее Уфы, он писал: «Здесьние башкирцы, живущие летом и зимой в своей деревне неподвижно, сделались порядочными земледельцами...»². Значительные посевы в конце XVIII в. имели шайтан-кудейские башкиры по среднему течению р. Юрюзань. «Обитающие тут башкирцы,— пишет о них П. Паллас,— пашут много пашни и высевают от 40 до 50 пудов хлеба»³. Остальная часть башкирского населения северо-востока занималась на рубеже XVIII—XIX вв. полукочевым скотоводством. Распространенное в литературе мнение о том, что башкиры бассейна р. Ай в то время были целиком земледельцами⁴, основано на неточном толковании «Записок...» И. И. Лепехина, а точнее следующей цитаты: «...да и самые башкиры на Ае переродились. Они столь же хорошие хлебопашцы, как и их соседи»⁵. Однако И. И. Лепехин в данном случае имел в виду башкир лишь нижнего течения р. Ай, а конкретно — деревню Казылбаево. Башкиры, живущие в 15—20 «верстах» южнее Казылбаево, в деревнях Субинак (сейчас Сабанаково), Сальчутут (Сальзегутово), Магаз (Магазово), Тропкильде (Тропкильдино), посевов не имели и занимались полукочевым скотоводством. Рассуждая о перспективах развития земледелия среди айских башкир, И. И. Лепехин восклицает: «...однако всю башкирскую орду не мы, но наши внучата в таком увидим порядке»⁶.

И. И. Лепехин, в общем, оказался прав; к середине XIX в. земледельческое хозяйство распространилось на весь айский бассейн, однако местные различия в масштабах развития земледелия и в сочетании его с другими занятиями на северо-востоке сохранились.

¹ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., с. 243.

² П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773, ч. II, с. 26.

³ Там же, с. 64—65.

⁴ ОИБ, т. I, ч. I, с. 205.

⁵ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., с. 243.

⁶ Там же, с. 244.

По данным Н. С. Попова, в XIX в. более 4/5 башкирского населения Красноуфимского уезда занималось земледелием; остальные вели полукочевое скотоводческое или лесное промышленное хозяйство в сочетании с элементами земледелия¹. Башкиры, например, деревень Артя-Шигири, Уфа-Шигири, Акбашево, имея посевы, в то же время рубили и поставляли лес на Артинский или Михайловский заводы по р. Уфе; башкиры дер. Шокурова и других близлежащих аулов, также имея небольшие пахотные участки, ранней весной на все лето уходили кочевать в горы².

В южных лесостепных районах северо-востока Башкирии, особенно по соседству с горными заводами (Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Миньярский и другие заводы), к середине XIX в. земледелие также сделалось основным занятием. Однако в лесных районах по нижнему течению рек Юрюзань, Яман-Елга по-прежнему преобладали лесные промыслы, бортничество в сочетании (в ограниченных размерах) с земледелием³. К середине XIX в. посевы имели все или подавляющее большинство и айских башкир. Освоение ими навыков земледельческого хозяйства произошло преимущественно к концу рассматриваемого периода. Полевые этнографические материалы, собранные среди башкир-сартов, тырнаклинцев, дуванцев, айлинцев, катайцев и других, живущих в бассейне р. Ай, указывают, что их предки активно начали заниматься земледелием «около 100 лет назад»⁴. Эта датировка легко подтверждается родословными (шежере), в которых обычно содержится конкретное указание о том, кто именно из предков впервые стал вспахивать и засеивать землю. Обычно пожилые информаторы (60—80 лет) сообщают, что первые посевы хлеба появились при их дедах или, реже, прадедах⁵. Распространение земледелия в айском бассейне не сопровождалось исчезновением полукочевого скотоводства: летние выходы на кочевку в этом районе сохранялись еще долго. Специфика хозяйственного развития этой части Башкирии заключалась в том, что здесь образовалось смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Это явление было характерно в целом для Башкирии: земледельческое хозяйство, распространяясь в районах полукочевого скотоводства, длительное время, а во многих местах вплоть до Октябрьской революции, не разрушало традиций кочевничества, а постепенно приспособлявало их к новым условиям.

Таким образом, хозяйственная карта северо-востока Башкирии была в середине XIX в. довольно пестрой (см. рис. 5). Башкиры Красноуфимского уезда по типу хозяйства и образу жизни примыкали к земледельческой северо-западной Башкирии, кроме нескольких деревень у подножия Уральских гор, жители которых еще не оставили традиций летних перекочевков. Во всем айском бассейне сло-

¹ Н. С. Попов. Указ. соч., с. 3, 13, 14.

² Н. Л. Скалозубов. Очерк экономического положения башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893, с. 90.

³ Полевые записи 1956 г., с. 17.

⁴ Там же, с. 20, 38, 42, 48, 62, 79.

⁵ Там же, с. 26, 83.

жилося смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство, причем сроки летних кочевков здесь были постепенно подчинены земледельческому календарю. В лесных и лесостепных районах чередовались аулы, перешедшие к земледелию, с поселениями, где лесные промыслы сохраняли еще большое значение.

Общая тенденция развития и распространения земледелия прежде всего в этнически смешанных районах отчетливо сказалась к середине XIX в. и в северном Зауралье. Северное башкирское Зауралье рано подверглось русской колонизации. Уже во второй половине XVII в. были построены Долматов монастырь, Катайский острог и Шадринская слобода на Исети. Эти укрепления, а также многочисленные русские слободы, возникшие на Пышме и Исети, знаменовали начало активного проникновения русских колонистов во внутренние районы башкирского Зауралья. Вскоре были построены Челябинская крепость, Царев-Курган. В XVIII в. кроме новых крепостей и слобод, со всех сторон окруживших места расселения башкир, на отрогах Уральского хребта были построены многочисленные заводы и рудники: Верхне-Кыштымский, Миасский, Каслинский, Уфалейский, Нязепетровский, Верхне-Сергинский и др. Полоса этих заводов и рудников практически отделила зауральских башкир от основной территории Башкирии и особенно от северо-восточных башкир, с которыми они были раньше тесно связаны генетически и исторически. К середине XIX в. в северном Зауралье башкиры жили двумя крупными группами, плотно окруженными русскими и татарскими (преимущественно мишарскими) поселениями: одна группа занимала территорию по течению рек Исеть, Синара, Караболка, Теча и верховьям Миасса; другая — обширный озерный край между Миассом на севере и Тоболом и его притоком Уй — на востоке и юге. Относительно высокая плотность населения и постоянное сокращение земельных площадей обусловили переход части зауральских башкир к земледелию. Особенно значительны были успехи в земледелии башкир, живших по р. Исети и ее южным притокам, где плотность населения на 1 кв. версту к середине XIX в. была более 12 человек, т. е. выше, чем в северо-западной Башкирии. Здесь к этому времени было распахано более 30% всей земли, т. е. больше, чем на земледельческом северо-западе Башкирии¹. Уже в начале XIX в. башкиры Екатеринбургского и Шадринского уездов, по словам Н. С. Попова, «производят и хлебопашество; имеющие достаток распахивают земли до 5 и более, маломощные же от 1 до 3 десятин...». «Сих хлебов,— продолжает Н. С. Попов,— не только достает им для собственного продовольствия, но при случае урожая продают избытки оных в Екатеринбурге и в заводах»². К середине XIX в. запашки распространяются дальше на юг; земледелие было «развито в достаточных размерах» в «4-м кантоне», т. е. в прилегаю-

¹ Л. Е. Иофа. Указ. соч., с. 300—302, карты № 10 и 11.

² Н. С. Попов. Указ. соч., с. 16.

щих к Челябинску районах, а также в башкирских волостях, соседствующих с заводами и рудниками¹.

В целом, переход зауральских башкир к земледелию совершался медленно. Башкиры, освоившие земледелие, в большинстве случаев не оставляли летние кочевки. В Екатеринбургском и Шадринском уездах «имеющие довольно количество скота, выезжают летом из юрт своих для кочевания в Уральские горы...»². Здесь, следовательно, как и на северо-востоке, складывается смешанное хозяйство, которое сочетает земледелие с традиционными занятиями. Значительная часть башкир Челябинского уезда Оренбургской губернии, в том числе живущие по берегам озер между Миассом, Тоболом и р. Уй, в середине XIX в. земледелием еще не занимались. Полукозовое скотоводство было их «главным занятием»³. Новейшие исследования по истории хозяйства зауральских башкир с привлечением архивных источников подтверждают представленную характеристику⁴.

Всю южную и центральную Башкирию в природно-географическом и хозяйственном отношении удобно рассматривать, подразделив на два больших района: а) запад и юго-запад, куда входит населенная башкирами Бугульминская возвышенность; б) юго-восток — башкирское население Южного Урала с прилегающими к нему предгорьями.

Запад и юго-запад Башкирии, или заселенная башкирами часть Бугульминской возвышенности, — район древнего кочевого скотоводства. К середине XIX в. здесь произошли существенные изменения как в способах ведения скотоводства, так и в самой структуре хозяйства. Западная Башкирия (особенно бассейн р. Б. Ик и территории, прилегающие с юга к нижнему течению Белой) была объектом широкой колонизации; здесь преимущественно расселялись пришлые татары. Общая плотность населения (15 чел. на 1 кв. км) в низовьях Белой и Б. Ика была наиболее высокой в западной Башкирии⁵. Значительной была колонизационная волна татарских, русских, чувашских крестьян в лесостепные районы верховьев Чермасана и Кармасана, нижнего и среднего течения рек Демы и Уршака примерно до линии Стерлитамак-Бузулук на юге. Лишь на самом юге, в верховьях Демы, Саелмышы, плотность населения еще не превышала 3 человека на кв. км, за исключением района, прилегающего к Оренбургу.

Западная Башкирия привлекала переселенцев выгодным географическим расположением, спокойным рельефом, плодородными, преимущественно черноземными, почвами. Резкий рост численности населения, развитие припуска, углубление социальной дифференциации в башкирском обществе, начавшийся процесс расширения общинных земель вызвали постепенное перераспределение

¹ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 448.

² Н. С. Попов. Указ. соч., с. 5.

³ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 142.

⁴ Н. В. Бикбулатов, М. В. Мурзабулатов. Указ. соч., с. 101—103.

⁵ Л. Е. Иофа. Указ. соч., с. 300, 301, карта № 10.

земельных площадей, относительное обезземеливание рядовых башкир-общинников и существенно подорвали экономическую основу господствовавшего здесь полукочевого скотоводства. П. Небольсин, побывавший в середине XIX в. в Оренбургской губернии, приводит со слов самих башкир любопытные расчеты размеров пастбищных площадей, необходимых для нормального ведения скотоводческого хозяйства с зимней тебеневкой. Чтобы «прокормить во всю зиму 4000 лошадей» около реки Илека (южный приток р. Урал ниже г. Оренбурга), где трава всегда хорошая, «потребно некошенной степи 20 верст в длину и 20 — в ширину», т. е. на каждые 10 лошадей необходима одна квадратная верста или около 100 га (если считать кв. версту примерно равной кв. км)¹. В 1850-х гг. башкирам принадлежало 12 976 093 десятины земли (в т. ч. 6 192 181 — под лесами, 482 250 — неудобной). Число башкир-вотчинников по VIII ревизии (1833 г.) было 149 293 муж. душ, следовательно, на каждого вотчинника приходилось около 87 десятин разных угодий². Надо учесть при этом, что башкиры на своих вотчинах имели припущенников, казенных и удельных крестьян, общая численность которых составляла (по VII ревизии) около 130 тыс. мужских душ³. Кроме того, из тех же земель по указу 1832 г. мишари и тептяри могли наделяться тридцатидесятинным наделом⁴. Таким образом, на одного вотчинника приходилось значительно меньше десятины «разных угодий». Это нашло отражение в указе 1832 г.: официально был определен душевой надел башкирам в 40 десятин. Если в восточной и южной Башкирии, сравнительно слабо заселенной и пока мало колонизированной, где к тому же сохранялась общинная форма владения земельными вотчинами, башкиры еще имели возможность вести скотоводческое хозяйство, то в западной Башкирии (за исключением, может быть, некоторых южных и центральных ее районов) такая возможность исчезла или исчезала. На душевом наделе в 40 десятин скотоводческое хозяйство с зимней тебеневкой вести невозможно. Между тем ученые и путешественники XIX в. довольно часто отмечали, что башкирское скотоводческое хозяйство, имевшее от 10 до 20 лошадей, относилось к категории бедных⁵. Эти данные дают представление о той диспропорции, которая образовалась к середине XIX в. в Башкирии (особенно в западной ее части) между необходимыми площадями для ведения скотоводческого хозяйства, обеспечивающего существование башкирской семьи, и фактическими возможностями. Основная масса западных башкир к середине XIX в. утратила экономическую основу для ведения скотоводческого хозяйства в прежних масштабах и формах.

¹ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края. СПб., 1852, с. 28.

² В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 141.

³ Там же, с. 141, 142.

⁴ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 51—54.

⁵ Н. С. Попов. Указ. соч., с. 17.

В этих условиях западные и юго-западные башкиры переходят к земледелию. К середине XIX в. земледелие распространилось по всей западной Башкирии, кроме крайних восточных и южных ее районов. Однако уровень развития земледелия в различных зонах запада страны был разным.

Одним из основных показателей масштабов развития земледелия является количество освоенных под пашню земель. В западной Башкирии показатели распаханности земель увеличивались с юго-востока на северо-запад: в Стерлитамакском уезде было распаханно всего 4—7% земель; южнее, в верховьях Демы, в долине рек Ток, Большой и Малый Уран, — менее 3%, а в Белебеевском уезде, особенно в долине р. Б. Ик, под пашней находилось около 25—30% всех угодий¹. В этом районе (см. рис. 5) земледелие получило развитие еще до 30-х годов XVIII в. Теперь оно стало главным занятием, целиком определяющим образ жизни башкир Мензелинского и части Белебеевского уездов. Занятия лесными промыслами сохранились лишь кое-где в нижнем течении Б. Ика и Белой². Промысловое значение охоты было утрачено еще в XVIII в. Башкиры бассейна р. Демы, долины Уршака, верховьев Чермасана и Кармасана полукочевой скотоводство стали сочетать с земледелием. Здесь, как и на северо-востоке, образуется обширный район смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства. И, наконец, значительная часть башкир Стерлитамакского уезда, расселившаяся по рекам Куганак, Ашкадар и ее притокам и далее к югу к оренбургским степям, земледелием не занималась или почти не занималась. О башкирском населении этой части Оренбургского края В. М. Черемшанский писал, что они, «несмотря на уменьшение земли, рост населения, выгоды оседлой жизни, остаются в кочевом состоянии, свято храня перешедший от предков обычай кочевой жизни»³.

По уровню хозяйственного развития к юго-западной Башкирии примыкали башкиры, живущие в Бузулукском и Оренбургском уездах Оренбургской губернии (по северным и южным притокам Сакмару—Току, Б. и М. Урану, Бузулуку и др.) и в пределах Самарской губернии (по рекам Каралык, Камелик, а также Б.Иргиз в его верхнем и среднем течении). Преобладающей формой хозяйства у токчуранских и иргиз-камеликских башкир было полукочевое скотоводство. Привольные степи по берегам рек Б. и М. Уран, Ток служили «и в зимнее и в летнее время пастбищем для башкирских лошадей»⁴. Лишь начиная с 30-х годов XIX в. токчуранские башкиры переходят к оседлой жизни и начинают «местами... культивировать хлебные злаки»⁵. Иргизо-камеликские башкиры, находясь в более плотном окружении русских поселений, также начинают переходить

¹ Л. Е. Иофан. Указ. соч., с. 303, карта № 11.

² Полевые записи 1961 г., с. 37—38.

³ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 143.

⁴ И. Красноперов. Самарская Башкирия, вып. II, 1885, с. 193.

⁵ Там же.

к земледелию, хотя в целом здесь, как и у ток-чуранских башкир, в середине XIX в. господствует еще полукочеевое скотоводство¹.

Башкирское население юго-восточной Башкирии к середине XIX в. подразделялось в хозяйственном отношении на две основные группы: численно преобладающая группа населения занималась полукочевым скотоводством; башкиры в горно-лесных районах Южного Урала—лесными промыслами. В то же время на огромной территории юго-востока имели место многие переходные и смешанные хозяйства, сам факт существования которых отражал активно идущий процесс хозяйственной эволюции. П. Небольсин, в конце 1840-х годов побывавший в Оренбургской губернии, писал: «В вершинах рек Тобола и Урала мне... довелось видеть киргизов и башкирцев во всех видоизменениях их быта, от чисто кочевого к постоянно оседлому»². Так же как и в других областях Башкирии, в зонах активного контакта башкир с пришлым населением, поблизости от заводов и рудников, появляются смешанные хозяйства, сочетавшие начатки хлебопашества с выходом «всей деревней на летние кочевки»³. Районами смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства стали правобережье Белой южнее устья Инзера, среднее и нижнее течение р. Б. Ик — на юге; зоны такого типа хозяйства появились в конце XVIII — первой половине XIX в. в верховьях р. Урал между Миасским заводом и Верхнеуральском, в долине р. Сакмары. В целом же юго-восточная Башкирия осталась в основном скотоводческой. «Хлебопашество, — по характеристике Игнатовича, — стоит здесь на самой низкой ступени»⁴. Башкирские хозяйства, которые занимались земледелием, засевали не более 1—2 десятин: «Сеющий три десятины считается здесь богачом»⁵. Даже эти небольшие посевы появились большей частью не в результате естественной эволюции кочевого хозяйства к оседло-земледельческому. Земледелие в юго-восточных районах «недавно стало вводиться по принуждению начальства», — замечает Игнатович, имея в виду мероприятия царской администрации (особенно активизировавшейся в этом направлении после указа 1832 г.), направленные на насильственное насаждение навыков земледелия и оседлой жизни. Большинство юго-восточных башкир еще прочно придерживалось традиции полукоечевого скотоводства и во многих случаях лишь «один страх наказания, которому они подвергаются за нерадение в хозяйстве, заставляет их посеять небольшое количество хлеба вблизи юрты...»⁶. Попытки насильственно принудить башкир оставить прежний, сложившийся веками образ жизни, без учета приобретения навыков земледелия, не дало, да и не могло дать сколько-нибудь положительных результатов. Более того, трудно

¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 24, ед. хр. 4, «Научный отчет фольклорной экспедиции за 1960 г.», т. II, с. 411 и др.

² П. Небольсин. Указ. соч., с. 25.

³ Полевые записи 1953 г., с. 189.

⁴ Игнатович. Башкирская Бурзянская волость. СПб., 1863, с. 45.

⁵ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 54—57.

⁶ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 448, 449.

согласиться с мнением, что такая политика «все же содействовала развитию производительных сил края»¹, так как запрещение или строгая регламентация сроков и маршрутов кочевания подрывали традиционное башкирское хозяйство, а к усвоению новых форм хозяйствования башкирское население ни материально, ни психологически еще не было подготовлено. С отменой кантонной системы управления, там, где земельные площади позволяли вести полукочевое скотоводческое хозяйство, башкиры нередко забрасывали даже те небольшие посеы, которые они принуждены были завести². Таким образом, в отличие от западной и юго-западной Башкирии на юго-востоке к середине XIX в. не было целиком земледельческих районов. Там, где земледелие привилось, оно существовало рядом с полукочевым скотоводством.

Хотя скотоводство осталось ведущей формой хозяйства на юго-востоке и в ряде других районов Башкирии, с 30-х годов XVIII в. до середины XIX в. в системе ведения скотоводства произошли существенные изменения. В хозяйстве кочевников-башкир лошади летом паслись косяками (в каждом косяке около 40 голов), а зимой косяки объединялись в табун, в котором было до 400 и более лошадей³. В степных районах косяки (эйер, эркәү) и табун (йылкы кәтәүе, эйер) были большими, в лесостепных, ближе к горам, — меньшими. В конце XVIII — первой половине XIX в. вследствие социально-экономических процессов внутри башкирского общества количество скота сокращается, и даже на юго-востоке лишь богатые семьи имели собственные косяки или табун. Основная масса башкир кочевала летом своими семейно-родственными группами или объединялась, в зависимости от количества скота, в пастбищно-кочевые группы; и в том и в другом случае лошади сгонялись в несколько общих косяков. В зимнее время табун составлялись из лошадей жителей одной деревни или сельской общины, которая выделяла и пастухов для присмотра на тебеневке. В смешанных скотоводческо-земледельческих хозяйствах иногда даже для выхода на пастухов ел собирали несколько косяков или даже один косяк лошадей⁴; в этих случаях, естественно, родственные связи семей теряли значение, и кочевые группы образовывались по чисто соседскому принципу.

Летом юго-восточные башкиры кочевали в горах «и около оных лежащих местах», «а осенью и зимою кочуют они по большей части в долинах...»⁵. Карагай-кыпчакские башкиры горной деревни Аралбаево рассказывают, например, что раньше здесь деревни не было; сюда их предки приходили лишь на летние кочевки⁶. Такой способ

¹ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 56.

² Полевые записи 1958 г., с. 116.

³ Полевые записи 1953 г., с. 98, 117.

⁴ Полевые записи 1953, 1958 и 1961 гг.

⁵ П. С. П а л л а с. Указ. соч., кн. II, ч. 2. СПб., 1786, с. 9.

⁶ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7, «Башкортостандың Бөрйән, Биләрет райондары башкорт халыҡ ижады буйынса материалдар», с. 251.

кочевки (летом — горы, зимой — долины, степь) был традиционным и диктовался необходимостью содержания стада круглый год на подножном корме. В середине XIX в. еще во всех скотоводческих районах Башкирии, по описанию В. М. Черемшанского, «скот... всю зиму гуляет в степи на тебеневке и лишь жеребята, да мелкий скот держится дома и кормятся сеном»¹. Однако в XIX в. возможности даже сравнительно дальних перекочевков постепенно уменьшаются или даже вовсе исчезают. Теперь часто степняки не могут кочевать в горах, а горцы — в степях, так как земельные вотчины были фактически (а в западной Башкирии в большинстве случаев и юридически) поделены между общинами. Это лишает скотоводов главного условия, необходимого для нормального ведения их хозяйства — сохранения малоснежных степных пастбищ нетронутыми до зимней тебеневки. Разрушение этого условия требует или резкого увеличения сенокосения для зимней подкормки скота, или сокращения поголовья. В Башкирии происходит и то и другое, правда, в разных районах в различных пропорциях. Некоторая часть башкир, пытаясь полностью сохранить традиционное хозяйство, откочевывает из юго-восточной Башкирии (юмран-табынцы, бурзяне, кыпчаке и др.) далеко на юг, где поселяются в оренбургских степях по долинам рек Ток, Б. и М. Уран и т. д. Однако и там в первой половине XIX в. развиваются те же процессы, что и на основной территории Башкирии.

Таким образом, нарушение традиционных маршрутов и территорий кочевков привело к серьезным метаморфозам в системе ведения скотоводческого хозяйства. Наиболее тяжелым последствием этого явления было сокращение поголовья скота. В. М. Черемшанский пишет: «...в суровые зимы башкиры лишаются скота»²; аналогичные сведения сообщает Игнатович, как и В. М. Черемшанский, лично наблюдавший жизнь кочевников-башкир в середине XIX в.: «...во время же снежных зим очень часто лошади умирают с голоду», «иногда в деревне... не остается ни одной скотины»³. Снежные зимы, джугты, естественно, бывали и раньше, но тогда у башкир было все же больше возможностей использовать особенности географического ландшафта на большой территории и на зиму перегонять стада в малоснежные места.

Состав стада у башкир сохранился прежний: в нем преобладали лошади и овцы (в меньшей степени козы), более чем другие животные приспособленные к зимней тебеневке. В зауральских степях и на юго-западе разводили в небольшом количестве верблюдов. Повсюду держали коров, число которых, однако, было сравнительно невелико. Соотношение различных видов скота в значительной мере зависело от степени «чистоты» скотоводческого хозяйства, от того, насколько оно далеко зашло в своем развитии к оседлости и земледелию. В Зауралье, как на севере, так и на юго-востоке, а

¹ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 149.

² Там же.

³ Игнатович. Указ. соч., с. 44.

также в южных степях, где в XVIII в., а в ряде районов и в первой половине XIX в., сохранились условия для ведения прежних форм скотоводческого хозяйства, в стаде преобладали лошади. Количество овец было несколько меньше количества лошадей или равно им. Крупный рогатый скот составлял примерно 1/3 часть, а то и меньше, количества лошадей. Даже в богатых хозяйствах коров (кстати, у башкир в прошлом весьма малопродуктивных) редко держали более 10—20. С формированием смешанных хозяйств это соотношение несколько меняется: с уменьшением количества лошадей и овец удельный вес коров в стаде возрастает.

По всей полосе горно-лесного Южноуральского хребта, протянувшегося на юго-востоке Башкирии с севера на юг, широко были развиты лесные промыслы. В отличие от северной Башкирии, где лесные промыслы в конце XVIII — первой половине XIX в. обычно сочетались с земледелием, здесь они развивались рядом с полукочевым скотоводством. Однако соотношение занятий лесными промыслами и скотоводством в различных горно-лесных районах было разным. На южных отрогах Южного Урала, в верховьях Сакмары, в меньшей степени — в верховьях Белой, лесные промыслы играли подсобную роль в скотоводческом хозяйстве. К северу, в верховьях Нугуша, Зилима и особенно в бассейне рек Инзер, Лемеза и на правобережье Сима лесные промыслы были главным занятием башкир. «Земледелием башкиры почти совсем не занимаются... — пишет об инзер- и кузгун-катайцах Д. Никольский, — главное их занятие — это лесной промысел, которым занимаются они круглый год». Зимой рубили лес или заготавливали дрова для близлежащих заводов; с наступлением зимы начинали драть лыко. Из мочалы башкиры делали «веревки, рогожи, сбрую и т. д.» Скотоводством здесь занимались мало. Лошадей башкир держат столько, «сколько необходимо для домашнего обихода»¹. Для коров и овец на зиму заготавливали сено. Среди горно-лесных башкир по-прежнему большое место в хозяйстве занимали бортничество и охота. Охота в юго-восточной Башкирии была как степная (с ловчими птицами — ястребами, соколами, беркутами и с гоном волков), так и лесная на пушных зверей — с различного рода охотничьими снарядами, с луком и стрелами².

Несмотря на ограниченные масштабы скотоводства, все горно-лесные башкиры сохранили обычай выходить на летние кочевки. Кочевка горно-лесного башкира, особенно на Инзере, отличалась от летней кочевки степных или лесостепных башкир. Вместо юрт (войлочных кибиток) здесь «маленькие, низкие избушки... покрытые драньем или лубом, с низкими дверями, всегда почти без окон»³. Нетрудно заметить сходство этих «избушек» с «вежами», описанными Н. С. Поповым у северо-западных лесных башкир.

¹ Д. Никольский. Из поездки к лесным башкирам, с. 9, 10, 12.

² Игнатович. Указ. соч., с. 44; Д. Никольский. Указ. соч., с. 12—13.

³ Д. Никольский. Указ. соч., с. 2—3.

Устойчивое сохранение традиции летнего кочевания у горно-лесных башкир объясняется не столько реальным значением в хозяйстве скотоводства (оно здесь не играло уже прежней роли), сколько тем, что земледелие в этих районах не получило (а по природно-географическим условиям и не могло получить) достаточного развития. Только устойчивое земледелие разрушало традиции кочевания, как это случилось на северо-западе и западе Башкирии. А в лесах Южного Урала кочевничество в одних случаях поддерживалось мощной силой исторической инерции, подкрепленной все же определенным хозяйственным значением скотоводства, в других — и это кажется главное — традиции летнего кочевания были приспособлены постепенно к потребностям новых занятий — лесных промыслов. На летние кочевые месяцы падал наиболее активный период лесных работ: рубка и сплав леса, заготовка различного рода сырья, поташное производство, гонка смолы и т. д.

Ввиду специфических особенностей длительного существования смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства остановимся на этом вопросе особо.

Смешанное земледельческо-скотоводческое или скотоводческо-земледельческое хозяйство мало изучено, хотя на протяжении почти двух столетий оно было характерным как для башкир, так и для многих других в прошлом скотоводческих народов. Значительная часть башкирского населения, вынужденная в результате сложившихся новых экономических и политических условий начать обрабатывать землю (заимствуя навыки земледелия у пришлых крестьян), в то же время проявила устойчивую тенденцию к сохранению прежнего образа жизни. Это естественно, так как переход к земледелию не означал лишь смену типа хозяйства; речь шла о перестройке всего уклада жизни. Поэтому эта постепенная перестройка, с многими переходными явлениями как в сфере хозяйственной и культурной жизни, так и в сфере общественных отношений, составила целую полосу в истории башкирского народа.

Смешанные хозяйства в литературе отмечены уже в середине XVIII в. А во второй половине XVIII в. И. И. Лепехин, имея в виду именно эту особенность башкирского хозяйства, писал, что «башкирцев можно почесть межееумками между дикими и градолюбивыми народами»¹. К середине XIX в. смешанные хозяйства были распространены на огромной территории (см. рис. 5).

В наиболее завершенном виде смешанное хозяйство сложилось к середине XIX в. на юго-западе Башкирии. По существу все башкиры в зоне распространения этой формы ведения хозяйства были оседлыми, но летом выходили на кочевку, однако уже не всей деревней, как раньше. Теперь кочевали лишь те, кто имел «достаточное число» скота. Иными словами, формирование смешанного хозяйства означало завершение эволюции скотоводческого хозяйства к тому варианту, по классификации С. И. Руденко, когда кочевала лишь часть семей. Естественно, что те башкиры, которые и на лето оста-

¹ И. И. Лепехин. Записки путешествия..., с. 36.

вались в деревне, навсегда оставив кочевание, имели тенденцию к постоянному численному росту. В первую очередь, это была богатая верхушка башкирского общества и бедняцкие низы. Бросали кочевку те, кто имел материальную возможность организовать более производительное земледельческое хозяйство, или те, кто, совершенно разорившись, вынужден был, чтобы не умереть с голода, засеять клочок земли. По верному наблюдению П. Небольсина, «к хлебопашеству у кочевого племени бывает только две причины: или значительное богатство или безысходная нищета»¹. Впрочем далеко не все бедняки, оставив кочевание, занялись земледелием; многие из них, не владея скотом и сельскохозяйственными орудиями, не имели такой возможности. Жили они тем, что, сдавая в аренду свои вотчинные наделы, зачастую шли к своему же арендатору в наемные работники.

Конечно, по всем приведенным признакам смешанное хозяйство, сочетая элементы оседлого земледелия и полукочевого скотоводства, было переходным. Однако в силу замедленности развития производительных сил, характерной для общества кочевников-скотоводов, оно существовало в ряде районов Башкирии много десятилетий и даже столетий. Смешанное хозяйство наложило своеобразный отпечаток на развитие материальной культуры в соответствующих районах и на общественные отношения. Отход от кочевнического быта и степной культуры, который этнографы фиксируют у западных и северных башкир, есть прежде всего результат описываемой трансформации в хозяйстве. Только в этом аспекте можно правильно толковать культурное влияние оседло-земледельческих народов на культуру и быт башкир. На базе смешанного хозяйства сложились чрезвычайно сложные, противоречивые общественные отношения у башкир. Сохраняющие реальное значение элементы патриархального уклада переплетались с классовыми отношениями двух типов: с одной стороны, характерные для патриархально-феодального кочевого скотоводческого общества и, с другой, — феодального земледельческого с присущими ему формами феодальной зависимости. Эта картина еще более осложнялась с XVIII в. наслаиванием товарно-денежных отношений, которые имели хотя и медленную, но все же постоянную тенденцию к росту. Таким образом, без учета всех этих своеобразных факторов невозможно понять динамику социальных отношений и расстановку классовых сил в башкирском обществе в XVIII — первой половине XIX в.

Обзор занятий всех групп башкир в XVII — первой половине XIX в. позволяет высказать некоторые общие соображения. Сложившиеся к середине XIX в. различия в хозяйстве башкир впервые отметили П. Небольсин и В. М. Черемшанский. Они делили башкир на оседлых и кочевых, а последние, в свою очередь, подразделялись на степных и горно-лесных². Однако недостатком этой, весьма цен-

¹ П. Небольсин. Указ. соч., с. 26—27.

² П. Небольсин. Заметки о башкуртах. — «Отечественные записки», т. LXXIII, отд. VIII. СПб., 1850, с. 3; В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 143.

ной для своего времени, классификации является то, что образ жизни башкир (оседлость, кочевание) не всегда указывает на господствующий у них тип хозяйства. В хозяйственном отношении территория Башкирии в середине XIX в. подразделялась на три основные области:

1. Земледельческую — начиная от Красноуфимского уезда и захватывая всю северо-западную Башкирию, она простиралась вплоть до верховьев р. Б. Ик (см. рис. 5).

2. Земледельческо-скотоводческую (или скотоводческо-земледельческую). В нее входили в основном северо-восточная (Уфимское плато), центральная и юго-западная (долина р. Демы) Башкирия. Эта форма хозяйства имела тенденцию к быстрому распространению на восток и к середине XIX в. захватила значительную часть Зауралья.

3. Скотоводческую — в нее входили восточная и южная Башкирия от северного Зауралья до оренбургских степей¹.

Все три зоны к востоку и северу от р. Белой пересекались полосой горно-лесных и лесных районов, где широкое развитие получили лесные промыслы; последние на севере и северо-западе сочетались с земледелием, на юго-востоке — с полукочевым скотоводством, то есть представляли

то «существо своеобразный тип смешанного хозяйства. В центральной полосе лесных районов, по течению рек Инзер, Лемеза, Сим и некоторых других лесные промыслы имели ведущее значение в хозяйстве.

Эти областные различия нашли отражение и в структуре стада в башкирских кантонах в середине XIX в. (табл. 1)².

В земледельческих кантонах (I, II, XI, XII) количество лошадей значительно меньше количества овец и коз. В кантонах, где преобладало смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство (III, IV, V, IX, XIII), количество лошадей было равным или приближалось к количеству овец и коз. В кантонах, где скотоводство оста-

Т а б л и ц а 1

№ башкирских кантонов	Лошадей	Рогатого скота	Овец и коз
I	6086	4349	9143
II	14607	7462	18447
III	21900	9897	23405
IV	17129	3745	17782
V	11899	8954	11445
VI	56869	26670	53606
VII	69290	39661	28762
VIII	79160	27828	49882
IX	26745	14384	21964
X	143265	73379	111736
XI	38006	21734	78986
XII	28924	17854	52948
XIII	62000	37101	88915
Итого	569879	293617	567021

¹ К аналогичным выводам о хозяйственном районировании территории Башкирии в первой половине XIX в. пришел Р. З. Я н г у з и н. См. его статью: Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.— АЭБ, т. V, с. 139 и сл.

² В. М. Ч е р е м ш а н с к и й. Указ. соч., с. 142.

валось еще ведущей формой хозяйства (VI, VII, VIII, X), количество лошадей явно преобладало. Конечно, эти оценки схематичны, так как в пределах отдельных кантонов, в территориальном и природном отношении огромных и разнообразных, могла сложиться разная картина. Но в них есть и преимущество, так как соотношение различных видов скота по кантонам отражает хозяйственную тенденцию в целом.

Важно выяснить хотя бы примерное численное распределение башкирского населения между различными зонами. В 1850 г. в 13 кантонах насчитывалось 497,6 тыс. башкир обоего пола, в том числе в земледельческих кантонах — 142,7 тыс., в кантонах, где преобладало смешанное хозяйство, — 128,5 тыс. и в скотоводческих кантонах — 225,8 тыс. человек. При этом надо учесть, что в восточной «скотоводческой» Башкирии, хотя все или почти все башкирское население продолжало выходить на летние кочевки, часть башкир перешла к смешанному хозяйству или была на пути к нему. Следовательно, около трети (33%) башкир жило в земледельческой области; примерно четвертая часть (25%) вела смешанное хозяйство; остальные (45%) занимались полукочевым скотоводческим хозяйством, сочетая его в горно-лесных районах с лесными промыслами. Этот расчет мало отличается от расчетов А. З. Асфандиярова, который пользовался опубликованными им «Ведомостями башкирских и кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в.» Ведомости составлены в 1841—1842 гг., отражают материалы VIII ревизии и содержат сведения о занятиях жителей каждой учтенной башкирской деревни. По итоговым данным земледелием занималось (то есть вело земледельческое и смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство) 176 883 человека, или 46,1% всего населения, полукочевым скотоводством — 207 192 человека, или 53,9% всех башкир¹. Если упомянутые «Ведомости...» использовать для установления образа жизни, то 38% башкир обитало в полностью оседло-земледельческих уездах, 62% — в уездах, где сохранялись летние выходы на кочевку².

Таким образом, наиболее крупные качественные сдвиги в хозяйстве башкир падают на последние десятилетия XVIII и первую половину XIX в. Это был период не только хозяйственной, но в какой-то степени и культурной перестройки в башкирском обществе. Именно в этот период вслед за хозяйственными изменениями происходит проникновение в область духовной и особенно материальной культуры новых явлений, подрывавших старые традиции и создававших новые. Этот процесс, в первую очередь, был характерен для районов распространения земледелия. Это и естественно, так как речь идет о перестройке перехода народа от одного типа хозяйства к другому, о перестройке всего образа жизни; в северо-западных и западных районах этот процесс завершился или почти завершился. Историче-

¹ «Южно-Уральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 197.

² Там же, с. 199—307.

ский процесс смены типов хозяйства башкир и, соответственно, постепенные преобразования в культуре протекали медленно и тяжело. На это ушли многие десятилетия и даже не одно столетие. В этом имели значение многие факторы: географические, социально-экономические, политические, демографические, этнические, культурные. Совокупность и специфичность этих факторов и определяли в конечном итоге характер, направление и темпы той постепенной перестройки башкирского хозяйства, которая в середине XIX в. захватила всю Башкирию.

3. Развитие хозяйства башкир во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. хозяйство башкир развивалось в тех же направлениях, которые определились к середине XIX в. Однако это развитие привело к серьезным качественным сдвигам в башкирском хозяйстве и к весьма существенным изменениям границ распространения тех или иных хозяйственно-культурных комплексов. Далеко на восток отодвинулась граница распространения оседлого земледелия. Кочевое и даже полукочевое скотоводство как тип хозяйства исчезло; на смену ему повсюду, даже в самых дальних уголках Башкирии пришло оседлое смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство с сохраняющимися традициями выхода вместе со скотом на летние пастбища. На севере и северо-западе Башкирии хозяйственное значение лесных промыслов упало, а во многих районах эти занятия были вообще забыты. В горах Южного Урала, напротив, лесные промыслы приобрели значение специализированного хозяйства.

Среди многочисленных внешних факторов, воздействовавших на развитие башкирского хозяйства, наибольшее значение по-прежнему имели рост численности населения в крае и углубившийся процесс расхищения у башкир земельной собственности. Если в 1851 г. в Оренбургской губернии проживало 1713 тыс. человек, то в 1897 г. на той же территории насчитывалось уже 3797 тыс. человек¹. Особенно увеличилось население в северных и западных уездах края, где в некоторых районах плотность расселения превысила средний уровень по Европейской части России. Такие темпы роста численности населения в крае объяснялись в значительной степени усилением крестьянской колонизации Башкирии в пореформенный период. Только в Уфимскую губернию, например, с 1861 по 1897 г. переселилось более 26 тыс. крестьянских семей². Одним из трагических для башкир последствий развития капитализма «вширь» было разграбление башкирских земель. За 1877—1905 гг., по подсчетам Х. Ф. Усманова, башкиры потеряли более 1,5 млн. десятин

¹ А. Г. Рашинов. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 28; «Первая всеобщая перепись..., 1897 г.», т. XXVIII, с. 7; т. XLV, с. 10.

² ОИБ, т. I, ч. 2, с. 174.

земли¹. Тесно связанные между собой колонизация Башкирии и обезземеливание башкир сопровождалось, естественно, углублением социальных противоречий внутри башкирского общества. Этот совокупный процесс не мог не отразиться на своеобразном развитии хозяйства (хотя, с другой стороны, сложившаяся к этому времени структура хозяйства в разных районах Башкирии придавала социальным переменам определенную направленность).

Особенность развития хозяйства башкир в пореформенный период заключалась в следующем: в отличие от первой половины XIX в., когда, несмотря на явные признаки существенной перестройки, все же преобладали медленные, естественные темпы эволюции башкирского хозяйства, во второй половине XIX в., особенно в последних его двух десятилетиях, имела место резкая ломка традиционной структуры хозяйства, поставившая значительную часть башкирского народа на грань полного разорения. Основную причину этой ломки надо искать в особенностях и темпах развития капитализма в сельском хозяйстве Башкирии². Происшедшее перераспределение земельной собственности заставляет башкир на оставшихся у них угодьях искать пути интенсификации своего хозяйства. Однако этот процесс был чрезвычайно сложным и в различных районах Башкирии протекал по-разному.

Зона полной оседлости (рис. 6) к концу XIX в. распространилась на те районы, где в предшествующий период господствовало смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Башкиры к западу от среднего течения р. Белой, а также на Уфимском плато и в челябинском Зауралье в начале XX в. на летние кочевки не выходили или почти не выходили³. Переход юго-западных башкир к полной оседлости произошел в последние десятилетия XIX в. Еще в 1873 г. Н. В. Ремезов, побывавший в Стерлитамакском уезде, по левую сторону р. Белой, видел здесь степи, «поросшие ковылем, да возле речек кочевки башкир»; в деревнях, по его словам, «во все лето нельзя было найти ни одной души». Уже менее чем через десятилетие, в 1881 г. Н. В. Ремезов, вновь побывавший в этих местах, «нигде не встречал кочевок...»⁴. Примерно в то же время прекратились кочевки в северо-восточной Башкирии и среди зауральских башкир к северу от Челябинска⁵. Даже белянковские башкиры, жившие у самых предгорий Среднего Урала и дольше других сохранявшие полукочевой быт, к концу XIX в. были «все оседлы»⁶.

¹ Х. Ф. Усманов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. См. также: ОИБ, т. I, ч. 2, с. 168—173.

² ОИБ, т. I, ч. 2, главы II, III, V.

³ Н. А. Гурвич. Статистические очерки Уфимской губернии, вып. II, Скотоводство. Уфа, 1882, с. 7.

⁴ Н. В. Ремезов. Очерки из жизни дикой Башкирии, кн. I. М., 1887, с. 102, 103.

⁵ И. Г. Остроумов. Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии, составленной в 1891 г. — Записки Уральского общества любителей естествознания, т. XIII, вып. 2. Екатеринбург, 1894, с. 152; Н. Л. Скалозубов. Очерки экономического положения... с. 9; Н. В. Бикулатов, М. В. Мурзабулатов. Указ. соч., с. 107, 117.

⁶ Н. Л. Скалозубов. Из заметок во время разъездов..., с. 24.

Уровень и масштабы ведения земледельческого хозяйства во всей этой зоне были, конечно, различными. В районах северо-западной и западной Башкирии, где земледельческие традиции были уже достаточно прочными, техническая оснащенность башкирского земледелия и масштабы его ведения ничем не отличались от аналогичных занятий местного татарского или русского крестьянства. Лишь кое-где на северо-западе (по долинам рек Тулва, Пизь, Тую и др.) земледелие сочеталось с лесными промыслами, однако в связи с истреблением лесов хозяйственное значение этих занятий все более и более падало.

Земледелие у башкир, которые недавно вели смешанное хозяйство, носило довольно примитивный характер. Как на юго-западе, так и на северо-востоке система полеводства была трехпольная, а в предгорных районах Красноуфимского и Шадринского уездов даже переложная. Поля не удобрялись. Размеры посевов у основной массы башкирских крестьян были незначительны, обычно не более 1—2, редко 3—4 десятины¹.

Вспахивали землю сохой, запрягали по 2—3 лошади в оглобли; постромки появились позднее. Лишь в конце XIX в. повсеместно появился железный сабан (плуг), которым обычно поднимали целину. Убирали хлеб серпами; косить хлеб башкиры во многих районах юго-запада научились только на рубеже веков, переняв этот способ у русских крестьян². Сеяли преимущественно яровые: пшеницу, овес, просо, ячмень.

Несмотря на переход к оседлости, башкиры этих районов сохраняли в образе жизни, в материальной и духовной культуре многочисленные традиции кочевого скотоводческого быта. Среди демских и зауральских башкир сохранялась зимняя тебеневка скота: лошадей, а нередко даже овец и коров, хотя бы до половины зимы старались держать на подножном корме³. На фоне всеобщего перехода к оседлой жизни в демском бассейне, на северо-востоке и в Зауралье еще оставались островки башкирских деревень, обитатели которых не оставляли летних кочевков. Кочевали зачастую в нескольких километрах от деревни, а то и совсем рядом, на виду от села⁴. В этих кочевках, продолжительность которых регулировалась земледельческим календарем, как правило, не было хозяйственной необходимости; они свидетельствовали, с одной стороны, о незавершенности процесса оседания, с другой — о прочности и устойчивости давних традиций. Эти традиции в той или иной мере сказывались во всех сферах жизни и быта башкир южных земледельческих районов. Если башкиры отдельных деревень (Казакларкубово, Канлы-Туркеево, Туратбаш и другие на юго-западе; Ариево, Маржамгулово и другие на северо-востоке; Халитово и другие в Зауралье) даже в конце XIX в. на лето перегоняли стада на кочевки, то вся остальная

¹ М. Плисецкий. Башкиры. М., 1929, с. 8; Н. Л. Скалозубов. Из заметок во время разъездов..., с. 24.

² Полевые записи 1955 г., с. 106—108.

³ Полевые записи 1955 г., с. 9—10.

⁴ Там же, с. 6, 17, 58; 1957 г., с. 107—108.

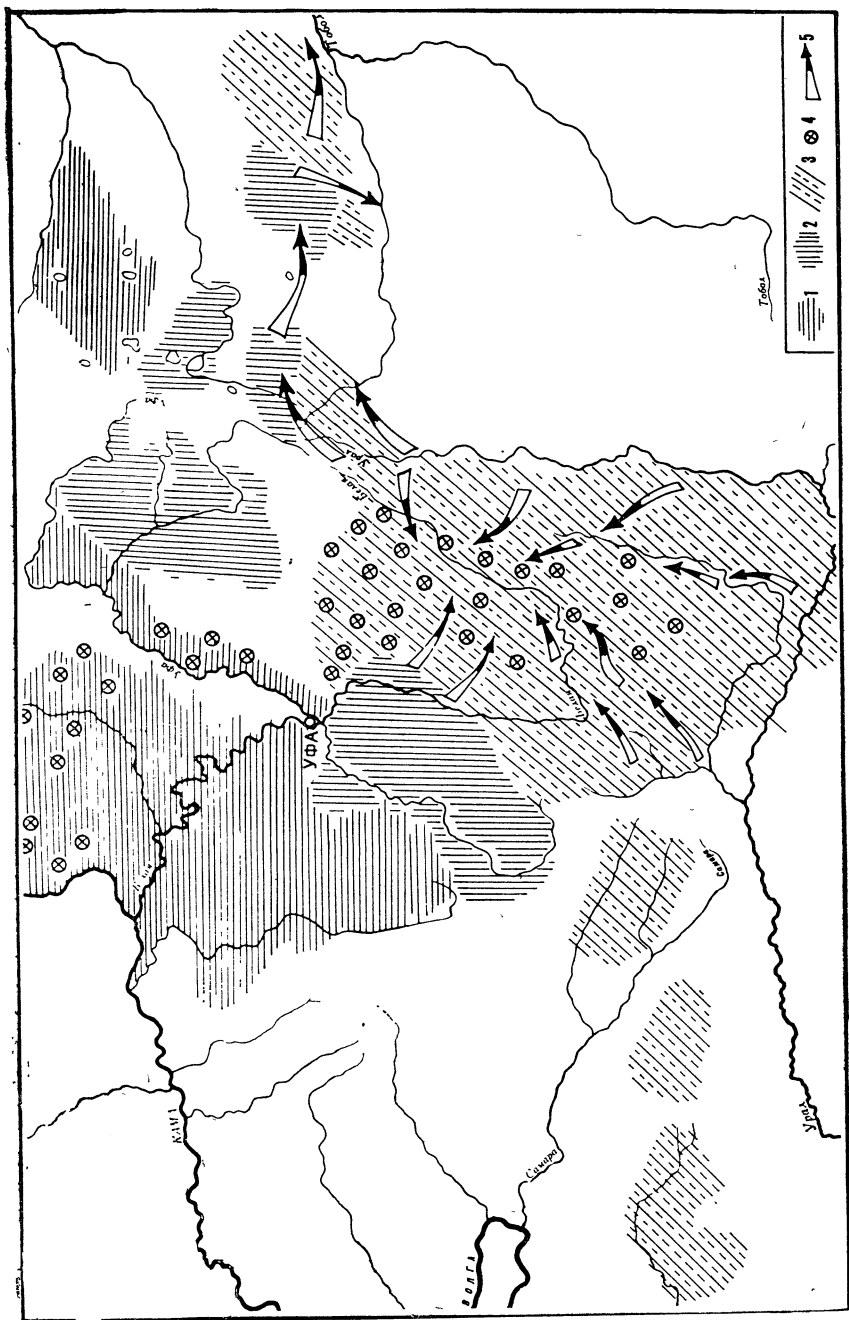

Рис. 6. Хозяйство башкир в конце XIX — начале XX в.:

1 — оседлое земледелие; 2 — смешанное земледелие; 3 — смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство; 4 — лесные промыслы; 5 — направления летних кочевок.

масса башкирского населения новых земледельческих районов также продолжала «кочевать», но у себя на усадьбе. На лето башкиры перебирались в летние жилища (аласык), где пребывали до поздней осени. Несмотря на резкое уменьшение скота, башкиры медленно увеличивали размеры посевов. Значительная часть земель сдавалась в аренду, скромные доходы от которой позволяли поддерживать хотя бы видимость прежней степной жизни.

Отмеченная особенность показывает, что в новых земледельческих районах развитие земледелия и переход к полной оседлости — процессы синхронные. Процесс полного оседания башкир в этих районах протекал медленнее, чем развитие хлебопашества. Конечно, переход к земледелию, который был следствием сложившейся экономической ситуации, вызывал оседание башкирского населения, но не сразу. Формировавшийся веками быт кочевников-скотоводов даже на последних стадиях существования сопротивлялся окончательному разрушению, приспособлялся к новым условиям. Именно этим объясняется тот факт, что материальная и духовная культура башкир рассматриваемых земледельческих районов накануне революции не была всецело земледельческого типа; по многим своим чертам она тяготела к кочевническому востоку. Внимание, которое мы уделяем особенностям хозяйственной жизни и быта новых земледельческих районов, чрезвычайно важно, так как исторический опыт убедительно свидетельствует о специфичности социальной организации и общественных отношений не только у кочевников, но и у тех народов или групп населения, где кочевой быт сохранился в той или иной степени.

В южной, юго-восточной Башкирии и на крайнем юге зауральских степей, где в середине XIX в. преобладало полукочевое скотоводство, к началу XX в. господствовало смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство (см. рис. 6). Здесь повсюду или почти повсюду в разных формах и в разных масштабах сохранялись летние кочевки, зимняя тебеневка скота, в лесных районах — бортевое пчеловодство и охота. Однако башкирское скотоводство в конце XIX в. переживало кризис. Поголовье скота неудержимо сокращалось; в 1864 г. на 100 жителей Оренбургской губернии приходилось 120 голов скота, а на 100 башкир той же губернии — 172 головы; в 1897 г. на 100 жителей губернии приходилось лишь 55 голов скота. Это резкое уменьшение поголовья скота произошло в значительной степени за счет башкирских хозяйств, почти пятая часть которых к началу XX в. совершенно лишилась скота¹. Главной причиной упадка скотоводства у башкир было расхищение башкирских земель, сокращение пастбищ, что подорвало экономические основы традиционного хозяйствования. За 1877—1905 гг. среднее количество земель, приходившееся на один двор башкир и тептярей, сократилось по Оренбургской губернии с 91 до 44 десятин, то есть более чем вдвое. Однако и это количество земли находилось зачастую в собственности башкир лишь юридически, так как значительную часть

¹ ОИБ, т. I, кн. 2, с. 171—178.

вотчин разорившиеся крестьяне сдавали в долгосрочную аренду кулакам, лесопромышленникам, заводчикам¹. Подавляющая часть башкир и этого района лишилась возможности вести скотоводческое хозяйство в прежних масштабах и формах и искала выход в занятиях земледелием. Уже в 1895 г. в Оренбургском, Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии на одного башкира приходилось 0,5 десятины посева, что свидетельствует о довольно значительных успехах земледелия².

Такова была общая картина хозяйственного развития в южной и юго-восточной Башкирии. Специфика же эволюции башкирского хозяйства этой области заключалась в том, что земледелие в этом огромном районе к началу XX в. ни по масштабам развития, ни тем более по уровню ведения не смогло стать ведущей отраслью экономики. Основная масса башкир здесь не была подготовлена к резкой перестройке хозяйства; несмотря на сокращение пастбищ и скота, бывшие кочевники, вынужденные во имя существования обрабатывать землю, продолжали сохранять в то же время устойчивую приверженность к традиционным формам хозяйствования. Складывается, таким образом, смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство, которое на значительной территории южной и юго-восточной Башкирии господствует вплоть до Октябрьской революции.

Длительному существованию смешанного хозяйства способствовали несколько обстоятельств. Прежде всего — это наличие у восточных и южных башкир, несмотря на огромные потери, все же значительных земельных площадей. Размеры наделов в разных уездах и волостях были различны. В некоторых волостях Верхнеуральского уезда, а также среди ток-чуранских и иргиз-камеликских башкир в Самарской губернии дворовые наделы достигали 60—70, а иногда и 100 десятин³. Конечно, башкирские вотчины в начале XX в. существенным образом уменьшились, однако наделы даже в 30—50 десятин, не давая возможности вести чисто скотоводческое хозяйство, позволяли наряду с земледелием сохранить некоторые кочевые традиции. Существенное значение имело и то, что в южной и юго-восточной Башкирии огромные пастбищные территории оставались в общинном владении, что позволяло башкирам сохранять хотя бы часть традиционных маршрутов летних перекочевок. И, наконец, юго-восточная и южная Башкирия — район довольно компактного расселения башкир; сюда в значительно меньших размерах, чем на север и запад, достигла переселенческая волна. Соответственно менее активным было хозяйственное и культурное взаимодействие с другими народами, что способствовало устойчивому сохранению многих атрибутов прежнего образа жизни.

Наиболее устойчиво сохранилось летнее кочевание в степных районах. Башкиры современных Абзелиловского и Баймакского районов (дер. I и II Иткулово, Абдулмамбетово, Булатово и др.)

¹ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 182.

² Там же, с. 179.

³ «Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г.». Самара, 1890, с. 15.

выходили на летние кочевки до 1917—1918 гг., а местами вплоть до начала массовой коллективизации¹. Ток-чуранские башкиры, а также башкиры по нижнему течению р. Сакмары и прилегающих с юга степей в 1908—1910 гг. кочевали еще «целыми деревнями»²; «Иргиз-камеликские башкиры, — говорится в «Списке населенных мест Самарской губернии», — составляя исключительно земледельческое население губернии, в действительности... охотнее сдают свои земли в долгосрочную аренду, а сами ведут кочевую скотоводческую жизнь»³. В северном Зауралье традиции летнего кочевания в начале XX в. были еще устойчивы у курганских башкир⁴, а также, в меньшей степени, в башкирских районах южнее Челябинска⁵. Впрочем здесь, как и повсюду, масштабы летних кочевок башкир находились в прямой зависимости от размеров их земельных владений. В малоземельных башкирских волостях (айлинцы, бала-кайтцы) кочевки прекратились гораздо раньше, чем в многоземельных (кара-табынцы, сызгинцы)⁶.

Какие формы приняло ведение смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства в южной и юго-восточной Башкирии? Башкиры, жившие по речным долинам Южного Урала или в предгорьях, на лето перегоняли стада на горные пастбища; степняки откочевывали на близлежащие сырты или просто удалялись от деревни на определенное расстояние. Направление летних кочевок, таким образом, по-прежнему определялось преимущественно сочетанием гор и степей. Если, например, башкиры восточного и юго-восточного Зауралья летом передвигались на запад и на север в горы Южного Урала, то башкиры Стерлитамакского уезда с той же целью шли на восток. До недавнего времени старики совершенно точно помнили маршруты традиционных перекочевок: так, башкиры долины р. Нугуш ранней весной поднимались по течению этой реки и ее притокам в горы, то есть перегоняли стада в восточном направлении; жители дер. Байдавлетово в южной Башкирии углублялись в горы по р. Сурень, то есть шли на север, а башкиры зауральской деревни Ташбулатово перекочевывали на горные пастбища по р. Малый Кизил (см. рис. 6)⁷. В северном Зауралье малоземельные айлинцы кочевали недалеко в степях, в пределах своих общинных земель, а башкиры родов табын, сызгы перегоняли скот на горные пастбища Урала. Летние кочевья курганских башкир находились к югу от мест их постоянного расселения на левобережье р. Уй⁸.

¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 7, «Башкортостандын Бөрйөн, Биләрет райондары башкорт халык ижады буйынса материалдар», с. 6; Полевые записи 1953 г., с. 149; 1958 г., тетрадь 2, с. 3.

² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 4, «Фольклор башкир Оренбургской области», т. II, с. 406.

³ «Список населенных мест Самарской губернии...», с. 15.

⁴ Полевые записи 1959 г., тетрадь 3, с. 63.

⁵ Д. Зеленин. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда. СПб., 1908, с. 78.

⁶ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, с. 63, 85 и др.

⁷ Полевые записи 1953 г., с. 240; 1958 г., тетрадь 1, с. 4, 31 и др.

⁸ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, с. 87; тетрадь 3, с. 47—48.

Каждая башкирская деревня имела устоявшиеся десятилетиями маршруты летних перекочевок, направление их редко нарушалось, что было связано с сохранением в этой области общинного землепользования на все или на большую часть земельных угодий. Однако дальнейшие существенные изменения произошли в дальности и сроках летних перекочевок, которые почти целиком вызывались появлением и расширением посевов. Самые дальние перекочевки на рубеже веков (дер. Тапбулатово, Казмашево и др.) не превышали 30 км; обычно же башкиры удалялись от деревни примерно на 15—20 км, а в северном Зауралье (дер. Сары, Субиль, Давлетбаево и др.) — на 10—12 км и менее¹.

Сроки выхода на кочевку зависели от расположения пахотных участков. Если посевы находились возле деревни (а в начале XX в. во многих случаях, особенно в северном Зауралье, так и было), то на летние пастбища откочевывали лишь в самом конце мая или даже в начале июня после завершения всех весенних сельскохозяйственных работ². Нередки, однако, были случаи (особенно в юго-восточной и южной Башкирии), когда посевы находились на определенном (3—5 км) расстоянии от деревни. В таких деревнях подготовка к летним кочевкам и одновременно к весенним полевым работам происходила в начале мая. Покидали деревню примерно в середине мая и сначала располагались вблизи от посевных площадей (язгы йорт или язлау). Здесь оставались лишь до завершения посевов, так как ближайшие к деревням пастбища старались сохранить для зимней тебеневки скота и сенокоса. Под пашню обычно старались отводить те земли, на которых в минувшем году пасли скот. Поэтому пахотные участки время от времени менялись. Землю вспахивали сохой или сабаном; зерно старались разбрасывать по вспаханному полю в ветреную погоду. Закончив сев, в конце мая башкиры перебирались на летние пастбища (йэйлэу). В южной и юго-восточной Башкирии, опасаясь пожаров, старались в деревне никого не оставлять, однако в начале XX в. это удавалось редко. С каждым годом все больше и больше башкир, лишившихся скота, на все лето оставались в деревне, занимаясь подсобными промыслами или нанимаясь в хозяйства русских богатеев. Особенно быстро этот процесс протекал в северном Зауралье, где уже в конце XIX в. во многих деревнях (Бурино, Метелево, Султаево и др.) на кочевки выходили лишь несколько состоятельных семей³. За все лето башкиры меняли стоянку несколько раз: там, где кочевки находились от деревни на близком расстоянии, стоянку меняли не более 1—2 раза за лето (дер. Сары, например, в северном Зауралье); если летние пастбища были сравнительно удалены, новые кочевья разбивали до 3—4 раз. Каждая деревня имела общие летние пастбища, но на кочевках располагались пастбищно-кочевыми группами в 1—2 км друг от друга⁴.

¹ Полевые записи 1953 г., с. 149, 233, 240; 1959 г., с. 54.

² Полевые записи 1959 г., с. 54.

³ Полевые записи 1953 г., с. 297—298.

⁴ Полевые записи 1959 г., с. 54; 1958 г., с. 31.

Родовые подразделения, объединявшие 10—20 родственных семей, скот которых стонялся в общий табун (или в общее стадо), представляли собой социальные организмы, рожденные вековыми традициями кочевой или полукочевой жизни и проявившие в условиях южной и восточной Башкирии большую устойчивость. Однако там, где на летние кочевки выходила только часть жителей села, дальнейшее существование родовых подразделений как кочевых групп было подорвано. В этих случаях несколько неродственных семей объединялось в пастбищно-кочевую группу, которая внешне сохраняла признаки родовых подразделений. Члены родового подразделения или пастбищно-кочевой группы совместно присматривали за скотом, выполняли в случае необходимости и другие работы.

В начале июля башкиры оставляли летовки и постепенно приближались к сенокосам и посевам, поблизости от которых находились осенние пастбища (көзлөк или көзгө йорт) ¹. В сенокосе и уборке хлеба участвовали обычно все свободные от присмотра за скотом мужчины и женщины. Сначала косили сено и ставили стога, затем по мере вызревания хлеба приступали к уборке. В юго-восточной и южной Башкирии даже в конце XIX в. хлеб зачастую убирали серпами, молотили лошадьми ². В северном Зауралье, а в начале XX в. и во многих районах юга и юго-востока сельскохозяйственный инвентарь и способы уборки урожая ничем не отличались от приемов, принятых среди местных русских или татарских крестьян.

В конце XIX — начале XX в. с завершением осенних полевых работ обычно кончался и кочевой сезон. Башкиры возвращались в деревни, где оставались до весны, когда весь цикл возобновлялся снова. Однако в тех южных и юго-восточных зауральских башкирских деревнях, в которых заготавливали сравнительно небольшое количество сена, кочевание продолжалось до глубокой осени. Закончив полевые работы, башкиры вновь откочевывали подальше от деревень, где оставались в зависимости от погоды до конца сентября или даже середины октября. Это позволяло ближайшим к деревне пастбища сохранять для зимней тебеневки. С наступлением первых заморозков башкиры окончательно возвращались в деревни.

Сочетание занятий земледелием с летними кочевками наложило яркий отпечаток на общественные отношения и культуру юго-восточных и южных башкир, обусловив сохранение в их жизни многих патриархальных черт, исчезнувших или исчезающих на остальной территории Башкирии.

В центральной и восточной Башкирии, включая весь Южный Урал, в последних десятилетиях XIX — начале XX в. значительное число хозяйств или вовсе не имело посевов, или размеры их не оказали существенного влияния на характер основных занятий, которыми были полукочевое скотоводство, лесные промыслы или и то и другое одновременно. В районах распространения смешанного

¹ Полевые записи 1953 г., с. 233, 240 и др.

² Там же, с. 33, 240, 244.

земледельческо-скотоводческого хозяйства отсутствие посевов у части башкир в начале XX в. объяснялось не столько силой традиций и нравственной неподготовленностью масс крестьян к крутой перестройке хозяйства, что конечно тоже имело существенное значение, сколько глубокими социальными процессами в башкирском обществе, обнищанием башкирского крестьянства, ломкой тех материальных предпосылок, которые совершенно необходимы для успешного перехода к новым занятиям. Только совокупностью всех этих причин можно объяснить тот, например, факт, что в такой крупной по дореволюционным временам деревне, как I-е Иткулово (более 150 дворов), в 1914 г. имели посевы лишь 5—6 хозяйств¹. Аналогичная картина наблюдалась среди ток-чуранских, курганских и других башкир. Эта часть башкир в начале XX в. оказалась особенно в тяжелом положении: посевов не было или почти не было, так как плохо обработанный небольшой участок не обеспечивал нужд семьи; в то же время скотоводство окончательно потеряло для многих дворов прежнее значение. По подсчетам С. И. Руденко, «для обеспечения минимальных нужд средней скотоводческой семьи в 5 душ» необходимо было иметь такое количество скота, поголовье которого в общей сложности соответствовало бы 25 лошадям (из расчета: одной взрослой лошади соответствует 6,5 голов взрослого рогатого скота, 6 овец или коз². Такая обеспеченность скотом была лишь у сельских богатеев; остальная масса башкир кормилась тем, что уходила в отхожие промыслы, нанималась к кулакам и баям, сдавала в аренду земли или влачила жалкое существование, пытаясь на развалинах своего хозяйства все же придерживаться традиционного образа жизни.

В горно-лесной зоне Башкирии земледелие мало распространилось, главным образом, из-за сложности рельефа и более сурового климата. Среди инзерских башкир вплоть до 1920-х годов посевов не было. Основным их занятием по-прежнему оставались лесные промыслы в сочетании с полукочевым скотоводством³. В остальных районах горно-лесной зоны юго-востока к началу XX в. появились незначительные посевы: небольшие поля в горных долинах засеивали ячменем, просом и овсом. По словам информаторов (дер. Ниж. и Сред. Серменево Белорецкого района, дер. Мурадымово Бурзянского района, дер. Тавокачево Архангельского района), урожаи были плохие, да и те зачастую не успевали созревать и оставались под снегом⁴. В горно-лесных районах скот из-за глубоких снегов зимой не тебеневал; поэтому скота здесь держали немного, за исключением нижнего течения р. Инзер и прилегающих районов правобережья Белой, где благоприятный рельеф и сочные предгорные луга поз-

¹ Научный архив ВФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хр. 5, «Научный отчет комплексной этнографической экспедиции 1958 г.», с. 251.

² С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, с. 5.

³ Полевые записи 1953 г., с. 210—231; Лев-ф-Берхгольд. Горные башкиры-катайцы. — «Этнографическое обозрение», 1893, № 3, с. 76.

⁴ Полевые записи 1958 г., тетрадь 2, с. 97; тетрадь 3, с. 6, 7; 1953 г., с. 229, 230.

воляли вести продуктивное животноводство¹. Во всей горно-лесной Башкирии по-прежнему большое значение имело бортное пчеловодство. Богатые башкиры по верховьям Белой и ее притокам, по Инзеру, Лемезе имели, как свидетельствуют информаторы, по 300—400 и более бортей; владение 30—40 бортями было явлением обычным².

Большинство горно-лесных башкир выходило на летние кочевки. Кочевание продолжалось с середины мая до первого снега. Каждая деревня имела 2—3 кочевки (йэйлэу), на которых были поставлены примитивные срубы (бурама), служившие башкирам летним жилищем. Те, которые не имели бурама, ставили обыкновенный шалаш (аласык), который покрывали корой, драицами и ветками. Дальняя кочевка отстояла от деревни в среднем на расстоянии 15 км, иногда 25—30 км. Весной откочевывали на дальнюю кочевку, а затем постепенно приближались к деревне. На летних кочевках занимались главным образом лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочала, сидкой дегтя и т. д. В работах участвовали все: и мужчины и женщины. В середине лета на ближайшей к деревне кочевке косили сено. Зимой вывозили на заводы заготовленный летом лес, а также вили из мочалы веревки, ткали рогожные кули и мочальные попоны, мастерили различные деревянные изделия: санные полозья, колеса, дуги, коромысла и т. д.³

Итак, хозяйство башкир в целом к началу XX в. не завершило своей многовековой эволюции и не стало полностью оседло-земледельческим. Развитие башкирского хозяйства в этом направлении к середине XIX в. окончательно завершилось лишь в северной и северо-западной Башкирии. К началу XX в. в основном земледельческими стали северо-восточные и юго-западные районы Башкирии. Но в степных и лесостепных районах традиционного скотоводства процесс трансформации хозяйства протекал чрезвычайно медленно. Только постепенность этого процесса могла обеспечить сравнительную безболезненность для башкир перестройки их хозяйства. Однако процесс оседания и перехода к земледелию здесь был ускорен разграблением башкирских земель, разорением башкир-скотоводов, резким сломом еще живых и реальных атрибутов древних приемов хозяйствования. Если северо-восточные и юго-западные башкиры ценой огромных лишений все же вошли в новый ритм хозяйственной жизни, для башкирского населения южных и юго-восточных скотоводческих районов неожиданные перемены оказались тяжелыми. Для огромной массы бывших кочевников смена естественной эволюции хозяйства и вынужденный резкий переход к земледелию означал необходимость перестройки всего образа жизни: социальных институтов, культуры, пищевого режима, повседневного быта. Вот почему в южной и юго-восточной Башкирии башкиры хотя и зани-

¹ Полевые записи 1961 г., тетрадь 2, с. 4.

² Полевые записи 1953 г., с. 228; 1961 г., тетрадь 2, с. 6.

³ Полевые записи 1953 г., с. 210—230; Лев-ф-Берхгольц. Указ. соч., с. 76—78.

мались земледелием в результате ломки их традиционного хозяйства, но в условиях жестокого колониализма царской России этот тяжелый и мучительный для трудящихся башкир переход к новым занятиям остался по существу во многих случаях поверхностным и незавершенным.

К концу XIX — началу XX в. в Башкирии складываются, таким образом, следующие хозяйственные районы (см. рис. 6):

1. Район оседлого земледельческого хозяйства — север и северо-запад Башкирии. Кроме земледелия и домашнего животноводства башкиры занимались здесь пасечным пчеловодством и по некоторым северным рекам — лесными промыслами.

2. Район нового оседлого земледельческого хозяйства — северо-восток и юго-запад Башкирии. Земледелие здесь хотя и стало господствующим типом хозяйства, но наряду с ним сохранялись табунное скотоводство, тебеневка скота на протяжении нескольких зимних месяцев, а иногда — особенно на юге — летние кочевки поблизости от села. Пчеловодство носило смешанный характер: наряду с развивающимся пасечным пчеловодством еще не забывалось бортничество.

3. Район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства — юго-восточная и южная Башкирия. Наряду со слабо развитым земледелием здесь по-прежнему сохранялись традиции летних перекочевок, зимой скот тебеневал. За исключением степных районов челябинско-курганского Зауралья и Самарской губернии, повсюду большое значение имело бортничество.

4. Район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства — горно-лесные районы Южного Урала. Лесные промыслы, которые стали основным занятием башкир этого района, сочетались со скотоводством, с сохраняющимися традициями летних перекочевок. Значительное место в хозяйстве горно-лесных башкир занимало бортничество.

Чрезвычайно ценно было бы определить численное распределение башкирского населения между выделенными районами. Это имело бы существенное значение при анализе социально-экономических отношений в башкирском обществе накануне революции. Однако сделать это трудно, во-первых, потому, что границы хозяйственных районов довольно неопределенны и не совпадают с границами административных уездов, по которым мы располагаем демографическими сведениями; во-вторых, потому, что точность переписных материалов 1897 г. по башкирам вызывает серьезное сомнение. Не стремясь с большой точностью определить численное распределение башкир между хозяйственными районами, попытаемся все же на основании данных переписи 1897 г. представить общее состояние по этому вопросу (табл. 2).

Таким образом, по данным 1897 г., оседлость и прочные земледельческие навыки были характерны примерно для 46% башкирского населения; около трети башкир (32,5%) вели смешанное хозяйство, с присущим ему полукочевым бытом и патриархальными традициями. Одна пятая часть башкир (21,6%) находилась на за-

Т а б л и ц а 2

Хозяйственные районы	Уезды	Башкир в тыс. чел.	В %
1. Район оседлого земледельческого хозяйства	Мензелинский Уфимской губ.	123,0	
	Бирский Уфимской губ.	262,3	
	Белебеевский Уфимской губ. (половина уезда)	116,5	
	Осинский, Красноуфимский, Екатеринбургский Пермской губ.	85,4	
	Сарапульский Вятской губ.	13,9	
Итого		600,1	45,9
2. Район нового оседлого земледельческого хозяйства	Белебеевский Уфимской губ. (половина уезда)	116,5	
	Стерлитамакский Уфимской губ. (половина уезда)	57,9	
	Уфимский Уфимской губ. (половина уезда)	57,2	
	Златоустовский Уфимской губ. (половина уезда)	25,7	
	Челябинский Оренбургской губ. (половина уезда)	25,3	
Итого		282,6	21,6
3. Район смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства	Оренбургский Оренбургской губ.	56,6	
	Орский Оренбургской губ.	88,5	
	Верхнеуральский Оренбургской губ. (половина уезда)	22,0	
	Троицкий Оренбургской губ.	14,8	
	Челябинский Оренбургской губ. (половина уезда)	25,3	
	Бузулукский, Бугурусланский Самарской губ.	57,2	
Итого		263,4	20,1
4. Район смешанного скотоводческо-лесопромышленного хозяйства	Златоустовский Уфимской губ.	25,7	
	Верхнеуральский Оренбургской губ.	22,0	
	Уфимский Уфимской губ.	57,2	
	Стерлитамакский Уфимской губ.	57,9	
Итого		162,8	12,4
Всего		1308,9	100,0

вершающей стадии эволюции хозяйства земледельческого типа. Однако, как показывает анализ переписных данных 1897 г., численность башкир, особенно по западным уездам Уфимской губернии, была в силу ряда обстоятельств несколько завышена. Это требует некоторой корректировки приведенной выше таблицы, главным образом в направлении уменьшения общей численности башкирского населения в конце XIX в. до 910-960 тыс. человек, причем масштаб уменьшения по западным уездам будет значительно большим, чем по восточным¹. Такая корректировка, естественно, понизит удельный вес башкирского населения первого района и частично второго и, наоборот, повысит удельный вес башкир третьего и четвертого районов. С учетом такой корректировки башкирское население в конце XIX — начале XX в. распределялось по хозяйственным районам примерно следующим образом: в оседло-земледельческом районе обитало около 40% башкир, в новом земледельческом районе — около 20% и в смешанных скотоводческо-земледельческом и скотоводческо-лесопромысловых районах — около 40%.

Этот расчет подтверждается данными о количестве башкир-вотчинников, имеющимися по Уфимской губернии за 1895—1896 гг., а по Оренбургской — за 1897 и 1901 гг.². Всего по этим сведениям в двух губерниях башкир-вотчинников было 600,5 тыс. человек обо-его пола, из них в районе оседлого земледельческого хозяйства проживало 220,5 тыс. человек, или 36,7%, в районе нового оседлого земледельческого хозяйства — 110,1 тыс. человек, или 18,3%, в районах смешанного земледельческо-скотоводческого и скотоводческо-лесопромыслового хозяйства — 269,9 тыс. человек, или 45%. Эти цифры требуют уточнения, так как отсутствуют сведения о башкирах-вотчинниках по Пермской и Вятской губерниям. Такая корректировка повысила бы удельный вес башкирского населения первого района и приблизила бы распределение башкир-вотчинников по хозяйственным районам к тому расчету, который выше сделан на основе официальных данных переписи 1897 г.

Таким образом, история развития башкирского хозяйства в X—XIX вв. сводится к следующему:

1. Распространение в конце I — начале II тысячелетия кочевого скотоводческого хозяйства азиатского типа на южном, юго-западном Приуралье и в Зауралье связано с миграцией на эту территорию из Средней Азии и Западной Сибири тюркских племен и активным периодом формирования древнебашкирской этнической общности.

2. Расселение в XI—XVI вв. башкирских племен по всей современной территории обитания, сопровождавшееся их приспособлением к новым условиям природной среды, имело следствием услож-

¹ Первая всеобщая перепись... 1897 г., т. XXVIII, с. 7; т. XIV, с. 10; т. XXI, с. 97; т. X, с. 89; т. XXXVI, с. 58. (В тех случаях, когда территория того или иного уезда расчленяется двумя разными хозяйственными районами, мы условно разделяем башкирское население уезда поровну между этими районами.)

² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, т. VII, ч. I, Уфа, 1901, с. 142—162; ГАОО, ф. 14, оп. 2, д. 161, лл. 14—15.

нение структуры башкирского хозяйства, в котором наряду с сохранением преобладающих центральноазиатских черт (кочевое или полукочевое скотоводство, степная охота) появились и стали быстро развиваться черты волжско-камского происхождения (охота таежного типа, бортничество, лесные занятия).

3. Период с момента присоединения Башкирии к Русскому государству и до 30-х годов XVIII в. характеризуется завершением почти на всей территории края эволюции кочевого скотоводства в полукочевое. На фоне упадка прежних масштабов скотоводства повышается удельный вес охоты и бортничества, формируются основные контуры лесного хозяйства (в лесных и горно-лесных районах) и получает повсеместное распространение сенокосение. В северной Башкирии, где распространение кочевого или полукочевого скотоводства было ограничено природными условиями, возникли довольно обширные очаги оседлого земледелия, которое стало наиболее перспективным направлением хозяйственного развития.

4. Значительные изменения в структуре башкирского хозяйства происходят в период с 30-х годов XVIII в. до середины XIX в. К середине XIX в. складываются три основных хозяйственных района в Башкирии: земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческий. Особенностью в развитии хозяйства этого периода было формирование смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства, в котором занятия земледелием совмещались с сохраняющейся традицией выхода на летние кочевки. Во всех трех районах получили развитие лесные промыслы, которые в одних случаях сочетались с земледелием, в других — с полукочевым скотоводством. Население распределялось по основным хозяйственным районам следующим образом: в земледельческом районе проживало около одной трети башкир, в земледельческо-скотоводческом — около одной четвертой; остальное башкирское население вело полукочевое скотоводство, сочетая его в горно-лесной зоне с лесными промыслами, охотой и бортничеством.

5. Дальнейшее развитие башкирского хозяйства во второй половине XIX в. привело к исчезновению кочевого и полукочевого скотоводства как типа хозяйства и к существенным изменениям границ распространения других хозяйственных комплексов. Полукочевое скотоводство сменяется смешанным земледельческо-скотоводческим хозяйством, а в бывших районах смешанного хозяйства утверждается оседлое земледелие. На рубеже XIX и XX вв. складываются следующие основные хозяйственные районы: традиционного оседлого земледельческого хозяйства, нового оседлого земледельческого хозяйства, смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства, смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства. Башкирское население по районам распределяется следующим образом: в оседло-земледельческом районе проживало около 40% башкир, в новом оседло-земледельческом районе — около 20%, в двух районах смешанного хозяйства — около 40%.

6. Исторический процесс смены типов хозяйства в Башкирии происходил под воздействием различных внутренних и внешних

факторов: географических, социально-экономических, политических демографических, этнических и др. Совокупность и специфическое сочетание этих факторов и определяло характер, направление и темпы той перестройки, которая явилась основным содержанием истории башкирского хозяйства на протяжении нескольких столетий. Существенное значение в этом процессе имело влияние земледельческой культуры издревле оседлых народов, однако сила и масштабы этого влияния зависели от конкретной исторической и хозяйственной обстановки в том или ином районе Башкирии.

7. Анализ социальной структуры и специфики социально-экономической организации башкирского общества в разные исторические эпохи необходимо проводить с учетом всей совокупности хозяйственной жизни народа, уровня развития и территории распространения тех или иных типов хозяйства, имея в виду при этом, что общественные отношения и социальные институты специфичны не только у «чистых» кочевников, но и у тех народов или групп населения, где традиции кочевого быта сохраняются в тех или иных масштабах.

Структура
родо-племенной
организации
башкир

В процессе изучения социально-экономической и этнической истории башкирского народа исследователи, оперируя понятиями «племя», «род», имеют в виду не экономическое содержание этих организаций, а внешнюю форму их строения. Общественные отношения башкир в XVII—XIX вв. уже много столетий не выражали сущности родового строя, но в силу специфики кочевого хозяйства внешняя форма общины оказалась более устойчивой, чем ее экономическое содержание¹. Отмеченная особенность внутренней организации общества не является специфической для Башкирии.

В процессе этнического формирования в состав башкир вошли племена, которые участвовали в образовании многих тюркских народов. Кроме общих моментов в этнической истории, народы Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана на протяжении многих веков имели хозяйственные и политические связи. Эти обстоятельства не могли не наложить отпечатки на некоторые стороны общественной организации скотоводческих народов, обусловив, в частности, ряд сходных черт в их родо-племенной структуре. Речь, правда, не идет о полной идентичности форм родо-племенных организаций у этих народов. Напротив, различные исторические судьбы, разная степень развития производительных сил и другие факторы вызвали к жизни специфичные для каждой области проявления в общественном строе скотоводческих народов. В то же время наряду с местными особенностями родо-племенная структура кочевых в прошлом народов характеризуется общими чертами, в какой-то степени предопределенными спецификой классово-феодальной организации этих обществ.

Одной из главных общих черт внутренней организации кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы в XVII—XIX вв. является многоступенчатость их родо-племенной структуры. Это легко подтвердить примерами из исследований

¹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.

по истории и этнографии казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, туркмен, а также материалами по этнографии башкир. Из приведенных в табл. 3 данных видно, что число звеньев в родо-племенной структуре указанных народов колеблется от трех до пяти. Однако надо иметь в виду, что таблица отражает не только объективную картину, но и слабую разработанность в историко-этнографической литературе принципов типологизации родо-племенных организаций у поздних кочевников. Число звеньев в родо-племенной структуре и их терминологическое обозначение нередко зависят от объема информации, которым располагает исследователь, и от принятого им метода конструирования общей схемы родо-племенной организации данного народа.

Приведем некоторые примеры. В состав каракалпакского племени ктай, кроме рода бессары, входят еще одиннадцать родов, которые группируются в несколько объединений. Роды анна, куйын, айтеке и шеруши составляют группу родов под общим названием танке¹. Аналогичные «объединения родов» зафиксированы в составе казахов, туркмен и других народов. Некоторые из них считаются генетическими, и на этом основании ряд исследователей называет их фратриями. Включение объединений родов (иногда они обозначаются термином «подплемя») в общую структуру увеличивает в ней количество звеньев. Кроме того, у некоторых скотоводческих народов существует традиционное деление на два крыла, связанное с перемещениями дуальной организации: правое и левое крыло у киргизов, бузук и учук — у туркмен, арысы конграт и он-торт-уру — у каракалпаков. Арыс конграт у каракалпаков, в свою очередь, делится на отделения шулук и жаунгыр. Особенно часто количество звеньев в родо-племенной структуре увеличивается за счет низших звеньев (табл. 3): мелких родов, подродов, разветвлений родов, подразделений родов, семейно-родственных групп и т. д. Иными словами, разработка структуры родо-племенных организаций упомянутых народов по «полной схеме» (от высших звеньев до низших) создает многоступенчатую генеалогию с иерархической соподчиненностью включенных в нее родственных образований различного порядка. Однако в новое время родо-племенная иерархия и сама генеалогическая структура организации общества были не более чем идеологической надстройкой, отражающей былые генетические и политические связи, а также процессы этнической консолидации народа или его составных частей. В XVII—XIX вв. реальное значение имели лишь те звенья родо-племенной структуры, которые сохраняли определенные функции в общественной жизни.

У башкир такое значение сохраняли три звена, которые в соответствии с принятой терминологией мы называем племенем, родом и родовым подразделением. Имеются основания полагать, что та-

¹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков (родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в.). — ТИЭ, новая серия, т. IX. М.-Л., 1950, с. 42.

Структура родо-племенной организации тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы

Узбеки	Каракалпаки	Туркмены	Киргизы	Башкиры
Узбеки дельты Амударьи	Каракалпаки племена ктай	Туркмены Хорезмского оазиса	Северные киргизы	Вариант 1
Конград — племя (урут)	Ктай — племя (уру, улуken, уру)	Ата — племя	Бугу — племя	Кыпчақ — племя (уру, иль)
Ашамайлы — отделение племена (гулэ)	Бессары — род (уру)	Омар-ара — подразделение племена	Арык — подразделение племена	Қарагай-Қылчак — род (уру, туба)
Кият — род (урут)	Жунли — родовое подразделение (тире)	Дангрыр — род	Эгизей — род	Таукай — родовое подразделение (ара)
Қоштамгалы — родовое подразделение (болим, ота)	Суйиндик — мелкое родовое подразделение — патронимия (коше)	Лақырлак — родовое подразделение — патронимия (топа)	Беш-каман — мелкий род	Вариант 2
Узбеки — локайцы	Каракалпаки племена муйтен	Туркмены — нохурцы	?	Катай — племя (уру, иль)
Локай — племя	Муйтен — племя	Нохурли — племя	Безымянная но-родственная группа (бер атанын баллары)	Кузгун-Қатай — род (аймак, уру)
Бадраглы — род	Самаг — род	Зертли — отдел племена	Кукбаш — подразделение рода (аймак, ара)	Шамбы — группа родственных семей (аймак, ара, на-сель)
Кичи-мерген — разветвление рода	Жолан — родовое подразделение	?	Безымянная ветвь отдела племена или объединения родов	
Кара-кул — подразделение рода		Отгы — род	Отгы — род	
		Бегляр — подразделение рода	Бегляр — подразделение рода	

Узбеки	Каракалпаки	Туркмены	Казахи	Башкары
			Казахи Младшего жуза Алчин—племя или союз племен ↓ Жетыруу — объединение родов или поколение Табын—род Таракты-Табын—ответвление рода ↓ Акдаулет—подразделение рода —патронимия	Варланг 3 Табын—племя (уру, иль) ↓ Кара-Табын — род (уру) ↓ Кек-джюргэк — дочерний род (туб, туба, ай-мак) ↓ Апсаям — родовое подразделение (ай-мак) ↓ Кулгилде—группа родственников ственных семей (тармыт аймак)

жая структура является достаточно старым институтом¹ и связана с еще одной особенностью многоступенчатой родо-племенной организации башкир, а именно с подвижностью ее звеньев. Это особенно наглядно видно, если проследить закономерность образования низших звеньев родо-племенной организации — родовых подразделений.

Родовые подразделения у башкир формировались, в обозримом для наших источников периоде, в процессе сегментации рода. Башкирский род представлял собой совокупность нескольких (до 30—40 и более) родовых подразделений, имевших, в свою очередь, тенденцию к постоянной дальнейшей сегментации. В рамках разрастающихся родовых подразделений шел процесс обособления групп близкородственных семей, которые постепенно принимали форму и юридические функции новых родовых подразделений. Социально-экономическую основу этой закономерности надо искать в специфике кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства, условия которого требовали строгой регламентации количества скота, который можно было содержать на определенной территории. Это обстоятельство, правда, сложным и опосредованным путем, действовало на численность населения на той же территории.

Динамика постепенной сегментации родовых подразделений показана в табл. 4. В качестве примера взято подразделение таз (или Сайтмамбет) рода миркит племени мин. Достоверность демонстрируемой схемы иллюстрируется не только старинным шежере рода, откуда взята генеалогия, но и полевыми материалами, которые подтвердили существование в прошлом указанных в таблице родовых подразделений. Сегментация разросшегося родового подразделения начинается с постепенного обособления и более тесного сплочения группы близкородственных семей. В данном случае — это потомки Кытыя сына Исмака, потомки Худайберды — сына Баима и потомки Кинзекея — сына Сайтмамбета (потомки Кинзекея в таблице опущены). Этот процесс, длительность которого может измеряться жизнью по крайней мере двух-трех поколений, завершается выделением группы близкородственных семей в самостоятельную ячейку. По своим функциям в общественной и хозяйственной жизни рода выделившиеся дочерние ячейки не отличаются от материнских родовых подразделений. Обособившиеся подразделения получают собственные, обычно патронимические, названия по имени одного из предков. В данном случае потомки Кытыя называют свое подразделение по имени его отца Исмака, потомки Худайберды —

¹ В этнографической литературе выдвинута, на наш взгляд, конструктивная идея (требующая, однако, дальнейшей разработки) о том, что родо-племенная структура кочевников, фиксируемая источниками XVII—XIX вв., сложилась на поздних этапах истории первобытнообщинного строя, в так называемые героические времена (вероятно, конец I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.), и лишь приблизительно отражает архаичную формацию родо-племенного строя. Зафиксированные в XVII—XIX вв. реалии родо-племенной структуры являются, очевидно, пережитками военно-демократического этапа истории кочевников, для которого были характерны общинный принцип во владении землей и принцип частной собственности на скот и другое имущество.

по имени Баима, потомки Кинзекея — по имени своего основателя. При этом одно из родовых подразделений (при полной сегментации) или оставшаяся после выделения новых групп старая часть подразделения (при неполной сегментации), как правило, преемственно сохраняли традиционный этноним материнской организации. В данном случае потомки Бердыгула, Татлымамбета, Мухамедалипа, Якшимбета, Юлмухамета и Исянгильды по-прежнему объединялись в подразделение таз (или сайтмамбет). Новые образования наряду с патронимическими названиями иногда получали прозвища (лякабисем), имеющие значение второго этнонима и обычно более прочно закрепляющиеся за данной группой семей (выделившиеся в самостоятельную группу потомки Исмака получили этноним кара).

Если родо-племенная структура башкир (и равно других народов) фиксировалась в процессе сегментации старого родового подразделения и выделения из него новых, то количество звеньев в структуре увеличивалось на одно или два звена. Эти ячейки на низших звеньях родо-племенной структуры исследователи (стремясь как-то отличить их друг от друга) обозначают по-разному: подрод, ответвление рода, подразделение рода, родовое подразделение, мелкое родовое подразделение, семейно-родственная группа, патронимия и т. п., хотя, конечно, отработанной типологической классификации характеризующихся организаций не существует. Видимо, четкая классификация и невозможна, так как при такой подвижности звеньев в многоступенчатой структуре родо-племенной организации всегда существовала вероятность возникновения новых звеньев или перехода одного звена в другое. Иначе говоря, вся родо-племенная структура башкир находилась в постоянном, хотя и очень медленном, движении.

Изменчивость звеньев возрастала от высших ступеней генеалогии к низшим, где шел постоянный процесс внутренней сегментации. В свете отмеченной специфики, а также недостаточной изученности проблемы было бы преждевременным пытаться типологизировать по каким-либо признакам (или социальным функциям) те звенья башкирской родо-племенной структуры, которые находятся в нашей схеме ниже рода (см. табл. 3). Например, семейно-родственные группы шамбы и кулгилде (варианты 2 и 3) соответственно отделились от подразделений кукбаш и апсалам. В момент обособления они, являясь дочерними образованиями соответствующих подразделений, находились с ними в отношениях иерархической соподчиненности. Однако это было временным состоянием, характерным лишь для заключительной стадии процесса сегментации. С полным отделением от материнской организации (которое обычно совпадало с выделением в самостоятельную пастбищно-кочевую группу с обособленным поселением, собственными маршрутами кочевков, своим кладбищем, соответствующим образом измененной тамгой, традициями взаимопомощи и т. д.) новые родовые подразделения начинали сознавать себя частью рода (в данном случае соответственно родов кузгун-катай и кёк-джургэк), но не материнских родовых подразделений, связи с которыми приобретали чисто генеалогический характер, а

в реальной жизни практически вовсе утрачивались. Следовательно, когда у башкир фиксировались ниже родовой организации еще несколько звеньев в родо-племенной структуре, мы имеем дело не с принципиально разными образованиями, а с различной фазой развития ячеек, природа которых, в сущности, одинакова. Родовые подразделения, хотя и могли находиться по происхождению в близких или дальних родственных отношениях между собой, но как социальные организмы все они являлись частью рода с вытекающими отсюда хозяйственными и общественными функциями, характерными во многом для организаций, описанных в литературе под названием «патронимия»¹.

Отмеченная закономерность образования новых родовых подразделений может быть распространена у башкир и на более высокие звенья структуры — на родовые организации, которые в данном случае мы рассматриваем как объединение семей, члены которых (кроме жен) происходили (или считали себя происходящими) от одного общего предка по мужской линии. Правда, такое определение целиком относится не только к башкирскому роду, но и к его подразделению. Отличие заключается в степени сложности внутренней структуры указанных организаций. Род представлял собой лишь генеалогическую организацию, то есть совокупность нескольких родовых подразделений, которые должны были находиться между собой в отношениях родства. В составе разросшегося рода происходило сплочение и обособление группы наиболее близких по генеалогическому родству родовых подразделений, то есть парадокс заключается в том, что на базе интеграции шел тот же процесс сегментации. В этих случаях мы имеем дело, очевидно, с генеалогической сегментацией, когда происходил распад единой в прошлом организации. Процесс завершался обособлением дочернего рода (например, кёк-джургэк в составе кара-табынцев, татигас в составе юрматынского рода тальтим; см. табл. 4) и выделением фактически занятых им земель в самостоятельную родовую вотчину. Время постепенно стирало иерархическую соподчиненность основных и дочерних родов; все они становились родовыми организациями в составе племени и имели одинаковый статус и функции. Есть основания утверждать, что таков был путь образования многих родов в составе башкирских племен. На это указывает тождественность начертаний тамг различных родов в составе племен. Например, кыпчакские роды гэрэй и карагай имеют в основе тамгу . Устойчивая преемственность башкирских тамговых знаков доказывает, что эти роды некогда входили в единую организацию. Впоследствии они приобрели все признаки и функции самостоятельных родов и, наконец, постепенно утратили всякие воспоминания о бывших генеалогических связях между собой. В XVII—XIX вв. эти роды выступали самостоятельно, имея в составе кыпчакского племени совершенно одинаковый статус.

¹ М. О. К о с в е н. Семейная община и патронимия. М., 1963; А. И. Р о б а к и д з е. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи).—СЭ, 1968, № 5.

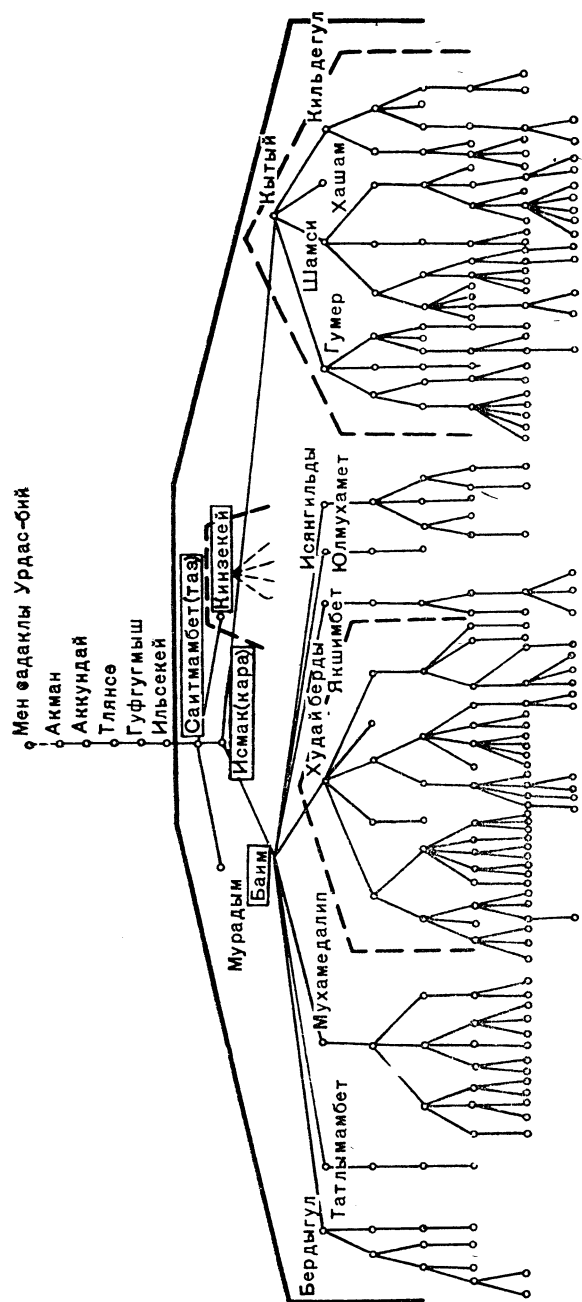

Табл. 4. Схема движения границ родовых подразделений башкир дер. Мурадымово миркиит-мииского рода (составлена на основании шежере этой деревни).

В рамки заключены имена предков, потомки которых (или часть потомков) постепенно выделились в самостоятельные родовые подразделения. Сплошной линией показаны границы подразделения газ, пунктирной — отделившихся от него подразделений кара (фсмак), байм, кинзекей и кытай.

Племенным организациям тюркских кочевников также была свойственна тенденция и способность к сегментации или, по определению С. М. Абрамзона, к «воспроизводству»¹. Сегментация могла ускоряться или, напротив, сдерживаться событиями политического характера. Показать графически на достоверных материалах сегментацию племен нет возможности хотя бы потому, что наиболее активный процесс расчленения племенных организаций происходил в эпоху средневековья и он слабо зафиксирован в источниках. Но мы хорошо знакомы с результатами этого процесса: одноименные племена (табын, катый или ктай, кыпчак, канлы и др.) с единым типом основной тамги, с весьма сходными сюжетами этногенетических сказаний и так далее зафиксированы в составе многих современных народов. Эти образования можно называть по-разному (племя, отделение, поколение, колено, ветвь, род и т. д.), но их сегментацию и участие в этническом становлении ряда народов отрицать невозможно.

Изложенное выше показывает, что племенные организации в составе тюркских народов (и в частности башкир) могут быть различного типа. Не претендуя на исчерпывающую типологизацию, отметим наличие в XVII—XIX вв. в составе башкир племен: а) сложившихся в соответствии с естественным (имманентным) развитием генеалогической структуры башкирской родо-племенной организации (например, племена бурзян, тангаур, усерган, основные родовые организации которых образовались в результате генеалогической сегментации родительских ячеек); б) организованных по принципу группировки вокруг достаточно мощного племенного образования (кыпчак, катый, ай) родовых организаций, не родственных основным родам, но связанных с ними рядом исторических или политических факторов; в) представляющих союз самостоятельных по этническому происхождению родовых организаций (таныш, в значительной степени табын), отколовшихся от разных племенных образований и объединившихся в условиях Башкирии в силу тех или иных исторических обстоятельств; г) не имеющих внутренней родовой структуры (салют, сырлян, упей и др.), но представляющих по происхождению самостоятельные этнические образования и сохранивших собственную организационную структуру.

В структуре многоступенчатой родо-племенной организации башкир (и, как мы полагаем, других скотоводческих народов) некоторые звенья отражали переходное состояние тех или иных ячеек структуры. Поэтому количество звеньев, зафиксированных в разное время и в различных условиях, не может быть одинаковым. В настоящее время, конечно, рано говорить об исторической универсальности форм родо-племенных организаций народов, прошедших через стадию кочевого скотоводческого типа хозяйства. В этом направлении необходимы специальные изыскания, успешно ведущиеся по тюркским народам С. М. Абрамзоном, Т. А. Жданко, М. Г. Марковым, на материале кочевых обществ северной Аравии — А. И. Пер-

¹ С. М. Абрамзон. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. — СЭ, 1970, № 6, с. 67.

щиком¹ и др. Но в гипотетической форме можно, на наш взгляд, сформулировать положение о сходстве (или общности) принципов организации многоступенчатой и подвижной родо-племенной структуры кочевников, а также народов, которые сложились в той или иной степени на базе кочевых и полукочевых тюркских или тюрко-монгольских племенных объединений эпохи древности и средневековья. Одинаковый тип хозяйства порождал, очевидно, сходные формы общественных организаций.

Сохранение в родо-племенной структуре башкир реального значения трех звеньев было тесно связано с тем обстоятельством, что Башкирия в середине XVI в. вошла в состав Русского государства и, следовательно, попала в сферу активного влияния, которое не прошло бесследно и для глубоко традиционных институтов башкирского общества.

Было бы чрезвычайной схематизацией социально-экономических процессов, если бы мы попытались установить применительно к XVII—XIX вв. действительные социальные функции каждого звена родо-племенной структуры башкир. Почти всегда некоторые (особенно высшие) звенья существовали в силу традиций. Одни лишь по исторической инерции несли некоторые (обычно минимальные) функции в общественной жизни. Другие звенья (особенно низшие), напротив, органически адаптировались к новым социально-экономическим преобразованиям и тем самым сохраняли и надолго стабилизировали себя в иной среде и в иной эпохе. Именно в этом причина и объяснение сложнейшего переплетения генетических, классовых и социальных связей в общественных отношениях, которые применительно к таким народам, как башкиры, казахи, киргизы и другие, принято называть патриархально-феодальными.

В башкирском обществе социальные функции различных звеньев родо-племенной структуры изучены нами начиная с XVI в.² Основной сохраненной¹ реального значения тех или иных звеньев было преимущественно их отношение к земельной собственности и роль в системе землепользования. Субъектом земельной собственности в башкирском обществе до XVIII в. выступали (формально или фактически) племя или род. По мере углубления социально-экономических отношений к концу XVIII в. племенные вотчины почти повсюду распались на родовые. В пределах юридически сохранявшейся родовой вотчины землепользование осуществлялось в восточной Башкирии по родовым подразделениям (которые одновременно могли выступать пастбищно-кочевыми группами); в западной Башкирии — по отдельным семьям или небольшим группам родственных семей.

¹ С. М. Абрамзон. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. — ТИЭ, новая серия, т. XIV. М., 1951; его же. Некоторые вопросы социального строя...; Т. А. Жданко. Указ. соч.; А. П. Лашук. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. — СЭ, 1968, № 1; Г. Марков. Кочевники Азии. М., 1976.

² Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир (родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв.). Уфа, 1957, с. 123—178.

В том и в другом случаях на традиционно сохранявшиеся генетические связи наслаивались и становились господствующими связи территориальные.

В соответствии с функциональной ролью племен и родов в системе землевладения, родовых подразделений — в системе землепользования реальное значение в родо-племенной структуре башкир сохранили указанные выше три звена: племя, род, родовое подразделение. Переходные звенья постепенно приобретали функции одного из основных звеньев. В ряде районов западной Башкирии, где удельный вес земледелия в XVIII в. стал весьма существенным, быстро развивалось и становилось господствующим землепользование больших и малых семей, которые находились в соседских связях с другими семьями, объединенных на базе хозяйственных аулов. Поэтому во многих районах запада Башкирии третье звено — родовое подразделение — распалось и вышло из общей цепи родо-племенной структуры. Ослабление генетических и укрепление территориальных связей убыстрялось внедрением в племенную или родовую организацию пришлых групп населения, которые в интересах приобретения прав на землепользование принимали привычную форму рода или родового подразделения, существенно усложняя в то же время этнический состав населения.

При разработке этнического состава и вопросов общественной организации башкир в эпоху феодализма (особенно при исследовании башкирской общины и ее роли в социально-экономических отношениях) необходимы критерии, на основе которых можно было бы различать племенную организацию от родовой и родовую от ее подразделений.

Наиболее точным ориентиром могла бы быть терминология, обозначающая различные звенья родо-племенной структуры, однако у башкир она неустойчива и не дает возможности точно определить границы племени или рода. Племенную организацию башкиры обычно называли уру (ыру). Этот же термин часто использовался и для обозначения рода. Юго-восточные башкиры племя в отличие от рода иногда называли елкэн ыруу (большой или старший род). Северо-восточные башкиры термин «уру» для обозначения племени применяли редко, заменяя его словом иль (ил). Впрочем, термин «иль» имеет более широкое значение и может быть приложим не только к племени, но и к роду или в целом к стране.

Род в юго-восточной и южной Башкирии башкиры обозначали термином «тюба» (түб, түбә)¹, в северо-восточной — аймак (аймак). Юго-восточные башкиры не знали слова «аймак», точно так же, как северо-восточным башкирам, за редким исключением, неизве-

¹ Термин, кроме башкир, зафиксирован у узбеков и туркмен (соответственно түп, топа; см. табл. 1). Видимо, это слово в форме ^vsub упоминается в древнетюркском тексте в честь Кюль-тегина (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с. 31), В. В. Радлов считал возможным переводить ^vsub в значении «род» (С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 74—80).

стен термин «тюба». В западной Башкирии, напротив, известны оба слова, но к югу от р. Белой чаще — тюба, к северу — аймак. В то же время почти по всей Башкирии родовые организации могли называться как и племенные: уру или иль.

Особенно показательна своим многообразием терминология, обозначающая родовые подразделения. В северо-восточной Башкирии родовые подразделения назывались, как и роды, аймаками. В некоторых районах в том же значении применяли следующие термины: насель (нәсел), тармыт (тармыт), теркем (төркөм), ус (ос), юр (яүер), тюба (түбә). На юго-востоке и юге Башкирии для обозначения родовых подразделений применялся только термин ара (арá), и лишь изредка — уру или тюба.

Родовые подразделения в западной Башкирии назывались аймак, ара или насель, то есть здесь была известна терминология как юго-восточной, так и северо-восточной Башкирии. Иногда западные и северные башкиры не знают слов ара и аймак. В этих случаях родовые подразделения обозначаются терминами, происхождение которых позднее или небашкирское: тамыр (тамыр — корень, ответвление) или тармыт; тукум (током — потомки одного предка); зат (зат); буун (быуын); кидяк (кідәк); чат (сат); тәркәм (төркөм); порода (паруд) и другие в тех же значениях. Однако наиболее распространенным для всей западной и северо-западной Башкирии является термин «насель» (нәсел — род, поколение).

Неустойчивость терминологии, обозначающей родо-племенные организации, исключает возможность ее использования при выделении различных форм родо-племенных организаций из общей структуры. Бытующие термины, как показано, зачастую одинаковы для различных организаций и различны для одной и той же организации. Неустойчива и неопределенна также и терминология русских источников XVIII в., которые термином «род» обозначают любое звено родо-племенной структуры башкир. В историко-этнографической литературе по тюркским народам различные звенья родо-племенной организации называются племенем, отделением, поколением, подплеменем, фратрией, коленом, ветвью, линией, родом, подродом и т. д. без четкой характеристики содержания и значимости применяемой терминологии. Отмеченная неустойчивость терминологии башкир и других народов находилась, очевидно, во взаимосвязи с особенностью их родо-племенной структуры. Ее подвижность вызвала нестабильность, высокую мобильность и соответствующей терминологии.

Одним из признаков, способствующих определению границ рода, является принцип родовой экзогамии. Однако ознакомление с системой брачных отношений у башкир показывает, что запрет брачных связей касался у них в разное время различных организаций. В недавнее время пережитком когда-то господствующей экзогамии являлся обычай, запрещающий брак в пределах нескольких поколений по отцовской линии. В XVII—XVIII и даже в XIX в. «поколенная» экзогамия в Башкирии была распространена там, где полностью или в значительной степени потеряло экономическое значение и разло-

жились родовое подразделение, то есть на севере и западе. Там, где они сохранились, господствовала экзогамия именно этих организаций. Брак внутри родовых подразделений местами не разрешался вплоть до начала XX столетия.

Если обратиться к системе брачных отношений башкир в целом, можно достаточно ясно проследить у них «скользящий» характер принципа экзогамности браков¹. В одних случаях наблюдается постепенное разрушение экзогамии от верхних звеньев (племени) к низшим (родовым подразделениям), в других — отсутствие всяких признаков былой экзогамии племени и экзогамность лишь его подразделений — тюб и аймаков, которая сменилась запрещением брачных отношений в пределах родового подразделения или нескольких поколений.

Принцип экзогамии, таким образом, также не может служить у башкир основой для определения границ родо-племенных организаций. Аналогичная картина складывается и с другими признаками родо-племенной жизни. Родовые тамги, птицы, деревья, ураны далеко не всегда можно связать с определенным типом организации. Иногда общность тамг и других родо-племенных атрибутов характерна для той организации, которую мы называем племенем; иногда, напротив, каждый род в составе племени имеет в этом отношении самостоятельные показатели.

Учитывая неустойчивость традиционных показателей, приходится заключить, что сравнительно точным ориентиром для определения границ той или иной родо-племенной организации у башкир, особенно рода или племени, может служить лишь комплекс признаков. Это не зависит от недостатка материала, а является особенностью многоступенчатой и подвижной структуры родо-племенной организации башкир. Следовательно, когда мы пользуемся общепринятыми в исторической литературе терминами «племя», «род», «родовое подразделение», то делаем это условно, как бы «подводя» родо-племенную структуру башкир под классическую схему племенной структуры древних народов.

Детальная характеристика всех звеньев башкирской родо-племенной структуры дана в ряде работ². Краткий перечень их основных признаков сводится к следующему.

Родовое подразделение (ара, аймак, насель и др.) являлось экзогамным объединением группы родственных семей, потомков общего, обычно не очень далекого, предка. Члены родового подразделения обязательно расселялись компактно (отдельным аулом или обособленной улицей в деревне), имели общее название, единую в основе тамгу. Будучи взаимосвязаны общностью некоторых хозяйственных функций, члены родового подразделения вместе выходили на летние кочевки (образуя единую пастбищно-кочевую группу или

¹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир..., с. 38—43.

² Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир..., с. 58—123; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.). — АЭБ, т. I. Уфа, 1962, с. 175—177, 205—210.

общину), содержали скот в совместных табунах и стадах, помогали друг другу в ведении хозяйства, участвовали в расходах по организации свадеб, похорон и т. д. В системе землепользования члены родового подразделения долгое время были объединены совместной эксплуатацией части родовой вотчины.

Башкирский род (тюба, аймак, уру) представлял собой совокупность считающихся родственными родовых подразделений. Вплоть до недавнего времени башкирские роды хранили предания и генеалогии (шежере) о происхождении от общего, обычно чем-то знаменитого (или «героического») предка. Члены рода были объединены общим названием, имели единую в основе тамгу, которая модифицировалась по родовым подразделениям и далее по семьям. Приводим схему развития тамг в пределах племени усерган. Иллюстрация приведена, конечно, в «чистом» виде; в реальной жизни из-за этнической смешанности племен и пестроты тамг эту закономерность установить довольно сложно. Но она, эта закономерность, существует; в свое время ее заметил и Д. Н. Соколов¹.

Тамга племени усерган	—	
Тамга рода бишей племени усерган	—	
Тамга родового подразделения ибанай рода бишей	—	
Тамга семей, входящих в родовое подразделение ибанай	—	

В ряде случаев прослеживается экзогамность в недавнем прошлом (XVI—XVIII вв.) родовых организаций, однако для большинства родов экзогамность не была свойственна, хотя предпочтительность браков с одним или несколькими чужими родами имела место. Члены рода обычно расселялись компактно на единой территории. Башкирский род долгое время выступал совместным владельцем общей земельной вотчины.

Совокупность нескольких родов составляла племенную организацию. В преданиях и исторических сказаниях сохранились некоторые признаки былого единства племени: кроме этнонима, племенам были характерны такие атрибуты, как общая в основе начертания тамга — дерево, птица и особенно племенной уран — военный ключ, восходящий к военно-демократическому этапу родо-племенной организации. Роды в составе племен в известных нам генеалогиях считаются родственными, однако по другим признакам (тамгам, деревьям, птицам, уранам) такая общность зачастую не прослеживается или прослеживается только по отношению к некоторым родам. Племена имели органы самоуправления (советы старейшин, народные собрания), племенную территорию, разделенную,

¹ Д. Н. Соколов. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг). — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, т. XIII. Оренбург, 1904, с. 24—34.

однако, на родовые вотчины.

В ряде случаев трудно или невозможно отличить родовую организацию от племенной. Особенно это касается тех образований, которые не имели внутреннего родового членения, хотя внешне выступали самостоятельно, не входя в другие объединения. При отнесении таких образований к категории племенных целесообразно опираться на более или менее ярко выраженные особенности в культуре, говоре башкир данной группы, что обычно свойственно для племен. Несмотря на некоторую условность такой градации, в разработке вопросов этнической и социально-политической истории она полезна и целесообразна.

Таким образом, из сказанного следует, что структура родо-племенной организации башкир, в основе которой лежал принцип родства, обладала в то же время специфическими особенностями многоступенчатости, подвижности звеньев (особенно низших) и способностью родо-племенных организаций и их подразделений к сегментации.

Определение границ родо-племенных образований невозможно на основе башкирской терминологии, обозначающей родо-племенные организации, или традиций экзогамных брачных отношений, которые также обнаруживали свойства подвижности и нестабильности. Границы различных форм родо-племенных организаций башкир в новое время определяются на основе совокупности признаков, среди которых ведущее значение придается роли и функциям того или иного образования в системах землевладения и землепользования, а также в общественной жизни.

Реальное значение в башкирской родо-племенной системе имели три звена: племя, род, родовое подразделение. Однако употребление указанной терминологии условно. Она отражает действительную структуру родо-племенной организации башкир, учитывает сохранившиеся социальные функции за этими образованиями, но не имеет в виду того социально-экономического содержания, которое мы привыкли понимать за этой классической терминологией.

Этническая история башкирского народа

История изучения этногенеза башкир насчитывает более двух столетий, на протяжении которых создано немало гипотез и высказано множество мнений. Наиболее дискуссионным является вопрос об угорской или тюркской основе башкирского этноса. В прямой связи с ним возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства или, как ее чаще именуют, «башкиро-мадьярская проблема». Историко-фактологическую основу появления угро-мадьярской и тюркской гипотез происхождения башкир образуют противоречивые сообщения средневековых восточных и западных ученых и путешественников, которые дали повод многим исследователям, начиная с XVIII в., выступить с идеей башкиро-мадьярской этнической общности в эпоху древности. В наиболее отчетливой форме эта идея сформулирована в работах И. Страленберга, И. Фишера, А. Л. Шлёцера, С. Клапрота, П. И. Шафарика, А. Кастрена¹. В виде законченной концепции идея башкиро-венгерского родства и угорско-мадьярская теория происхождения башкир изложена Д. А. Хвольсоном², основные выводы которого были в той или иной форме поддержаны рядом ученых конца XIX в., в частности — Г. К. Уйфальви, И. Н. Березиным, С. В. Ешевским,

¹ I. Strahlenberg. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730; И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774; А. Г. Шлёцер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке (перевод Дм. Языкова), ч. 2. СПб., 1813; S. Klapproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1826; П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1 и 2. М., 1837; A. Castrens. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St. Petersburg, 1857.

² Д. А. Хвольсон. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Дастан. СПб., 1869.

Б. Мункачи, Э. Реклю и др.¹ В начале и середине XX в. концепция башкиро-мадьярского родства получила поддержку или дальнейшее развитие в публикациях ряда крупных ученых: Д. Месароша, Д. Немега, С. П. Толстого, С. А. Токарева, И. П. Шастиной, М. И. Артамонова, П. Хайду, Г. Дечи и др.²

В конце XIX — начале XX в., когда начавшиеся антропологические и историко-лингвистические изыскания показали чрезвычайную сложность этнической истории башкир, оформилась концепция тюркского происхождения башкирского народа. Впервые она была сформулирована в трудах В. В. Вельяминова-Зернова, М. Ф. Флоринского, В. А. Новикова, А. П. Богданова, В. Н. Витевского³. Дальнейшее развитие научной мысли шло преимущественно в направлении разработки тюркского происхождения башкирского народа, допуская при этом (в том или ином масштабе) участие в его этногенезе угорского или финно-угорского компонента. Это работы Д. Европеуса, Х. Вамбери, Н. М. Малиева, П. С. Назарова, С. Вайсенберга, С. Соммье, А. Н. Абрамова⁴. Наиболее значитель-

¹ Г. Уйфалъви. Башкиры. Мещеряки. Телтяри. — «Известия Императорского Русского географического общества», т. 13, вып. 2, 1877; И. Борезин. Булгар на Волге. — Ученые записки Казанского университета, № 111, 1852; С. В. Ешевский. Русская колонизация северо-восточного края. — «Вестник Европы», т. I. СПб., 1866; В. Мункачи. A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai — «Ethnographia», fasc. I, 1894; Э. Реклю. Европейская Россия; земля и люди. — «Всеобщая география», т. V, вып. II. СПб., 1883.

² Gy. Mészáros. Magna Hungaria (A baskir — magyar kèdes). Budapest, 1910; G. Németh. Magna Hungaria. Leipzig, 1929; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; Н. П. Шастина. Путешествие на восток Плана Карпини и Гильома Рубрука. — В кн.: «Путешествие в восточные страны Плана Карпини и Рубрука». М., 1957; М. И. Артамонов. История хазар. М.-Л., 1962; П. Хайду. К этногенезу венгерского народа. — «Acta Linguistica», t. II, fasc. 3—4, Budapest, 1953; Gy. Décsy. Einführung in die finnisch—ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

³ В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями. — Записки Российской Академии наук, кн. 2, 1864; М. В. Флоринский. Башкирия и башкиры. — «Вестник Европы», кн. 12, 1874; В. А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879; А. П. Богданов. Курганные приуральцы по раскопкам Зографа и Нефёдова (череп башкир и ногайских ханов). — «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXXV, ч. I, вып. 3, 4. М., 1880; В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I. Казань, 1897.

⁴ Д. Европеус. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — ЖМНП, июль, 1868; Н. Vambéry. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen. Baschkiren. Leipzig, 1885; Н. М. Малиев. Антропологический очерк башкир. Казань, 1876; П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1; S. Weissenberg. Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. — «Zeitschrift für Ethnologie», t. XXIV, Berlin, 1892; С. Соммье. О башкирах. Екатеринбург, 1891; А. Н. Абрамов. Башкиры (антропологический очерк). — «Русский антропологический журнал», кн. 27, 28, № 3, 4. М., 1907.

ными из них были исследования Н. А. Аристов, Д. Соколова, С. Мирасова, С. И. Руденко¹.

К середине XX в. в научной литературе наметилась точка зрения, которая, признавая обоснованность существования указанных выше гипотез, в то же время считала саму проблему более широкой. Новый этап активных исследований в области этнической проблематики падает на послевоенный период, который характеризуется значительными и постоянно возрастающими масштабами изучения многих сторон этнической истории башкир усилиями различных дисциплин — этнографии, археологии, антропологии, языковедения, фольклористики и др. Археологические исследования были сосредоточены преимущественно на изучении древней истории Башкирии. С крупными исследованиями в этой области выступили А. В. Збруева, А. П. Смирнов, А. Х. Халиков, К. В. Сальников². Археология Башкирии I тысячелетия н. э. наибольших успехов достигла главным образом в последнее десятилетие благодаря работам Р. Б. Ахмерова, В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка, Г. И. Матвеевой, Н. А. Мажитова, С. М. Васюткина, М. Х. Садыковой и др.³

Археологическими исследованиями показано, что территория Башкирии с древнейших времен до конца I тысячелетия н. э. была ареной постоянных контактов между разноязычными (иранскими, финно-угорскими, позднее — тюркскими) этническими группами. В то же время среди изученных археологических памятников I тысячелетия н. э. археологам пока не удалось выделить конкретную культуру, носителей которой можно было бы считать непосредственными и прямыми предками башкир. Попытки связать те или иные культуры, например бахмутинскую⁴, или определенные культурные комплексы с археологических памятников Приуралья и Юж-

¹ Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — «Живая старина», вып. III и IV, 1894; его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897; Д. Н. Соколов. Опыт разбора одной башкирской летописи. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. IV. Оренбург, 1898; его же. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг). — Там же, т. XIII. Оренбург, 1904; С. Мерзесов. Башкорттар камдәр, кайзан килгәндәр. — «Башкорт аймагы», 1925, № 1, 2; его же. Башкорттарзың борынғы хәле, башкорт халкы. — «Башкорт аймагы», 1926, № 2; С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955.

² А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30, 1952; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952; его же. Железный век в Башкирии. — МИА, № 58, 1958; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние булгары на Волге. М., 1964; А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971; К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

³ См.: АЭБ, т. I—V, 1962, 1964, 1968, 1971, 1973.

⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

ного Прикамья с древними мадьярами также не дали положительных и достоверных результатов. За пределами известных в настоящее время нарративных и археологических источников остаются многие события X—XVI вв., без выяснения которых невозможна разработка общей концепции этнической истории башкирского народа. Признавая возрастающую роль археологии в исследовании этноисторических проблем эпохи средневековья, в то же время приходится иметь в виду затруднения в использовании результатов археологических изысканий в связи с неустойчивостью критериев при выделении археологических культур в степном мире, а также с чрезвычайной относительностью (и поэтому с наблюдаемой в литературе многовариантностью) определений этнической принадлежности племен той или иной культуры в районе Волго-Урала в I тысячелетии н. э. Однако отметим, что на основе новых материалов в этом направлении недавно получены обнадеживающие данные¹.

Заметно повысилась роль краниологических исследований в изучении этнической истории башкир, главным образом благодаря работам М. С. Акимовой, В. П. Алексева, Т. А. Трофимовой². Сопоставление результатов палеоантропологических изысканий с материалами антропологических исследований современных башкир позволило в предварительном плане наметить основные вехи истории формирования антропологического состава и антропологических типов башкирского народа³. Однако неравноценность краниологических данных по разным периодам и районам Башкирии, особенно отсутствие массового материала с поздних могильников, характеризующего население Башкирии в конце I — первой половине II тысячелетия н. э., ограничивают возможности исследователей в выявлении антропологических компонентов, вошедших в состав башкирской народности, и в определении их удельного веса в формировании физического типа той или иной группы башкир.

Поздние этапы этнической истории башкир успешно разрабатываются этнографами Башкирии. Наиболее значительными являются историко-этнографические исследования по декоративно-прикладному искусству⁴, народной одежде и другим сферам мате-

¹ Е. А. Халикова. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников).— АЭБ, т. IV. Уфа, 1971; Е. П. Казаков. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии (на материале керамики).— Там же.

² М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; В. П. Алексева. Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969; его же. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М., 1969; Т. А. Трофимова. Антропологические материалы из алачского могильника возле Стерлитамака в Башкирии.— КСИЭ, XVII, 1952.

³ М. С. Акимова. Этногенез башкир по данным антропологии.— АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

⁴ С. А. Вижданская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

риальной культуры¹, терминологии и системе родства башкир, а также обычному праву². Широкие сравнительно-исторические и типологические сопоставления материала по этнографии башкир с аналогичными данными по народам Волго-Камья, Средней Азии, Казахстана, Сибири и Алтая позволили этнографам показать длительный и чрезвычайно сложный процесс формирования башкирской культуры, выделить в ней пласты, которые оказалось возможным связать с этническими компонентами, в разное время принявшими участие в становлении башкирского народа. Лишь трудности в хронологизации имеющегося материала являлись препятствием в создании законченной историко-этнографической концепции этногенеза башкир.

Исследования в области исторического языкознания развивались в основном в плане выяснения возможных башкиро-финно-угорских³ и, конкретно, башкиро-венгерских языковых связей⁴. Большинство исследователей на основе специальных изысканий пришло к отрицанию идеи башкиро-мадьярской языковой общности в эпоху древности. Особенно интересным является исследование Д. Немета о венгерских племенных названиях в башкирской этнонимии⁵. Привлечение новых материалов и их анализ в историко-лингвистическом аспекте позволили Д. Немету с современных позиций осветить древнюю историю венгерских племен, отказаться от ранее отстаиваемой им теории башкиро-мадьярского родства и сформулировать тезис, согласно которому башкирский и венгерский народы имели самостоятельные пути этнического становления с древнейших времен и вплоть до ухода венгров из Волго-Уральского региона на запад.

¹ С. Н. Шитова. Народная одежда башкир.— АЭБ, т. III. Уфа, 1968; *е е же*. Сибирские таяжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— «Этнография Башкирии». Уфа, 1976.

² Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир.— АЭБ, т. II. Уфа, 1964; *е го же*. Минорат. Проблемы происхождения и исторического места в системе социальных институтов.— «Этнография Башкирии». Уфа, 1976.

³ Дж. Кнекбаев. Башкорт диалектэре һәм уларзың тарихенә тыктаса инеш.— «Гилми язмалар», III сығарылып. Филология серияһы, № 2. Өфө, 1958; Н. Х. Максютова. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков.— «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск, 1967; С. Ф. Миржанова. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка.— «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969; Н. Х. Ишбулатов. Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками.— «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV. Ижевск, 1967.

⁴ M. Räsänen. Gibt es im Baschkirischen etwas Ugrisches? — «Acta orientalia», t. XII, fasc. 1—3; Budapest, 1960; Б. А. Серебряников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963; L. Ligeti. A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, kiraly). — «Magyar Nyelv», LX, Budapest, 1964; G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.

⁵ G. Németh. Ungarische stammesnamen bei den Baschkiren.— «Acta Linguistica», t. 16 (1—2). Budapest, 1966.

В разработке поздних этапов этнической истории башкир существенное значение имеют исследования по определению места башкирского языка в системе тюркских языков¹.

В 1969 г. в г. Уфе состоялась научная сессия Отделения истории и Башкирского филиала АН СССР по этногенезу башкир². Доклады и сообщения показали сходство взглядов многих ученых по ряду принципиальных вопросов башкирского этногенеза. В частности, участники сессии согласились с тем, что в чрезвычайно сложных этногенетических процессах на территории Башкирии с древнейших времен участвовали этнические образования разного происхождения, как автохтонные, так и пришлые; что проблема этногенеза башкир, несмотря на важное значение выявления первоначальных компонентов этноса, не исчерпывается изучением ранних этапов и предполагает расширение хронологических рамок исследования по крайней мере до середины II тысячелетия н. э.; что основным содержанием этногенетических процессов на территории Башкирии во второй половине I тысячелетия н. э. было взаимодействие и смешение финно-угорских, сармато-аланских и тюркских племенных образований.

В то же время сессия отметила слабую изученность поздних археологических культур на территории Башкирии, особенно южных и юго-западных районов, недостаточно высокий уровень взаимопроникновения дисциплин в исследовании проблем этногенеза. Сессия помогла более четко, чем прежде, сформулировать ключевые вопросы этнической истории башкир, хотя многие из них пока остались нераскрытыми или дискуссионными (а в ряде случаев даже не обсужденными). К этим вопросам, в частности, относятся: этническое определение большинства археологических культур исторической Башкирии в I тысячелетии н. э.; время, направления и масштабы проникновения ранних тюрков в Волго-Уральский регион; роль финно-угров вообще и древних венгров в частности в раннем этногенезе башкир; этническая характеристика племенных групп, явившихся ранними компонентами в образовании древнебашкирского этноса; территория формирования древнебашкирского этноса (Древняя Башкирия); племенной состав башкир на разных этапах их этнической истории; происхождение родо-племенных организаций, сыгравших ту или иную роль в формировании этнического состава башкир; характер взаимодействия местного и пришлого компонентов и удельный вес каждого из них в формировании башкирской народности; значение поздних миграций (например, кыпчакской) в этнической истории башкир; социально-экономические и политические условия, в которых протекал процесс консолидации башкирской народности.

¹ Т. М. Гарипов. Лексико-статистические отношения тюркских языков Урало-Поволжья. — «Языковые контакты в Башкирии». УЗ БГУ, вып. 50, серия филологическая, № 20(23). Уфа, 1972; его же. Башкиро-татарские языковые параллели (Материалы к сравнительной грамматике кыпчакских языков Урало-Поволжья). — Там же.

² Материалы сессии опубликованы в АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

Все эти вопросы рассматриваются нами с учетом новых публикаций и современного состояния источников.

Основными источниками явились полевые материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР 1953—1976 гг. Кроме территории собственно Башкирской АССР, были охвачены все населенные башкирами районы в соседних областях и республиках РСФСР. Итоги этнографических исследований систематически публиковались в томах серии «Археология и этнография Башкирии» и в других изданиях Башкирского филиала АН СССР. С 1959 г. среди башкир ежегодно работают фольклорные и диалектологические экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР. Изучение отчетов фольклорных и диалектологических экспедиций за 1959—1968 гг. позволило существенно дополнить и обогатить материал, собранный нами в этнографических экспедициях. Обширный материал собран и в результате изучения богатейшего фольклорного фонда научного архива БФАН СССР, хотя здесь имеются некоторые трудности в использовании этих источников в связи с незавершенностью интересно начатых фольклористами исследований в области корней эпических и других произведений башкирского фольклора.

Многолетними исследованиями по этническому составу башкир собран материал, который включает 46 племенных и 128 родовых этнонимов, более 1600 наименований деревень, около 200 родовых подразделений, почти 3600 тамг и их названий. В связи с обширностью материала значительное внимание было уделено приемам обработки и систематизации корпуса этнонимов, особенно их датировке. Хронологические пределы исследовательских возможностей на базе этнографического материала можно расширить, по нашему мнению, с помощью ретроспективного метода анализа с привлечением архивных и других письменных источников, синхронных изучаемой эпохе. Большое значение в этом плане имеют башкирские шежере, общая характеристика которым дана выше. Несмотря на недостатки, связанные с легендарностью некоторых сообщаемых сведений, шежере могут, при условии тщательного их критического анализа на широком фоне других исторических данных, оказаться ценнейшими источниками по средневековой истории башкир, особенно по этнической истории башкирских племен. Сбор, накопление текстов башкирских шежере и их использование в исторических исследованиях были начаты еще в XVIII в. П. И. Рычковым¹ и продолжены в XIX—XX вв. В. С. Юматовым, М. В. Лоссиевским, П. С. Назаровым, М. Рамзи, Х. Гата, М.-С. Уметбаевым, С. Мирасовым. В 1960 г. была опубликована книга «Башкирские шежере», которая обобщила всю собирательскую и исследовательскую работу предшествующего периода в этой области. В книге опубликованы и прокомментированы факсимиле, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере.

Документальной базой для восстановления родо-племенной номенклатуры и расселения башкир в XVII—XIX вв., наряду с поле-

¹ П. И. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1886.

выми материалами, послужили архивные документы, рассеянные по разным публикациям и хранилищам.¹ Общие границы расселения башкир в XVII—XVIII вв. устанавливаются благодаря картам, составленным в 1699—1701 гг. С. У. Ремезовым, в 1736 г. — М. Пестряковым, в 1737 г. — неизвестным картографом², в 1752—1755 гг. — И. Красильниковым³. В распоряжении автора была также карта расселения башкирских «родовых групп и земельных дач», составленная в 1916 г. С. И. Руденко⁴, который в этих целях воспользовался материалами размежевания башкирских земель в конце XIX в. Детальная разработка этнического состава башкир в XVII—XVIII вв. потребовала использования многих сотен документов, опубликованных начиная с 1936 г. в многотомной серии «Материалов по истории Башкирской АССР», в «Истории Татарии в документах и материалах», а в дореволюционное время — в документальных сборниках, изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым, А. И. Добросмысловым, В. А. Новиковым⁵, в «Актах исторических», в «Дополнениях к Актам историческим» и в других серийных и отдельных выпусках. Ценные сведения почерпнуты в Научном архиве БФАН СССР, архиве Географического общества СССР, ЦГАДА, ЦГА БАСССР. Наиболее яркими документами по родо-племенному составу башкир являются «Сведения о башкирских волостях, собранные в 1725—1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым», «Реестр и описание башкирских волостей, составленные около 1730 г. со слов камериера Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева», «Роспись разделения башкир Уфимского уезда по волостям или родам в 1735 г., составленная статским советником И. К. Кирилловым», «Разделение башкирского народа по волостям и родам...» по П. И. Рыч-

¹ В. С. Юматов. Древние предания башкирцев Чубиминской волости. — «Оренбургские губернские ведомости», № 7, часть неофициальная, 1848; М. В. Лоссиевский. Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края. — Газ. «Оренбургский листок», 1881, № 6; его же. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. — «Справочная книжка Уфимской губернии», отд. V. Уфа, 1883; П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1; М. Рамзи. Телфик-эль-ахбар вә телкихол — асар фи вәкаифи Казан вә Болгар вә молюкит-татар, т. I. Оренбург, 1907; Х. Гата. Муфассал тарихи кауми турки, т. I. Уфа, 1909; М. Уметбаев. «Ядкар». Казан, 1897; С. Мерзосов. Башкорт шәжәрәләре. — «Башкорт аймағы», 1927, № 4; его же. Тәтәгәч бий шәжәрәсе. — «Башкорт аймағы», 1927, № 2; Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

² С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882; МИБ, т. IV, Приложение. М.-Л., 1956.

³ И. Красильников. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ландкартам» И. Красильникова и «топографии П. И. Рычкова». СПб., 1880.

⁴ С. И. Руденко. Указ. соч.

⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч.; А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. I и II. Оренбург, 1900; В. А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

кову, 1762 г. и другие, опубликованные в разное время и в разных источниках. Дополняя друг друга, эти списки XVIII в., а также некоторые источники XVII в. по родо-племенному составу образуют «Свод», из которого можно извлечь сведения не только по племенному и родовому составу башкир, но и по их расселению, численности, административному устройству. В ряду этих же источников находятся обширные сведения о башкирах в известных сочинениях XVIII в. П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги.

Расширение территориально-этнических рамок исследования обусловило широкое использование сочинений средневековых восточных и западных ученых и путешественников. В процессе разработки общей концепции этнической истории башкирского народа широко привлечены в качестве источников материалы по этнографии, археологии и общей истории тюркских и финно-угорских народов, опубликованные в научной литературе XIX—XX вв. В последние годы заметно возросло число научных публикаций по этническому составу и этнической истории тюркских и финно-угорских народов в республиках Средней Азии и Поволжья. Материалы и выводы этих работ, а также новейшие исследования в области тюркской филологии и общей истории упомянутых народов по возможности также учтены нами.

Выбор наиболее целесообразных путей систематизации и картографирования материала по этническому составу потребовал предварительного анализа структуры башкирской родо-племенной организации, характеристика которой дана выше. Родо-племенная структура кочевников, в том числе башкир, фиксируемая источниками XVII—XIX вв., исторически сложилась на поздних (военно-демократических) этапах истории первобытнообщинного строя, а именно на стадиях возникновения кочевого скотоводства и патриархального рода. В эпоху формирования патриархальный род кочевников базировался не только на связях, вытекающих из представлений о кровном родстве, а являлся ячейкой, имеющей совершенно определенные социально-классовые функции, характерные для общества переходного типа.

Отмеченная подвижность структуры родо-племенной организации башкир в сочетании с многочисленными обстоятельствами исторического и политического порядка (внедрение в состав племени «на правах» родовой организации групп населения иной этнической среды или, напротив, уход башкир с последующей их ассимиляцией в составе соседних народов; упадок или даже исчезновение в силу ряда причин родовой, а иногда и племенной организации, и, наоборот, возвышение до положения «рода» родового подразделения и т. д.) убедительно объясняют возможность и вероятность постоянных изменений как в родо-племенном составе башкир, так и в их родовой этнонимии. Реализация этих возможностей и составляет одну из важных и интересных сторон этнических процессов, позволяющих исследователю как бы изнутри самого общества наблюдать за постепенной метаморфозой этнического облика народа.

Описание башкирской этнонимии с учетом выявленных особенностей родо-племенной структуры позволяет выявить в ней ряд общих черт:

1. Племенные этнонимы отражают этническую историю башкир, уходящую корнями далеко в глубь веков. Хронологический диапазон конкретных этнических явлений определяется в каждом отдельном случае в зависимости от имеющихся источников.

2. Родовая этнонимия более сложное явление; в ней отложились этнические процессы разных времен и эпох, в том числе и самых поздних. Многие родовые этнонимы восходят, как и племенные, к древней и средневековой эпохе башкирской истории, по крайней мере к I — началу II тысячелетия н. э.; но часть родовой этнонимии возникла в ходе этнических процессов на территории Башкирии в XIII—XVI вв., а в некоторых случаях и позднее.

3. Этнонимы родовых подразделений отражают этнические и социально-политические процессы в хронологическом отношении еще более обширной эпохи. В связи с тем, что процесс выделения родовых подразделений шел постоянно и реальное функционирование этих социальных организаций измеряется в среднем 1,5—2 столетиями, большинство этнонимов родовых подразделений надо отнести к новообразованиям (XVII—XIX вв.). В то же время нельзя упускать из виду и устойчивую преемственность в наследовании одним из родовых подразделений этнонима и тамги первичной организации. Это означает, что часть этнонимов родовых подразделений древнего происхождения.

Сформированные положения о степени устойчивости различных звеньев родо-племенной этнонимии башкир могут быть распространены, с некоторыми коррективами, на аналогичные организации других кочевых или полукочевых в прошлом народов: казахов, киргизов, каракалпачков, туркмен и др. Устойчивость традиционной родо-племенной этнонимии у этих народов падает от высших звеньев родо-племенной структуры к низшим; соотношение древних этнонимов и вновь образовавшихся меняется в пользу последних на низших ступенях родо-племенной системы.

1. Этнографические группы башкир в XVII—XIX вв. и их этническая история

Особенности историко-географического положения Башкирии на стыке различных природных и этнокультурных зон обусловили специфику в направлениях этнического развития различных частей башкирского народа. Это нашло соответствующее отражение в родо-племенном составе и в этнической истории различных этнографических групп башкир. Отмеченная особенность побудила нас рассмотреть этническую историю башкирских племен по этнографическим группам.

Прежде чем характеризовать этнографические группы, полезно кратко рассмотреть вопрос о типологии этнических образований¹. Этнические общности всех типов являются категориями историческими, которые формируются на базе общности ряда постоянно развивающихся признаков (главные из них — язык, территория, культура, хозяйственно-экономическая жизнь), значение и выразительность которых на различных стадиях социально-экономического развития общества неодинаковы. Если на ранних этапах истории этнических общностей ведущие консолидирующие функции принадлежали языковым, культурным и территориальным связям, то со вступлением общества в эпоху классового развития возрастающее значение приобретают экономические связи, которые дополняются обычно политическими. При всем этом этническая общность характеризуется не как организация, обладающая лишь той или иной суммой «признаков», а как «целостная система», «сознающая эту свою целостность», то есть с ясно определившимся чувством этнического самосознания².

Основными типами этнических общностей, исторически последовательно сменявшимися друг друга, являются племена, народности, нации (буржуазные и социалистические), возникновение, существование и развитие которых тесно связано с уровнем и характером социально-экономического и политического состояния общества. В этом смысле этнические общности всех порядков являются этносоциальными (или социально-этническими) организациями, обладающими, кроме собственно этнической, социальными (социально-экономическими, политическими, территориальными...) характеристиками.

Реальная типология этнических общностей, особенно в эпоху формирования раннеклассовых обществ в мире кочевников, выглядит сложнее. Общественные отношения кочевников, характеризующиеся сложным сочетанием патриархально-родового уклада с развивающимися или господствующими феодальными отношениями, несмотря на признаки социально-экономического строя переходного типа, существовали на протяжении многих столетий и составляли в их истории целую эпоху. В соответствии с этим в среде ранних тюркских кочевников формируются и в течение длительного времени проявляют устойчивость переходные (от племен к народностям) состояния этнических общностей, которым свойственны различные комбинации родо-племенных и территориальных связей. В качестве пережитка родо-племенные деления сохранялись даже у

¹ Теоретические вопросы, касающиеся дефиниций этнических общностей и их типологии, освещены в ряде статей этнографов, опубликованных в связи с известной дискуссией о нации в журналах «Вопросы истории», «Советская этнография» и др. (см. статьи 1964—1970 гг. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова, Ю. В. Бромлей, В. И. Козлова, Л. П. Лашука и др.).

² Ю. В. Бромлей. Этнос и этносоциальный организм.— «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.» М., 1970, с. 34.

окончательно сформировавшихся народов (казахов, киргизов, туркмен, башкир и др.) в новое время.

В историко-этнографической литературе упомянутые раннесредневековые этнические общности обозначаются по-разному («большие племена», «группа племен», «племенная общность», «улусная общность», «племенной союз», «древняя народность», «этнос», «этнографическая группа»), что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении исследователей зафиксировать различные этапы развития этнической общности и ее консолидации в народность, с другой — показывает недостаточную разработанность типологии этнических образований, предшествовавших народностям.

История любого типа этнической общности проходит стадии формирования, стабилизации и более или менее длительного существования и, наконец, конечного развития, которое может заключаться либо в полном исчезновении общности (в результате, например, ассимиляции в составе других образований), либо в дальнейшей консолидации в следующий, более высший тип общности. Длительность этих стадий измеряется столетиями и этнические общности (в частности, народности) на разных полюсах своего развития могут существенно различаться как по этнической, так и социальной характеристике. В литературе, например, упоминаются народности «рабовладельческие», «феодалные» (или просто «древние»), «буржуазные», «социалистические». Однако степень социально-этнической консолидации народностей может различаться и в пределах одной, скажем феодальной, формации, тем более в тех странах, которые не знали рабства как способа производства. В литературе, однако, не существует терминологии (кроме описательной) для обозначения народностей на различных этапах их формирования.

В процессе исследования этнической истории башкир, к которым целиком относятся указанные выше особенности, преимущественно применяются следующие термины, отражающие различное этно-языковое и социально-политическое состояние этноса:

«группа племен» или «племенное объединение» — с момента появления (по письменным источникам) этнонима башкорт до активного смешения башкирских племен с родо-племенными образованиями нетюркского происхождения на территории современной Башкирии (VIII—X вв.);

«древнебашкирский этнос» — в период существования многоплеменного образования под общим названием (башкорт), внутри которого шел процесс этнической интеграции в направлении тюркизации всего объединения и формирования некоторых этнических признаков, характерных для современной башкирской народности (XI—XIII вв.);

«формирующаяся народность» — в эпоху, когда ярко и отчетливо проявились сложение и вызревание хорошо известных нам кыпчакских этнических признаков башкирской народности, а также — социально-экономические процессы внутренней консолидации (XIII—XVI вв.);

«народность» — когда отмеченное выше развитие дополнено территориально-политической консолидацией башкир (XVI—XVII вв.).

Несмотря на условность или описательность некоторых терминов, применение их оказывается целесообразным для характеристики различных стадий становления башкирского народа.

На основе рассмотренных общих положений перейдем к характеристике этнографических групп. Они характеризуются как этнические общности таксономически более низкого порядка, чем народности. В большинстве случаев понятие «этнографическая группа» подразумевает часть народа, обладающую в пределах общей этнической характеристики известным культурным и языковым своеобразием, хотя, конечно, этим термином правомерно обозначать (особенно в эпоху средневековья) и самостоятельные этнические образования, имевшие тенденцию развиваться в народность или, напротив, слиться с другой, более устойчивой этнической общностью. В целом этнографической группе должны быть присущи компактное расселение на единой территории, своеобразие в культуре и быте (отражающие специфику хозяйственной жизни и этнической истории), местные особенности в языке. При высоком уровне языковой консолидации народности основным различающим показателем этнографической группы является специфика хозяйственно-культурного комплекса.

Как и любой другой тип этнической общности, этнографическая группа — категория историческая. В зависимости от истоков и условий формирования, этнографические группы в составе современных этнических общностей подразделяются на два вида. К первому относятся такие группы, в основе которых лежат родо-племенные образования (или раннесредневековые этнографические группы), полная ассимиляция и этническая интеграция которых в пределах народности не завершилась в силу тех или иных исторических причин. В этих случаях в культуре такой этнографической группы ясно просматриваются древние черты, которые условно можно назвать «генетическими» (например, юго-восточная этнографическая группа башкир). Ко второму виду относятся этнографические группы, которые в современном виде сложились сравнительно недавно. Это обычно часть уже сформировавшегося народа, этнокультурный облик которой в определенных исторических условиях и, как правило, под воздействием внешней этнической среды претерпел заметную трансформацию, в той или иной степени отклонившись от общего направления культурного развития народности. В культуре таких этнографических групп доминируют поздние наслоения, которые можно условно назвать «приобретенными» (северо-западная этнографическая группа башкир).

Изучение этнографических групп имеет большую ценность для исследования этнической истории народа как на ранних, так и на поздних ее этапах. Хозяйственно-культурная и языковая характеристика этнографических групп, анализ соотношения «генетических» и «приобретенных» признаков, выяснение на этой основе времени их формирования и т. д. открывают обнадеживающие перспек-

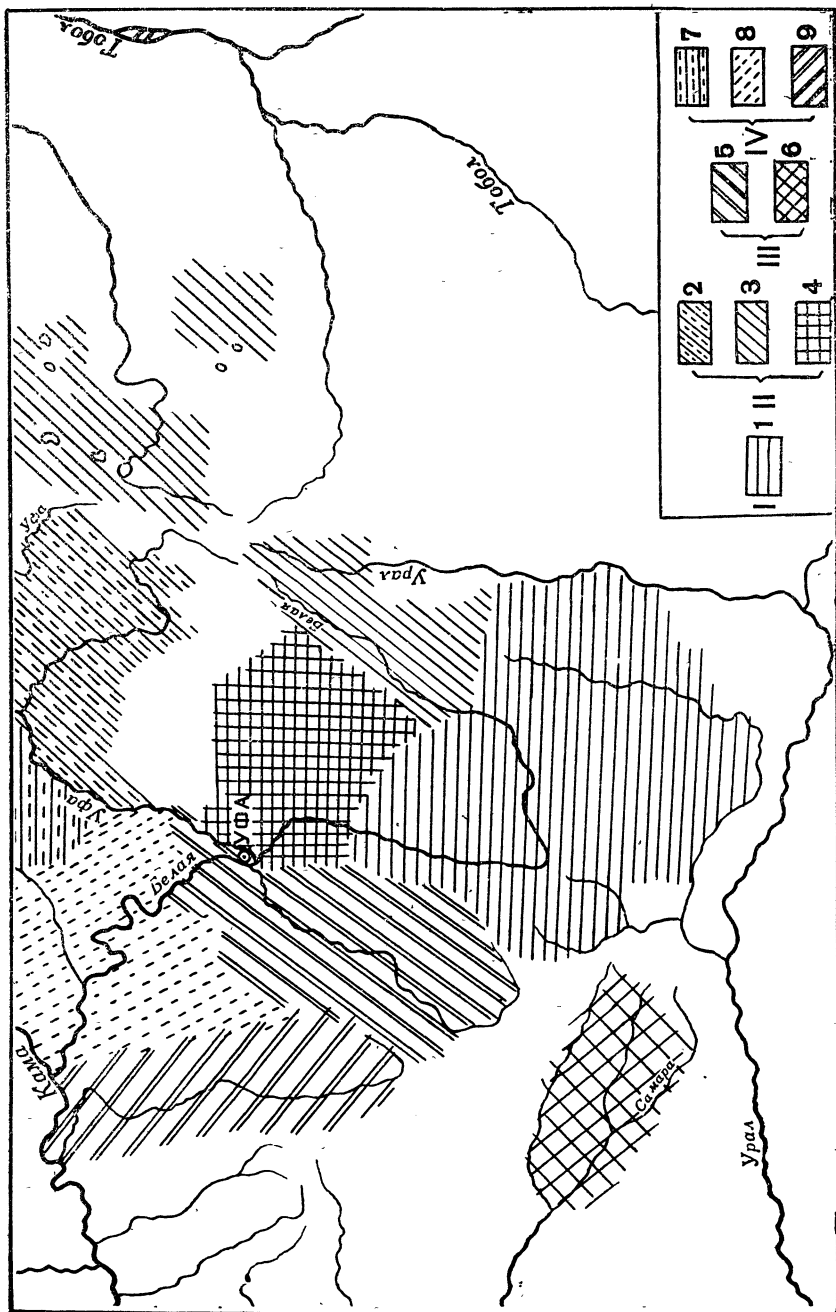

Рис. 7. Этнографические группы башкир в XVII—XIX в.:

I — юго-восточная группа; II — северо-восточная группа; 2 — северная (айско-юрюванская) подгруппа; 3 — зауральская подгруппа; 4 — центральная (горная) подгруппа; III — юго-западная группа; 5 — демская подгруппа; 6 — южная подгруппа; IV — северо-западная группа; 7 — северная подгруппа; 8 — нижнебельская подгруппа; 9 — икская подгруппа.

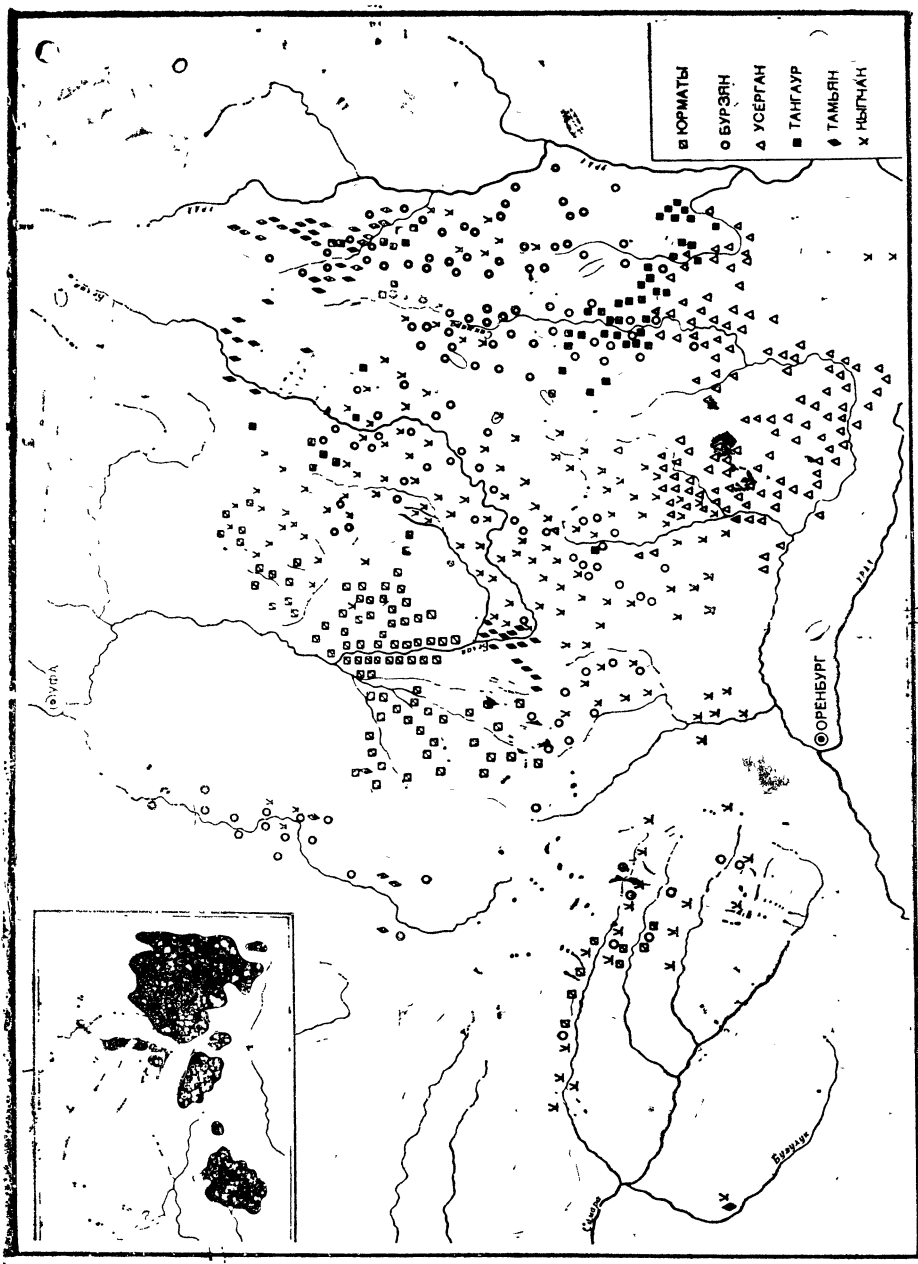

Рис. 8. Этнический состав и расселение юго-восточных башкир в XVII—XIX вв.

тивы в исследовании этногенеза народа. Тщательный анализ этнического состава этнографических групп и последовательное изучение их истории с момента становления до современного состояния дает возможность установить роль и удельный вес различных этнических компонентов в происхождении и формировании народа, в данном случае башкирского.

Приведем результаты изучения этнографических групп башкир¹:

1. На основе развернутого анализа территории распространения хозяйственно-культурных комплексов выделены четыре историко-этнографических района Башкирии, границы которых в XVII—XIX вв. изменились в соответствии с направлениями хозяйственно-культурного и этнического развития. Результаты анализа согласуются с данными новейших исследований в области башкирской диалектологии.

2. В составе башкир четко фиксируются следующие этнографические группы, расселение которых в основном совпадает с границами историко-этнографических районов Башкирии (рис. 7):

а) Юго-восточная;

б) Северо-восточная, подразделяющаяся на подгруппы: северная (айско-юрюзанская), зауральская и горная. По ряду признаков, а также в связи с обособленностью территории, горные башкиры могут быть выделены и в самостоятельную этнографическую группу;

в) Юго-западная с подгруппами демской и южной (оренбургские, саратовские и куйбышевские башкиры);

г) Северо-западная с подгруппами: северной, нижнебельской и икской.

3. Этнографические группы формировались постепенно и сложились в современных очертаниях сравнительно поздно, в XVII—XIX вв. Их этнический облик в разной степени и разных соотношениях отражает как древние (племенные) черты, так и поздние, сложившиеся в результате территориального взаимодействия различных групп башкирского и небашкирского населения.

4. Сила воздействия различных факторов (хозяйственных, политических, демографических, этнических, культурных...) на формирование этнографических групп в разные эпохи менялась. Если после XVI в. наиболее сильным было воздействие оседло-земледельческого хозяйства и мощной волны переселенцев, то в более раннее время в формировании региональных особенностей культуры и языка решающее значение имела родо-племенная принадлежность составных частей складывающихся этнографических групп.

Юго-восточные башкиры (рис. 8)². 1. В юго-восточную этно-

¹ Р. Г. Кузеев. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования. — АЭБ, т. III. Уфа, 1968.

² Здесь и ниже представлены лишь итоговые данные проведенных исследований по этническому составу и истории расселения башкир. Подробно см.: Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.). — АЭБ, т. I. Уфа, 1962, с. 171—210; Р. Г. Кузеев. Родо-племенной состав башкир в XVIII в.; Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. Следы алтайской этни-

графическую группу башкир входили племена* юрматы (талтым, татигас, кармыш, юрматы, ногай, мишар), бурзян (мунаш, ногай-бурзян, ямаш, янсары, байулы), усерган (сураш, айгу, буре, бишей, шишей), тангаур, тамьян (мулют, куян, мясагут), кыпчак (суун, бушман, санкем, гэрэй, карагай, кара-кыпчак, сарыш, туркменили ногай-кыпчак, сары, джете-уру). Общая численность юго-восточных башкир в конце XVIII в. составляла около 110—120 тыс. человек.

2. Родо-племенной состав и история расселения юго-восточных башкир отражают различные этапы их этнической истории.

Племя юрматы принадлежит к раннему (по определению автора очерка — к булгаро-угорскому) этническому слою башкирского этноса, образовавшемуся на базе смешения тюркского и угорского (древнемадьярского) населения на территории формирующейся Волжской Булгарии и сопредельных областей. Вывод подтверждается расселением племени в XIII—XIV вв. в восточном Закамье в ближайшем соседстве от волжских булгар, тождественностью племенного названия юрматы с древневенгерским этнонимом *Gyermat*, этническим родством юрматынцев с болгарским родом юрми или ерми, пребыванием рода юрми в составе приазовских и дунайских болгар, болгарской оронимией (Тура-тау, Курман-тау) и гидронимией (Эсем, Уран) на новой южноуральской территории юрматынцев, параллелями в материальной и духовной культуре башкир, волжских булгар, татар и чувашей и, наконец, происхождением этнонима юрматы «из того же тюркского языка с чувашским отпечатком, из которого происходят остальные наши (то есть венгерские. — Р. К.) заимствования из древнетюркского языка»¹.

Племена усерган и тангаур (раннесредневековые баджгарды), племя бурзян (раннесредневековые бурджаны), сыгравшие в этнических процессах Приуралья консолидирующую роль, имели (так же, как и племя тамьян) центральноазиатское — тюркское (усерган, бурзян) или монгольское (тангаур, тамьян) происхождение. История этих древнебашкирских племен развивалась в иранской, угорской и особенно в тюрко-печенежской этнической среде Приаралья, позже — в этнополитической орбите приазовских болгар². В момент миграции из Приаралья в Восточную Европу баджгарды и бурджаны в этническом отношении принадлежали к печенежскому миру, но их более древние этноисторические связи с упредшими ранее на запад болгарами, судя по сообщениям восточных источников и не-

мни в родо-племенной номенклатуре башкир. — «Проблема общности алтайских языков». Л., 1969; Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX века (историко-этнографический анализ). — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969 и др.

* В скобках даны названия родов.

¹ G. Németh. Ungarische stammesnamen bei den Baschkiren, p. 19.

² Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. — АЭБ, т. III. Уфа, 1968; его же. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью. — «Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год». Уфа, 1966.

которым историко-этнографическим данным, не были окончательно утрачены.

Кыпчакские роды восходят к тюркским, частично — к монгольским племенам Центральной Азии и Алтая, прошедшим этап этнической интеграции в Дешт-и-Кипчаке.

3. Миграция племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян с Северного Кавказа и Нижнего Поволжья имела место в IX в. Баджгардо-бурджанская группа племен, так же как и юрматынцы, переселилась в Приуралье или в составе болгарского потока или вслед за ним.

4. Центром первоначального расселения племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян, тамьян была Бугульминская возвышенность от района водораздела рек (восточные районы современной ТАССР и северо-восточные Куйбышевской области) до левобережья р. Белой. Племя юрматы занимало территорию по рекам Степной Зай и Шешма в юго-восточном соседстве волжских болгар; усерганы, бурзяне, тангауры, тамьянцы кочевали на территории между юрматынцами на западе и р. Белой на востоке.

5. Начало собственно кыпчакской миграции в Башкирию относится к XI—XII вв., но наиболее массовое их проникновение имело место в XIII—XIV вв. Кыпчаки первоначально заселили всю территорию западной Башкирии к югу от нижнего течения р. Белой. Смешавшись с местными и ранее пришедшими племенами, кыпчаки сыграли значительную роль на завершающих стадиях формирования этнического облика юго-восточных башкир.

6. XIII—XV вв. являются периодом наиболее крупных передвижений башкирских племен с Приуралья на Южный Урал и в Зауралье. Здесь башкирские племена ассимилировали тюркских кочевников, приток которых из южных и юго-восточных районов страны не прекращался со второй половины I тысячелетия н. э. Этнические связи Южного Урала и Приаралья, имевшие глубокие исторические традиции, развиваются и в последующие века, способствуя стабилизации степной культуры и традиционных форм хозяйства юго-восточных башкир.

7. Этническая основа юго-восточной этнографической группы башкир сложилась на базе синтеза местного (финно-угорского), болгаро-угорского (племя юрматы) и древнебашкирского (племена усерган, бурзян, тангаур) компонентов, при ведущей роли последнего. Существенную роль в этническом развитии юго-восточных башкир сыграли также кыпчаки, которые, однако, и сами восприняли немало черт, характерных для древних башкир. Разговорный язык юго-восточных башкир составляет ик-сакмарский говор южного диалекта общепашкирского языка.

Северо-восточные башкиры (рис. 9). 1. Северо-восточные башкиры распадаются на три родо-племенных объединения — айлинское, катаяское и табынское. А й л и н с к о е объединение включало племена: ай (ай, тырнаклы, каратаулы, туркмен, сарт-айле), мурзалар, дуван, кошсо, кудей (шайтан, кыр, урман, туркмен, булякей), сызгы, упей; к а т а й с к о е: катая (инзер-катая, кузгун, идель-

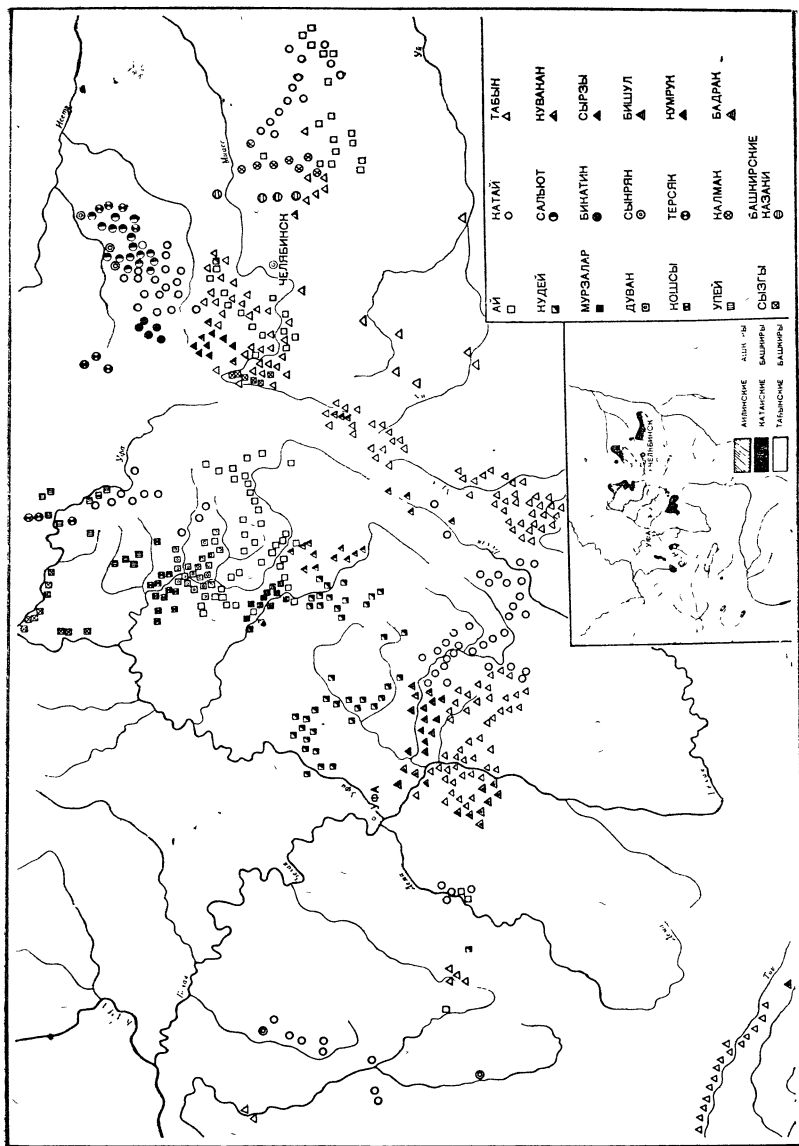

Рис. 9. Этнический состав и расселение северо-восточных башкир в XVII—XIX вв.

катай, кара-катай с дочерними родами улу, бала, ялан), салъют, сынрян, бикатин, калмак; табынское: табын (кара-табын, барын, телаяу, кубалаяк, кесе, юмран, кальсер, дуван, сарт), кувакан (елан, сагит, тау, сатка, қыркуйле, тюбеяс), сырзы, бишул, бадрак, кумрук. Общая численность северо-восточных башкир к концу XVIII в. составляла около 70—85 тыс. человек.

2. Родо-племенной состав северо-восточных башкир включает компоненты — тюркские, монгольские, финно-угорские, отражающие различные этапы этнической истории башкирского народа на протяжении более чем одного тысячелетия.

3. С ранними этапами этнической истории башкир, которые характеризуются взаимодействием и смешением тюркских и финно-угорских (преимущественно — угорских) племен, связаны родо-племенные образования кесе-, кальсер-, юмран-табын; урман-, шайтан-, булякей-кудей, бишул, сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин. Тюрко-финно-угорское (или древнебашкирско-угорское) взаимодействие и смешение имели место на разных территориях и в разное время.

Истоки этнической истории табынских родов кесе-, кальсер-, юмран (юрман)- восходят к древнетюркскому миру Центральной Азии и Алтая. В составе общего миграционного потока кочевников они в середине I тысячелетия н. э. переселились на запад, где в лесостепной полосе Западной Сибири и казахстанских степей смешались с угорскими племенами. Уже тогда эти или аналогичные этнонимы могли принадлежать племенам, говорившим как на тюркских, так и на угорских языках (ср. кочагир — кичигир у приволжских угров; кесе — у средневековых венгров; кесе, кичи — у башкир, туркмен, узбеков).

Племена кудей и бишул — тюркские по происхождению — находились в составе или в этническом окружении древнебашкирских (баджгардо-бурджанских) племен до их миграции в Башкирию. Расселившись в VIII—IX вв. в юго-западном Приуралье, кудейцы, в меньшей степени — бишулцы смешались с остатками древнемадыарского населения, а позднее — с другими местными финно-угорскими и пришлыми тюркскими племенами, что отложилось как на внутриплеменной этнонимии кудейцев и бишулцев, так и на особенностях их исторического фольклора и некоторых черт культуры.

Племена сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин являются пришельцами в северо-восточную Башкирию из юго-западного Приуралья — основного района формирования древнебашкирского этноса. По происхождению эти племена местные, финно-угорские (сызгы, упей) или, вероятно, потомки тюркизированных еще в Западной Сибири угров (сынрян, терсяк, бикатин). В юго-западном Приуралье все эти племена были вовлечены в конце I тысячелетия н. э. в процесс формирования древнебашкирского этноса и в первых веках II тысячелетия н. э. передвинулись в общем потоке движения катаякских или айлинских племен в северную и северо-восточную Башкирию, где они вновь пережили этап этнического смешения с местным населением.

4. К сравнительно раннему тюркскому этническому слою северо-восточных башкир принадлежат племя ай (айле) и связанные с ним или входящие в его состав родовые группы тырнаклы, каратаулы, сарт. Имея центральноазиатские корни происхождения, айлинцы, а также мурзаларцы, формировались в основном в печенежско-огузской среде присырдарьинских степей. После ухода основной части баджгардов и бурджан из Приаралья на запад, айлинцы — некогда родственные им образования — попадают под преимущественное влияние этнического мира огузо-кыпчакских племен.

В древней истории айлинцев определенную роль сыграло их взаимодействие с уграми на пограничной зоне степей и лесостепей Приаралья и Западной Сибири. Имеются основания предполагать, что 'баджгарды' представляли во второй половине I тысячелетия н. э. тюркское племенное объединение, инкорпорировавшее в свой состав группы верхнеобских или западносибирских тюркизированных угров. Айлинцы одно из тех образований, которые принесли на Урал в X—XII вв. второе название башкир — истяк или иштяк, — связанное с древним этапом башкиро-угорского смещения.

5. Катай и салют — племена монголо-тюркского происхождения, вышедшие из этнической среды средневековых киданей, найманов и салджиутов. Этническая история катайцев и салютотов развивалась параллельно, по крайней мере с начала II тысячелетия н. э., и тесно связана с политическим возвышением и падением каракитайской и найманской конфедераций.

6. Собственно табынцы (род кара-табын) и входившие в табынское объединение образования (роды теляу-, кубалаяк-табын; племена кувакан, сырзы) имеют древнетюркское происхождение. Ранняя этническая история предков табынских башкир развивалась в рамках тюркских племенных конфедераций Алтая. Табынцы сильно смешались с монгольскими родо-племенными группами, в частности с киданями и их тюркизированными потомками — каракитайцами. Этническая история табынских родов накануне их движения на запад, в Поволжье, развивалась в дулато-усуньской и кыпчакской среде.

Племя табын в Дешт-и-Кипчаке в XII в. явилось основой одного из значительных этнополитических образований, которое объединяло различные по происхождению, но преимущественно тюркские и монгольские (барын, дуван) племена и роды.

7. В этническом формировании северо-восточных племен существенную роль сыграли кыпчаки, влияние которых прослеживается начиная с XI—XII вв., но наиболее сильным было в XIII—XIV вв. К этому позднему этапу кыпчакизации относится миграция в северо-восточную Башкирию ряда кыпчакских и кыпчакизированных родо-племенных образований: рода туркмен-кудей, племен кошко, дуван, родо-племенных групп таз, таулы и др.

8. Заселение северо-восточной Башкирии шло как с востока, из Зауралья (айлинцы — в X—XII вв.), так, особенно, с запада, через Приуралье (катайцы, табынцы — в XIII—XIV вв.). Миграционная волна с запада разделилась на два потока: катайские баш-

киры направились через северо-западную, табынцы — через центральную Башкирию. В XIV в. на северо-востоке Башкирии образовались контуры трех родо-племенных групп: на севере — катаянской, на территории Уфимского плато — айлинской, в южном соседстве от них — табынской. Позже, в XVI—XVIII вв. башкиры всех трех родо-племенных объединений заселили степное Зауралье, где образовался этнографический район на базе смешения катаянцев, айлинцев и табынцев с местными и вновь пришлыми группами населения (калмаки, сибирские татары, казахи, уральские и зауральские угры).

9. Вместе с айлинцами табынцы и катаянцы составили основу северо-восточной этнографической группы башкир, разговорный язык которой совпадает с восточным диалектом башкирского языка.

В этническом формировании северо-восточных башкир существенное значение имело сравнительно длительное пребывание большинства племен и родов, прежде всего табынских и катаянских, в юго-западном Приуралье. Именно там произошли смешение, этнокультурное сближение различных племен и интеграция основных этнических показателей катаянцев, табынцев и древнебашкирских племен. Отсюда этнические признаки формирующегося башкирского народа были перенесены на новые территории северо-восточных районов современной Башкирии.

Юго-западные башкиры (рис. 10). 1. Юго-западные башкиры подразделялись на две подгруппы — д е м с к у ю и ю ж н у ю. Основу демской подгруппы составляло племя мин (иль-куль-мин, куль-иль-мин, кырк-уйле-мин, суби, уршак, миркит, кубоу, мин, сарылы-мин). Численность минцев в XVIII в. составляла около 12—15 тыс. человек. Южная подгруппа представляла собой конгломерат башкирских родо-племенных образований, переселившихся в XVI—XVIII вв. на юг со всей Башкирии, с заметным преобладанием, однако, юго-восточных племен.

2. Племя мин (минг, мингат) — древнетюркского происхождения. В процессе расселения и исторического развития оно сильно смешалось с тюркскими и монгольскими (миркит) группами. Особенно важен этап кыпчакизации, в который минцы вступили, когда достигли области Черного Иртыша и более западных земель. Распространенность среди минцев кыпчакской тамги показывает значительные масштабы и глубину кыпчакского проникновения в среду минцев. Существенно способствовало развитию минских родов в направлении кыпчакизации и их смешение в начале XIII в. с кыпчакизированными кочевниками, рассыпавшимися по степи после разгрома монголами найманов, кара-китаев, миркитов и других племен.

3. В XIII—XIV вв. минцы составили одно из образований Золотой Орды, которое локализовалось по мере распада золотоордынского государства в пределах Белой орды. Минцы участвовали в междоусобной борьбе в Мавераннахре накануне возвышения Тимура. Миграция некоторых минских родов с Мавераннахра на Урал связана с укреплением власти Тимура и начавшейся враждой с

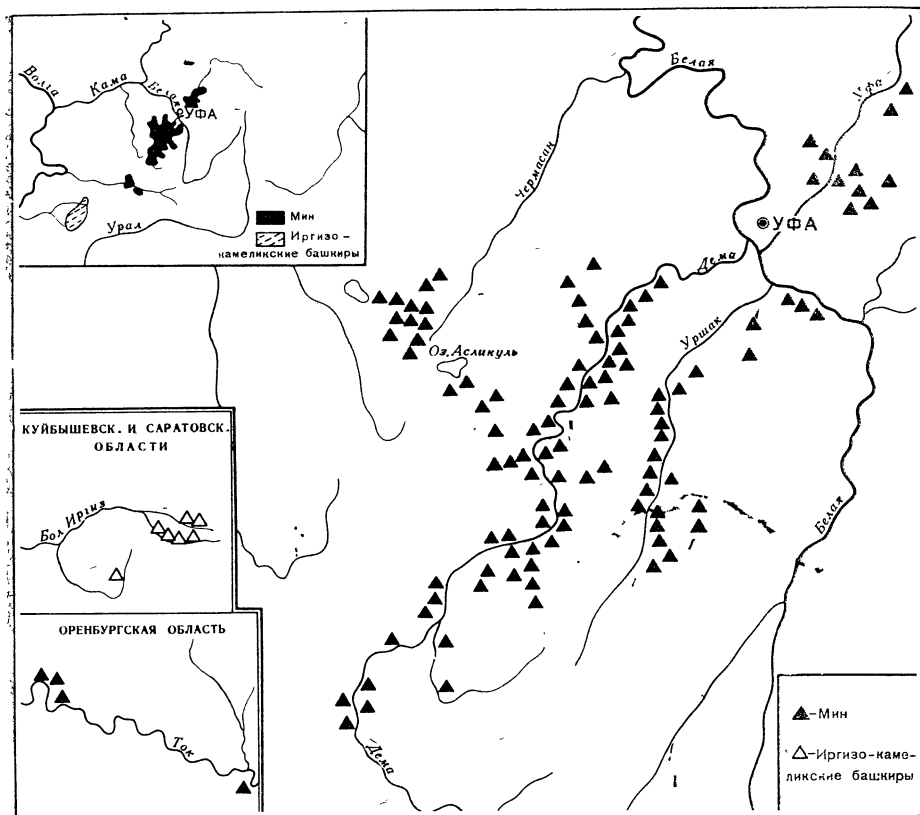

Рис. 10. Этнический состав и расселение юго-западных башкир в XVII—XIX вв.

Тохтамышем. Оставшиеся на Сырдарье минцы влились, в основном, в состав узбекского народа.

4. В Приуралье минские роды расселились в западной Башкирии, в соседстве или на одной территории с катаяцами. Это был период, когда шел процесс активной миграции башкирских племен на север и восток Башкирии, в горы. Минцы были захвачены этим движением и передвинулись в район слияния рек Уфы и Демы с Белой. В XV—XVI вв. минские роды заняли весь бассейн р. Демы, ассимилировав в своем составе оставшиеся здесь группы ногайцев.

Разговорный язык юго-западных башкир совпадает с демским (или демско-караидельским) говором южного диалекта башкирского языка.

Северо-западные башкиры (рис. 11). 1. Северо-западная этнографическая группа, подразделяющаяся на икскую, нижнебельскую и северную подгруппы, по этническому составу наиболее сложная. В и к с к у ю группу входят племена: буляр (мышыга, кадыр), байлар (сураш, салагуш, калмаш), юрми, ирэктэ; в н и ж н е -

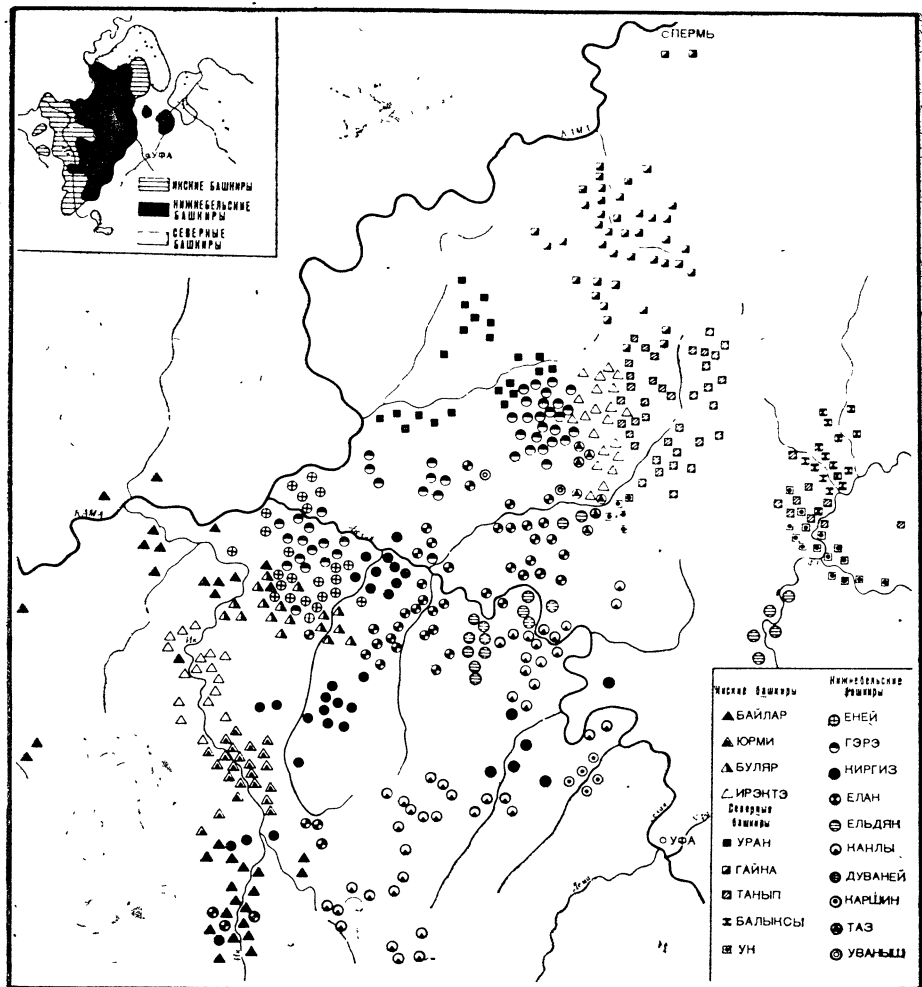

Рис. 11. Этнический состав и расселение северо-западных башкир в XVII—XIX вв.

бел ь с к у ю: еней (бугазы, тугыз, комбар), гэрэ (урман-гэрэ, иль-гэрэ), киргиз (тэнкэй, кадыкай), елан (эске-елан, идель-елан, кыр-елан), ельдяк (кыр-ельдяк, буре-ельдяк, уфа-ельдяк), канлы (идель-канлы, юрактау, актау, сындаш), дуваней (йылкысы), каршин (кадряй, карга, сатлыган), таз, уваныш; в с е в е р н у ю: уран, гайна или тархан (тул-гайна, тур-гайна, бисер-гайна, мул-гайна), балыксы, ун (ун, су-ун, байкы, кыр-ун), танып (су-танып, кара-танып, кайпан, казанчи). Общая численность северо-западных башкир в XVIII в. составляла около 100 тыс. человек.

2. В расселении северо-западных башкир в XVII—XIX вв. отмечаются следующие особенности:

икские башкиры заселяли долину Ика от истоков до устья, однако занимали более значительные территории по левобережью реки до районов верховой рек Степной Зай, Шешма и др.;

нижнебельские башкиры расселились в начале периода в долине р. Белой по обоим берегам ее, хотя наиболее плотным было расселение по левобережью;

северные башкиры занимали в XVII в. более широкую область; в XVI—XVII вв. образовалась тенденция движения северных и, в меньшей степени, нижнебельских башкир на восток в результате сокращения земельных площадей, а также некоторых причин политического характера.

3. Западная Башкирия, в частности территория к югу от р. Белой, — основной и наиболее древний район этнических процессов, приведших к сложению башкирской народности. В этническом составе северо-западных башкир сохранились следы участия в формировании башкирского народа в этой зоне различных племен и народов, начиная с I тысячелетия н. э.

4. К раннему компоненту башкирского этноса относятся племена юрми, еней, гайна (тархан), буляр, собственно танышские роды, происхождение которых связано с волжско-булгарской и угорской (мадьярской) средой эпохи активных булгаро-угорских этнических контактов (VIII—IX вв.).

5. В состав древнебашкирского ('баджгардо-бурджанского') этнического компонента (VIII—IX вв.), сыгравшего определяющую роль в формировании башкирского этноса, входили племена байлар, ун, возможно род кайпан, а также мелкие образования (сураш, истяк и др.).

6. В северо-западной Башкирии наиболее четко просматривается большая роль на завершающих этапах башкирского этногенеза (XIII—XV вв.) собственно кыпчакской миграции (канлы, гэрэ, елан, киргиз, каршин, ельдык, возможно казанчи), а также миграционных потоков кыпчакизированных племен тюрко-монгольского происхождения катаякской и табынской групп (балыксы, дуван, таз, уран, прэктэ).

7. До конца XII в. основным районом расселения северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тулва, Сылва, Бисертъ, верховьев Чусовой.

8. В этническом формировании северо-западных башкир существенную роль сыграло местное, а позднее и пришлое финно-угорское население (племя уваныш, подразделения ар, сирмеш, нукшы и др.), которое, однако, сохранило мало самостоятельных родо-племенных образований, ассимилировавшись в составе тюркских (башкирских) племен.

9. С XVI в., в результате нарастающего колонизационного потока с Поволжья, постепенно меняется как этнографический состав населения северо-западной Башкирии, так и направление этнических процессов в значительной части этого района. Численное пре-

обладание в составе переселенцев татар дает толчок этническому и языковому развитию башкир в сторону татаризации.

10. В сложении этнической основы северо-западной этнографической группы башкир ведущую роль сыграли кыпчакские родоплеменные образования, ассимилировавшие булгаро-угорское, древнебашкирское и местное население. Позднейшая миграция татарского населения с Поволжья стабилизировала и углубила культурно-языковую обособленность северо-западных башкир.

2. Основные этапы формирования башкирской народности (вторая половина I тыс. н. э. — XVI в.)

Наиболее трудной и наименее разработанной темой в этногенетической проблематике по башкирам является этнический состав населения и его динамика на протяжении I тысячелетия н. э. Окончательное решение этой темы — задача будущего, причем картина должна будет проясниться главным образом на основе новых достижений археологии и особенно совершенствования методов этнической интерпретации археологических источников. Изложенные ниже итоговые данные являются предварительными и опираются на достигнутые современные успехи археологов. В процессе работы нами была использована археологическая литература, в частности, исследования А. П. Смирнова, К. В. Сальникова, А. Х. Халикова, Р. Б. Ахмерова, В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка, Н. А. Мажитова и других, однако мы не во всем следовали выводам упомянутых исследователей, имея в виду отмеченное выше отсутствие единства взглядов между самими археологами. Из анализа результатов археологических изысканий с привлечением данных палеоантропологии мы пришли к следующим выводам:

1. Территория Башкирии в силу особенностей ее географического положения с древнейших времен входила в зону контакта оседлых охотничье-земледельческих и кочевых скотоводческих племен. В эпоху раннего железа степные и лесостепные районы южной Башкирии занимали ираноязычные сарматские племена — продолжатели культуры савроматов. Среднее и нижнее течение р. Белой занимали племена пьяноборской и кара-абызской культур, сформировавшиеся на базе ананьинской культуры, носители которой принадлежали к восточно-финской ветви финно-угорской языковой группы. Однако в этническом и культурном отношении пьяноборцы, и особенно кара-абызское население, испытали на рубеже нашей эры сарматское влияние и воздействие сибирских культурных традиций. На среднем течении р. Белой появляется так называемая убаларская группа племен, культура которых имела сибирские корни. Большинство исследователей (А. Х. Пшеничнюк, В. Ф. Генинг) относят убаларцев к угроязычным племенам, принесшим в Приуралье южносибирские культурные традиции.

В эту же эпоху в северо-восточных районах Башкирии встречаются редкие памятники каменогорской культуры; каменогорцев К. В. Сальников также считал уграми, испытавшими влияние за-

уральских сарматов. В юго-западной Сибири, на территории, примыкающей к современному башкирскому Зауралью, складывается саргатская культура, которая отражала сложное этническое взаимодействие местных племен с ираноязычным и кочевническим сарматским миром. Исследователь саргатской культуры В. А. Могильников связывает ее носителей с мадьярской группой угров.

Такая картина этнокультурного состава населения Башкирии сохраняется примерно до рубежа II—III вв. Характерными ее чертами были: соседство и активное взаимодействие двух больших этнических зон — сарматской и финской; начавшееся проникновение из Зауралья угорского населения, также испытывавшего влияние сарматских кочевников.

2. В III—VIII вв. этнический состав населения Башкирии становится чрезвычайно сложным. Здесь обитали племена, принадлежавшие к пермской и волжской ветвям финноязычного этнического мира (бахмутинская, мазунинская, именьковско-романовская культуры; именьковско-романовский культурный комплекс), ираноязычные сармато-аланские племена (турбаслинская культура), к которым позднее присоединились племена угорского (или угро-самодийского) происхождения (кушнаренковская, кара-якуповская культуры). В составе некоторых групп пришлого населения (например, кушнаренковцев), начиная примерно с VI в., могли быть тюркизированные угры.

Отметим, что этническая интерпретация археологических культур и комплексов III—VIII вв. на территории Башкирии в настоящее время вызывает оживленные дискуссии. Ряд археологов (А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Н. А. Мажитов) носителей большинства этих культур, в частности турбаслинской, именьковско-романовской, кара-якуповской и других, считает тюркоязычными. Этническое определение культур III—VIII вв. в Приуралье и установление их роли в этногенезе башкир — одна из нерешенных и важных задач археологической науки.

Исследование Е. А. Халиковой Больше-Тиганского могильника на территории Татарской АССР и проведенные ею широкие сопоставления с материалами древненевгерских могильников позволили ей выдвинуть интересную концепцию о принадлежности кушнаренковской культуры протомадьярам¹.

3. Рассматриваемый период, особенно вторая его половина, характеризуется активным взаимодействием и смешением финноязычных племен лесной зоны с продвигавшимися к северу сармато-аланскими кочевниками, а позднее с племенами угорской миграции, в составе которых присутствовал и тюркский компонент.

Значительным достижением археологии является установление угорской миграции в Приуралье, которая имела место с III в. н. э. и с новой силой возобновилась с V—VII веков. Угорские племена установили тесные контакты как с оседлым охотничье-земледельче-

¹ Е. А. Х а л и к о в а. Magna Hungaria. — ВИ, 1975, № 7; ее же. Ранненевгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. — СА, 1976, № 3.

ским и земледельческо-скотоводческим населением лесной зоны (бахмутинцы, мазуниинцы, имендяшевы), так и с кочевниками лесостепного района (турбаслинцы). Археологические материалы подтверждают непрерывность начавшегося значительно раньше сармато-аланского проникновения в Приуралье, преимущественно в районы южной и западной Башкирии. Сармато-аланские племена, неся в новую для них среду степные традиции и кочевническую культуру, сами смешивались с местным и пришлым финно-угорским населением.

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о времени и масштабах проникновения ранних тюрков в Приуралье. Историко-критический анализ существующих гипотез, возникших на почве археологии, и их сопоставление с данными исторического языкознания, вопреки активно разрабатываемому в последние годы тезису о ранней (с эпохи до нашей эры) тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья¹, позволяет прийти к заключению лишь о вероятности проникновения в V—VII вв. тюркских или тюркизированных групп в Приуралье и на Среднюю Волгу как с востока (из Зауралья, Западной Сибири и Приаралья), так и особенно с юга (из районов Прикаспия и северокавказских степей). Однако установление масштабов тюркского проникновения и роли раннетюркского компонента в формировании этнического облика населения Волго-Камья вряд ли возможно до нового накопления материалов, в том числе открытия древних памятников письменности (например, тюркской руники) на изучаемой территории. Имеющийся же материал пока не позволяет говорить о сколько-нибудь существенной роли тюркского компонента в эту эпоху.

Значение проникновения ранних тюрков или тюркизированных племен в Волго-Уральский район в V—VII вв. заключается, очевидно, не в том, что уже в этот период здесь формируется тюркоязычная племенная основа башкир и татар, что невозможно пока доказать в этноязыковом аспекте, а в образовании в эту эпоху и постепенном расширении двух основных каналов тюркского проникновения на Среднюю Волгу и в Приуралье: южного с Нижней Волги, из северокавказских и приазовских степей и восточного (юго-восточного) — из Приаралья, степей Казахстана и сибирского Зауралья. Активная миграция с VIII в. тюркских племен по этим уже издавна знакомым путям в Волго-Уральскую область во многом предопределила как общие черты, так и особенности в этногенезе башкир и татар. При этом, если обратиться к тенденциям, существовавшим на протяжении многих столетий и преемственно унаследованным тюркскими племенами середины и второй половины I тысячелетия н. э., приходится признать, что в этноисторической судьбе

¹ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир.— АЭБ, т. II. Уфа, 1964; его же. Башкортостан археологияһы. Өфө, 1968; его же. Происхождение башкир (историко-археологический анализ).— АЭБ, т. IV. Уфа, 1974; А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья.— АЭТ, вып. I. Казань, 1974.

тюрков Поволжья и Приуралья, по крайней мере до рубежа I и II тысячелетий н. э., более существенную роль имели южные связи.

Основным направлением этнического влияния гуннов и древних тюрков, которое сказалось позже, но для этногенеза башкир в конечном итоге явилось весьма существенным, была консолидация собственно тюрков в Средней Азии и на территории современного Казахстана, а также тюркизация и внедрение тюркской кочевнической культуры среди племен, расселявшихся на главных путях их движения в Приаралье, прикаспийских степях и на Северном Кавказе. В этом свете представляются чрезвычайно важными относящиеся к концу I тысячелетия н. э. аналогии, установленные А. Х. Халиковым в памятниках Волго-Уральского региона и южных, предкавказских и прикаспийских степей¹. Однако тюркские и тюркизированные племена — наследники гуннов, древних тюрков и ассимилированное ими население в Приаралье и на Северном Кавказе — значительными группами двинулись на север лишь в VII—VIII вв., уже после распада Западнотюркского каганата, когда на огромной территории их бывшей империи установился нестабильный период борьбы, междоусобиц, вызвавший известный по письменным и археологическим источникам отлив части населения с этих земель.

4. Археологические данные VIII—X вв. показывают, что этническая карта Приуралья в этот период остается пестрой, хотя археологами отмечается заметный процесс интеграции различных культур. Основными моментами в этнической картине в Волго-Уральском регионе указанного периода являются: а) миграция в VIII в. из Приазовья на Среднюю Волгу болгарских племен; б) фиксируемый в настоящее время рядом археологов многоплеменной состав болгарского потока; в) эпизодическое проникновение болгарских или праболгарских племен в VIII—IX вв. на территорию Приуралья вплоть до течения р. Белой (Стерлитамакский могильник); г) продолжение в западной и северо-западной Башкирии некоторых этнокультурных традиций предшествующего периода, хотя одновременно отмечается начиная с VII—VIII вв. исчезновение или существенное уменьшение числа памятников бахмутинской, мазунинской, турбаслинской, кушнаренковской культур; исчезновение упомянутых культур или существенное сокращение зоны их функционирования пока удовлетворительного объяснения в трудах археологов не нашли; д) появление преимущественно на территории восточной и южной Башкирии в VIII—X вв. курганных могильников, принадлежащих тюркоязычным кочевникам, еще тесно связанных с лесными финно-угорскими полукочевниками.

5. Основная тенденция этнического развития на территории от Волги до Урала предопределяется приходом тюркоязычного болгарского населения. С миграцией на Волгу болгарские племена вступают в активное взаимодействие с местным населением, при этом эт-

¹ А. Х. Х а л и к о в. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

нические процессы характеризуются преобладанием болгарского влияния, которое в восточном направлении проникает в районы Приуралья. В то же время не исключается продвижение в Поволжье и участие в формировании болгарского населения VIII—IX вв. приуральских племен, появившихся к западу от Урала в середине I тысячелетия н. э.

6. Одним из главных моментов нового этапа этнической истории в Поволжье было болгаро-мадьярское взаимодействие в хронологическом диапазоне с конца VII до начала IX в.

На фоне разработанной в общих чертах истории угорского продвижения к западу от Урала в III—VI вв. появилась возможность приступить к решению вопроса о вероятной территории древних мадьяр и основной зоне болгаро-мадьярского взаимодействия. Историко-критический обзор литературы и источников приводит к выводу, что лингвистические, историко-этнографические данные и сообщения средневековых авторов не расходятся в определении территории «Великой Венгрии». Древние венгры жили на левобережье Волги, в долинах рек Б. Черемшан, Кундурча, Сок, Кинель, в непосредственном соседстве от волжских болгар. На востоке их территория достигала района водораздела рек на Бугульминской возвышенности, то есть, как издавна свойственно кочевникам, мадьяры занимали течения малых рек от устья до вершин. Больше-Тиганский могильник, исследованный Е. А. Халиковой и определенный ею как древневенгерский, находится на северной периферии очерченной территории «Великой Венгрии». В то же время идея о принадлежности всей кушнаренковской культуры протомадьярам требует, как нам кажется, новых разработок и доказательств.

В этнической среде болгаро-угорских племен и в обстановке их активного взаимодействия сформировался один из ранних компонентов древнебашкирского этноса. К этому компоненту, который назовем болгаро-мадьярским, восходят следующие родо-племенные образования: племена — юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, буляр, таныш; роды в составе западных табынцев — кесе, кальсер, юмран (юрман), племени юрматы — мишар-юрматы; родовые подразделения в составе разных племен — нагман, юламан, имес. Семь названий — юрматы, еней, гайна-тархан, кесе, юламан, мишар, нагман — имеют аналогии в древневенгерской этнонимии, однако первые пять названий «тюркского происхождения и имеют болгарские признаки»¹. С дунайскими болгарами и волжскими болгарами, а также чувашами связано происхождение башкирских племенных названий юрми (ерми)² и буляр. К болгарской же эпохе восходят этнонимические параллели башкир и чувашей (тархан, имес — емес).

Исследование истории расселения перечисленных родо-племенных образований показало, что все они мигрировали на территорию

¹ G. Németh. Ungarische stammesnamen bei den Baschkiren, p. 17.

² А. Куник. О родстве хакано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именику». — Записки Российской Академии наук, т. XXXII, кн. 2. СПб., 1878.

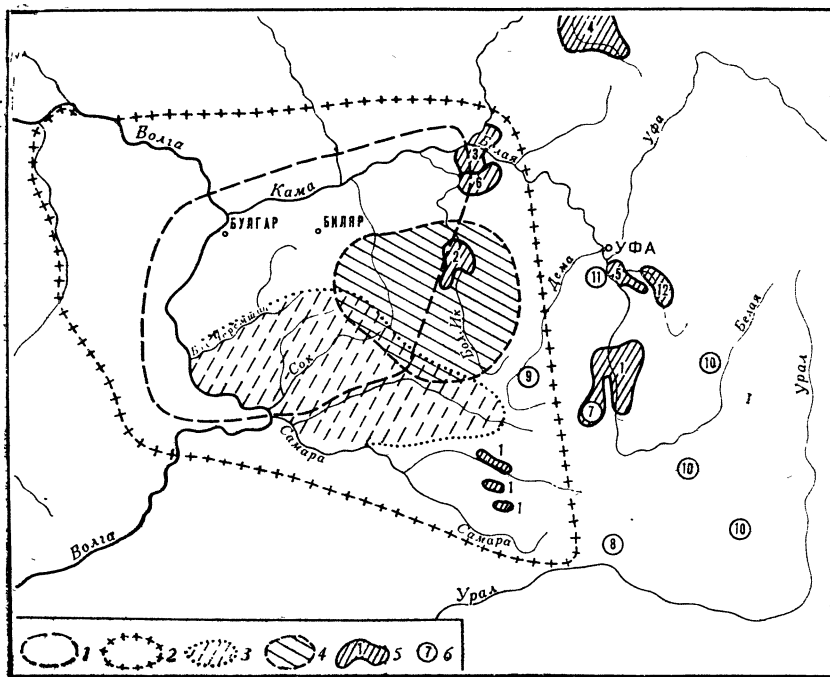

Рис. 12. Расселение булгаро-мадьярских племен древнебашкирского этноса:

1 — территория Волжской Булгарии в IX—X вв.; 2 — территория Волжской Булгарии в XII в.; 3 — примерные границы расселения древнемадьярских племен в VIII—IX вв. («Великая Венгрия»); 4 — область расселения булгаро-мадьярских племен древнебашкирского этноса в VIII—IX вв.; 5 — расселение племен булгаро-мадьярского этнического пласта в XIX в. (1 — юматы; 2 — юрми; 3 — еней; 4 — гайна (тархан); 5 — кесе; 6 — буляр; 7 — мишар; 8 — нагман; 9 — юламан, 10 — имес; 11 — юмран (юрман); 12 — кальсер).

современной Башкирии из района водораздела рек Бугульминской возвышенности, то есть из наиболее вероятной зоны булгаро-мадьярских контактов (рис. 12).

Привлечение к анализу данных по материальной культуре¹ и обобщение историко-этнографических обзоров, представленных выше, позволяют сформулировать положения а) о значительной роли населения Булгарской орды в этнической истории всех тюркских народов Поволжья, в частности, в формировании одного из ранних компонентов башкирского этноса; б) о присутствии в булгаро-мадьярском компоненте башкирского этноса определенной доли угорского элемента; в) о невозможности ограничивать тюрко-угорское взаимодействие контактами волжских булгар и мадьяр (имея длительную предшествующую историю, выходящую далеко за пределы Волго-Уральской области, это взаимодействие и здесь захватывало лесостепные и степные районы Приуралья, где в

¹ С. А. Аввижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч.; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951.

последних веках I тысячелетия н. э. по археологическим данным обитали племена с угорскими этнокультурными признаками).

В конце VIII — первых десятилетиях IX в. в Волго-Уральской области появляются древнебашкирские племена. В широком историческом плане их миграция на север была продолжением болгарского движения. В составе новой волны кочевников были племена усерган (муйтен), бурзян, тангаур, байлар, тамьян, бишул, ун, кудей, роды сураш, яталбай и, возможно, северные племена сырян, уран.

Этническая история древнебашкирских племен до миграции в Башкирию, суммированная на основе историко-этнографических материалов и нарративных восточных источников, представляется следующим образом:

1. В IV—VIII вв. Приаралье — один из важнейших регионов этногенетической активности, где на основе взаимодействия местных племен с восточными кочевниками формируются племенные конфедерации, сыгравшие крупную роль в этногенезе многих народов Средней Азии и Восточной Европы. В этом непрерывном и сложном процессе с позиции исследуемой темы выделяются три этапа:

IV—V вв. — формирование в результате этнического воздействия племен гуннского союза на массагетское население юго-восточного Приаралья племенной конфедерации эфталитов (белых гуннов). В эту же эпоху часть племен гуннского союза, в том числе и великие болгары, расселяются к западу от Волги, в степях Северного Кавказа и Приазовья.

VI—VII вв. — этническая консолидация тюркских родо-племенных образований под эгидой Тюркского каганата. В этническом отношении новые образования также явились результатом дальнейшего взаимодействия массагето-аланских племен и эфталитов с тюркскими и тюрко-монгольскими кочевниками. К этому же времени относится активизация тюрко-угорских контактов и инкорпорация в тюркскую среду на широком лесостепном пространстве к северу от Приаралья угорских племен.

VII—VIII вв. — период образования в Приаралье и присырдарьинских степях локальных политических и этнических объединений степных племен. Процесс этот был вызван гибелью Западнотюркского каганата, общим упадком древних центров цивилизации Средней Азии, связанным с разрушительными последствиями арабского нашествия и с усиливающейся экспансией кочевников из районов Семиречья, верховий Иртыша и Алтая.

2. В Приаральском регионе наиболее крупными этнополитическими объединениями степняков в ту эпоху становились печенеги и огузы, хотя расцвет их могущества относится к несколько позднему периоду. В то же время это был период схождения ряда других родо-племенных объединений, которые впоследствии растворились в составе печенегов, огузов и других средневековых народов. К числу таких образований относились баджгарды (или баджгурды — по Масуди) и бурджане — племена родственные печенегам и входившие в этническую среду предков печенежских племен еще в период их

расселения двумя столетиями раньше в Восточном и Центральном Казахстане, в долине р. Или и в верховьях Иртыша, где древние башкиры были зафиксированы источниками.

3. В VII—VIII вв. территория расселения древних башкир определилась в северном Приаралье. Кочевья баджгардов и бурджан достигали временами Амударьи, причем бурджанские — преимущественно низовьев реки в районе современной Хивы; баджгардские группы какое-то время кочевали в восточном соседстве от бурджан, в направлении Сырдарьи и Нуратинских гор и, вероятно, южнее, так как местность под названием «Башкуртские горы» была известна в верховьях Амударьи где-то в районе Термеза, а местность «Башкурт» — на центральном Памире.

4. По имеющимся материалам определить конкретную дату основного этапа передвижения баджгардов и бурджан к западу от р. Урал, в Прикаспий и северокавказские степи невозможно. Судя по упоминаниям этих племен в Европе в диапазоне VII—IX вв., можно предполагать, что предки башкир, будучи частью древнетюркского (печенежского) этнического мира, имели давние контакты с великими болгарами Северного Кавказа, этнически также связанными с гунами и ушедшими в северокавказские степи с более ранней волной кочевников. Следовательно, процесс движения древних башкир на запад мог быть перманентным, пока в VIII в. центр расселения основной части племен не переместился в Прикаспий и северокавказские степи.

5. Башкиро-бурзянское продвижение на запад совпадает с эпохой сложных этнических и политических процессов на юге, главным содержанием которых было начавшееся возвышение Хазарии и распад Великой Болгарии. Баджгарды и бурджане были вовлечены во многие события той эпохи, выступая обычно в качестве союзников более сильных политических образований. Захваченные волной общих передвижений, часть бурджан и баджгардов уходит на запад, где они в IX—X вв. упоминаются средневековыми источниками в Причерноморье.

6. По мере нарастания печенежского движения на Нижнюю Волгу усиливается движение кочевников и на север, в Приуралье. Кочевья печенегов в Волго-Яицком междуречье достигают Самарской излучины Волги. В эту эпоху (конец VIII — начало IX в.) остававшиеся в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе баджгарды и бурджане уходят вслед за великими болгарами, часть которых они еще застали на Северном Кавказе, в Волго-Приуральские земли. С этого момента этногенез башкир вступает в новый этап развития, который целиком проходит на современной территории их расселения или в смежных областях.

Относительно происхождения древнебашкирской группы племен на основе имеющихся источников поддаются аргументации следующие положения: а) древние башкиры — преимущественно тюркские племена центральноазиатского происхождения. Это доказывается не только этнонимическими параллелями башкир и других тюркских народов (алтайцы, киргизы, казахи, узбеки, каракалпаки и

др.), но и обширными историко-этнографическими материалами, затрагивающими древнейшие пласты материальной и духовной культуры башкирского народа, а также его исторического фольклора; б) в составе древних башкир присутствует и монгольский компонент (тангаур, тамьян), который является конкретным доказательством к высказанной ранее в исторической науке гипотезе о раннем проникновении монгольских групп в приаральские степи и их участии в этногенетических процессах в этом регионе; в) древнебашкирские племена, будучи, как и вся печенежская масса, продолжателями такого тюркского этногенетического процесса, начало которого восходит к гуннской эпохе, в этнокультурном облике несут значительные признаки длительного пребывания в Приаралье и смежных областях, где они испытали воздействие, с одной стороны, сармато-аланского, с другой — угорского населения; г) древнебашкирские племена, которые мигрировали к западу от Приаралья в авангардных потоках печенежской волны, входили в этнический круг хазарских печенегов, языковая характеристика которых должна опираться на сообщение М. Кашгари о близости языков «булгар, сувар и печенегов»¹. В то же время вслед за некоторыми лингвистами можно полагать, что VI—VII вв. были тем хронологическим рубежом, когда в Приаралье и, в меньшей степени, на Северном Кавказе на западнохуннские языковые традиции наслаиваются и постепенно трансформируют их восточнотюркские языковые комплексы.

Древнебашкирские племена двигались на север по традиционным путям, проложенным кочевниками: в обширные пространства Бугульминской возвышенности они вливались через своеобразные ворота между р. Урал и верховьями рек Самара, Б. и М. Урал, Дема. Придавая важное значение в плане решения этногенетических задач установлению первоначального расселения древнебашкирских племен, автор очерка исследовал эту тему с учетом всей совокупности имеющихся источников². Он приходит к заключению, что: а) основным районом первоначального расселения древнебашкирских племен были не горно-лесные районы Южного Урала, как предполагалось ранее, а территория Бугульминской возвышенности с левобережья Белой на востоке и до левых притоков Волги — на западе с прилегающими с юга степями. Существенное значение в том, что именно эта территория стала центром Древней Башкирии, кроме этноисторических причин, сыграли природно-географические особенности возвышенности, благоприятные для кочевников лесостепи; б) территория Древней Башкирии и «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) не совпадали. Башкирские кочевники вторглись в восточную часть мадьярских владений, но нет данных, которые позволили бы в эту эпоху распространить земли «страны аль-Башгирд» (Ибн-Фадлан) непосредственно до берегов Волги. Несколько

¹ Махмуд Кошгарий. Туркий сүзләр девони (Девону луғотит Турк), 1 т. Тошкент, 1960, с. 66.

² Р. Г. Кузеев. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. — АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

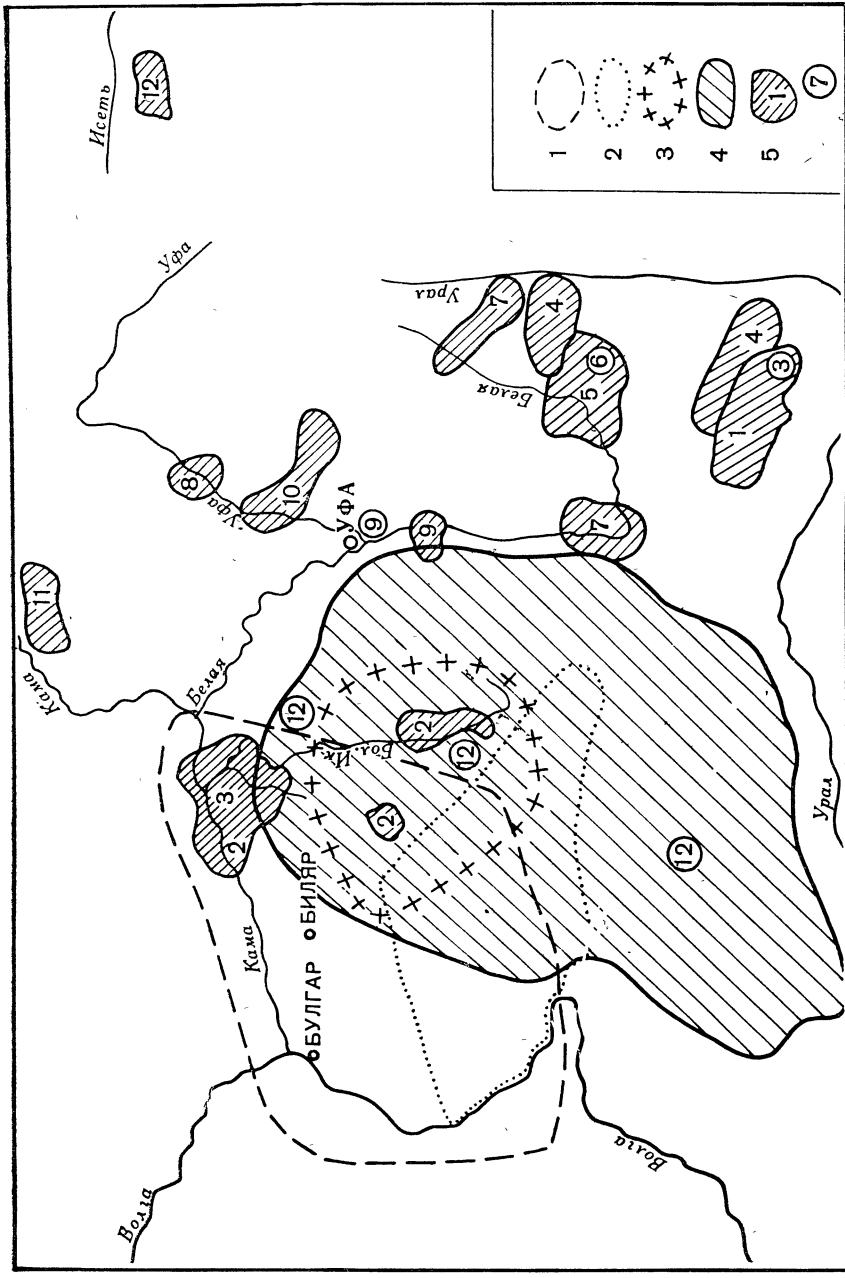

Рис. 13. Расселение древнебашкирских племен:

1 — территория Волжской Булгарии в X в.; 2 — область расселения древнемадьярских племен в VIII—IX вв.; 3 — область расселения болгаро-мадьярских племен в IX—X вв.; 4 — древняя Башкирия, 5 — расселения «древнебашкирских» родо-племенных образований в XIX в. (1 — усерган; 2 — байлар; 3 — сураш; 4 — тангаур; 5 — бурзян; 6 — ягатабай; 7 — тамьян; 8 — ун; 9 — бишул; 10 — кудей; 11 — уран; 12 — сырян).

позже проникновение башкирских кочевников до Волги было обычным явлением. На востоке Древняя Башкирия простиралась значительно дальше «Великой Венгрии» (рис. 13).

Таким образом, на территории Древней Башкирии в IX—X вв. протекает наиболее динамичный этап процесса формирования древнебашкирской этнической общности. В этом процессе следует акцентировать внимание на нескольких общих моментах:

1. Миграция древнебашкирских племен в Волго-Уральскую область, их взаимодействие и смещение на территории Древней Башкирии с булгаро-мадьярским этнокомпонентом и местными племенами неоднородного сармато-финно-угорского, угорского или тюрко-угорского состава явились узловым моментом в формировании древнебашкирского этноса.

2. Древнебашкирская общность формировалась в этническом отношении как многосоставное и многоплеменное образование, при ведущем этноязыковом влиянии на формирующийся этнос древнебашкирских племен центральноазиатского и приаральского происхождения.

3. В X в. формирование древнебашкирского этноса еще не завершилось, но уже на рубеже IX—X вв. сложилось племенное объединение, послужившее основой для дальнейшего становления башкирского народа и обусловившее в Древней Башкирии новое направление развития культуры, характерное для тюркских кочевников той эпохи.

4. Древние венгры и башкиры были различными по происхождению этническими образованиями и, следовательно, теория «башкиро-мадьярского» родства в историко-этнографических материалах подтверждения не находит. В доказательствах, кроме анализа племенного состава и этнической истории булгаро-мадьярской группы племен, особое значение необходимо придать заключению о нетождественности территорий Древней Башкирии и «Великой Венгрии», так как именно эта формула была главной предпосылкой теории «башкиро-мадьярского» родства.

5. В то же время историко-этнографические материалы в полном соответствии с выводами сравнительно-исторического языковедения подтверждают существование в прошлом башкиро-угорских (в том числе башкиро-мадьярских) контактов, которые, однако, имели место в разное время и на различных территориях.

В XI — начале XIII в. этническое развитие в Приуралье продолжается в направлении, которое определилось в IX—X вв. Основным содержанием происходящих процессов было дальнейшее взаимодействие древнебашкирских, булгаро-мадьярских и местных (финно-угорских, сармато-аланских) племен, при преобладающей роли древнебашкирского компонента. Нарастающее воздействие древнебашкирских племен стимулировалось также активизацией проникновения тюркоязычных кочевников в Башкирию из южных и юго-восточных степей.

Центром консолидации башкирского этноса в XI—XII вв. оставалась территория Древней Башкирии на Бугульминской возвышен-

ности. Новые пришлые группы, как в Приуралье, так и в Зауралье, постепенно, по мере расширения зоны активных этнических процессов в Волго-Уральской области вовлекались в башкирский этногенез.

Характеризуя этнический облик пришлых кочевников той эпохи, надо иметь в виду существенные изменения в этногенетических процессах в IX—XI вв. в самом Приаралье, степях Казахстана и на южных просторах Восточной Европы. Печенеги постепенно утратили архаичную этноязыковую характеристику, смешавшись с огузской средой, на которую, в свою очередь, наслаивался мощный кыпчакский пласт. В целом XI — начало XIII в. следует рассматривать как период, на протяжении которого этнические процессы в Башкирии начинают развиваться и углубляться в направлении кыпчакизации древнебашкирского этноса.

В движении тюркских кочевников в Башкирию в XI — начале XIII в. образовалось два потока: один из них был частью приаральско-уральских перекочевков и захватил современное башкирское Зауралье, в основном район водораздела рек Яик, Уй, Миасс, Ай, Юрюзань; второй являлся продолжением движения древнебашкирских племен с юга, с Нижней Волги и северокавказских степей и был направлен на территорию Древней Башкирии (рис. 14).

К зауральской волне миграции той эпохи принадлежала айлинская родо-племенная группа: ай, каратаулы, таулы, тырнаклы, сарт, мурзала, кумылы, кызылбаш и др. Айлинская этнонимия имеет наибольшее количество параллелей в родо-племенных названиях туркмен и узбеков. Это находит объяснение в огузском происхождении некоторых айлинских родов, или, что подтверждается источниками, в формировании всей группы в VIII—X вв. в огузской этносреде на Сырдарье.

Археологическими исследованиями последних лет в северо-восточной Башкирии и в Зауралье, в том числе в районах расселения айлинцев, обнаружена серия памятников IX—XI вв. (Мрясимовский, Каранаевский, Старо-Халиловский и другие курганы), в которых, наряду с преобладанием тюркских кочевнических черт, просматриваются некоторые угорские признаки¹. Имеются основания эти памятники увязывать с миграцией айлинской родо-племенной группы, в составе которой угорский компонент к этому времени был, вероятно, еще не полностью ассимилирован.

Таким образом, в начале II тысячелетия н. э. на базе взаимодействия пришлых и местных племен, при преобладающей роли вновь мигрировавшего этнического компонента, начинается процесс становления и консолидации тюркоязычного населения восточной, зауральской территории Башкирии. Кочевники Зауралья вступают в контакты с родственными племенами Древней Башкирии. Тем самым было положено начало образованию территории «Большой

¹ В. А. Могильников. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э.— АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

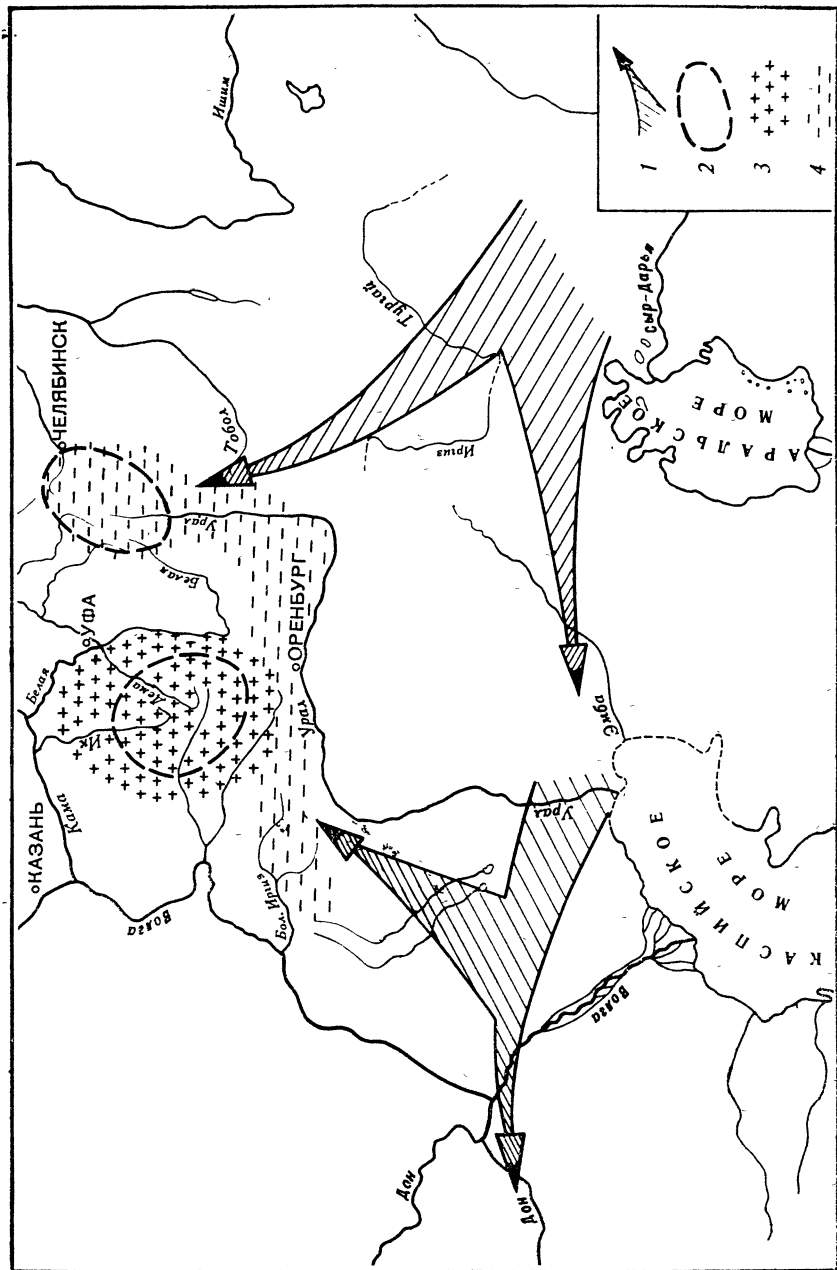

Рис. 14. Основные миграционные потоки в Башкирии в XI — начале XIII в.:

1 — направления движения кочевников; 2 — районы водоразделов рек — основные территории кочевнической миграции, 3 — основные районы расселения древних башкир; 4 — районы обитания тюркских кочевников.

шой Башкирии»; тюркские кочевники в XI—XII вв. расселяются сравнительно равномерно на сплошной территории, огибая Южный Урал с востока, юга и запада. Однако центром древнебашкирского расселения еще по-прежнему остается юго-западное Приуралье. Процессы сложения территории современной Башкирии и консолидации расселявшихся на ней племен завершились позднее и были связаны с крупными передвижениями племен в эпоху монгольского нашествия.

Вторая волна кочевнической миграции, активный период которой падает на вторую половину XII — начало XIII в., шла с юга и в этническом отношении была кыпчакской. Зона распространения кыпчаков в XII в. на севере Волго-Яицкого междуречья остается не очень ясной; по-видимому, они заняли, в основном, территории разгромленных ими печенегов и гузов, границы кочевий которых в предшествующую эпоху достигали на Волге широты Жигулевских гор. В то же время преувеличивать масштабы кыпчакского влияния на башкир (и, соответственно, булгар) в домонгольскую эпоху нет веских оснований. По определению М. Кашгари, башкирский язык был «близок» к языку кыпчаков, но не тождественен ему. Хотя после смерти М. Кашгари, в XII — начале XIII в., этническое воздействие кыпчаков на башкир должно было нарастать, процесс их кыпчакизации, судя по нашей датировке кыпчакской этнонимии, не завершился. В домонгольское время кыпчаки, занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север, что отмечалось и восточными авторами той эпохи.

Развитие и углубление этнических связей с миром тюркских кочевников сочетались с дальнейшим процессом консолидации племен в самой Башкирии.

Расширение политического влияния Волжской Булгарии в эту эпоху сопровождается переселением части населения из района водораздела рек Бугульминской возвышенности, а именно племен булгаро-мадьярской группы, на восток в западную и южную Башкирию. Это ускоряет их смешение с древнебашкирскими племенами, с которыми они нередко выступают теперь в рамках единых родо-племенных образований.

Другой линией внутреннего этнического развития, которая протекала не менее интенсивно, было взаимодействие башкир с местными и ранее пришлыми племенами на западе современной Башкирии, по всему течению р. Белой от ее поворота в районе г. Мелеуза на север. К эпохе XI — начала XIII в. относится инкорпорация в башкирскую среду и завершение этноязыковой ассимиляции финно-угро-сарматских племен турбаслинской, кара-якуповской, кушнаренковской культур. Племена сызгы, упей, терсяк и другие влились в качестве самостоятельных образований или небольшими группами в состав башкир, восприняв их язык, многие черты культуры и хозяйства и, в свою очередь, заметно повлияв на физический тип и ряд культурных признаков формирующегося этноса.

Смещение до начала XIII в. древних башкир с финскими насельниками бельской долины оставило заметный отпечаток не только на северных башкирах, но и на юго-восточной группе башкирских племен, обитавших тогда в этих районах. Об этом свидетельствует присутствие волжско-камских аналогий в материальной культуре башкир разных областей, особенно юго-восточных. В этой же связи правомерен вывод М. С. Акимовой о том, что южные башкиры (усергане), относящиеся к наиболее монголоидной группе, по ряду признаков (цвет глаз и волос, показатели измерений лица, эпикантус) занимают промежуточное положение между казахами, с одной стороны, и татарами, удмуртами, марийцами — с другой¹. Древнебашкирские племена расселились на Южном Урале после активного периода смещения с аборигенами в западной Башкирии. Это находит подтверждение в наблюдениях лингвистов в области башкиро-финских языковых связей, которые бесспорно относятся к башкирскому языку в целом. Языки народов Поволжья — чувашский, татарский, башкирский, — по заключению Н. А. Баскакова, — испытали на себе значительное влияние финского субстрата².

В целом этнические процессы в Башкирии в домонгольское время характеризуются взаимопроникновением и консолидацией трех основных компонентов предшествующей эпохи — древнебашкирского, болгаро-мадьярского и финно-угорского (смешанного с сармато-аланским) — при нарастающем потоке кыпчакских и кыпчакизированных кочевников с юга, которые, проникая во все части древнебашкирского этноса, влияли на дальнейшее его формирование и нивелирование этнокультурных признаков.

Этническую историю башкирского народа в XIII—XIV вв. можно квалифицировать как кыпчакский этап в его этногенезе. Кыпчакская миграция в Башкирию в XIII—XIV вв., по этническому составу сама по себе чрезвычайно сложная, была наиболее мощной из всех тюркских миграций в Волго-Уральский регион. Разрушительное монгольское нашествие привело в движение массы кочевников и это движение, то затухая, то вновь активизируясь, продолжалось по крайней мере два-три столетия. В этническом составе кыпчакской миграции в Башкирию в XIII—XIV вв. отчетливо выделяется несколько родо-племенных групп: кыпчакская группа (время миграции XIII — начало XIV в.), которая, наряду с собственно кыпчакскими (кыпчак, кара-кыпчак, илан, сары, сарыш, бушман, кошсо, ельдяк, имаг и др.), включала кыпчако-канлинские (канлы), огузские (туркмен) и тюркизированные монгольские (гэрэй, гэрэ) образования; катаяская группа (время мигра-

¹ М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья, с. 97.

² Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964, с. 2.

ции — середина XIII в.), являющаяся сложным и давним синтезом тюркских и монгольских компонентов (катай, найман, балга, мас-кара, салъют, борэ, балыксы); табынская группа (табын-уйшин, суондук, дуван, кувакан, сырзы, теляу, барын, бадрак, таз), состоящая из восточнотюркского этнического компонента, смешавшегося с монгольскими. Этническая история табынских образований протекала во взаимодействии с усунями, кара-китаями и племенами Дешт-и-Кипчака. Вместе с катаями табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центральноазиатских черт культуры (время миграции XIII — начало XIV в.); минская группа (время миграции XIV в.). Будучи в основе тюркской (мин, кырк), она включала монгольский компонент (миркит) и, возможно, древние образования эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае (куль). Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сырдарьи, Двуречья и Дешт-и-Кипчака.

Этническая история кыпчакской, катаяской, табынской и минской групп, а также этнонимические параллели показывают, что все эти племена являются участниками грандиозного по масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который почти одно тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Кыпчакский этап, по существу, был заключительным аккордом этого процесса, приведшим в конечном итоге (с углублением социально-экономического развития и коренными изменениями в XV—XVI вв. политической ситуации в Дешт-и-Кипчаке) к завершению формирования ряда народностей. Наибольшее число этнонимических параллелей башкир с родо-племенными названиями узбеков, каракалпаков, казахов показывает общность позднесредневекового этнического суперстрата этих народов, который в литературе нередко именуется «ногайским». В этнонимии перечисленных народов обнаружено более ста родо-племенных названий, имеющих соответствия у башкир.

Основным районом кыпчакской миграции в XIII—XIV вв. остается юго-западная и южная Башкирия. Здесь, на просторах юго-запада Башкирии и левобережья Белой, на базе взаимодействия и синтеза древнебашкирского этноса и кыпчакских групп происходит в XIII—XIV вв. формирование и вызревание тех этнокультурных признаков, которые характеризуют башкир и сегодня. Это было сложное сочетание активно взаимодействующих культур, в котором племена кыпчакского этапа миграции определили многие черты, объединяющие современных башкир с тюркскими народами Средней Азии, Казахстана и Алтая, а предшествующий древнебашкирский этнос — ту специфику, которая отличает башкир в ряду тех же народов и сближает их с Волго-Камским этническим миром. По мере дальнейшего расселения башкирских групп, смешавшихся в новые родо-племенные комбинации, по территории Башкирии формирующиеся этнические признаки становились общенародными.

Совокупность этнических, социально-экономических и политических причин обусловили в XIII—XIV вв. активное движение

башкирских племен и расширение территории древней Башкирии. Образуются три главных потока движения. На север и северо-восток устремляется основной состав катаяской родо-племенной группы, а также территориально связанные с ним в низовьях Белой гайна-тарханцы, танышцы, балыкчинцы, минцы и др. Они расселились по Быстрому Танышу, левобережью Камы, достигли р. Тую, северной излучины р. Уфы и ее притока Бисерти, верховьев Чусовой. Минские роды заняли низовья р. Уфы, чтобы оттуда вновь постепенно продвигаться в лесостепные районы юга. Табынская родо-племенная группа отодвинулась на северные отроги Южного Урала, заняв центральную Башкирию и прилегающие с востока горные районы и степи Зауралья. Кыпчакские племена направляются на Южный Урал или остаются в западной Башкирии, расширив кочевья в лесные районы правобережья Белой. Впрочем в низовьях Белой и в долинах ее южных притоков, а также в бассейне р. Ик остаются многочисленные группы табынцев, катаяцев, бурзян, усерган и др.

Таким образом, к концу XIV в. территория Башкирии принимает очертания, близкие к современным. Расселение племен на этих землях сопровождалось активизацией взаимодействия и смешения башкир с местным и пришлым (в том числе тюркским) населением, распадом традиционных объединений, возникновением новых родо-племенных сочетаний, что вело к ломке племенной и региональной замкнутости, к углублению процесса нивелировки этнокультурных признаков, к вызреванию сознания принадлежности к единому этносу и, в конечном итоге, к формированию народности.

Башкирский язык по классификации Н. А. Баскакова составляет (вместе с татарским) болгаро-кыпчакскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков. Завершение формирования башкирского и татарского языков относится к так называемой новотюркской эпохе, начало которой датируется примерно с XV в. Башкирский язык «своими фонетическими чертами в области консонантизма связан также и с далекой восточной ветвью тюркских языков, то есть с такими языками, как язык древних тюрков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкир были в весьма древнее время»¹. Отмеченные черты консонантизма свойственны языку катаяских и табынских башкир, происхождение которых связано с Центральной Азией и Алтаем, а миграция в Башкирию — с кыпчакским периодом в этногенезе башкирского народа.

Мощное кыпчакское наслоение на башкирский этнос в XIII—XIV вв. изменило языковое развитие в направлении к формам, характерным для современного башкирского языка. Это развитие началось в домонгольскую эпоху, но резкие различия в масштабах домонгольской и более поздней кыпчакской миграции говорят о решающей фазе кыпчакизации башкирского языка в послемонгольскую эпоху.

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, с. 163.

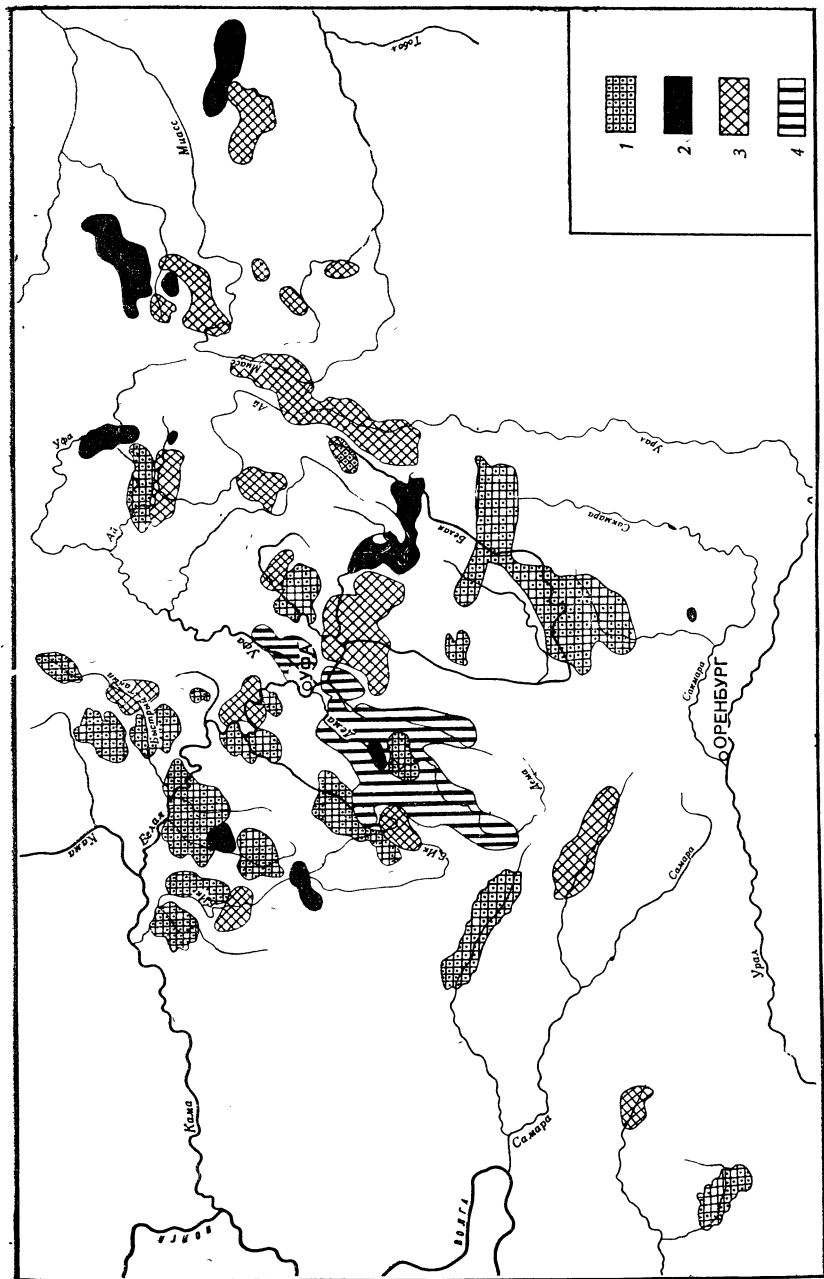

Рис. 15. Расселение родо-племенных образований эпохи кыпчакской миграции в XIX в.
 1 — кыпчакская родо-племенная группа; 2 — катайская родо-племенная группа; 3 — табынская родо-племенная группа;
 4 — минская родо-племенная группа.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что в XIII—XV вв. имела место перестройка башкирского языка, возникшего на древнетюркской основе, развивавшегося в печенежской среде и испытавшего воздействие болгарского, на кыпчакской языковой основе.

В целом исследование кыпчакского этапа этнической истории башкир подводит к заключению, что решающий момент завершающего этапа этногенеза башкир падает на XIII — начало XV в., когда в процессе распада Золотоордынского государства бурно развиваются процессы межплеменного взаимодействия, скрещения, этнокультурной консолидации новых образований. Эти события выталкивают из южных степей в Приуралье уже сильно интегрированные племена кыпчакского этнического мира, который послужил этнографической базой формирования и ряда других тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Смешение и взаимодействие племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселение смешанных групп в пределах территории нынешней Башкирии (рис. 15) привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа. Наряду с кыпчакским наслоением этническую специфику башкир предопределили более древние этапы в их этнической истории, главным содержанием которых было смешение и консолидация древнебашкирских племен с болгаро-мадьярскими, а также с финно-угорскими и сармато-аланскими родо-племенными образованиями.

Этнические процессы в Башкирии в XV — первой половине XVI в. в значительной степени предопределялись событиями политического характера, в ряду которых главным был окончательный распад Золотой Орды и образование в зоне расселения башкир Ногайского, Казанского и Сибирского ханств¹. Основным политическим фактором для Башкирии этого периода было ногайское господство. В жестокое время ногайского господства наблюдается (в XV в.) дальнейший отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья, то есть с территории «Древней Башкирии» на Южный Урал и в Пермскую Сибирь. Отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья и активное проникновение его на северные земли были продолжением миграционных процессов, получивших размах еще в предшествующее время. В XIII—XV вв. Древняя Башкирия практически перестает существовать, постепенно трансформируясь в новую страну, гораздо более обширную, однако чрезвычайно разнородную по природно-географическим условиям и расчлененную в политическом отношении.

¹ Р. Г. Кузеев и Б. Х. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.

Основные направления этнических процессов в XV — первой половине XVI в. находились в тесной связи с расширением территории башкирского расселения на севере и ногайским господством на юге. Длительное соседство или пребывание башкир и ногайцев на одной и той же обширной территории по всему югу и востоку современной Башкирии, близость языка, взаимодействие на базе родственной кочевой культуры обуславливали достаточно высокую активность этнических контактов ногайцев с башкирами.

Масштабы ногайско-башкирского этнического смешения наиболее значительными стали в середине XVI в., когда историческая судьба ногайцев круто изменилась. Ослабленные многими десятилетиями междоусобицы и непрерывной борьбы, пережившие с большим уровнем небывалые голод и чуму, поразившие в конце 1540-х годов все Поволжье, ногайские правители были не в состоянии удерживать власть перед лицом развертывающейся активности восточной политики Русского государства и подъема освободительной борьбы башкир против ногайского господства. Ногайские родо-племенные группы, кочевавшие в Башкирии, после падения в 1552 г. Казани покинули прежние места кочевок и, увлекая за собой часть башкир, переселились в низовья Волги и на Северный Кавказ. Но ушли не все ногайцы, так же как и не вернулась большая часть перекочевывавших на юг башкир. Оставшиеся в Башкирии ногайские группы явились одним из компонентов башкирской народности на самых поздних стадиях башкирского этногенеза.

На севере Башкирии, от бассейна Быстрого Таныша до Пермских земель на Тулве, Сылве, Бисерти, верховьев Чусовой, этнические процессы в рассматриваемую эпоху развивались в направлении ассимиляции местного населения. В западной части очерченного района, по р. Каме и ее притокам, обитали предки удмуртов и коми, восточнее — угры, преимущественно, видимо, мансийское (вогульское) население. По источникам XVI—XVII вв. отчетливо прослеживаются этнические контакты и смешение башкир с уграми. Как исторические, так и этнографические материалы показывают, что в этническом взаимодействии с финно-угорским населением северные башкиры имели преимущественное языковое и культурное влияние. Однако процесс языковой и особенно культурной ассимиляции местных племен был довольно длительным, и следы принадлежности части предков северных башкир к нетюркскому этнокультурному миру обнаруживаются исследователями до настоящего времени. Смешение с финно-уграми имело, по наблюдениям антрополога Б. И. Вишневого¹, заметные последствия для дальнейшего формирования физического типа северных башкир, в котором обнаруживаются черты, сближающие их, с одной стороны, с финнами Поволжья и Прикамья, с другой — с западносибирскими народами уральского антропологического типа.

¹ Б. И. Вишневский. Следы угров на западном Урале. — Ученые записки Пермского государственного университета, т. XII, вып. 1. Труды Камской археологической экспедиции, вып. 3. Пермь, 1960.

В целом этнические процессы в XV — первой половине XVI в., оставив заметный след в этнической характеристике башкирского народа и углубив региональные различия между этнографическими группами башкир, основные контуры которых к этому времени сложились, уже не могли изменить определившиеся в предшествующую эпоху пути консолидации башкирских племен в единую народность.

Остается кратко охарактеризовать социально-экономические и политические линии развития Башкирии в XIII — XVI вв., в условиях которых завершилось формирование башкирской народности.

В этногенетических исследованиях история хозяйства народа должна рассматриваться в тесной связи с процессами консолидации этноса. Вплоть до присоединения башкир к Русскому государству скотоводство оставалось основой хозяйства башкир. Однако формы ведения скотоводческого хозяйства в XIII—XVI вв. у башкир постепенно менялись, во-первых, под воздействием новых природно-географических условий в лесных и горно-лесных районах севера и востока Башкирии; во-вторых, в связи с нарушением в эпоху монгольского господства привычных зимних кочевых маршрутов башкирских кочевников в южные степи; в-третьих, в результате смещения и культурного обмена, особенно на новых землях, с местными племенами, которые имели собственные, преимущественно охотничьи-лесные хозяйственные традиции. Кочевое скотоводство как основа башкирской экономики сохранялось и в эту эпоху, тем более, что завоеватели в XIII в. также были кочевниками, но под влиянием перечисленных факторов в соотношении различных занятий (скотоводство, лесная охота, бортничество) и в способах ведения хозяйства происходят изменения. Главным результатом хозяйственного развития в XIII—XVI вв. было значительное сокращение дальности и продолжительности кочевек, или, в целом, постепенный переход башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте. Это означало стабилизацию границ родо-племенных территорий, формирование в результате длительной хозяйственной практики на одной и той же земле чувства привязанности к родине и тесной взаимосвязи с окружающими родственными племенами. Переход башкир от кочевого хозяйства к полукочевничеству был одной из важных предпосылок завершения формирования башкирской народности. В более широких масштабах евразийских степей нарастающие темпы этнической консолидации ряда тюркских народов в X—XV вв. были неизбежно связаны с сокращением масштабов дальних миграций и перекочевок, относительной стабилизацией территории, на которой концентрировалась хозяйственная практика данного этноса.

Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была тесно взаимосвязана с повышением удельного веса в хозяйстве башкир лесной охоты и бортничества. К XV—XVI вв. хозяйство башкир становится сложным сочетанием различных форм кочевого скотоводства азиат-

ского происхождения, а также охоты и бортничества, приемы и способы которых были восприняты у племен Волго-Камья или явились следствием этнического смешения племен (и соответственно хозяйственного синтеза), принадлежавших к различным хозяйственно-культурным областям.

Исследуя специфику социально-экономического развития башкирского общества, необходимо обратить внимание на два момента. Первый из них — многокомпонентность этнического состава башкир и различия в уровнях социального развития племен, принявших участие в башкирском этногенезе. Кочевники-скотоводы, сыгравшие в конечном итоге ведущую роль в формировании социально-политической структуры башкирского общества, принадлежали к степному миру, в котором начальные процессы классовобразования фиксируются примерно с середины первого тысячелетия н. э. Местные лесные охотничьи племена, или мотыжные земледельцы лесостепей, явившиеся существенным компонентом в составе башкир, к началу II тысячелетия н. э. не вышли из стадии патриархально-родового строя, хотя и с заметными признаками протекающей у них имущественной дифференциации. Отмеченные обстоятельства — одна из причин (установленных по документальным источникам применительно к XVI—XVIII вв.) различий в системе землепользования и в уровне социально-экономического развития отдельных групп башкирского общества. Второй момент — влияние на башкир внешних исторических обстоятельств, а именно политическая зависимость Башкирии от Золотой Орды и возникших на ее развалинах ханств. Непосредственным результатом господства завоевателей было включение башкирских племен в систему феодальной эксплуатации, характерную для указанных образований. Из этого факта следует, что башкир в XIII—XVI вв. в социально-экономическом аспекте было бы неверно рассматривать как целиком обособленное общество; многие институты социальной жизни башкирских племен утвердились в рамках степного феодального строя средневековых ханств, возникших здесь с началом монгольского завоевания.

Соответственно обществу строй башкир в XIII — первой половине XVI в. правильно характеризовать как явление сложное (многоукладное) и находившееся в состоянии постоянного развития. Формирующаяся сословно-иерархическая феодальная собственность на землю сочеталась с реальным значением древней башкирской общины, развивающейся в направлении к обычной сельской общине. В недрах башкирской общины сохранялись, однако, архаичные ячейки, унаследованные от патриархально-родового строя. Реальное значение общинного владения землей, родо-племенная форма этого владения и т. д., несмотря на отчетливые проявления процессов классовобразования, не дают основания утверждать, что сложение феодальных отношений в самом башкирском обществе в XV—XVI вв. завершилось. Основу башкирского общества составляли свободные общинники, которые эксплуатировались и ставились в различные формы зависимости феодальным сословием завоевателей и феодализирующейся башкирской родо-племенной аристократией

(бии, тарханы, батыры). Имущественная и социальная дифференциация в башкирском обществе протекала в рамках сохраняющейся родо-племенной системы, которая окончательно распалась лишь в последующую эпоху.

В целом башкирское общество XIII — начала XVI в. характеризуется как многоукладное, развивающееся по пути феодализации, отягощенное реальными атрибутами патриархально-общинных отношений, но находящееся в рамках жесткой феодальной системы эксплуатации завоевателей, установленной еще в золотоордынскую эпоху и традиционно существовавшей вплоть до середины XVI в.

Процесс классовобразования и возвышение феодализирующейся башкирской аристократии, а также господство завоевателей явились той социально-политической базой, которая стимулировала возникновение и развитие центростремительных тенденций в недрах башкирского общества. Этнической базой политической консолидации явилось постепенное нивелирование хозяйственно-культурной характеристики башкирских племен, особенно четко проявившееся, как показано, в кыпчакскую эпоху. В XIII—XV вв. на территории Башкирии появляется ряд племенных союзов, имевших характер военно-политических объединений. Во главе этих объединений стояли ханы.

Однако в XIII — первой половине XVI в. военно-политические союзы башкирских племен появлялись и исчезали в условиях золотоордынского и ногайского господства, когда любые проявления политической самостоятельности башкир жестоко подавлялись. Поэтому ни один из племенных союзов не смог стать центром объединения всех или хотя бы большинства башкирских племен. Но факт образования даже непрочных, неустойчивых объединений надо рассматривать как выражение развивающегося процесса консолидации башкир, что, в свою очередь, отражало образование новых, территориально-политических связей, охвативших все башкирские племена, переживавшие процесс социально-этнической интеграции.

В конце XV — первой половине XVI в. этнические, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для формирования башкир в народность, сомкнулись. Завершающие стадии этого процесса развивались в условиях ожесточенной борьбы башкир против господства ногайских и казанских ханов, а также начавших проявлять активность в северо-восточном башкирском Зауралье сибирских владетелей. Усиление борьбы против завоевателей, с одной стороны, было результатом более тесного социально-этнического сплочения башкирских племен, с другой — оно содействовало дальнейшему росту и укреплению этнического самосознания башкир, сознания принадлежности к единому народу. Башкирские племена объединяло теперь общее стремление к освобождению от господства ханств, стремление, сплотившее на время различные социальные слои башкирского общества. Отчетливо определившиеся тенденции к политическому объединению башкирских племен в условиях той эпохи не могли быть реализованными на базе только их собственных усилий. Однако сравнительно широкие масштабы борьбы баш-

кир против ногайского и казанского господства ярко показывают их стремление к единству действий, особенно в крупных, исторического значения, решениях. Кульминационным моментом этого процесса было почти одновременное (1555—1557 гг.) и добровольное присоединение большинства башкирских племен к Русскому государству, что положило конец политической раздробленности башкир и позволило им объединиться в пределах единого государства.

« 2 »

Исследование в сравнительно-историческом аспекте этнического состава башкир, происхождения и истории расселения башкирских племен, а также анализ полученных результатов в свете современных достижений истории, археологии, языкознания и антропологии позволяют определить в диапазоне рассмотренного нами периода следующие этапы в историческом процессе формирования башкирской народности:

1. Первый этап, с середины I тысячелетия н. э. до рубежа VIII—IX вв., характеризуется выделением из раннесредневековых племенных общностей и формированием на основе их взаимодействия и смешения основных компонентов древнебашкирского этноса:

а) на территории Приаралья в печенежской этнической среде складывается группа древнебашкирских племен. Этнографическая база этих племен была чрезвычайно сложной. Этническую основу группы составляли древнетюркские и, в меньшей степени, тюркизированные древнемонгольские родо-племенные образования, предшествующая этническая история которых развивалась в преимущественно тюркской среде Центральной Азии и Алтая в эпоху кульминационного этапа тюркской миграции на запад (усерган, бурзян, байлар, сураш, тангаур, ягалбай, тамьян, ун, бишул, кудей). Дальнейшая история этих племен протекала в тесном контакте и при этническом смешении с тюркскими, сако-массагетскими, сармато-аланскими и угорскими племенами Приаралья и присырдарьинских степей. Общее направление кочевнической миграции той эпохи обуславливает движение древнебашкирских племен в прикаспийские степи и в Приазовье, где они оказались в сфере этноисторической деятельности болгарских племен, с которыми у древних башкир прослеживаются генетические связи с более ранних времен;

б) в центральном районе Бугульминской возвышенности в VIII — начале IX в. формируется булгаро-мадьярская племенная группа, которая представляет собой сложный синтез болгарских племен (собственно болгарских или других тюркских групп, находившихся под этнокультурным и политическим влиянием волжских булгар) с угорскими (преимущественно с древнемадьярскими) племенами при доминирующей роли древнетюркского (булгарского) компонента (юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, кесе, буляр, митар, нагман, юламан, имес, юрман, кальсер). В сложении булгаро-мадьярского компонента древнебашкирского этноса приняли участие тюркизи-

рованные угры, мигрировавшие в Волго-Уральский регион из Приаральской области или Западной Сибири и, возможно, самодийские группы, еще в древности (около середины I тысячелетия н. э.) смешавшиеся с тюрками;

в) Приуралье и долина среднего течения р. Белой издавна были районом расселения и зоной активного взаимодействия местных финно-угорских племен с пришлыми родо-племенными группами сармато-аланского происхождения (сызгы, упей, терсяк, увайыш и др.).

2. Миграция древнебашкирских племен в Приуралье и их взаимодействие в IX—X вв. с булгаро-мадьярскими и испытывавшими сармато-аланское воздействие финно-угорскими племенами были узловым периодом в становлении древнебашкирского этноса. Культурно-языковая ассимиляция булгаро-мадьярских и местных финно-угорских родо-племенных образований в древнебашкирской этнической среде завершилась позднее. Однако этнические процессы в конце I тысячелетия н. э., в которых ведущую роль сыграли пришлые древнебашкирские племена, имели результатом образование башкирской племенной общности, послужившей основой для дальнейшего становления народа. Процессы этнической интеграции характерной эпохи обусловили новое, древнебашкирское направление формирования языка и культуры населения Приуралья, то есть территории Древней Башкирии.

3. XI — начало XIII в. — этап дальнейшей консолидации упомянутых выше компонентов древнебашкирского этноса при сохранении ведущей культурно-языковой роли пришлых башкирских кочевников. Степная культура и тюркский язык формирующейся общности развивались за счет притока новых групп тюркоязычных кочевников (ай, тырнаклы, каратаулы, тау, сарт, мурзалар, кумлы, истяк и др.) из восточных районов страны. На культуру и, особенно, антропологический тип башкирского этноса в эпоху его становления значительное воздействие оказали смешение и этническая интеграция с булгаро-мадьярскими и финно-угорскими племенами Приуралья и бельской долины.

Территория Древней Башкирии в эту эпоху расширяется в результате расселения древнебашкирских племен в направлении Южного Урала и лесных районов нижнего течения р. Белой.

4. В XIII—XIV вв. имеет место мощный приток в Башкирию кыпчакских и кыпчакизированных племен (кыпчакская группа — кыпчак, канлы, гэрэ, сары, кошсо, туркмен, бушман, джете-уру, байулы, кармыш, киргиз, елан, казанчи; китайская группа — каттай, найман, балга, маскара, салъют, боре, балыксы; табынская группа — табын, уйшин, суюндук, дуван, кувакан, сырзы, теляу, барын, бадрак, таз; минская группа — мин, кырк-уйле, куль, суби, миркит). Кыпчакская миграция окончательно предопределяет культурное и языковое развитие древнебашкирского этноса в направлении к формам, характерным для современного этнического облика башкирского народа.

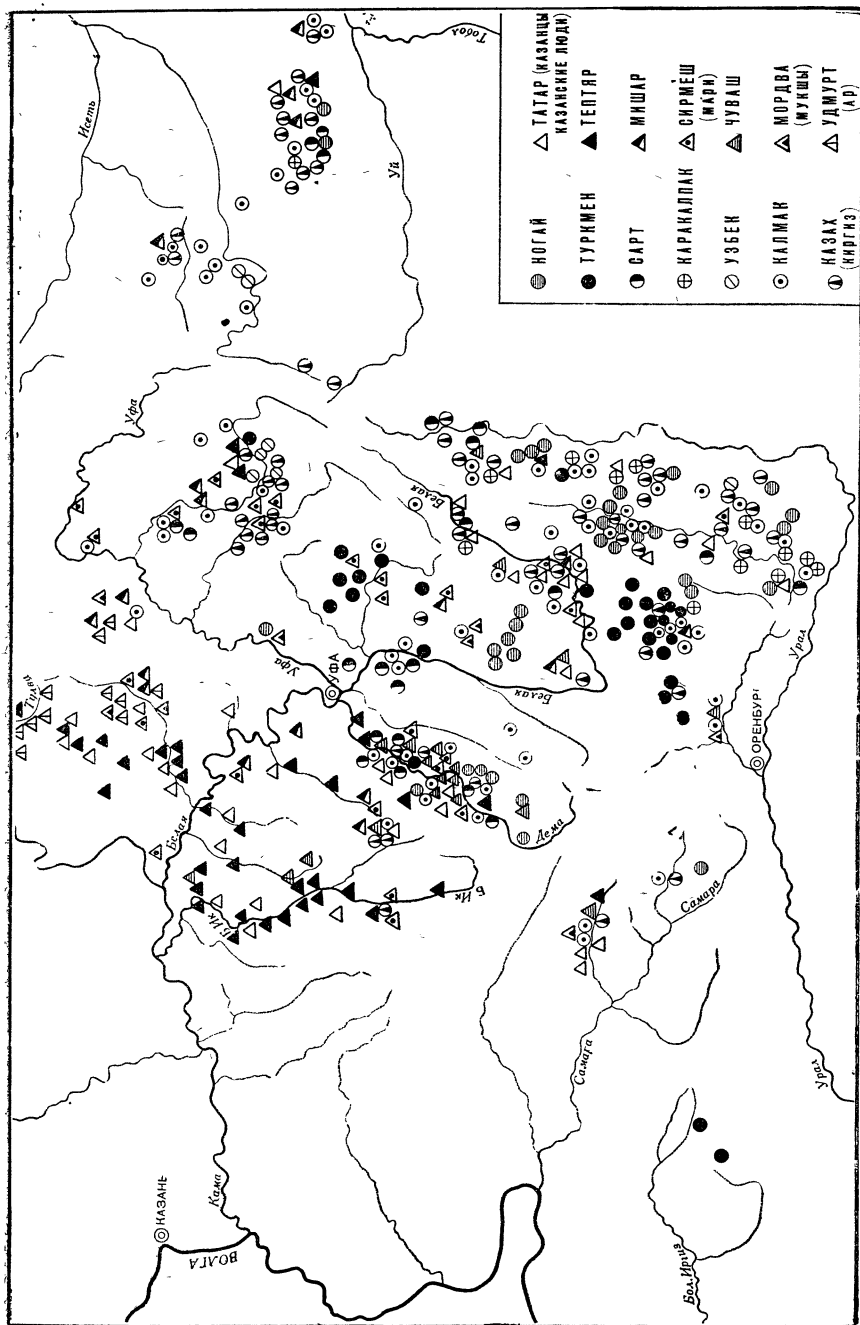

Рис. 16. Расселение родо-племенных организаций с «этнонимическими» названиями народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы (XV—XVIII вв.).

В XIII—XIV вв. территория Башкирии существенным образом расширяется к востоку и северу и принимает очертаний, близкие к современным.

5. В XV — первой половине XVI в. этнические процессы предшествующей эпохи углубляются и признаки, определившиеся кыпчакским этапом этнокультурного развития, постепенно стабилизируются. Смешение башкир с ногайцами на юге и финно-уграми на севере хотя и оказало определенное влияние на формирование особенностей этнографических групп формирующейся народности, но не изменило общего направления процесса этнической консолидации башкирской народности. В XVI в. башкирские племена расселяются на всей территории, которую они занимали вплоть до XIX в. (кроме районов челябинского Зауралья). В конце XV — первой половине XVI в. этнические, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сошлись. Обострение башкиро-ногайской борьбы, добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовали собой завершение этнической консолидации башкирского народа.

Этническое развитие башкирского народа в последующую эпоху было также чрезвычайно сложным и заслуживает специального изучения. В XVII—XIX вв., в условиях дальнейшей консолидации башкирского народа, развивались этнические процессы, которые имели существенные последствия как для окончательного формирования некоторых этнографических групп башкир, так и для образования современной этнографической карты Башкирии.

Южные и особенно восточные башкиры длительное время сохраняли традиционные этнические контакты с тюркскими народами Казахстана и Средней Азии: с казахами, каракалпаками и, в меньшей степени, с туркменами. В XVII в. сюда проникают отдельные группы калмыков, которые растворились в составе башкир, оставив память о себе в названиях мелких родовых групп, а также в этнониме одного из зауральских родов (сарт-калмак). В целом проникновение в башкирскую среду небольших групп казахов, каракалпаков, туркмен, калмыков, которое, постепенно ослабляясь, к середине XIX в. вовсе прекратилось, хотя и не вызывало существенных изменений в этническом облике восточных и южных башкир, но питало и поддерживало степные, тюркские истоки их культуры (рис. 16).

В этнической истории западной и северо-западной Башкирии крупную роль сыграло взаимодействие башкир и татар. Наиболее активный период татаро-башкирского взаимодействия, как это следует из демографических данных, относится к XVIII—XIX вв. Основными результатами этого процесса были проникновение в среду северных и западных башкир и ассимиляция в их составе многочисленной группы татар, образование северо-западной этнографической группы башкир и теятарской этнографической группы татар, близкой к западным башкирам по языку и культуре. В итоге мас-

совых крестьянских переселений (свободной и правительственной колонизации) изменилась этнографическая карта Башкирии, особенно северной и северо-западной части ее. В целом в XVII—XIX вв. развитие северо-западных башкир отклоняется от основного направления развития башкирского этноса, что невозможно не принимать во внимание при рассмотрении вопросов дальнейшей консолидации башкир в этнические общности более высокого порядка.

Стратификация
родо-племенной
этнонимии
башкир

Эпоха первых веков н. э. до середины II тысячелетия вошла в историю тюркских, а также некоторых других народов (угорских, монгольских) как период массовых передвижений, захвативших значительную часть Евразийского континента. Многочисленные племена совершали походы на многие сотни и тысячи километров, входя в тесные контакты друг с другом и с автохтонным населением. Одним из значительных результатов этноисторических процессов этой эпохи было широкое распространение тюркских языков на огромной территории к западу от Центральной Азии и Алтая.

Утверждение тюркских языков в их новых ареалах явилось результатом сложнейшего синтеза тюркоязычных мигрантов с местными разноязычными этническими образованиями. Выяснение соотношения различных — субстратных и суперстратных — компонентов в этносах составляет одну из важных сторон изучения этногенетического процесса и подготавливает научную базу для объяснения специфичности языков и культур тюркских народов.

XV—XVI вв. являются заключительным этапом эпохи крупных тюркских миграций. Сложившиеся в предшествующие столетия динамичные комбинации различных по происхождению племен постепенно стабилизируются. Вызвано это было сокращением масштабов и дальности движения кочевников, что в свою очередь явилось непосредственным следствием глубоких социально-экономических перемен и образования феодальных государственно-политических организаций. В Восточной Европе, Средней Азии и Казахстане возникли, преимущественно в XV в., ханства: Казанское, Ногайское, Узбекское, Сибирское, Казахское, Киргизское и др. В это же время появляются вассальные княжества с тюркоязычным населением на территории самой Руси: «Касимовское царство» на р. Оке и маленькое «княжество Jagoldai» в Курской области, подчиненное Литве¹. Формирование перечисленных ханств преимущественно связано с распа-

¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с. 416—418.

дом монгольских государств предшествующей эпохи — Золотой Орды, Белой орды, Чагатайского улуса, — хотя в этническом отношении их население в существенной степени является наследником племен Дешт-и-Кипчака.

Взаимодействие нескольких факторов — этнических, территориально-географических, политических — завершилось в XV—XVI вв. консолидацией многих, в этническом отношении достаточно четко очерченных, тюркоязычных образований. В соответствии с терминологической традицией в советской науке они называются народами. Тюркские народности, сохранившие до новейшего времени прочность внутренней этнической консолидации, подразделяются в изучаемом регионе на четыре территориальные группы, которые расселяются: а) в западных областях тюркоказе миграции — гагаузы, караимы и др.; б) на Северном Кавказе — ногайцы, кумыки, карачаево-балкарцы; в) в Пovolжье и Приуралье — татары (казанские, касимовские, западносибирские, мишари), башкиры, чуваша; г) в Средней Азии и Казахстане — узбеки, каракалпаки, туркмены, казахи, киргизы. Исследование этногенетических и историко-культурных процессов в советской этнографии преимущественно ориентировано на эти народности, а также южносибирские тюркоязычные этнические общности (алтайцы, хакасы, тувинцы и др.), расселяющиеся в зоне древних этапов этногенеза тюркских народов.

Происхождение народа и его место в семье тюркских народов определяются путем синтеза результатов исследований по языку, физическому типу и комплексам культуры (материальной и духовной) и корреляции полученных обобщений с материалами археологии и общеисторическими сведениями. Однако лингвистические, антропологические и этнографические показатели часто не совпадают. Это обусловлено, с одной стороны, сложностью процесса формирования народностей, многовариантностью количественных и качественных сочетаний субстратных и суперстратных компонентов¹, что неизбежно вело к образованию специфических черт в языковой, антропологической и культурной характеристике разных этносов, а иногда и внутри одного и того же этноса (например, казанские татары и мишари). С другой стороны, в показателях отражаются степень развитости научной дисциплины и уровень полученных ею обобщений. Следовательно, доказательность выводов различных дисциплин по проблеме этногенеза будет возрастать по мере достижения ими одинаково высокого уровня развития, а также использования сходных методов исследования и приемов обобщения.

Наиболее широкие и системные обобщения в современной тюркологии принадлежат лингвистике. На основе учета совокупности различий в фонетической структуре, грамматическом строе и лексическом составе разработано несколько классификаций тюркских языков, которые, как правило, учитывают возникновение различных языковых признаков в процессе исторической интеграции и

¹ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, №2, с.36.

дифференциации тюркских народов¹. С этногенетических позиций различные лингвистические классификации дополняют друг друга, так как расширяют спектр объединяющих и различающих языковых признаков изучаемых народов. В исследованиях по исторической этнографии более широко используется историко-лингвистическая классификация, разработанная Н. А. Баскаковым, так как она позволяет с большим эффектом коррелировать историко-этнографические и историко-лингвистические материалы.

В антропологии и этнографии тюркских народов, несмотря на значительные достижения этих дисциплин, пока не существует классификаций, подобных лингвистическим. По мере успехов палеоантропологии, краниологии и современной антропологии появляются обобщения, намечающие определенную систему в развитии физического типа тюркских народов. Эффективность интерпретации общих и различительных признаков материальной и духовной культуры в этногенетических исследованиях по тюркским народам будет возрастать по мере совершенствования отбора таких признаков для систематизации и картографирования, унификации приемов систематики по всем тюркским народам (например, в процессе создания историко-этнографических атласов), разработки новых приемов относительной датировки этнографических явлений. В этом свете некоторые новые возможности открываются в историко-этнографической интерпретации тюркской родо-племенной этнонимии.

Использование тюркской родо-племенной этнонимии в этногенетических исследованиях имеет в исторической науке почти столетнюю традицию. Классическими стали выполненные в конце XIX в. работы Н. А. Аристова. В последние десятилетия внимание ученых к историко-этнографической и историко-лингвистической интерпретации родо-племенной этнонимии возросло особенно заметно².

¹ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922; K. Menges. The Turkic languages and peoples. An introduction to turkic studies.—«Ural-Altische bibliothek», XV, Wiesbaden, 1968.

² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпков (родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в.).— ТИЭ, новая серия, т. 9. М.-Л., 1950; С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов.— СЭ, 1949, № 3; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961; М., 1969; G. Németh. Ungarische stammesnamen bei den Baschkiren.—«Acta Linguistica», t. 16 (1—2). Budapest, 1966; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии.— ТКАЭЭ, т. I. М., 1956; В. В. Востров, М. С. Муканов. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— ВАН, вып. 7. Свердловск, 1967; Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954; В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпков и туркмен.— Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. 2. Ташкент, 1950; Г. И. Семенов, В. М. Моржанов. Материалы по родо-племенному составу казахов Старшего и Сред-

Сформировались два основных направления в использовании родо-племенной этнонимии при исследовании этнической истории народов. Традиционным (и не только среди языковедов) является выяснение семантики этнонимов, установление этимологии родо-племенных названий или формальной структуры однопорядковой группы этнонимов. Историки и этнографы чаще обращаются к сравнительно-генетическому анализу выявленной части родо-племенной этнонимии, стремясь установить (путем, преимущественно, этнонимических сопоставлений) направление этнокультурных процессов в различных фазах этногенеза того или иного народа. И в том и в другом направлении получены весьма ценные результаты, позволяющие по-новому представить некоторые аспекты этнической истории тюркских и финно-угорских народов.

Однако возможности, которые дает материал по родо-племенной этнонимии для этногенетических изысканий, значительно шире. Приходится иметь в виду, что существующие приемы лингвистической и историко-этнографической интерпретации этнонимического материала во многих случаях не позволяют представить общую картину этнического развития народа. Результаты этимологического анализа этнонимов при всей их ценности всегда относительно¹. Имеет значение и то, что из совокупности известных этнонимов этимологическому анализу подвергается лишь небольшая их часть, а иногда и случайно выбранные примеры. Даже при достоверности полученных выводов информация увеличивается лишь по определенной проблеме или определенному периоду этногенеза, но не по этнической истории народа в целом. Историко-этнографическая интерпретация родо-племенной этнонимии охватывает этногенетическую проблематику шире, обычно с полнотой, соответствующей накопленному материалу. Здесь, однако, исследователи наталкиваются на трудности другого рода. Имеющийся этнонимический материал по многим тюркским и особенно финно-угорским народам не является репрезентативным по всему этносу. Это, естественно, лишает исследователя возможности строить исчерпывающие заключения об этнической структуре народа и, тем более, реконструировать этапы формирования его родо-племенного состава. Обычным недостатком исторических работ является идентификация территориального перемещения и историко-языкового развития этнонима с этнической историей его поздних носителей. И, наконец, попытки строить общие схемы этнической истории народов на основе сравнительно-генетического анализа этнонимов сдерживаются

него Жузов в XVIII веке.— Ученые записки Казахского государственного университета, т. 48, серия историческая, вып. 7. Алма-Ата, 1961; Г. С. Толстова. Данные исторического фольклора и топонимии о происхождении этнографической группы «митан» (по материалам экспедиции на средний Заравшан).— «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 2. Нукус, 1968; Д. Г. Тумашева. Язык сибирских татар, ч. 2. Казань, 1968; Г. Е. Корнилов. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов.— АЭБ, т. IV. Уфа, 1974; К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.

¹ В. А. Никонов. Этнонимия.— «Этнонимы». М., 1970, с. 14, 15.

невозможностью или чрезвычайной трудностью датировки значительной части этнонимического материала.

Накопленный в последнее время опыт сбора, систематизации и анализа этнонимического материала свидетельствует, по-видимому, о возможности преодоления указанных трудностей. В исследованиях по этнической истории, ставящих целью охват проблемы в целом или в широком хронологическом диапазоне, оптимальным является: а) выяснение происхождения этнонимов и их последующего развития в различной языковой среде; б) установление времени и исторических обстоятельств появления этнонимов и их носителей в составе данного этноса (при этом, учитывая вероятность тех или иных расхождений в историческом развитии этнонимов и их носителей, особое значение необходимо придавать этноязыковой характеристике поздних носителей этнонимов).

Решение поставленной задачи требует, естественно, комплексных усилий ученых разных специальностей.

Другим обязательным условием такого исследования является детальное изучение, непременно с охватом всего этноса, этнического (родо-племенного) состава народа. Нет необходимости аргументировать важность накопления этнонимического материала по всем звеньям родо-племенной структуры: племенным союзам, племенам, родам, подразделениям родов.

Наиболее фундаментальные работы по исторической этнографии тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы целенаправленно ориентированы на изучение всего корпуса этнонимов соответствующих этносов. В ряде случаев материал собирался по 5—6 звеньям родо-племенной структуры. Полученный в итоге массовый материал, обладающий, при условии охвата всего этноса, высокой степенью репрезентативности, значительно легче, чем фрагментарные данные по-этнонимии, поддается историко-стратиграфическому членению. При этом выделяются этнонимические пласты, включающие различные по происхождению этнонимы и группы их носителей. Последние были интегрированы в силу ряда исторических обстоятельств, складывающихся в разные эпохи, в этнические общности различного порядка: племена, племенные союзы, группы племен или просто в этнотерриториальные группы. Установление последовательности и хронологии включения выделенных образований в этническое развитие данного народа подводит исследователя к решению весьма сложной проблемы истории формирования этнического состава народа. Это, в свою очередь, существенно приближает его к разработке общей схемы этногенеза изучаемого этноса. Большое значение в углублении этногенетического исследования имеет и то, что историческая ценность, а также эффективность и достоверность этимологических и семантических изысканий по этнонимам, получившим применительно к данному этносу хотя бы относительную датировку, резко возрастают. Таким образом, сопряженные между собой историко-этнографическая и лингвистическая систематизации и анализы этнонимов существенным образом повышают

источниковедческую характеристику этнонимического материала по этногенетической проблематике.

Историко-стратиграфическое членение родо-племенной этнонимии конкретного этноса возможно при условии мобилизации и привлечения к анализу обширного исторического и этнографического материала. Круг привлекаемых материалов и методика их анализа обуславливаются общим состоянием источников и степенью изученности древней и средневековой истории данного народа. Проводя такую работу по родо-племенной этнонимии башкир и создавая надежный по достоверности свод родо-племенной этнонимии, автор придавал особое значение, во-первых, корреляции этнонимического материала с точно датированными историческими явлениями и фактами соответствующих эпох¹; во-вторых, этнонимическим аналогиям и параллелям в составе разных народов при обязательном условии подкрепления фиксируемых аналогий другими этнографическими, а во многих случаях — также письменными источниками; в-третьих, установлению преемственности между привлекаемыми источниками, с одной стороны, эпохи средневековья (например, башкирскими шежере, нарративными арабо-персидскими источниками, данными исторического фольклора и др.) и, с другой стороны, более поздними (относящимися обычно к XVII—XIX вв.) точно документированными архивными источниками.

По родо-племенному составу башкир этнографическими экспедициями, а также в результате изучения архивных и других письменных источников собран и систематизирован обширный материал по всему этносу. В сводном списке родо-племенного состава представлено 46 племенных, 128 родовых этнонимов и около 2000 названий родовых подразделений. На основе сформулированных выше общих положений в башкирской родо-племенной этнонимии выделено несколько пластов. Аргументированность созданной историко-стратиграфической схемы башкирской родо-племенной этнонимии не равнозначна во всех звеньях, хотя массовость используемого материала, кажется, гарантирует правильность выводов, по крайней мере, начиная с эпохи миграции великих булгар на Волгу.

В башкирской родо-племенной этнонимии выделено семь историко-стратиграфических пластов. Каждому пласту для удобства и краткости изложения дано этническое название, которое, однако, является условным, так как отражает этническую характеристику лишь ведущих компонентов в целом смешанных образований.

Ниже приводятся краткие результаты исследования по историко-стратиграфическому членению родо-племенной этнонимии башкир.

1. Ранний финно-угорско-самодийский пласт башкирской родо-племенной этнонимии включает три группы названий, которые возводятся к этнонимам древнесамодийским: сызгы (һызгы, сызгы, сыс-

¹ Наибольшую ценность в этом плане представляют средневековые восточные и западные нарративные источники.

ны), кальсер (кэлсер), куль-иль-мин (күл-ил-мең), калмаш (калмаш), шад, шады (шад, шазы), возможно кесе (кесё); к древним угорским или тюрко-угорским: терсяк (терһәк), сырян (һеңрән, сеңрән), упей (өпәй), бикатин (бәкатин); к местным восточнофинским: уваныш (уваныш), ваныш (ваныш), варяш (вәрәш) и др.

Предлагаемая группировка является предварительной, так как опирается не на письменные источники, а исключительно на историко-этнографические материалы (преимущественно на этногенетические предания) о происхождении указанных образований и на предположительно датированные этнонимические параллели в составе башкир, с одной стороны, и самодийских, угорских, южносибирских и восточнофинских народов — с другой. Этноним сызгы, например, В. Ф. Генинг возводит к самодийскому слову сызга — лодка¹. Башкирскому родовому названию кесе имеется возможность найти параллель в древнем самодийском этнониме каса в значении мужчина (сравни, например, энецкое каса, ненецкое хасава)². Часто встречающийся у башкир этноним шад или шады соответствует родовым названиям чот, чат — у шорцев, чожду или чооду — у тувинцев, тофаларов, алтайцев. Этот же этноним в форме тйода отмечен В. Радловым у сагайцев³, А. Кастреном у койбалов⁴, еще в XVII в. говоривших на самодийских и кетских языках. Именно последнее обстоятельство послужило для ряда исследователей поводом для предположительного отнесения этнонимов чот, шад, чожду и других к самодийским по происхождению⁵. Особенно показательны в свете древнесибирских истоков башкирского этногенеза этнонимы с основой калъ, кал, куль (см. соответственно башкирские этнонимы — кальсер, калмаш, куль-иль-мин). Родо-племенные названия с такой основой широко распространены в Южной Сибири, на Алтае и в Средней Азии (ср. тув. куль, саг. куль, родовые названия куль у сойотов и торгоутов, а также узб. коль, калъ, локайское куль, каз. куль). Наиболее удачным, кажется, является объяснение слова Л. П. Потаповым с позиции койбальского языка, на котором куле означает 'ворон'⁶. В аналогичном значении переводил название нганасанского рода кула Б. О. Долгих⁷. На Волго-Камском материале такую этимологию поддержал В. Ф. Генинг, который древнеудмуртский этноним калмез в первой,

¹ В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 67.

² С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, с. 21.

³ W. Radloff. Aus Sibirien. Bb. I. Leipzig, 1884, S. 208.

⁴ А. Кастрен. Путешествие в Сибирь. — «Магазин землевладения и путешествий», т. 6. М., 1860, с. 392.

⁵ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, с. 21; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М., 1953, с. 158; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев, с. 57.

⁶ Л. П. Потапов. Zum Problem der Herkunft und Etnogenese der Koi-balen und Motoren. — «Journal de la Societa Finno-Ougrienne», 59. Helsinki, 1957.

⁷ Б. О. Долгих. О родо-племенном составе и распространении энцев. — СЭ, 1946, № 4, с. 112.

корневой части возводит к самодийскому куль, куле — 'ворон' ¹. Если эти сопоставления верны, то к древним самодийско-тюркским контактам в Южной Сибири восходят не только башкирские этнонимы куль, кальсер, но и часто фиксируемые в Башкирии этноним и топоним калмаш, легко идентифицируемые с удмуртским калмез ².

Поиски древнеугорской основы части башкирских этнонимов имеют пока эпизодический характер. Установление роли древнеугорского или смешанного угорско-тюркского компонента в этногенезе башкир в настоящее время опирается в основном на археологический и общесторический материал. Исключением, пожалуй, являются этнонимы с основой тур, тор, тер, которые В. И. Лыткин, а вслед за ним и В. Ф. Генинг возводят к коми-зыр. тури, манс. тари, венг. дагу — журавль ³. С этих позиций имеется возможность объяснить башкирский этноним терсяк, в котором вторая часть жах, согласно Б. Мункачи, означает 'люди, народ' (сравни остяк или ас-жах ⁴).

Другие этнонимы первого пласта, отнесенные нами к группе древнеугорских или древнефинских, имеют параллели в современной этнонимии или топонимии финно-угорских народов Волго-Камья, хотя основные доказательства их стратиграфического членения построены на не приводимых здесь историко-этнографических материалах. Надо признать, что лингвистическая аргументация присутствия в этническом субстрате башкирского этноса древнего самодийского и угорского компонентов (причем вероятнее всего тюркизированного), а также местного восточнофинского компонента является пока наиболее трудной задачей. В то же время исследования в этом направлении будут весьма перспективными, так как они могут опираться на прочно установленные в последнее десятилетие археологические данные, доказывающие большую роль угро-самодийской миграции из Сибири в Волго-Уральский регион в III-VII вв., а также местных финно-угорских образований в этногенезе народов Поволжья и Приуралья ⁵. Присутствие в этническом составе башкир древнего самодийско-угорского и, в меньшей степени, местного финно-угорского компонентов иллюстрируется историко-сравнительным анализом их материальной культуры и декоративно-прикладного искусства, в недрах которых выделены об-

¹ В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 76; его же. История населения удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху.— ВАУ, вып. 10. Свердловск — Ижевск, 1970, с. 198, 199.

² В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 75, 76.

³ В. И. Лыткин. Из истории словарного состава пермских языков.— ВЯ, 1953, № 5, с. 55; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье, с. 78, 79.

⁴ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, с. 41.

⁵ В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.).— АЭБ, т. IV. Уфа, 1974.

ширные комплексы, находящие аналогии в культуре и искусстве народов Сибири, Алтая и Волго-Камья¹.

2. Второй, булгаро-мадьярский, пласт в башкирской родо-племенной этнонимии, датируемый VIII—IX вв., включает племенные названия юрматы (юрматы), юрми (юрми), гайна-тархан (гәйнә-тархан), буляр (бүләр), таныш (таныш), а также родо-племенные названия других, более низших, звеньев родо-племенной структуры: юмран или юрман (йомран, юмран), нагман (нағман), юламан (юламán), имес (имес), мишар (мишәр). В историко-этнографическом плане ко второму пласту примыкают упомянутые выше этнонимы кесе и кальсер, носители которых в VIII—X вв. принадлежали, судя по имеющимся данным, к тюрко-угорскому этническому миру.

Из приведенных этнонимов, по данным Константина Багрянородного (X в.), а также согласно исследованиям Д. Немета и Л. Лигети, семь названий имеют аналогии в древневенгерской этнонимии: юрматы — д'ярмат, еней — ене, гайна-тархан — тар'ян, кесе — кеси, юламан — д'юла, мишар — meguer, нагман — nyek². По мнению Д. Немета, из семи перечисленных названий первые пять «тюркского происхождения и имеют булгарские признаки»³. Этнонимы нагман и мишар, по определению того же Д. Немета, имеют угорское происхождение.

В булгаро-мадьярском пласте башкирской родо-племенной этнонимии два названия — юрми и буляр — имеют, согласно славяно-болгарскому «Именнику», а также восточным и западным источникам, параллели в этнонимии великих и волжских болгар⁴. И, наконец, еще два названия — тархан и имес — также восходят к булгарской эпохе и образуют параллели в этнонимии башкир, чувашей и дунайских болгар⁵.

¹ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, с. 236, 237, 240, 241; С. Н. Ш и т о в а. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. — АЭБ, т. IV, с. 175; ее же. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир. — «Этнография Башкирии». Уфа, 1976.

² Константин Багрянородный. Об управлении государством. — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 91, 1934, с. 18; G. N é m e t h. Ungarische stammesnamen den Baschkiren; L. Ligeti. A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, kiraly). — «Magyar Nyelv», L. X. Budapest, 1964.

³ G. N é m e t h. Указ. соч., с. 17.

⁴ А. К у н и к. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именнику». — «Записки Императорской академии наук», т. 32, кн. 2. СПб., 1878, с. 128; Д. А. Х в о л ь с о н. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Даства... СПб., 1869, с. 711; И. Э р д е л и. Извлечения из хроники венгерского Анонима. — ВАУ, вып. 7. Свердловск, 1967.

⁵ В. Г. Е г о р о в. К вопросу о происхождении чуваш и их языка. — Записки Чувашского НИИ ЯЛИ, вып. 7. Чебоксары, 1953, с. 75; Н. И. А ш м а р и н. Болгары и чуваша, стр. 17; Р. Г. К у з е е в, Т. М. Г а р и п о в. Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар. — «Ономастика Поволжья», 4. Саранск, 1976.

В историко-этнографическом плане наиболее трудным является вопрос об удельном весе тюркских (волжско-булгарских) или угорских (древнемадьярских) элементов в выделенном пласте. На основе имеющихся материалов этот вопрос пока решить невозможно. Однако заметим, что, судя по структуре приведенной этнонимии, можно предположительно говорить о значительной роли тюркского населения Булгарской орды, с одной стороны, в этнокультурном воздействии на племена мадьярского союза, с другой — не только в этногенезе татар или чувашей, но и всех современных тюркских народов Волго-Уральского региона, в том числе и башкир. Доказательность такой реконструкции подтверждается археологическими исследованиями, свидетельствующими о распространении элементов волжско-булгарской культуры в IX—XIII вв. по всей Волго-Уральской зоне формирования тюркских народов, а также общности некоторых субстратных элементов в материальной культуре башкир, татар и чувашей. В то же время нет оснований отрицать возможность и вероятность участия на ранних этапах башкирского этногенеза угорского (древнемадьярского) компонента. Это иллюстрируется древнебашкирско-древнемадьярскими параллелями в этногенетических преданиях о «нахождении новой родины»; некоторыми общими явлениями в материальной культуре, орнаментальном искусстве и т. д.¹

3. Третий, древнебашкирский, пласт в родо-племенной этнонимии включает племенные названия усерган или муйтен (үсәргән, мөйтән), бурзян (бөрйән), тамьян (тамйан), тангаур (түнгәүер); байлар (байлар), ун (ун), бишул (бишул), кудей (көзәй), уран (уран); родовые названия сураш (сураш), ягалбай (ягалбай), унгар (унгар). В отличие от названий двух первых этнонимических пластов, не имеющих или почти не имеющих параллелей в этнонимии современных тюркских и монгольских народов, перечисленные названия третьего пласта частью зафиксированы восточными источниками в этнонимии средневековых тюркских образований (печенегов, уйгуров), а в основном — в родо-племенной системе средневековых узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов, алтайцев, тувинцев и монголов. По крайней мере, часть перечисленных племен, а именно племена бурзян (по восточным источникам бурджан), усерган, тангаур, до миграции в Волго-Уральский регион были объединены под общим названием башкорт (по восточным источникам баджгард, башгард, башкард...) ².

Характеризуемая группа племен, судя по историко-этнографическим данным и разработанным в литературе этимологическим ва-

¹ Gy. Györfy. Krónikáink es a magyar östörténet. Budapest, 1948, p. 386; Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.-Л., 1953, с. 147, 148; Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I—начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд).— АЭБ, т. III. Уфа, 1968, с. 245.

² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII в. по Р. X.).— СПб., 1870, с. 148.

риантам, включает преимущественно образования центральноазиатского происхождения, но с присутствием значительного монгольского (вероятно, тюркизированного) компонента (ср. башк. тангаур — монг. тангор; башк. тамьян — монг., бурятск. тама, тума и др.).

Этимология и семантика большинства этнонимов древнебашкирского пласта, появившихся в Волго-Уральской области в VIII—IX вв., остается неясной. Если иметь в виду масштабы продвижения тюркских образований из Центральной Азии в Восточную Европу, а также их длительное пребывание в угорской и ираноязычной среде Приаралья, в пограничных зонах Западной Сибири и Средней Азии, а временами достигавших Памира и Хорасана, то надо согласиться с мнением ряда исследователей о том, что по крайней мере некоторые из этнонимов древнебашкирского пласта могли образоваться или, точнее, окончательно оформиться на иранской языковой почве. В данном случае речь идет об этнонимах с характерными окончаниями на -ан, -ян (бурзян, усерган, тамьян и др.)¹.

В целом древнебашкирские племена, составлявшие в VIII в. часть печенежского мира и двигавшиеся из районов Приаралья в Прикаспий и Поволжье в авангарде печенежской волны, представляли собой, судя по структуре этнонимов и историко-этнографическим данным, сложное этническое образование. Будучи в основе тюрками центральноазиатского происхождения, они включили в свой состав древнемонгольские группы, а все вместе пережили сложный и длительный этап смешения и взаимодействия с тюрко-угорскими и ираноязычными образованиями Западной Сибири, Приаралья и Средней Азии.

4. Следующий, четвертый, пласт родо-племенной этнонимии башкир, датируемый X—XII вв. и названный огузо-кыпчакским, включает названия ай, айле (эй, эйзе), тырнаклы (тырнаклы), каратавлы (каратаулы), сарт (харт), алтмыш-колак (алтмыш-колак), кумлы (жомлы), абдел (эбдел), кызылбаш (кызылбаш), этимгэн (этимгэн), кусюк (көсөк), истяк или иштяк (истэк, иштэк). Перечисленные этнонимы имеют параллели главным образом в этнонимии туркмен и, частично, узбеков и киргизов. Это находит объяснение в огузском происхождении значительной части средневековых носителей перечисленных этнонимов или в их формировании в VIII—X вв. в огузской этносреде на Сырдарье². Дальнейшая история указанных образований до их миграции в X—XII вв. в Башкирию протекала в условиях возвышения кыпчакских племен на обширном пространстве Дешт-и-Кипчака. В этом свете огузо-кыпчакскую миграцию в Башкирию в X—XII вв., которая, судя по имеющимся материалам, не была мощной, можно рассматривать как начальный этап кыпчакского периода этнической истории башкирского народа, предопреде-

¹ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962, с. 37—39; Ф. И. Гордеев. О происхождении этнонима «башкир». — АЭБ, т. IV, с. 316.

² Рашида-д-дин. Сборник летописей, т. I. М.—Л., 1952, с. 76, 86; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Аб у-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958, с. 51.

лившего новое направление этнокультурного и этноязыкового развития башкирского этноса.

5. Внедрение пятого, кыпчакского, пласта родо-племенной этнонимии датируется преимущественно XIII—XIV вв. Этнонимический пласт этой эпохи в среде башкир наиболее мощный. Кыпчакская миграция в Волго-Уральский регион состояла из нескольких потоков, движение которых в хронологическом отношении перекрывалось. Применительно к Башкирии кыпчакский пласт родо-племенной этнонимии подразделяется на четыре группы:

а) на этнонимию собственно кыпчакской родо-племенной группы, включающей племенные названия кыпчак (кыпсак), канлы (канлы), гэрэ (гэрэ), сары и сарыш (һары, һарыш), кошсы (кошсо), киргиз (кыргыз), елан (йылан); родовые названия — кара-кыпчак (кара-кыпсак), гэрэй-кыпчак (гэрэй-кыпсак), байулы (байулы), кармыш (кармыш);

б) на этнонимию катаякской родо-племенной группы с племенными названиями катая (катай), салъют (һалъот), балыксы (балыксы), а также с названиями родов и родовых подразделений — найман (найман), балга (балға), маскара (маскара), борэ (бөрө);

в) на этнонимию табынской родо-племенной группы с племенными названиями табын (табын), дуван (дыуан), кувакан (кыуакан), сырзы (сырзы), бадрак (бәдрәк), таз или тазлар (таз, тазлар), с названиями родов и их подразделений — кара-табын (кара-табын), уйшин или уйшун (уйшин, уйшун), суюндук (сөйөндөк), ку-кши (куу-кши), теляу (теләу), барын (барын);

г) на этнонимию минской родо-племенной группы с названиями мин (мең), кырк-уйле, кырк, кыркты, кырк-узяк (кырк-өйлө, кырк, кыркты, кырк-үзәк), суби (суби), миркит (мөркөт).

Значительная часть приведенных этнонимов зафиксирована в средневековых восточных источниках, начиная от Ибн-Хардадбега (VIII в.) и кончая Абу-л-Гази (XVII в.), и характеризуется как принадлежащая тюркским или монгольским образованиям. В этих источниках находим сведения об этнонимах кыпчак, канглы или кангар, керейт, сары, кыргыз, джилян, катая или кидань, найман, салджиут, усунь, дурбан, теле, баарин, миркит. Этнонимы кыпчакского пласта родо-племенной этнонимии башкир имеют более 100 параллелей в родо-племенных названиях казахов, каракалпаков, узбеков, киргизов, туркмен, алтайцев, хакасов, крымских татар, тувинцев и монголов. Обширная литература, посвященная семантике и этимологическому анализу многих этнонимов, присутствующих в кыпчакском пласте башкирской родо-племенной этнонимии, показывает, что истоки этнической истории их носителей тесно связаны с тюркским и монгольским миром. В конечном итоге все эти племена являлись участниками грандиозного по масштабам этногенеза тюркских народов, который почти одно тысячелетие, начиная с первой половины I тысячелетия н. э., протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Применительно к башкирам кыпчакский этап в XIII—XIV вв. был по существу заключительным этапом,

приведем к формированию этнических признаков, характеризующих и современный башкирский этнос.

6. Шестой, по нашей классификации ногайский, пласт в родоплеменной этнонимии исторически связан с возвышением Ногайской орды и ее политической ролью в Поволжье и Башкирии в XV—первой половине XVI в. Сложный и драматический период ногайско-башкирских отношений завершился в середине XVI в. уходом основной части ногайцев на юг. Оставшиеся в Башкирии ногайские группы явились одним из компонентов башкирской народности на заключительной стадии башкирского этногенеза. Этнонимическими памятниками этой эпохи являются родо-племенные названия ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзян, ногайлар, кызылногай, зафиксированные по всему югу и юго-востоку Башкирии.

Относительная быстрота и легкость ассимиляции ногайцев в башкирской среде объясняется общностью мощного кыпчакского этнического компонента в формировании обоих народов. В составе башкир и ногайцев имеется целый ряд этнонимических параллелей, восходящих к кыпчакской эпохе: кыпчак, канлы, туркмен, найман, бадрак, таз, мин, кырк и миркит¹.

7. Седьмой пласт в родо-племенной этнонимии башкир, затрагивающий главным образом названия мелких родовых подразделений, характеризует этническое взаимодействие уже сформировавшихся в Волго-Уральском регионе и в Средней Азии народов и показывает, с одной стороны, инерцию ранее установленных этнических контактов, с другой — инфильтрацию в состав башкир новых этнических групп соседствующих народов. В этом процессе в XVII—XVIII вв. совершенно четко определяются два направления этнического взаимодействия, истоки которых восходят к более раннему периоду. В южной и восточной Башкирии в родо-племенной этнонимии башкир появляются названия калмак, калмык, казах, каракалпак, узбек, туркмен. Этих названий зафиксировано более 200. Проникновение в башкирскую среду небольших групп калмыков, казахов, каракалпаков и других восточных народов, постепенно ослабляясь, продолжалось до XIX в. В северо-западной и западной Башкирии в башкирской этнонимии появляются названия татар, темяр, мишар, черемис, чуваш, мукшы, ар, отражающие возрастающий контакт башкир с народами Волго-Камья. Особенно активным становится татаро-башкирское взаимодействие. Этнонимы татар, темяр, мишар, казанлар, казан кешесе зафиксированы почти во всех башкирских деревнях северо-западной Башкирии, в которых проводились этнографические обследования. В результате этого процесса в XVIII—XIX вв. развитие северо-западных башкир отклоняется от основного направления развития башкирского этноса. Последствия татаро-башкирского взаимодействия еще не полу-

¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

чили достаточно исчерпывающей историко-этнографической и языковой характеристики.

Остается сформулировать несколько выводов. Они могут быть методическими и общеисторическими. Затрагивая методическую сторону сделанного обзора, отметим, что намеченный путь историко-стратиграфического членения накопленного свода этнонимов по определенному этносу с последующим семантическим и этимологическим разбором типичных или характерных названий пока является в сущности лишь научной возможностью, состоятельность которой, однако, уже сегодня поддается, на наш взгляд, достаточно убедительной иллюстрации. Задача заключается в том, чтобы добиться синтеза или, иначе, органического сочетания и гармонии историко-этнографической и лингвистической интерпретации всего корпуса тюркской и финно-угорской этнонимии. На этом пути, можно быть уверенным, тюркологию и финноугроведение ожидают общие значительные достижения в области этногенетической проблематики.

Исторические выводы, которые затрагивают сложную проблему этногенеза башкирского народа, в ряде случаев могут прозвучать неожиданно, хотя общая последовательность характеристики стратиграфических пластов этнонимии не нарушает установленной наукой исторической картины этнических событий в Волго-Уральском регионе. Некоторые из этих выводов следующие:

1. В этническом субстрате башкирского этноса по данным этнонимии достаточно ярко проявляются пришлые из Сибири самодийские и угорские (возможно, тюрко-угорские) компоненты. Вопреки ожиданию древний местный финский субстрат в этнонимии башкир не имеет ярких и массовых проявлений, хотя некоторые его признаки фиксируются¹.

2. Этнонимический материал отчетливо показывает участие болгарского или, точнее, болгаро-мадьярского компонента на ранних стадиях башкирского этногенеза. Одновременно это означает, что имеющийся материал не подтверждает распространенные точки зрения, согласно которым волжские болгары (сами по себе представлявшие сложное этническое образование) были генетически предками лишь одного из тюркских народов Поволжья (татар или чувашей).

3. Решающую роль в формировании башкирского этноса сыграли два этапа тюркской миграции: древнебашкирский в VIII—IX вв. и кыпчакский в XIII—XIV вв. Окончательное формирование языка и культуры башкир связано с кыпчакским наплывом в XIII—XIV вв.

4. Значительную роль в формировании башкирской народности болгарского и особенно кыпчакского компонентов объясняет отнесение башкирского языка в историко-лингвистической классификации Н. А. Баскакова к кыпчакско-болгарской подгруппе кып-

¹ См. аналогичные выводы археологов в работе: Е. П. К а з а к о в. О характере связей поволжских финно-угров с населением Волжской Булгарии.— ВФУ, вып. V. Йошкар-Ола, 1970, с. 260.

чакской группы языков и определение времени сложения башкирского языка среднетюркской эпохой (X—XVI вв.).

Следующий, более высокий уровень этногенетических обобщений на основе исторической интерпретации этнонимии может распространиться на все тюркские народы. Эффективны в реализации этой задачи корреляционные этнонимические таблицы по группе близкородственных народов. Составление, в виде первого опыта, таких таблиц показало, что наибольшее число этнонимических параллелей было у башкир, узбеков, каракалпаков, казахов и киргизов. В этнонимии этих народов обнаружено около 100 соответствий племенных и родовых названий, в том числе 30 башкирско-узбекских (кыпчак, канглы, кушчи, ктай, сарыш, балгалы, уйшун, бадраглы, минг, таз, байлар, бишул и др.), более 20 башкирско-казахских (табын, телюу, тама, ягалбай, керейт, маскар, жети-уру, кыпчак, найман, дулат, усунь, тастар и др.); 15 этнонимических параллелей имеют башкиры с сравнительно немногочисленными каракалпаками (муйтен, бишул, истек, кыпчак, ктай, уйшун, кырк и др.), около 25 — с территориально-отдаленными туркменами (айы, даглы, кумлы, кызылбаш, итемен, кушчи, балыксы, кыркуйли и др.). Имеются также параллели с киргизами — 18, ногайцами — 10, османскими турками — 1, азербайджанцами — 1, алтайцами — 8, хакасами — 3, тувинцами — 2. Преобладание в этнонимических параллелях башкир, узбеков, каракалпаков и казахов родо-племенных названий кыпчакской эпохи показывает общность средневекового этнического суперстрата этих народов. Этнонимические параллели башкир с туркменами и особенно с алтайцами, хакасами, тувинцами также частично относятся к кыпчакской эпохе, но в большинстве восходят к истории кочевых племен Азии в I тысячелетии н. э.

Корреляционный анализ этнонимии показывает, что распределение этнонимических групп по тюркским народам не соответствует распространенным лингвистическим классификациям их языков. Наибольшую близость родо-племенная этнонимия башкир обнаруживает, например, к аналогичным показателям народов, языки которых (по классификации Н. А. Баскакова) принадлежат к карлукско-хорезмийской подгруппе карлукской группы (узбеки), к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы (казахи, каракалпаки) тюркских языков. Это доказывает различную роль субстратных слоев этноса при примерно одинаковом воздействии более поздних суперстратных этнических напластований.

Сравнительно-генетическое изучение тюркской этнонимии с родо-племенными названиями нетюркских народов позволяет установить внешние этнокультурные связи изучаемого народа на различных стадиях его этнического становления. К ранним этапам этногенеза башкир, например, относятся отмеченные выше соответствия башкирско-самодийские и башкирско-угорские. Более значительны поздние башкирско-монгольские этнонимические параллели.

Историческая
демография
башкирского
народа

Историческая и историко-этнографическая литература о башкирах, опубликованная во второй половине XIX — начале XX в., насчитывает сотни названий. Однако даже в крупных исследованиях¹ нет точных обобщенных сведений о численности башкирского населения с момента присоединения Башкирии к России (середина второй половины XVI в.) и до начала XX столетия. В отдельных работах имеются сведения о количестве башкир в те или иные конкретно рассматриваемые годы, но не согласуясь, а чаще находясь в противоречии с данными других лет, они не дают возможности представить динамику численности башкирского населения на протяжении длительного периода. Слабая репрезентативность статистических источников XVII—XVIII вв., некритический подход исследователей к оценке количества башкир в XIX в. вызвали различные, очень часто противоречивые, оценки численности башкирского населения в эпоху феодализма и капитализма. В конце XIX — начале XX в. в научной и особенно в публицистической литературе широко распространился тезис о постепенном уменьшении численности башкир. Особенно отчетливо выразили эту мысль С. Мирасов и Х. Габитов². По мнению С. Мирасова, в XIII—XV вв. башкир насчитывалось 7 млн. человек, в момент присоединения к Русскому государству — 3 млн., в 1735 г. — около 2,8 млн., в 1744 г. — 2 млн., в 1815—1817 гг. — 2,1 млн., в 1850 г. — более 1,5 млн. человек³. В соответствии с этой схемой в течение четырех-пяти столетий имело место, следовательно, более чем четырехкратное уменьшение численности башкир. В печати цитировалось также старое мнение о том, что в 1915—1917 гг. башкир было около 2 млн. человек⁴.

¹ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887; В. В. Вятковский. Н. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I—V. Казань, 1889—1897; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859; В. Филоненко. Башкиры. Оренбург, 1916.

² С. Мирасов. Башкортларның йән хисабы. — «Башкорт аймагы», 1925, № 1, с. 62, 63; Х. Габитов. Башкортларның көмүләрөнә сәбәп нәрсә. — «Шура», 1913, № 24, с. 746—748.

³ С. Мирасов. Указ. соч., с. 63.

⁴ Ф. Самойлов. Малая Башкирия. М., 1933, с. 6.

В «Очерках по истории Башкирской АССР» — наиболее полной обобщающей работе по дореволюционной истории Башкирии — динамика численности башкир в XVII—XIX вв. выглядит иначе: в середине XVII в. было 50—60 тыс. башкир, в последней четверти XVIII в.—110—140 тыс., в 1800 г.—около 150 тыс., в 1851 г.—497,6 тыс., в 1858 г.—544,8 тыс., в 1897 г.—1311 тыс.¹. Авторы «Очерков», в принципе правильно определив возрастающую динамику численности башкир, не подвергли тщательному критическому анализу статистические данные разных лет. Как увидим ниже, рост населения с середины XVII в. до конца XIX в. более чем в 20 раз в условиях Башкирии не мог иметь места. Предложенная «Очерками» демографическая схема повторена целиком или в какой-то части в других изданиях². В новейших исторических исследованиях также приводятся почерпнутые из статистических изданий различных лет или из архивных источников данные о численности башкирского населения в XVIII—XIX вв., однако по ним невозможно представить развитие демографической ситуации в крае на протяжении ряда столетий.

Таким образом, вопрос о численности башкир в XVI—XX вв. в исторической литературе остается неясным. Многочисленные противоречивые цифровые данные и расчеты, резкие расхождения в статистическом материале разных лет сильно усложнили работу исследователя, пытающегося разобраться в обилии цифр и наметить хотя бы схематично общее решение вопроса.

Неточности в определении численности башкирского населения в XVI—XIX вв. не могут не влиять на оценку тех или иных исторических событий и явлений. Люди, в соответствии с марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, составляют необходимый и важнейший элемент производительных сил; без людей нет материального производства, следовательно, нет истории общества. Хотя рост или спад численности населения сам по себе не определяет ход и характер исторического процесса, но в конкретных условиях и на конкретной территории существенные сдвиги в количестве населения, изменения в его социальной или этнической структуре и т. д. могут оказать и оказывают то или иное воздействие на общественное развитие. В то же время здесь существует более тесное и более активное обратное воздействие: численность населения, ее динамика является результатом сложного процесса социально-экономического развития общества. Рост численности населения или ее убыль (естественное движение населения), миграции, их масштабы и темпы, а также в значительной степени этнические контакты, сопровождающиеся нередко «переливами» больших групп населения в иную этническую среду, являются следствием тех производственных отношений, которые сложились и развиваются в данном обществе. Только с учетом всех этих обстоятельств, которые в

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа, 1956, с. 87, 255, 256, 257; т. I, ч. 2. Уфа, 1959, с. 9, 149.

² «Очерки истории СССР. XVII в.». М., 1955, с. 796 и др.

каждом отдельном случае и для каждого народа непременно будут специфичными, можно приступать к исследованию вопросов, связанных с демографией населения. «Условия размножения человека,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»¹. Если иметь в виду это ленинское положение применительно к условиям Башкирии, можно быть уверенным, что невозможны сколько-нибудь точные анализы численности населения без учета развития и смен в Башкирии типов хозяйства и социально-экономических укладов, миграции из центральных районов России на Урал и в Приуралье сотен тысяч людей разных национальностей и условий их земельного устройства на новых местах водворения, разнообразных и активных этнических контактов башкир с пришлым населением на протяжении более чем трех-четырёх столетий.

Отсутствие точных знаний о численности мешает верно оценить некоторые события из прошлого Башкирии. В «Очерках», например, утверждается, «что к середине XVIII в. количество пришлого населения в Башкирии значительно превышало число башкир»². Этот вывод, однако, опирается на сильно преуменьшенную оценку численности башкир в середине XVIII в.; действительная цифра была в 2,5—3 раза больше. В этом свете прежние представления о соотношении пришлого и коренного населения в Башкирии в середине XVIII в. существенным образом меняются, так же как соответственно нуждаются в уточнении наши знания о национальном составе и расселении населения края, о масштабах и направлении культурных контактов и т. д. Или другой пример: в «Очерках» численность башкирского населения в 1730—1740 гг. определяется примерно в 60—70 тыс. человек; в то же время указывается, что в процессе подавления восстания 1735—1740 гг. было уничтожено 7000 башкирских дворов³. Если принять цитируемые в «Очерках» сведения В. А. Новикова о том, что в 1739 г. башкир насчитывалось 7192 двора, или данные В. Н. Татищева, согласно которым в результате подавления восстания было казнено, изгнано и отправлено на каторгу около 60 тыс. башкир⁴, то пришлось бы прийти к выводу о полном уничтожении башкирского населения. Очевидно поэтому в недавно опубликованных исследованиях стали появляться несколько более высокие оценки численности башкирского населения к концу первой четверти XVIII в. (85 967) или в 30—40-х годах XVIII в. (109—110 тыс.)⁵.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. I, с. 433.

² ОИБ, т. I, ч. 1, с. 135.

³ Там же, с. 204.

⁴ В. А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 203; В. Татищев. История Российская, т. I. М., 1963, с. 237.

⁵ Б. Х. Юлдашбаев. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972, с. 68; У. Х. Рахматуллин. Заселение Башкирии (30—90-е годы XVIII в.). Автореферат канд. дисс. М., 1975, с. 9.

Искажения в численности башкирского населения не могут в конечном счете не влиять на точность и правильность анализа социально-классового состава народа, масштабов участия разных социальных слоев в политических движениях, т. е. коренных вопросов общественного развития.

К ряду этих же вопросов относится распространенный в литературе тезис о вымирании башкир до Октябрьской революции. Впервые этот вопрос возник в научной литературе в последней четверти XIX в., однако в трудах большинства историков и антропологов он был уже тогда поставлен не в той форме, которую он приобрел впоследствии. Речь шла о постепенной утрате башкирами своих этнических особенностей, об ассимиляции значительной части народа в татарской этнической среде¹. Башкиры, писал С. Соммье, «это народ, предназначенный к исчезновению» «вследствие постоянного скрещивания» с другими народами, прежде всего с различными этнографическими группами татар². Крупный ученый-антрополог второй половины XIX в. Н. М. Малиев писал об активном «примешивании» к башкирам многочисленных «посторонних элементов», в результате которого «тип народа утрачивает свои особенности»³. Такая постановка вопроса об «исчезновении» народа была истолкована многими популяризаторами науки и некоторыми учеными, как «вымирание» или «вырождение» башкир⁴. Широкому распространению этого мнения в литературе способствовали ужасающие картины нищеты и бедности башкирских крестьян, которые предстали перед демократически настроенными представителями русской интеллигенции, побывавшими в конце XIX в., в период интенсивного разграбления башкирских земель, в Оренбургской и Уфимской губерниях. Наиболее ярко эти настроения выразил выдающийся русский писатель, революционный демократ Глеб Успенский в своих знаменитых очерках «От Оренбурга до Уфы»⁵.

Уже в конце XIX—начале XX в. ряд исследователей, специально изучавших положение башкир с широким привлечением статистического материала, высказали сомнения в правильности тезиса о вымирании башкир⁶. Н. Л. Скалозубов, изыскания которого по экономическому положению башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии отличаются тщательностью и обоснованностью, на большом цифровом материале показал, насколько объективные дан-

¹ Н. М. М а л и е в. Антропологический очерк башкир.— Труды Отделения этнографии Казанского университета, т. V, вып. 5. Казань, 1876, с. 6; С. С о м м ь е. О башкирах. Екатеринбург, 1891, с. 34; М. В. Ф л о р и н с к и й. Башкирия и башкиры.— «Вестник Европы», кн. XII, 1874, с. 729, 730.

² С. С о м м ь е. Указ, соч., с. 34, 35.

³ Н. М. М а л и е в. Указ, соч., с. 6.

⁴ Г. У й ф а л ь в и. Башкиры, мешеряки, тептяри.— «Известия РГО», т. 13, вып. 2, 1877, с. 118, 119; Л. С а б а н е е в. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873, с. 7, 11.

⁵ Г. И. У с п е н с к и й. От Оренбурга до Уфы.— «Башкирия в русской литературе», т. 2. Уфа, 1964, с. 334—370.

⁶ Д. Н. Н и к о л ь с к и й. Башкиры.— СПб., 1899, с. 3, 4; Н. Л. С к а л о з у б о в. Очерк экономического положения башкир Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893, с. 24.

ные второй половины XIX в. не вяжутся с широко распространенным в литературе тезисом о «вымирании» башкир¹. В те же годы или несколько позднее, в начале XX в., большинство крупных специалистов антропологов и этнографов выступило против преувеличенного представления о масштабах и темпах ассимиляции башкир татарами. Как показал исторический опыт, этот процесс захватил главным образом северо-западную и западную Башкирию и протекал настолько специфично, что содержание и последствия этого процесса, по сути дела еще далекого от завершения и в настоящее время, требуют специального изучения со стороны лингвистов, этнографов и социологов. К сожалению, такое изучение проводится медленно. За последнее десятилетие по этой теме опубликовано всего лишь несколько небольших работ и статей, которые к тому же в большой степени являются постановочными, нежели обстоятельным рассмотрением проблемы в целом². Однако даже в этой весьма скромной литературе намечались различные точки зрения на историю этнического взаимодействия башкир и татар. Становится ясным, что внимательного и объективного изучения истории и современного состояния этнического и культурного взаимодействия башкирского и татарского населения требуют не только научные цели, но и практика сегодняшнего дня, связанная прежде всего с культурным строительством. Одним из многих в этой проблеме является аспект демографический; как увидим ниже, анализ имеющегося статистического материала вносит в наши прежние представления о масштабах, времени, темпах и глубине этнического взаимодействия башкир и татар некоторые новые моменты.

Возникшая на рубеже веков в научной литературе дискуссия о динамике численности башкир не прошла бесследно. Тяжелое экономическое положение трудящихся башкир в начале XX в., влияние на численность населения первой мировой и гражданской войн и особенно голодных 1921—1922 гг., запутанность и противоречивость статистического учета способствовали возрождению и распространению тезиса о вымирании в прошлом башкирского народа. Впрочем, идея о «вымирании» в литературе о башкирах едва ли является новой или даже самостоятельной. Скорее всего, это — вариация более широкой идеи о вымирании «номадов» и «инородцев». Во второй половине XIX — начале XX в. мысль о том, что «кочевая культура, кочевой быт» являются «источником гибели и вымирания» казахов, киргизов и других скотоводческих народов, усиленно внедрялась в общественное сознание России царскими администраторами, землевладельцами, спекулянтами, рассчиты-

¹ Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., с. 24—26.

² Т. Г. Баишев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955, с. 24—41; Т. М. Гарипов. Об изучении разговорной речи западных башкир.— «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, с. 47—51; А. А. Юлдашев. К проблеме формирования башкирского национального языка.— «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, с. 98—100; Р. Г. Кузеев. Как определить национальную принадлежность? (Об этнической принадлежности западных башкир).— «Советская Башкирия», № 273 и 278 за 1959 г.

вавшими поживиться, как это случилось в Башкирии, на распродаже «лишних» земель перешедших к оседлости кочевников. Несмотря на то, что исследователями убедительно была доказана абсурдность идеи о «вымирании» кочевников¹, она в том или ином виде продолжала жить в периодической печати. Особенную живучесть она проявила на башкирской почве; даже сейчас, несмотря на то, что за последние десятилетия новых публикаций, подтверждающих уменьшение башкирского населения в XVI — начале XX в., не было, а напротив, появились новые исследования, доказывающие возрастающую динамику численности башкир в XVIII—XIX вв.², тезис о «вымирании» или «обреченности на вымирание» башкир до революции, по инерции очевидно, появляется в научной литературе и особенно в публицистической печати.

Сказанное выше иллюстрирует мысль о том, что для правильного решения ряда крупных вопросов социально-экономической, политической и этнической истории башкирского народа существенное значение имеет установление возможно точной численности народа на разных исторических этапах его развития.

В свете чрезвычайной противоречивости статистических данных по башкирам в разные периоды и годы стало ясно, что даже тщательный анализ результатов только одной переписи не в состоянии дать правильное представление о численности башкир. Для получения более объективных данных необходимо проследить динамику численности башкирского населения за длительный период, за 200—300 и более лет, положив в основу анализа демографические сведения, заслуживающие наибольшего доверия.

Наиболее важным источником по истории народонаселения Башкирии XVIII — первой половины XIX в. являются материалы ревизий. Всего в России было проведено десять ревизий (первая — в 1718—1727 гг., последняя — в 1856 г.). Все ревизии, кроме первой и второй, в той или иной мере охватили и башкир³. Однако богатейшие материалы ревизий пока очень недостаточно используются для исследования народонаселения Башкирии в XVIII—XIX вв. К изучению материалов ревизских учетов, хранящихся в архивах, практически еще не приступили. Замечательным образцом критического анализа материалов ревизий остается книга академика П. И. Кешена, посвященная результатам девятой ревизии (1850 г.)⁴. Она до настоящего времени является единственным исследованием, наиболее полно, с критическим учетом всей совокупности сложной социально-политической обстановки в Башкирии отражающим демографическую картину в середине XIX в. Обобщенные сведения о численности башкир по итогам восьмой ревизии (1833 г.) содер-

¹ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, с. 94, 95, 124.

² Б. Х. Юлдашбаев. Указ. соч., с. 59—74.

³ В. Н. Кабузан. Народонаселение в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1962, с. 51, 61, 67, 69, 72, 73.

⁴ П. И. Кешен. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857.

жат другие исследования П. И. Кеппена¹. Его выводы о численности башкирского населения в первой половине и середине XIX в., опирающиеся на материалы VIII и IX ревизий, дополненные и сверенные с данными военно-административного учета населения Оренбургской губернии, могут служить отправной основой для изучения и контроля демографических данных по Башкирии в предшествующий и последующий периоды.

В капитальном исследовании В. Э. Дена, посвященном анализу результатов пятой ревизии (1794—1795 гг.), практически рассматриваются все известные в то время источники по численности башкир в XVII—XVIII вв. Для нас особенную ценность имеют итоговые расчеты В. Э. Дена по численности башкирского населения в конце XVIII — начале XIX в., в которых, кроме материалов V ревизии, использованы данные окладных книг 1797 и 1806 гг., а также другие (полученные административным путем) статистические сведения².

С публикацией «Материалов по истории Башкирской АССР» в научный оборот вошли некоторые новые сведения о численности башкир в XVIII в. по результатам третьей (1761—1767 гг.), четвертой (1781—1782 гг.) и пятой ревизий³. Некоторые материалы десятой ревизии (1856 г.), относящиеся к численности башкир, были опубликованы еще в конце прошлого века⁴, а итоговые данные этой ревизии обнаружены в Центральном государственном архиве БАССР⁵. В Оренбургском архиве найдены сведения о численности башкир по материалам седьмой (1815—1817 гг.) ревизии⁶. Таким образом, исследователи располагают сейчас данными о численности башкирского населения по материалам почти всех ревизий, в которых производился учет башкир. Исключение составляет лишь шестая (1811 г.) ревизия, однако остается пока неясным, были ли башкиры, числившиеся в то время в военном неподатном сословии, охвачены этой ревизией. Имеющиеся материалы по III, IV, V, VII, VIII, IX и X ревизиям в одних случаях достаточно подробно разработаны (V и IX ревизии), в других — представляют собой лишь суммарные данные⁷. В совокупности они позволяют (при условии критическо-

¹ П. И. Кеппен. О числе жителей в России в 1838 г. — «Журнал МВД», 1839, кн. 4, с. 137—169; «Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена». СПб., 1852, с. 4, 5.

² В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии (подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVII века), т. II, ч. 2. М., 1902, с. 263—290.

³ МИБ, т. IV, ч. 2. М., 1956, стр. 11, 14; т. V. М., 1960, с. 6, 381, 680.

⁴ «Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства при размежевании башкирских дач». — СПб., 1899, с. 121.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 12025, л. 89. Отчет о состоянии башкирского войска. См.: Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Новые сведения о численности башкир в XVIII—XIX вв. — «Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ за 1965 год». Уфа, 1966, с. 79.

⁶ Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., с. 79.

⁷ У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 7, 8.

го анализа) построить схему, показывающую динамику численности башкир в XVIII — первой половине XIX в.

Для правильного использования материалов ревизий необходимо, однако, обязательно учитывать несколько обстоятельств. Как известно, главная, а во время первых ревизий и единственная цель ревизских учетов состояла в переписи податных сословий Русского государства для упорядочения и регламентации налоговых поступлений в казну. Естественно, что башкиры, платившие в казну ясак, несшие военную службу и юридически относившиеся с 1754 г. вплоть до второй половины XIX в. к неподатному населению, первыми двумя ревизиями вообще не были охвачены, а полнота и точность учета неподатных сословий в последующих нескольких ревизиях была далеко не всегда исчерпывающей¹. Представление «ревизских сказок» было возложено на башкирских старшин, которые давали сведения о количестве населения, как правило, в дворовом исчислении, что сильно затрудняло возможность правильного вычисления общего количества башкирского населения. Старшины, главы семей, предводители родов и родо-племенных групп были заинтересованы в преуменьшении количества семей, так как башкиры до 1754 г. вносили ясак с земельных вотчин, а в пределах общины ясак распределяли по отдельным семьям. К тому же специфика хозяйственной жизни и социальной структуры башкирского общества в XVII—XVIII вв. вовсе не гарантировала одинаковое понимание башкирами и царской администрацией терминов «двор», «семья». Впрочем, ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Начиная лишь с VII и особенно с VIII ревизии учет населения в Российской империи приобретает, в дополнение к главной фискальной цели, и некоторые общие статистические задачи. VIII, IX и X ревизии, наряду с уже установившейся традицией тщательного учета податного населения, охватывают таким же учетом «для одного токмо счета» и население, относящееся к неподатным сословиям, в том числе башкир. Кроме того, по отношению к башкирскому населению данные VIII, IX и X ревизий заслуживают доверия еще и потому, что эти ревизии были проведены в Башкирии в период сложившейся и довольно четко действующей кантонной системы, военно-административный управленческий аппарат которой обеспечивал сравнительно быстрое и точное представление статистических сведений². Немаловажно и другое обстоятельство: первая половина XIX в. в истории хозяйства башкир знаменовалась быстрым развитием и распространением земледелия, особенно в западных и северных районах. Развитие земледелия сопровождалось начавшимся с XVIII в. разделом пахотных и сенокосных общинных угодий между семьями по числу мужских душ. Это безусловно повышало заинтересованность башкирского населения (кроме некоторых юго-восточных районов, где разделы общинных земель не производились до второй половины XIX в.) в ревизском учете. Эту особенность

¹ В. Н. Кабузан. Указ. соч., с. 66, 67, 72.

² ОИБ, т. 1, ч. 2, с. 33—42.

последних ревизий отмечали, впрочем, некоторые ученые и в XIX в. «Так как отграничение земель,— писал о башкирах Н. Л. Скалозубов,— требовало самого тщательного определения числа ревизских душ, то сведениям о них в актах можно вполне довериться»¹.

Таким образом, если VIII, IX и X ревизии содержат достаточно полные и точные данные о численности башкирского населения в первой половине и середине XIX в., то данные предшествующих ревизий требуют корректировки с привлечением дополнительного фактического материала.

Вторую группу источников образуют материалы административных учетов, частных переписей и оценки численности населения царскими чиновниками. Сведения эти относятся главным образом к XVIII в.

До 30-х годов XVIII в. царская администрация еще не очень активно вторгалась во внутреннюю жизнь башкирского общества, поэтому данных о численности башкир до этого времени почти не сохранилось. Писцовые и переписные книги — основные источники по изучению численности населения России в XVII в. — в Башкирии не составлялись. Не сохранилось также ясачных книг; до нас дошли лишь данные об ясачном окладе башкир в 1631—1632 гг., которые оказались включенными в один из документов XVIII в. Кроме того, сохранились в передаче В. А. Новикова извлеченные им из разрядных книг сведения о количестве ясачных дворов башкир в XVII в. (1629 и 1635 гг.). Эти же сведения содержатся в работе В. Э. Дена². Конечно, данным о количестве дворов доверяться нельзя и их совершенно недостаточно для расчета численности населения. Это было отмечено уже исследователями XIX в. Однако при условии критического анализа с учетом специфики социальной организации башкирского общества (а также имея в виду отсутствие других источников) они могут быть использованы в нашей теме, особенно в сопоставлении с более поздними (и, естественно, более точными) материалами.

Начиная с 30-х годов XVIII в., с организацией Оренбургской экспедиции и активизацией колониальной политики царизма в Башкирии, сведения о численности башкир (обычно в дворовом исчислении или в мужских душах) заметно увеличиваются. Наибольший интерес представляют материалы кунгурского бургомистра Юхнева (1726 г.), казанского губернатора А. П. Волынского (1730 г.), начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова (1737 г.) и одного из его преемников князя В. А. Урусова, который в 1739 г. начал, но из-за сопротивления башкир не смог закончить первый предпринятый администрацией учет численности башкирского населения³. В последующем, вплоть до конца XVIII в. Оренбургской канцелярией, а с 1781 г. — канцелярией вновь организованного

¹ Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., с. 25.

² В. А. Новиков. Указ. соч., с. 203, 204; В. Э. Ден. Указ. соч., с. 276.

³ МИБ, т. III, № 546, с. 483—487; МИБ, ч. 1, № 134, с. 302; МИБ, т. V, № 389, стр. 381; В. Н. К а б у з а п. Указ. соч., с. 57; ОИБ, т. I, ч. 1, с. 87, 135, 151, 152, 255, 256.

Уфимского наместничества¹, периодически составлялись таблицы и рапорты о численности и движении населения (в т. ч. башкирского) в крае. Часть этих материалов опубликована в упомянутом выше сборнике В. А. Новикова и других изданиях².

К источникам этой группы примыкают сведения о численности башкир, содержащиеся в исторических сочинениях В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, которые, будучи руководителями или деятельными участниками Оренбургской экспедиции, очевидно, имели доступ к наиболее проверенным по тем временам материалам³. Интересные и, кажется, достоверные цифровые данные о численности «инородцев» в Уфимской провинции в первой половине XVIII в. содержатся в известной монографии В. Н. Витевского, который, к сожалению, не указывает использованные им источники⁴.

Третью группу образуют источники по численности башкир со второй половины XIX в. и до современности. Основными из них, естественно, являются материалы переписей 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 и 1970 годов⁵. Вспомогательную, но очень существенную роль могут играть результаты подворной переписи крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в 1912—1913 гг. и перепись 1917 г.

¹ В административном отношении башкиры с 1708 г. входили в Уфимскую провинцию, во главе которой стоял воевода, подчинявшийся последовательно казанскому губернатору (1708—1727 гг.), Сенату (1728—1731), вновь казанскому губернатору (1731—1737), Оренбургской комиссии (1737—1744). С 1744 по 1781 г. Уфимская провинция входит в состав образованной тогда Оренбургской губернии. В 1744 г. в Оренбургскую губернию вливается и Исетская провинция (Зауральская Башкирия), до этого являвшаяся частью Сибирской губернии. В 1781 г. создается Уфимское наместничество в составе двух областей: Уфимской и Оренбургской, которое существует до 1796 г. С конца XVIII в. до 1851 г. вся Башкирия снова входит во вновь созданную Оренбургскую губернию. В 1865 г. в ходе новой административной реформы Оренбургская губерния делится на две самостоятельные губернии — Уфимскую и Оренбургскую. Часть башкир остается также на территории Пермской, Самарской и Саратовской губерний. Эта административная структура сохранялась до 1919 г. В 1919 г. был подписан декрет об образовании БАССР, сначала в границах Малой Башкирии. С 1926 г. устанавливаются современные границы республики. Все цифровые данные в статье представлены по возможности с учетом упомянутых административно-территориальных изменений в Башкирии.

² В. А. Новиков. Указ. соч., с. 203, 204 и др.; Н. А. Фирсов. Положение инородцев в Московском государстве.— Ученые записки Казанского университета, вып. III, 1866, с. 262.

³ В. Н. Татищев. Указ. соч., с. 237, 422; П. И. Рычков. Указ. соч., с. 92.

⁴ В. Н. Витевский. Указ. соч., т. III. Казань, 1897, с. 395.

⁵ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год». М., 1904, т. XIV (Уфимская губерния), т. XXVIII (Оренбургская губерния), т. XIV (Пермская губерния), т. XXXVIII (Саратовская губерния), т. XXXVI (Самарская губерния); «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 года. Население 25 губерний Европейской и Азиатской России». — Труды ЦСУ, т. I, вып. 2. М., 1921, с. 9, 14, 15; ЦСУ БАССР, Отдел демографический. Итоговые таблицы Всероссийской переписи населения 1920 г. по кантонам Башкирской АССР; ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. 1, Поволостные таблицы итогов переписи 1920 г.; «Всесоюзная перепись 1926 года, Башкирская АССР», отд. I. М., 1928, с. 312—323, 334; «Данные Всесоюзной переписи населения 1939 года». Уфа, 1941 (ротапринт); «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том)». М., 1962, с. 184; «РСФСР». М., 1963, с. 300, 308, 328; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4. М., 1973, с. 9, 12, 131.

в Оренбургской губернии¹. Однако, если методика проведения и достоверность результатов переписей 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. не вызывают сомнений, этого нельзя сказать (в той части, в которой это касается численности башкирского населения) о переписи 1920 и особенно 1897 г. Поэтому важное значение имеют для нашей цели статистические издания второй половины XIX и начала XX в.², а также немногочисленные исследования, так или иначе затрагивающие вопрос о численности башкир³. Обилие статистических изданий второй половины XIX и начала XX в., периодические публикации Уфимского губернского статистического комитета дают возможность путем сопоставления различных источников сравнительно легко получить относительно точные сведения по численности башкирского населения во второй половине XIX в. и на рубеже веков.

Активность исследовательской работы по истории Башкирии периода феодализма и капитализма за последнее десятилетие заметно возросла. Научная литература пополнилась работами И. Г. Акманова, А. З. Асфандиярова, Б. С. Давлетбаева, М. М. Кульшарипова, У. Х. Рахматуллина, Х. Ф. Усманова и других, в которых затрагиваются вопросы численности башкир в XVIII—XIX вв. Эти исследования вносят весьма полезный вклад в разработку темы и вводят в научный оборот новые, ранее неизвестные архивные источники о численности различных категорий населения края. В то же время на нынешнем уровне наших знаний об исторической демографии региона и особенно этнодемографии башкир эти исследования вызывают необходимость в специальных работах по численности башкир и населения Башкирии на протяжении длительного периода или на всем протяжении их истории, обозримом для источников.

В данной работе основное внимание уделено разработке проблем исторической демографии, а также тесной взаимосвязи демографической и этнической ситуации на различных этапах исторического развития.

1. Этнодемографические процессы в Башкирии в XVI—XVII вв.

Наиболее трудная задача — установление численности башкирского населения в XVI—XVII вв. Любая попытка при нынешнем состоянии источников не будет выходить за пределы гипотезы. Но в качестве основы для дальнейшей работы даже такой уровень решения задачи является полезным.

¹ «Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг.» Уфа, 1914, с. 254, 255; С. А. Ф и е л ь с т р у п. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926, с. 36.

² «Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная его численность в 1878 г.» Издание Уфимского губернского статистического комитета, 1880; «Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год». Уфа, 1896; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии», т. VII, ч. 1. Уфа, 1901, с. 162 и др.

³ Д. П. Н и к о л ь с к и й. Указ. соч., с. 21, 22; Н. Л. С к а л о з у б о в. Указ. соч., с. 24, 25; Г. У й ф а л ь в и. Указ. соч., с. 119; Н. Ф. К а т а н о в.

О численности башкир в XVII в. имеется три свидетельства: в рапортах Уфимского воеводы в приказ Казанского дворца значатся в 1629 г. 888 дворов башкир, а в 1635 г.—2217 дворов¹; в ясачные книги 1631—1632 гг. было включено 6188 башкир — основных плательщиков ясака². Цифры по дворовому исчислению в данном случае не могут служить даже основой для каких-либо построений: если, например, на двор положить в среднем по 7 душ, получилось бы, что в 1629 г. башкир насчитывалось 6216 человек, т. е. почти столько же, сколько в 1632 г. было основных плательщиков ясака, что совершенно невероятно. Иное дело цифра 6188; она связана с поступлением ясака в казну, т. е. с фискальной политикой правительства, и безусловно должна отражать в какой-то форме численность всего башкирского населения.

Известно, что 6188 человек, отвечавших за сбор ясака с башкир, вносили в казну разное количество куниц: от 10 до 300—350. Ясно, что они представляли разные по количеству группы людей. Высказанное в «Очерках» мнение, что это были главным образом старшины, «отвечающие за сбор ясака с подвластных им башкир»³, или иначе говоря — с родо-племенных волостей, несостоятельно: таких родов (или племен), на основе которых образовывались административные волости в первой половине XVIII в., было не более 130⁴, а в XVII в. их должно было быть еще меньше, так как родовые организации имели тенденцию к сегментации. Полагать, что это были главы семей⁵, также нет оснований, хотя бы потому, что трудно предположить существование семьи, способной платить ясак в 300—350 куниц. Это тем более очевидно, что башкиры относятся к народам, у которых на обозримом для источников периоде большие семьи не были широко распространенным институтом. Правильный ответ на вопрос возможен лишь с учетом особенностей социальной организации башкир в XVI—XVII вв., в частности специфичной для башкир трехступенчатой родо-племенной структуры (племя — род — родовое подразделение). В XVI—XVII вв. развитие феодальных производственных отношений разрушило или отодвинуло (особенно в западной Башкирии) на второй план хозяйственные и социальные функции племенной и родовой организации башкир. Присоединение к России ускорило этот процесс: образование на базе племен и родов административных волостей в конечном итоге лишь подчеркивало постепенную утрату родо-племенными органи-

Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. Казань, 1898, с. 11, 12; М. П л и с е ц к и й. Башкиры. М., 1928, с. 6, 7; Х. Я. Т а х а е в. Башкирия (экономико-географическая характеристика). М., 1950, с. 112 и др.

¹ В. А. Н о в и к о в. Указ. соч., с. 203.

² ЦГАДА, Дела Правительствующего сената по Соляной конторе, кн. 368/2851, лл. 371 об.—372 (цитируется по ОИБ, т. I, ч. 1, с. 87).

³ ОИБ, т. I, ч. 1, с. 87, 100.

⁴ П. И. Р ы ч к о в. Топография..., с. 80—96; см. также: Р. Г. К у з е е в. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

⁵ Н. В. У с т ю г о в. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М., 1950, с. 4, 5.

зациями их прежнего социально-экономического содержания. Однако патриархально-родовой уклад проявил большую жизнеспособность и основным его институтом в общественной жизни башкир стало родовое подразделение. Оно объединяло в среднем от 5 до 20 родственных семей; реже количество семей в родовых подразделениях доходило до 30—40. Одно подразделение обычно составляло один небольшой аул. В хозяйственном отношении родовые подразделения представляли пастбищно-кочевую группу с совместным выпасом скота, традициями взаимопомощи, коллективной охоты и т. д.¹ С присоединением к Русскому государству родовые подразделения, как наиболее жизнеспособные хозяйственные объединения, и явились той основной общественной ячейкой, с которой, в соответствии с ее размерами и эксплуатируемой ею территорией, обычно взимался ясак. 6188 основных плательщиков ясака, внесенных в ясачные книги, были, очевидно, представителями этих коллективов. Не исключена также возможность, что в восточной Башкирии, где патриархально-родовые традиции в XVII в. были еще сильны, ответственные лица за уплату ясака выделялись большими родовыми коллективами (которые вносили в казну 300 и более кунц). В земледельческих районах северо-запада, наоборот, самостоятельной хозяйственной ячейкой выступали отдельные семьи или небольшие семейно-родственные группы, которые платили в казну по 5—10 кунц ясака. Учитывая все эти обстоятельства, можно допустить, что за каждым основным плательщиком ясака стояло родовое подразделение, состоящее в среднем из 5—10 семей, или примерно из 40 душ обоого пола. Следовательно, в 1630—1631 гг. общее количество башкирского населения составляло приблизительно 250 тыс. (40×6188) человек. Точность и аргументированность такого расчета, конечно, трудно отстаивать, однако это пока, кажется, единственно возможный путь анализа. К тому же правильность полученной цифры, как увидим ниже, подтверждается более поздними (XVIII в.) данными.

Численность башкирского населения в середине XVI в., в момент присоединения к Русскому государству, не поддается определению. Однако попытаемся все же на основе некоторых исторических параллелей и сопоставлений предложить для обсуждения свою оценку количества башкир в указанный период. Известно, и это отмечали многие исследователи, что при кочевом скотоводческом хозяйстве с круглогодичным пребыванием скота на подножном корме на той или иной территории может содержаться определенное количество скота, что, естественно, лимитирует и численность населения². Увеличение населения требовало роста количества скота, что невозможно осуществить без расширения пастбищ. Эта основная проблема хозяйственной жизни кочевников решалась или путем завоеваний новых пастбищ, или путем перекочевок избыточного на-

¹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, с. 91—122.

² П. Погорельский, В. Батраков. Указ. соч., с. 106, 107.

селения на другие относительно свободные территории. Таким образом, площадь пастбищ, количество скота и численность населения являются в кочевых обществах взаимозависящими величинами. Расчеты, наблюдения и исторические сведения показали, например, что в Восточном Притяньшанье и на Тянь-Шане, т. е. на территории примерно в полтора-два раза большей современной Киргизской ССР, могло в среднем проживать не более 300—350 тысяч кочевников-скотоводов. Как в XV, так и в начале XIX в. численность населения на этой территории (при сохранении кочевого скотоводства) оставалась примерно на одном уровне¹.

Исходя из этих данных, а также определив размеры занимаемой башкирами территории, можно рассчитать приблизительно их численность в середине XVI в. Однако кроме природно-хозяйственных условий надо учитывать и ряд моментов политической и этнической истории той эпохи. Южный Урал и Приуралье в XIV—XVI вв. были не для всех скотоводов замкнутым хозяйственным районом: для части кочевников прохладные долины гор и предгорий были главным образом местами летовок; суровые зимы и глубокие снега заставляли на зимний период отгонять стада далеко на юг, в Волжско-Яицкие степи, а иногда до Прикаспийской низменности. На этой огромной территории в XV—XVI вв. жили преимущественно ногайцы и башкиры. Несмотря на то, что основные территории обитания ногайцев и башкир были в общем-то различные, однако, как отмечают шежере и другие источники, в степях южной и юго-западной Башкирии, на Бугульминской возвышенности, на правобережье Белой, в долинах рек Сакмара, Яик и других, башкиры и ногайцы кочевали смежно, практически сообщая (особенно в летний период), эксплуатируя эти территории². Ногайцы в период возвышения Ногайской орды занимали на этих просторах лучшие пастбища, отесняя башкир на менее удобные земли или в горы, леса и далее на север³. Англичанин Антоний Дженкинсон, совершивший в 1558 г. путешествие по Волге, отмечает, что территория «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани» «носит название страны мангат или ногаев»⁴.

В источниках и исследованиях последних лет, хотя и изредка, но все же можно встретить косвенные данные о численности населения Золотой Орды, а с XV в. — Ногайского ханства, в состав которых входила основная часть территории Башкирии. Это прежде всего данные о численности войск того или иного хана.

Сведения о размерах войска и военных потерях не относятся к числу надежных; средневековые хроникеры в стремлении возвы-

¹ К. И. Петров. Киргизо-кыпчакские отношения (к вопросу о переселении и этногенезе киргизов). — «Известия АН Киргизской ССР», т. III, серия общественных наук, вып. 2. Фрунзе, 1961, с. 89, 90.

² БШ, с. 31, 32, 43, 52, 53, 95, 108.

³ А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, с. 40, 41.

⁴ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Л., 1937, с. 169, 170, 171.

сильное могущество того или иного хана нередко преувеличивали количество воинов в войске или число погибших в битве. Однако это обстоятельство, предостерегая от некритического использования этих сведений, не должно быть причиной отказа от попыток их анализа в свете нашей темы. При отсутствии других источников данные о числе воинов все же могут служить ориентиром для воссоздания демографической ситуации той эпохи; даже преувеличенные цифры о военной мощи средневековых ханств, хотя и несколько искаженно, но все же отражают, как нам кажется, историческую действительность.

Во времена правления хана Узбека (первая половина XIV в.) Золотоордынское государство могло выставить войско численностью до 300 тыс. человек¹. Не очень расходясь по средневековым масштабам с этой цифрой сведения о численности войск золотоордынского хана Тохтамыша в период его борьбы со среднеазиатским эмиром Тимуром. На реке Кундурча (приток р. Сок в Куйбышевской области), где 18 июня 1391 г. произошло решительное сражение, войска Тохтамыша и Тимура насчитывали примерно по 200 тыс. человек. Только в войсках Тохтамыша число погибших в этой битве составляло якобы около 100 тыс. человек². В XV—XVI вв. степи Дешт-и-Кипчака по-прежнему оставались довольно многочисленными. В первой половине XVI в. правители Ногайской орды считали, что они могут собрать войско, состоящее из 200—300 тыс. всадников³. В начале XV в., по данным европейских путешественников, темник Едигей — основатель Ногайской орды — постоянно имел более 200 тыс. всадников⁴. Приведенные цифры прямого отношения к определению численности башкир в эпоху средневековья, казалось бы, не имеют, но они помогают нам выявить хотя бы приближенное представление о населении Золотоордынского государства в XIV—XV вв. и Ногайского ханства в XV—XVI вв. А это, в свою очередь, позволяет составить хотя бы примерную картину о плотности населения Башкирии.

В кочевом обществе воинами являлись практически почти все взрослые мужчины. Во времена больших войн и крупных сражений войско кочевников могло составлять почти четвертую часть народа (если исключить женщин — около 50%, мальчиков до 15—16 лет и стариков — около 20%, мужчин, оставшихся для поддержания скотоводческого хозяйства — около 5%). Таким образом, приблизительная численность всего населения Ногайской орды в первой половине XVI в. определяется в 800—1200 тыс. человек. Судя по размерам военных сил Узбека и Тохтамыша, многочисленность Ногайской

¹ М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 71.

² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.-Л., 1941, с. 171.

³ Г. Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877, с. 136.

⁴ Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. — «Сборник отделения русского языка и словесности Русской Академии наук», т. XXVIII, № 1. СПб., 1881, с. 337—342.

орды восходит еще к золотоордынскому времени. Башкирия, точнее ее центральные и южные области, представляла собой лишь часть территории Ногайского ханства, простиравшегося от Волги — на западе, до Иртыша — на востоке и от Тобола — на севере до Каспийского моря — на юге¹. Установить численность населения отдельных областей Ногайского ханства невозможно, но, как показывают источники, районом, наиболее плотно заселенным ногайцами и подвластными им племенами, было Волго-Яицкое междуречье от Среднего Урала и низовьев рек Белой и Камы — на севере до Прикаспия — на юге. Об этом свидетельствует, например, описание упомянутых выше Антонием Дженкинсоном междоусобной борьбы ногайцев, «сопровожденной голодом, чумой и всякими моровыми поветриями», в результате которых в 1558 г., по его же сведениям, «погибло свыше 100 000 человек из этого народа»². Маршрут путешествия Дженкинсона не оставляет сомнения в том, что речь идет о кочевниках, обитавших в Приволжских степях³. Многолюдными также были ногайские родо-племенные группы на башкирских землях. Башкирские шежере, сохранившие наиболее подробные и достоверные сведения именно об этом периоде истории Башкирии, этноним «ногай» (нугай), как правило, сопровождают эпитетом «бесчисленные» (һанһыз нугай)⁴.

Итак, в XV—XVI вв. общая численность ногайцев и подвластных им народов составляла многие сотни тысяч человек, т. е. плотность населения кочевого государства на восточных окраинах возвышающегося Русского государства была по тем временам довольно внушительной. Однако с середины XVI в. историческая судьба Ногайской орды круто изменилась. Оставшееся после жестокой междоусобицы, небывалого голода, чумы, а также борьбы с Русским государством население ханства рассеялось: частью переселилось в Крым или откочевало в Закавказье, частью осело на Северном Кавказе или, особенно, в восточных землях ханства — вошло в состав формирующихся там народностей: узбеков, казахов, каракалпаков, башкир, татар⁵.

Ногайские родо-племенные группы, кочевавшие в Башкирии, после падения в 1552 г. Казани покинули прежние места кочевок и, увлекая за собой часть башкир, переселились в низовья Волги и на Северный Кавказ⁶. Однако ушли далеко не все ногайцы; многие из них остались на Южном Урале и в Приуралье и явились одним из заметных компонентов на завершающих стадиях башкирского этногенеза. В исторической литературе сложилось не совсем точное представление о взаимоотношениях башкир и ногайцев, якобы враждебных на всем протяжении пребывания последних в Башкирии. В

¹ Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, с. 36—42.

² «Английские путешественники...», с. 169.

³ Там же, с. 167—173.

⁴ БШ, с. 29, 33 и др.

⁵ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 201.

⁶ БШ, с. 36, 43, 51, 52.

истории ногайцев и башкир, особенно в середине XVI в., накануне присоединения Башкирии к Русскому государству, действительно было много жестоких столкновений. Собственно, присоединение многих башкирских племен к России было следствием этой борьбы¹. Однако источники, главным образом историко-этнографические, заставляют обратить внимание и на другое: длительное пребывание на одной территории, близость языка, активное взаимодействие на базе родственной кочевой культуры способствовали сближению и этническому взаимодействию башкир и ногайцев. Более того, в XV в. процесс формирования башкирской народности еще не завершился. О башкирах, как о сложившемся народе, можно говорить не ранее чем с середины XVI в., когда башкирские племена в сложной политической обстановке приняли русское подданство, впервые после нескольких столетий политической раздробленности объединив свои земли в составе Русского государства. В XV в. хотя и существовали башкирское и ногайское этнические объединения с уже определившимися этнокультурными признаками, но взаимопроникновение ногайцев и башкир было чрезвычайно активным. Этот процесс продолжался и в дальнейшем. Поэтому с середины XVI в., когда ногайские ханы принуждены были навсегда оставить Башкирию и откочевать на юг, многие ногайские роды не только не последовали за своими соплеменниками, но очень скоро стали называться «иштяками», т. е. башкирами («...иштәк аталдылар») ². Этническим смешением с ногайцами, очевидно, надо объяснить распространение в прошлом среди среднеазиатских народов обычай называть башкир, иногда казанских татар «нугаями» ³. Особенно активную роль сыграли ногайцы в этническом оформлении южных, юго-восточных и юго-западных башкир: из 11 родов племени мин по меньшей мере 3 — ногайского происхождения; роды «ногай» входят в состав племен бурзян и юрматы ⁴, а родовые подразделения «ногай» — в состав почти любого рода южной и центральной Башкирии. Активность башкирско-ногайских этнических взаимодействий убедительно иллюстрируется также мощным слоем общей для обоих народов родо-племенной этнонимии: сравни башк. кыпсак, кара-кыпсак, ног. кышпак, кара-кышпак; башк. канлы, ног. канглы; башк. кошсы, ног. кушсы; башк. туркмен-кыпсак, ног. туркмен; башк. казаяк, ног. казайяк; башк. найман, ног. найман; башк. бадрак, ног. бадрыак; башк. таз, ног. таз; башк. мин, ног. мин, мий, мынь; башк. кырк-уйле, ног. кырк-шомушли; башк. миркит-мин, ног. миркит; башк. катай, ног. кытай ⁵. Подавляющее большинство этих этнонимических параллелей возникло на кыпчакской этнической основе.

¹ А. Н. Усманов. Указ. соч., с. 40—49, 95—112.

² БШ, с. 70.

³ В. А. Новиков. Указ. соч., с. 7; С. Соммье. Указ. соч., с. 34,

⁴ БШ, с. 59, 191, 223, 224.

⁵ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 466—469; Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, с. 80—94; ее же. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 77—85.

Как эти процессы отразились на численности башкир? Башкиры, конечно, уступали ногайцам в численности; однако, если судить по тому, что в середине XVI в. они в жестокой схватке сумели противостоять им¹, а позднее, после присоединения к России, быстро ассимилировали оставшиеся в Башкирии ногайские родо-племенные группы,— можно думать, что башкиры были сравнительно многолюдным народом и превосходили численно ту часть ногайцев, которая в XVI в. кочевала на территории Башкирии. Важно подчеркнуть: с момента присоединения Башкирии к Русскому государству оставшихся здесь ногайцев надо считать в составе башкир, хотя, конечно, окончательное их растворение в башкирской этнокультурной среде завершилось позднее.

Таким образом, оценивая численность башкир в середине XVI в., надо исходить из следующих моментов: башкиры обитали на обширной территории площадью примерно 200—250 тыс. кв. км (учитывая области Башкирии, находившиеся под протекторатом Казанского и Сибирского ханств); значительную часть этой территории, наиболее удобную для ведения кочевого скотоводства, башкиры на протяжении многих десятилетий эксплуатировали сообща с ногайцами; часть родо-племенных групп ногайцев в середине XVI в., навсегда оставшись на Южном Урале и в Приуралье, вошла в состав башкирской народности. Конечно, даже совокупность всех этих фактов и наблюдений не дает возможности точно определить численность башкир в середине XVI в., однако они (наряду с изложенными выше соображениями об общей численности населения Ногайской орды) позволяют установить примерный диапазон, в пределах которого эти цифровые определения могут колебаться. До ухода основной части ногайцев на юг, Северный Кавказ на этой территории кочевало, видимо, около 250—350 тыс. человек, т. е. примерно 1—1,5 человека на кв. км, что соответствует той плотности расселения, которую отмечают исследователи относительно других кочевых и охотничьих народов². Эта оценка не противоречит и приведенной выше общей численности населения Ногайской орды в XVI в. После откочевки ногайцев, убыли населения вследствие голода, чумы и междоусобиц население в этом районе могло сократиться, как показывают аналогичные события в истории других народов, примерно на 25—30%³. Следовательно, в момент присоединения к России башкир вместе с оставшейся частью ногайцев насчитывалось около 180—240 тыс. человек. Эту цифру можно сопоставить с приведенной выше оценкой численности башкир в 1631—1632 гг. Такой ретроспективный прием служит дополнительным аргументом в пользу правильности нашей оценки. За 70—80 лет после присоединения к России численность башкир возросла на сравнительно небольшую цифру. В то же время связанная с присоединением относительная стаби-

¹ ВШ, с. 78, 79; А. Н. Усманов. Указ. соч., с. 95—104.

² Ф. Д. Маркузон. Население мира от начала н. э. до середины XX в.— «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957, с. 390; К. И. Петров. Указ. соч., с. 90.

³ Ф. Д. Маркузон. Указ. соч., с. 390, 391.

лизация политической обстановки в Поволжье способствовала окончательной консолидации башкирского народа и примкнувших к нему этнических групп на сравнительно компактной территории.

2. Численность башкир в XVIII в.

XVIII век характеризуется активизацией колониальной политики царизма на востоке, в частности в Башкирии. Осуществление этой политики требовало более полных и точных сведений о хозяйстве, социальных институтах и численности окраинных народов России. Поэтому, начиная с 20-х и особенно 30-х годов XVIII в., сведения о численности башкир заметно возрастают. Однако сведения эти очень разноречивы. Отсюда отмеченное разнообразие в определении численности башкир в XVIII в., которое имеет место в научных трудах: пользуясь разными источниками, исследователи, естественно, приходят к различным итогам.

При определении численности башкирского населения в XVIII в., кроме архивных источников, часто ссылаются на следующие сведения.

Казанский губернатор А. П. Волынский в записке, представленной в 1730 г. в Сенат, писал, что в начале XVIII в. «прямых башкирцев» было не больше 35—40 тыс. человек, а в 1730 г. вместе «з беглецами стало больше 100 000»¹. В 1737 г. начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов определил численность башкир в 40 тыс. человек². Кириллов, видимо, заимствовал эти сведения из записки Волынского; если бы он предпринял собственную попытку установить численность башкир, то полного совпадения оценок не было бы. Кроме того, в 1737 г., когда Башкирия была охвачена восстанием, возможность проведения сколько-нибудь точного учета населения исключалась. Лишь после подавления выступлений башкир, когда в крае было восстановлено относительное спокойствие, царская администрация приступила к переписи населения. Однако по переписи 1739 г. населения в Башкирии оказалось лишь 84 655 душ обоого пола, в том числе башкир — около 20 тыс. человек³. Правда, перепись 1739 г. не была завершена, а многие башкирские волости вообще не пустили к себе переписчиков. П. И. Рычков, опираясь на «сказки старшин», определил численность башкирского населения в 50-х годах XVIII в. в 106 176 душ обоого пола⁴.

Во второй половине XVIII в. башкиры были учтены тремя ревизиями: III (1761—1767 гг.), IV (1781—1782 гг.) и V (1794—1795 гг.). По результатам III ревизии Оренбургской губернской канцелярией в 1767 г. был составлен «Генеральный табель...», в котором численность башкирского населения («башкирцев» и «тарханов») определена в 105 938 душ обоого пола⁵. В 1782 г., по данным IV

¹ МИБ, ч. 1, № 134, с. 302.

² ЦГАДА, Дела Правительствующего Сената по Кабинету, кн. 87/1164, лл. 72—72об.

³ ОИБ, т. I, ч. 1, с. 87.

⁴ П. И. Рычков. Указ. соч., с. 92, 93.

⁵ МИБ, т. IV, ч. 2, № 353,354, с. 9, 11, 14.

ревизии, башкир стало 137407 человек¹. В «Ведомости...», составленной по результатам IV ревизии канцелярией Уфимского и Симбирского наместнического правления, имеются сведения о распределении башкир по округам. Эти данные (табл. 5) представляют интерес с точки зрения территориального размещения башкирского населения в XVIII в.² По итогам V ревизии башкир, по оценке В. Э. Дена, было 88 500 мужских душ, или примерно 177 тыс. человек³. Не очень сильно расходятся с этой оценкой и сведения, представленные в 1800 г. на основании данных V ревизии Оренбургским губерн-

ским правлением сенаторам М. Г. Спиридонову и И. В. Лопухину, ревизовавшим Оренбургскую губернию: башкир вместе с мишарями было 100 255 душ мужского населения, или 200500 человек. За вычетом мишарей, которых в 1782 г. в Башкирии было 28 049 человек, а в 1800 г.— около 30—35 тыс., башкир остается 165—170 тыс. человек⁴.

Если верить приведенным данным, численность башкир в течение XVIII в. возросла примерно от 40 до 170 тыс. человек, или на 325% за одно столетие. Такой прирост, однако, в Башкирии XVIII века, охваченной восстаниями, сопровождающимися жестокими подавлениями и истреблением населения, не мог иметь места. Даже в относительно спокойные годы высокая рождаемость почти полностью перекрывалась высокой детской смертностью, гибелью населения во время периодически повторяющихся эпидемий, голода в годы джуга и т. д. Естественный прирост повышался очень медленно, а в иные периоды (особенно в годы подавления восстаний или эпидемий) численность населения даже сокращалась. Для сравнения укажем, что население всей Европы и азиатской части России с 1650 по 1800 г., т. е. за полтора столетия, возросло лишь на 86,4%, а население всей зарубежной Азии — на 82,5%⁵. Все это вызывает сомнения в точности приведенных цифр. Впрочем, неточность статистических сведений XVIII в. по башкирам отмечали еще современники. Не-

Т а б л и ц а 5

Название округов	Количество башкир
Уфимский	15 205
Бирский	31 392
Белебеевский	14 790
Стерлитамакский	19 217
Бугульминский	3 135
Челябинский	16 953
Оренбургский	16 090
Верхнеуральский	20 625
И т о г о	137 407

¹ МИБ, т. V, № 389, с. 382.

² МИБ, т. V, № 389, с. 381, 382.

³ В. Э. Ден. Указ. соч., с. 286, 287.

⁴ МИБ, т. V, № 389, с. 382; ОИБ, т. I, ч. 1, с. 256, 257. По данным У. Х. Рахматуллина численность башкир в конце XVIII в. составляла 184—186 тыс. человек (см.: У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 10).

⁵ «Численность и расселение народов мира». М., 1962, с. 14.

плюев, сообщая в Сенат в 1753 г. о том, что башкир вместе с мещераками 123 122 человека, оговаривался: «Но так или нет, на то документов иметь не можно»¹.

В XVIII в. численность населения определялась, как отмечалось выше, на основании «сказок старшин», которые из-за фискальных соображений были заинтересованы в преуменьшении количества населения в своей волости. Важно при этом то, что старшины, как правило, подавали сведения в дворовом исчислении. Даже в конце XVIII в. попытки провести подушную перепись успеха не имели: в годы IV ревизии, например, уфимский губернатор И. В. Якоби, опасаясь сопротивления башкир переписи и возникновения беспорядков, приказал сделать им перепись на основании прежнего оклада по дворам, полагая «примерно по 4 души в каждом»². Однако башкиры и царская администрация по-разному понимали термин «двор». Если царская администрация, как видно из приказа И. В. Якоби, под термином «двор» имела в виду обычную семью из 4 человек, то башкиры-кочевники подразумевали более широкую хозяйственно-общественную организацию, а именно семейно-родственную группу, состоящую из нескольких семей. П. И. Рычков — лучший знаток истории башкир в XVIII в., писал, что «в каждом дворе их живет обыкновенно по несколько семей»³. Отсюда видно, насколько ненадежен способ определения численности башкир на основании дворового исчисления без специального анализа степени репрезентативности этих сведений. Это видно из табл. 6, в которой сведены основные данные о дворовом исчислении башкир в XVII—XVIII вв.⁴

Как видно из таблицы, с 1629 и до 1770 г. количество башкирских дворов все время возрастает, что, на первый взгляд, как будто отражает постоянный рост населения. Однако резко нарушают эту эскалацию цифр сведения о количестве башкирских дворов за 1725—1726 гг. Лишь данные за 1770 г. вплотную приближаются к сведениям 1725—1726 гг., однако уже в 1771 и 1772 гг., т. е. через год-два, снова наступает резкий спад. Чем объяснить эти колебания? Дело в том, что данные 1725—1726 гг. и 1770 г. собраны непосредственно в башкирских волостях: в первом случае кунгурским бургомистром Юхневым, который объехал почти всю Башкирию и побывал в 53 (из 60) башкирских волостях; во втором — академиком И. Г. Георги, возглавлявшим одну из экспедиций Российской Академии наук в восточные районы страны. Сведения всех остальных

¹ В. Э. Ден. Указ. соч., с. 278.

² МИБ, т. V, № 389, с. 382.

³ П. И. Рычков. Указ. соч., с. 93.

⁴ При составлении таблицы использованы: МИБ, т. III, № 546, с. 485; т. IV, ч. 2, № 353, с. 11, № 354, с. 14; т. V, № 389, с. 382; В. А. Новиков. Указ. соч., с. 203, 204; П. И. Рычков. Указ. соч., с. 93—100; П. И. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 82; В. Э. Ден. Указ. соч., с. 278, 283; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. СПб., 1799, с. 94; «Экстракт о башкирском народе, составленный в Оренбургской губернской канцелярии... в 1775 году по приказанию графа П. И. Павина». — «Памятная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1873, с. 139, 140:

лет опираются на «сказки старшин».¹ Волостные же старшины, как говорилось выше, с одной стороны, были заинтересованы в заниженном показе количества дворов², с другой (и это главное) — имели несколько иные представления о понятии «двор», чем царские администраторы. Многие из старшин по традиции полагали, что родовое подразделение или просто группа родственных семей как раз и составляет ту хозяйственную и общественную ячейку, на которую должно возложить обязанности по выплате ясака. Впрочем, эти представления (иногда реальные, иногда умышленные) у башкирских старшин по мере социально-экономического развития общества менялись. С распространением земледелия, с дроблением общинных земельных вотчин распадалась и теряли свое хозяйственное значение и родовые подразделения: В северо-западной и западной Башкирии к концу XVIII в. хозяйственные функции семейно-родственных групп были в значительной степени утрачены; единицей учета здесь, как и у податного русского и татарского населения не только по форме, но и по существу становится индивидуальная семья. Это, естественно, вносит в дворовое исчисление башкирского населения заметное изменение: количество дворов постепенно растет.

Но рост числа башкирских дворов далеко не всегда означал рост населения, как это представлялось чиновникам царской администрации³ и как это кажется некоторым современным исследователям. Этот показатель отражает в первую очередь серьезные сдвиги в социально-экономической организации общества, дальнейший распад патриархально-родовых институтов, увеличение числа выделов, углубление классовых отношений. Этот процесс распада тра-

Т а б л и ц а 6

Годы	Количество дворов
1629	888
1635	2217
1725—1726	28 655
1739	7192
1745	8395 (кроме 1431 «тарханских дворов»)
1750	11 859
1767	14 607
1770	24 882 (без башкир Исетской провинции)
1771	15 989
Последняя четверть XVIII в.	13 597

дуальная семья. Это, естественно, вносит в дворовое исчисление башкирского населения заметное изменение: количество дворов постепенно растет.

¹ Число башкирских волостей постепенно росло; в 1774 г. в Уфимской провинции было 56 волостей, в т. ч. в Ногайской дороге — 25; Казанской — 18, Сибирской — 10, Осинской — 3. Кроме того, в Исетской провинции находились 11 волостей Сибирской дороги и 2 волости Ногайской дороги. Всего, таким образом, было 69 волостей. (См.: «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов». М., 1975, № 184, с. 272, 273; № 188, с. 277—288).

² См.: Н. Ф. Демидова. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в.— «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, с. 24.

³ МИБ, т. V, № 389, с. 381, 382.

диционных родовых институтов и, как его следствие, — увеличение количества башкирских дворов, зафиксировал в середине XVIII в. П. И. Рычков: «...дворовое число их (башкир.— Р. К.) ежегодно прибывает тем», что отделяясь «дети от отцов и братья от братьев в особые дома переходят»¹. В свете этого нельзя не обратить внимания на близость цифровых данных Юхнева и Георги, хотя экспедицию Георги отделяет от экспедиции Юхнева почти столетия. Сведения Юхнева и Георги, лично побывавших в башкирских волостях, наблюдавших на месте особенности быта и общественной организации народа, собравших статистические материалы самостоятельно и имевших возможность проверить их достоверность, на наш взгляд, заслуживают большего доверия.

Из анализа специфики дворового исчисления в Башкирии следует еще один вывод: применявшийся царской администрацией, а позднее — некоторыми исследователями метод оценки количества башкирского населения из расчета 4—5 человек на двор, никак не может привести к правильным результатам. Ошибочность расчетов Вольтского, Кириллова и других объясняется главным образом этой методикой исчисления. В XVIII в. на значительной территории Башкирии сохранялось хозяйственное и общественное значение семейно-родственных групп или родовых подразделений. Кроме того, даже в XIX в. имели довольно широкое распространение так называемые неразделенные семьи, состоящие из трех поколений: родителей, женатых сыновей и их детей. Н. В. Бикбулатов на основе архивных источников убедительно доказывает жительство в XVIII в. одним хозяйством нескольких брачных пар — «с братьями и с детьми и с племянниками»². С учетом всех этих обстоятельств в литературе сложилось, как нам кажется, обоснованное мнение о том, что в среднем на башкирский двор в XVIII в. приходилось 8—9 душ³. Точность этой оценки аргументируется материалами бургомистра Юхнева, который полагает на каждый башкирский двор «по 3 человека мужеского пола, которые могут воевать, кроме хлопцев»⁴. Численный состав семьи, в которой трое взрослых мужчин, должен составлять не менее 9 человек, так как количество женщин, детей и стариков более чем в два раза превосходило число работающих мужчин. В этом случае численность башкирского населения в 1725—1726 гг. составит ($9 \times 28\ 655 = 258\ 795$) примерно 260 тыс. человек. В 1770 г. количество башкир, согласно сведениям Георги ($9 \times 24\ 882 = 223\ 938$), равнялось 224 тыс. человек, а с учетом неохваченных экспедицией Георги башкир Исетской провинции, где по данным 1797 г. (Троицкий, Челябинский, Екатеринбургский и Красноуфимский уезды)

¹ П. И. Рычков. Топография..., с. 93.

² Н. В. Бикбулатов. Минорат. Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов.— «Этнография Башкирии». Уфа, 1976, с. 41—42.

³ «Материалы к истории башкир». Составитель Ф. Тухватуллин. Уфа, 1928, с. 44.

⁴ МИБ, т. III, № 546, с. 485.

было около 33 тыс. (16 421 — мужск. душ) человек¹, оно также приближалось к 260 тыс. человек.

Правильность этих расчетов можно проверить и скорректировать с привлечением других материалов. По подсчетам Юхнева в 60 башкирских волостях было 85 967 мужчин, «которые могут воевать»². Эти сведения не означают, что у башкир именно таких размеров было или могло быть войско; в этом случае нам пришлось бы для установления общей численности народа количество мужчин-воинов помножить по крайней мере на 4, как это сделано выше. Но в данном случае речь идет о численности взрослых работоспособных мужчин, могущих в случае надобности взять в руки оружие. Эта часть производительного мужского населения составляла около трети всего народа (за вычетом женщин — около 50%, мальчиков до 15—16 лет и стариков — около 20%), т. е. численность башкир составляла примерно $(85\ 967 \times 3 = 257\ 901)$ 260 тыс. человек.

В последующие десятилетия XVIII в. общая численность башкир изменялась, видимо, мало. Ниже приведены материалы, подтверждающие это.

Близки к сведениям Юхнева данные В. Н. Татищева. «Их (башкир.— Р. К.),— пишет Татищев, имея в виду время до начала башкирского восстания 1735 г.,— могло годных к войне собраться до 60 000» человек³, т. е. в целом численность народа составляла примерно 240 тыс. человек. В 1743 г. по сведениям, собранным вице-губернатором Уфимской провинции полковником Люткиным, инородцев (башкир, татар, мишарей и др.) в провинции насчитывалось 336 896 человек⁴. На территории Башкирии в середине XVIII в. числилось мишарей 1530 дворов, тептярей и бобылей — 12 202 двора, т. е. из расчета по 5 человек на двор всего примерно 70 тыс. человек⁵. Здесь не учтены татары и другие «инородцы», которых в середине XVIII в. было около 50—60 тыс. человек. Таким образом, пришлых «инородцев» насчитывалось в общей сложности 120—130 тыс. человек, следовательно, численность башкир в Уфимской провинции составляла 210—220 тыс. человек, а с учетом башкирского населения Исетской провинции — около 240—250 тыс. человек.

В составленном в 1775 г. для графа П. И. Панина «Экстракте о башкирском народе» говорится, что башкир «мужеска полу душ по одному разведыванию, а не по переписи в Уфимской провинции 86 364, а в Исетской 19 792, всего же 106 156 душ»⁶. Следователь-

¹ В. Э. Ден. Указ. соч., с. 287.

² МИБ, т. III, № 546, с. 485.

³ В. Н. Татищев. История Российская.— Соч., т. I, с. 237.

⁴ В. Н. Витевский. Указ. соч., т. 3. Казань, 1891, с. 395.

⁵ ОИБ, т. I, ч. 1, с. 135. (Плотность по 5 человек на двор для мишарей и тептярей, в общественной жизни которых элементы патриархально-родового уклада практически отсутствовали, является максимальной. Этот расчет не противоречит новым данным: в 30—40-х годах XVIII в. мишарей и служилых татар в крае было 3,6 тыс. мужск. душ, или примерно 7,2 тыс. человек, в 1734 г. тептярей и бобылей — 29 тыс. мужск. душ, или около 60 тыс. человек. См.: У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 16).

⁶ «Экстракт о башкирском народе...», с. 140.

но, в двух провинциях проживало около 212 тыс. человек. С учетом башкир Пермской губернии (Осинский, Красноуфимский уезды), которых в конце XVIII — начале XIX в. было более 20 тыс. душ обоего пола¹, общее количество башкир во второй половине XVIII в. составляло примерно 230—240 тыс. человек.

В конце XVIII — начале XIX в., по расчетам В. Э. Дена, который, кроме материалов V ревизии, опирается на данные государственных окладных книг 1797 и 1806 гг., а также на другие источники, в Оренбургской губернии башкир было 80 240 муж. душ, в Пермской — 11 084, в Вятской — 819, а всего — 92 143 муж. душ, или около 185 тыс. душ обоего пола². Хотя эта цифра значительно выше прежних официальных оценок, однако в целом она также занижена. Надо иметь в виду, что соотношение мужчин и женщин не всегда бывает 1 : 1, хотя при определении общей численности населения обычно пользуются этой пропорцией. В конце XVIII в. после многочисленных восстаний, сопровождавшихся гибелью, казнью, ссылкой или откочевкой из Башкирии тысяч мужчин, это соотношение в башкирском обществе нарушается. При окончательном установлении количества башкир в этот период приходится, таким образом, учитывать известное превышение числа женщин над мужчинами. Но дело не только в этом: в расчетах В. Э. Дена не приняты во внимание около 20 тыс. башкир Белебеевского и Бугурусланского уездов, отошедших целиком или частично к Самарской губернии; не вошли в общее число около 2 тыс. служивых тарханов, а также 2 тыс. человек сартов и аюкинских калмыков, которые также несли службу наравне с башкирами и вскоре этнически растворились в их среде³. Вместе с семьями общее число тарханов, сартов и калмыков составляло примерно 30—40 тыс. человек. Кроме того, сведения, представляемые для составления окладных книг, башкирские старшины по возможности, как и в прежние годы, занижали. С учетом всех этих обстоятельств можно полагать, что башкир в самом конце XVIII в. было около 250—275 тыс. человек. Эти цифры не очень расходятся с данными Ф. А. Фиельструпа: по его расчетам в 1796 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях было башкир 106 тыс. мужских душ, или 212 тыс. человек, в Пермской — 22 104 человека, а в общей сложности около 235 тыс. человек⁴. С учетом населения Самарской губернии, а также высказанных выше соображений, общую численность башкир на рубеже XVIII—XIX вв. и по Ф. А. Фиельструпу можно определить в пределах 250—275 тыс. человек. Именно эти цифры не противоречат более точным данным первой половины XIX в., которые мы рассмотрим несколько ниже.

Таким образом, в XVII—XVIII вв. изменения в общей численности башкирского населения были незначительны: они колебались в

¹ В. Э. Ден. Указ. соч., с. 286; Н. П. Попов. Указ. соч., с. 1—2.

² В. Э. Ден. Указ. соч., с. 285—287.

³ В. Э. Ден. Указ. соч., с. 287, 289—290; И. Георги. Указ. соч., ч. II. СПб., 1799, с. 93.

⁴ Ф. А. Фиельструп. Указ. соч., с. 36.

пределах 230—275 тыс. человек. Относительная стабильность этих цифр не означает, что численность башкир на протяжении двух столетий почти не менялась. Можно полагать, и итоговые цифры дают некоторое основание для этого (см. табл. 17), что в истории башкирского народа были периоды роста численности, которые сменялись годами, а то и десятилетиями демографической депрессии. Так, в XVII в. и до начала 30-х годов XVIII в. имел место очень медленный, но все же некоторый рост количества башкир; их численность в 30—70-е годы XVIII в. не только не растет, но наблюдается некоторое уменьшение. Лишь к самому концу XVIII в. естественный прирост, видимо, повышается и намечается более или менее заметная тенденция к постоянному увеличению численности башкирского населения.

Каковы основные причины замедленного роста численности башкир в XVII—XVIII вв.? Это было, во-первых, обусловлено низким уровнем развития производительных сил. Кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство башкир целиком зависело от климатических условий. Периодически повторяющиеся засухи или джугты приводили к массовому падежу скота и гибели людей. Засуха часто сопровождалась эпидемиями чумы или холеры, которые уносили в могилу тысячи людей. Несмотря на высокую рождаемость, население почти не увеличивалось, так как высокий естественный прирост в благоприятные годы целиком перекрывался высокой смертностью в годы засухи, джугта, болезней и голода. Имело значение и то, что башкирское скотоводческое хозяйство постепенно утрачивало прежние классические черты. По существу, XVII—XVIII вв. были периодом глубоких изменений в структуре хозяйства башкир, которые сопровождались обнищанием и разорением части бывших кочевников, что не могло не отразиться на уровне рождаемости, детской смертности и т. п. Развитие земледельческого хозяйства создавало более благоприятные возможности для роста численности населения. Такие условия во второй половине XVIII в. сложились в северо-западной и западной Башкирии. С XVII—XVIII вв. в этих районах Башкирии по мере распространения земледелия плотность населения приобретает тенденцию к росту¹, однако она существенным образом нейтрализуется неблагоприятными условиями социально-экономической и политической жизни башкир. Присоединение Башкирии к России несколько ослабило междоусобицы, хотя взаимные набеги, угон скота и захват пленных между башкирами и казаками, башкирами и калмыками на южных и восточных границах продолжались. Отрицательное воздействие на динамику численности башкирского населения оказали восстания XVII—XVIII вв. (1662—1664, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740, 1755 и 1773—1774 годов). Сдерживало рост численности башкир не только жестокое подавление царизмом этих восстаний, но и то, что в период восстаний часть башкир покидала родные места и уходила в казахские степи, откуда возвращались далеко не все беглецы. Особенно жесто-

¹ ОИБ, т. I, ч. 1, с. 86—90, 124—127, 259—262.

жим было подавление восстания в 1735—1740 гг., когда, по словам В. Н. Татищева, «погибло, казнено, от голода померло и развезено более 60 000 человек»¹. А. Н. Усманов на основании новых источников уточняет эту цифру: по его мнению, общее число пострадавших башкир в период восстания 1735—1740 гг. составляет около 50 000 человек, в том числе «истреблено» 16 893 человека, роздано детей и жен «охочим людям» 9182 человека, сослано «во флот в матросы и в Остзейские полки и в работу в Рогервик» 236 человек². Во время восстания 1755 г. в казахские степи откочевало около 10 тыс. человек; немало башкир в XVII—XVIII вв. бежало «за камень», т. е. в Зауралье, где они стремились затеряться в бескрайних степях Западной Сибири. Таким образом, активная вооруженная борьба башкир против царизма и феодального гнета в XVII—XVIII вв. и подавление этой борьбы сопровождались истреблением и утечкой населения, что явилось, наряду с низким уровнем развития производительных сил, одной из главных причин отсутствия заметного роста численности башкир в рассматриваемый период.

3. Этнодемографические процессы в дореформенный период

XIX век был периодом существенных изменений в численности башкир.

В 1815—1817 гг., по данным VII ревизии, было 129 520 башкир мужского пола, или примерно 260 тыс. человек³. Седьмой ревизией были учтены лишь башкиры-вотчинники; по расчетам Х. Ф. Усманова сюда не вошли около 50—60 тыс. башкир, потерявших или не имевших вотчинных прав⁴. По данным 1841—1842 гг., башкир-припущенников в деревнях, включенных в «Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников», было более 66 тыс. человек, а в действительности, как полагает А. З. Асфандияров, несколько больше, так как некоторые аулы башкир-припущенников «оказались в «Ведомостях...» пропущенными»⁵. Как видим, расчетные цифры Х. Ф. Усманова вполне подтверждаются. Следовательно, общая численность башкирского населения в 1815—1817 гг. составляла около 310—320 тыс. человек.

В 1834 г., по данным VIII ревизии, в Оренбургской губернии было всего 332 358 башкир; с учетом башкирского населения Перм-

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, с. 237, 422.

² А. Н. Усманов. Башкирия в третьей четверти XVIII в. Рукопись, с. 118, 135 (хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

³ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 13923/17, лл. 5—18; Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., с. 77.

⁴ Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., с. 77, 79.

⁵ «Южноуральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 197.

ской губернии (40 146 человек) общая численность народа достигла 392 072 человека ¹.

В 1849—1850 г. в 13 башкирских кантонах ² насчитывалось 245 858 мужских душ, или более 490 тыс. человек. Это соответствует также расчетам В. М. Черемшанского, Н. М. Малиева и П. Небольсина, которые оценивают численность башкир в 1850 г. в 497 619 человек ³. В. М. Черемшанский приводит данные о численности башкир по кантонам (табл. 7). Сведения В. М. Черемшанского представляют интерес с точки зрения территориального размещения башкир и плотности их расселения в различных зонах Башкирии в середине XIX в.

В 1851 г., в соответствии с анализом материалов IX ревизии академиком П. Кеппеном, в 13 башкирских кантонах насчитывалось 259 976 мужчин, 248 233 женщины, а всего 508 209 человек; в четырех мишарских кантонах — 86 800 человек ⁴. Хотя известно, что в башкирских кантонах жили и наряду с башкирами несли военную службу калмыки, сарты, казахи и др. (общей численностью около 20 тыс. человек), однако количество населения в башкирских кантонах, по оценке Кеппена, мы принимаем как общую численность башкир. Это вполне перекрывается тем, что небольшая группа башкир (около 10—20 тыс. человек) не учитывалась в составе башкиро-мещерякского кантонного войска, так как несла службу в составе Оренбургского казачьего войска. «Чистые башкирцы,— писал по этому поводу П. Небольсин,— находятся не в одном башкирском войске... Например, есть башкирцы в Оренбургском казачьем войске... И наоборот, в собственно башкирских кантонах живут и вмес-

¹ «Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена». СПб., 1852, с. 3; Ф. А. Фнелъструп. Указ. соч., с. 36. Согласно «Ведомостям башкирских и мишарских кантонных начальников», составленных в 1841—1842 гг. с использованием, как пишет автор публикации А. З. Асфандияров, «материалов 8 ревизии и экономических примечаний к генеральному межеванию», башкир было 386 703 человека. Учитывая, что часть башкирских деревень в ведомостях не указана, можно заключить, что эти сведения совпадают с официальными данными VIII ревизии (см. «Южноуральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 196, 199 и сл.).

² В 1798 г. в пределах существующей административной системы (с учетом всех последующих ее изменений) была введена кантонная система управления башкирским (а позднее и мишарским) населением, просуществовавшая с некоторыми изменениями до 1865 г. Башкиры и мишари несли кантонную (военную) службу на пограничных линиях, в крепостях, а также снаряжали полки для участия в войнах, которые вела Россия. Башкиры были разделены на 12, а с 1847 г. на 13 кантонов, расположенных преимущественно в Оренбургской губернии и частично в Пермской и Аятской губерниях. Мишари входили в 5, а с 1847 г. в 4 служивых кантона. В 1855 г. кантонная система была реорганизована: в кантонную систему были включены и тептяри; вместо 13 башкирских было создано 28 башкиро-тептярских кантонов. В 1865 г. кантонная система управления в Башкирии была отменена.

³ П. Небольсин. Заметки о башкуртах.— «Отечественные записки», 1850, кн. 73, с. 3; В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 131—132; Н. М. Малиев. Указ. соч., с. 27—28.

⁴ П. Кеппен. Девятая ревизия., с. 12. В 1841—1842 гг., согласно упомянутым «Ведомостям...», в 5 мишарских кантонах насчитывалось 72,5 тыс. человек («Южноуральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 308—339).

№№ кантонов	Количество населения	Уезды и губернии, в которых кантоны расположены
I	17 086	Осинский уезд Пермской губ.
II	13 038	Екатеринбургский уезд » Красноуфимский уезд »
III	17 954	Шадринский уезд »
IV	11 864	Троицкий уезд Оренбургской губ.
V	12 047	Троицкий уезд »
VI	34 874	Челябинский уезд »
VII	54 147	Верхнеуральский уезд »
VIII	47 268	Стерлитамакский уезд «
IX	25 580	Уфимский уезд «
X	89 477	Стерлитамакский уезд « Бузулукский уезд « Оренбургский уезд «
XI	58 858	Бирский уезд «
XII	53 693	Сарапульский уезд Вятской губ. Елабужский уезд « Мензелинский уезд Оренбургской губ.
XIII	61 033	Бугурусланский уезд « Бугульминский уезд « Белебеевский уезд «
Итого . .	497 619	

те с башкирами несут казачью службу и люди других племен: татары, киргизы, мишари, омусульманенные калмыки и потомки выходцев из дальних земель Средней Азии, в половине прошлого столетия расселенных в разных местах Оренбургской губернии¹. На протяжении XIX в. многие из перечисленных П. Небольшим этнических групп полностью растворились в среде башкир, что сказалось как на росте численности башкир, так и на этнической характеристике отдельных групп башкирского населения. В 1857 г., по результатам X ревизии, башкир насчитывалось уже 544 843 человека².

¹ П. Небольсин. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край.— «Вестник РГО», ч. IV, кн. I. СПб., 1852, с. 16—17.

² «Ведомость о народонаселении России по 10 переписи».— «Журнал МВД», 1860, № 5, с. 1—14; ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 9255. Отчет командующего башкирским войском, дд. 84—108 (цитируется по: Р. Г. Кузеев, А. Н. Усманов, Х. Ф. Усманов. Указ. соч., с. 77, 79).

Таким образом, в дореформенный период XIX в. происходит заметный рост башкирского населения. Если считать, что в 1800 г. башкир было 250—275 тыс., то за 50—60 лет их численность возрастает примерно в два раза (население Европы с 1800 по 1850 г. возросло на 43%, Азии — на 24%, Европейской России — на 46,3%)¹. Это, безусловно, существенный рост, требующий объяснения.

Первая половина XIX в. в истории башкирского народа целиком совпадает с кантонной системой управления. В истории башкир кантонный период характеризуется, пожалуй, сравнительной стабильностью системы административного управления, значительными масштабами развития земледельческого хозяйства, меньшим размахом политической борьбы и карательных действий царизма. Линия крепостей по восточным и южным границам башкирских земель (Закамская, Ново-Закамская, Оренбургская пограничная линия) еще в XVIII в. ограничила откочевки башкир в казахские и южные оренбургские степи, а также взаимные набеги кочевников. Все эти обстоятельства способствовали, несмотря на тяжесть военной службы и фискального гнета, обострение социально-классовых противоречий в башкирском обществе², численному росту башкир. Однако высокие темпы роста башкирского населения в первой половине XIX в. имели место не только за счет естественного прироста³, но и за счет инфильтрации в башкирскую этническую среду пришлого населения.

Несмотря на довольно большую литературу, исследователям еще предстоит сложная и кропотливая работа по изучению характера, масштабов и темпов переселенческого движения в Башкирию в разные исторические периоды (особенно — этнических процессов, которыми это движение сопровождалось). Прежде всего, эта проблема требует цифровой характеристики, что при нынешнем состоянии источников нелегко сделать. В этой статье вопрос затрагивается лишь в той степени, в какой это необходимо для освещения основной темы.

Переселения в Башкирию из центральных и поволжских районов страны начались, очевидно, с давних времен, хотя до XVIII в. их масштабы были не очень велики. К сожалению, почти нет достоверных цифровых данных, характеризующих ход этого процесса до середины XVIII в. Первые опубликованные сведения о числен-

¹ «Численность и расселение народов мира», с. 14; С. Маркузон. Указ. соч., с. 390—391; А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 41.

² А. З. Асфандияров. Введение кантонной системы управления в Башкирии. — «Из истории Башкирии». Уфа, 1968, с. 158—164; С. Н. Нигматуллин. О социальном строе башкирского общества в первой половине XIX века. — Там же.

³ Рост численности башкир за полстолетия примерно на 100% был бы возможен, если бы средний годовой прирост составлял 1,4%. Между тем этот показатель по Европейской России за 1811—1863 гг. равнялся лишь 0,73% (А. Г. Рашин. Указ. соч., с. 41). Это свидетельствует о том, что действительный прирост башкирского населения в первой половине XIX в. был выше естественного.

ности пришлого населения Башкирии принадлежат вице-губернатору Люткину: по его данным (в передаче В. Н. Витевского)¹ в 1743 г. в Уфимской провинции обитало 412 081 человек, в том числе инородцев (башкир, тептярей, мишарей, татар и др.)—336 896, русских, «включая сюда и войска»,—75 185. По расчетам, приведенным выше, в середине XVIII в. численность тептярей, мишарей, татар и других инородцев не превышала 120—130 тыс. человек; следовательно, вместе с русскими общее количество пришлого населения составляло примерно 200 тыс. человек. Это означает, что в середине XVIII в. количество пришлого населения еще не превышало численности коренных жителей края, тем более оно не могло, как часто подчеркивают в литературе, «значительно превышать» число башкир. С учетом русского крестьянского населения Исетской провинции, не принятого во внимание Люткиным, можно полагать, что в середине XVIII в. численность башкирского и пришлого населения была примерно одинаковой, а именно по 240—250 тыс. человек. Этот вывод весьма важен: он несколько иначе позволяет взглянуть на этническую карту Башкирии в середине XVIII в., на характер и глубину этнических процессов, которые лишь в XIX в. приобрели особенно крупные масштабы.

Во второй половине XVIII в., главным образом в последние десятилетия, миграция населения в Башкирию заметно возрастает: общая численность населения Оренбургской губернии в 1767 г. составляет 421 119, в 1781 г.—около 520 тыс., в 1794 г.—691 816, в 1800 г.—около 740 тыс. человек². Несмотря на то, что эти цифры могут быть несколько заниженными (в связи с ошибками в учете башкирского населения), они иллюстрируют рост пришлого населения в последние два-три десятилетия XVIII в. Этот быстрый прирост почти целиком идет за счет переселенцев. К 1780 г. или даже несколько раньше пришлое население действительно численно превосходит коренных жителей края — башкир. Это подтверждается следующими цифрами: в 1781 г. на территории Оренбургской губернии было около 350 тыс., а в 1800 г. уже 470 тыс. человек податного населения³. Высокие темпы заселения Башкирии пришлым людом в последние десятилетия XVIII в. были частью обширной программы правительства Екатерины II по превращению этого края во внутреннюю область России.

Социально-экономическая и политическая обстановка в Башкирии в последней четверти XVIII в. способствует более активным эт-

¹ В. Н. Витевский. Указ. соч., т. 3, с. 395.

² С. М. Васильев. Башкирия в последней четверти XVIII века.— См.: МИБ, т. V. М., 1960, с. 6—7; ОИБ, т. I, ч. 1, с. 257—258; МИБ, т. V, № 389, с. 381. В экономических примечаниях к генеральному межеванию общая численность населения края к концу XVIII в. определяется в 763,3 тыс. человек. См.: У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 20.

³ Общая численность пришлого населения в Башкирии на рубеже веков оценивается в 577,3 тыс. человек.— У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 20.

ническим контактам башкир с тептярями и мишарями и активизирует начавшийся еще раньше процесс их этнического смешения. После поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг. часть тептярей, жестоко преследуемая карательными отрядами, объявила себя башкирами и действительно постепенно растворилась в башкирской этнической среде. В одном из циркуляров графа Панина говорится: «С тептярей и бобылей, если они участвовали в восстании на стороне башкир, то кроме ясака брать с них еще хлебом... а которые вошли в башкирское имя, о тех до времени умолчать»¹. Масштабы этого процесса в XVIII в. едва ли были значительны; но важно подчеркнуть, что процесс этот наметился и с каждым десятилетием возрастал.

Первая половина XIX в. — период еще более активного притока пришлого населения в Башкирию. Если в 1800 г. общая численность населения Оренбургской губернии составляла около 740—760 тыс. человек, то к 1863 г. она увеличилась до 1843,4 тыс. человек, т. е. за 60 лет население края возросло примерно в 2,5 раза. Переселенческое движение в Оренбургский край было особенно активным в 1811—1838 гг.; за это время население губернии выросло с 787,6 тыс. до 1771,4 тыс. человек². Большая часть пришлого люда были русские крестьяне из центральных и поволжских областей России; значительные по численности группы составляли татары, тептяри, мишари. Если в 1781—1782 гг. мишарей в Башкирии насчитывалось 28 772 человека, то в 1794—1795 гг. их было уже 46 300, в 1841—1842 гг. в мишарских служилых кантонах — 72 562, а в 1851 г. — более 100 тыс. человек³. Еще более быстрыми темпами росло в Башкирии количество тептярей: в 1754 г. их было немногим более 60 тыс. человек, в 1767 г. тептярей и бобылей было 33 656 муж. душ, или 67—68 тыс. человек, в конце XVIII в. — около 100 тыс., в 1815 г. (по данным VII ревизии) — 136 680, а в 1850 г. их стало 262 тыс. человек⁴. Татар в 1850 г. в Башкирии было 118 417 человек⁵.

¹ «Экстракт о башкирском народе...», с. 143.

² А. Г. Рашинов. Указ. соч., с. 28.

³ П. Кеппен. Девятая ревизия..., с. 12; «Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников...» — «Южноуральский археографический сборник», вып. 2. Уфа, 1976, с. 308—339; Ф. А. Фельдструп. Указ. соч., с. 10—11 (из 100 тыс. мишарей 86 800 были в составе башкиро-мещеряцкого войска).

⁴ ОИБ, т. I, ч. 1, с. 135; П. Кеппен. Девятая ревизия..., с. 95—96; МИБ, т. IV, ч. 2, с. 10; У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 16; С. Н. Нигматуллин. Указ. соч., с. 185.

⁵ Подсчеты Ф. А. Фельдструпа. — Указ. соч., с. 11—13. Более ранних сведений о татарах найти не удалось, так как они учитывались обычно в составе крестьянского или тептяро-бобыльского населения. В конце XVIII в. в составе крестьянского населения Башкирии татар было около 20 тыс. муж. душ, или 40 тыс. человек, в тептяро-бобыльском населении в 1798 г. татары составляли около 40%, или также 40 тыс. человек. Следовательно, в конце XVIII — начале XIX в. татар в Башкирии было около 80 тыс. человек (У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 16, 20).

Тептяри представляли собой многонациональную сословную группу населения¹. К сожалению, пока нет возможности точно установить, какую часть тептярей в разные исторические периоды составляли татары, марийцы, мордва, чуваш и др. Применительно к 1798 г. У. Х. Рахматуллин, без ссылки на источники, сообщает, что в составе тептяро-бобыльского населения 40% составляли татары, 38 — марийцы, 18 — чуваш и 4% — удмурты, мордва, башкиры². Однако сведения об общем соотношении различных национальностей в тептярской группе населения к концу XIX — началу XX в.³ позволяют прийти к выводу о повышении среди тептярей удельного веса татар; угро-финский элемент в тептярской группе в XIX в. снизился. В 1833 г. среди татар припущенники составляли 70%⁴. С другой стороны, в результате изменений в системе землепользования и положении припущенников после указа 1832 г. в обиходе термин «тептяр» стал обозначать не столько припущенников вообще, сколько припущенников-татар. Иными словами, татарская группа тептярей формировалась в тептярскую этнографическую группу татар. Вот почему через столетие Г. Н. Ахмаров, лично побывавший среди уфимских тептярей, так горячо отрицал даже возможность присутствия среди них чувашей, хотя признавал незначительную долю среди них марийцев и удмуртов. Подавляющее большинство среди тептярей, по его мнению, татары⁵. Очевидно имея в виду эволюцию термина «тептяр» в этническое обозначение уже к середине XVIII в., В. М. Черемшанский отмечал, что тептярей в крае, среди которых была лишь тонкая прослойка язычников, в 1850 г. стало 196 793 человека⁶.

Следовательно, можно с небольшой погрешностью заключить, что к середине XIX в. в Башкирии пришлое тюркское население — тептяри, мишари и собственно татары (196 793 + около 100 тыс. + + 118 417) — составляло около 415 тыс. человек, что уже приближалось к численности башкир. В западных и северо-западных районах Башкирии, где расселялись преимущественно тюркоязычные переселенцы, они численно стали преобладать над башкирами. Это придавало этническим процессам здесь определенную направленность: башкиры постепенно стали воспринимать язык и культуру пришлых родственных им этнических групп, хотя, с другой стороны, пришлое население (прежде всего тептяри) испытывали этнокультурное воздействие башкир. Своеобразие процесса заключалось в том, что эти изменения в языке и культуре не только не сопровождались разрушением национального самосознания башкир, но, на-

¹ С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании пришлое нерусского населения Башкирии в конце XVII — начале XVIII в. — «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, с. 132.

² У. Х. Рахматуллин. Указ. соч., с. 16.

³ Г. Н. Ахмаров. Тептяри и их происхождение. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXIII, вып. 5. Казань, 1908, с. 363—364.

⁴ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 53.

⁵ Г. Н. Ахмаров. Указ. соч., с. 362—364.

⁶ В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 118.

оборот, часть пришельцев — тептярей и мишарей стала называть себя башкирами. Очевидно, объяснение этой особенности надо искать в условиях социально-экономической жизни общества. Башкиры, будучи служилым сословием, обладали в кантонный период некоторыми привилегиями: неся военную службу, они не платили подушной подати и кроме того имели традиционные вотчинные права на земли. Это создавало стремление у части пришельцев, обязанных платить подушную подать, перейти в неподатное «башкирское» сословие. Вероятно, этим были вызваны многочисленные смешанные браки в этом районе. Этот процесс был замечен еще П. Небольсиным. Описывая военно-кантонную службу, которую вместе с башкирами несли тептяри, мишари, казахи, калмыки, он указывает, что «все они в смысле лиц войскового сословия называются башкирцами»¹. Создается положение, когда наименование «башкир» одновременно приобретает два значения: этническое и сословное. Отсюда в какой-то мере и то своеобразие в этнических процессах, которое особенно ярко проявилось в северо-западной Башкирии. В этом одно из объяснений быстрого роста численности башкир в первой половине XIX в. Происходил как бы процесс инфильтрации, просачивания пришлых этнографических групп в башкирскую этническую среду; этот процесс влиял на развитие культуры и особенно хозяйственного быта башкир, не разрушая их национального самосознания.

В первой половине XIX в., в связи с некоторыми отмеченными выше специфическими для Башкирии моментами социально-экономического и политического развития, довольно резким изменением численного соотношения, процесс этнического смешения башкир и тептярей стал протекать в таких активных формах, следствием которых явились постепенное исчезновение к середине XIX в. отчетливых этнокультурных различий между некоторыми, преимущественно северо-западными, группами татар и башкир, стирание этнических границ, появление у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в определении своей национальности. В этих условиях сословно-административная принадлежность приобретает существенное значение при определении национальной принадлежности. В целом же к середине XIX в. сложное этническое взаимодействие башкир и татар достигло кульминации, хотя окончательно направление и результаты развития этого процесса определились лишь во второй половине столетия.

4. Этнодемографические процессы во второй половине XIX в.

После X ревизии официальный учет численности населения был произведен лишь в 1897 г. во время первой всеобщей переписи в России. Согласно переписи общая численность башкир, или точнее людей, считающих, что они говорят на башкирском языке, в 1897 г. составила 1 311 017 человек, в том числе в Уфимской губернии

¹ П. Небольсин. Отчет о путешествии..., с. 17.

899 910, в Оренбургской — 254 561, Пермской — 85 395, Вятской — 13 909 и в Самарской — 57 242 человека¹. Получается, что башкирское население за 47 лет (с 1850 г.) возросло более чем в 2,5 раза (на 160% или средний годовой прирост за 47 лет составил бы 2,1%). Снова встает вопрос: могло ли такое резкое увеличение башкирского населения произойти за счет естественного прироста? Обобщенных статистических данных о темпах естественного прироста башкирского населения во второй половине XIX в. не имеется, однако некоторые сохранившиеся сведения по отдельным годам и районам дают на этот счет достаточно объективное представление. Н. Л. Скалозубов приводит данные о темпах прироста башкир Красноуфимского уезда за 1858—1890 гг., т. е. за 32 года: в среднем за год прирост составил 1,42%². В целом по Пермской губернии ежегодный прирост населения за тот же период составил 1,12%³. Эти цифры можно сравнить с общероссийскими: за 1861—1913 гг. средний годовой прирост в Европейской России составил 1,49%⁴. Таким образом, темпы естественного прироста башкирского населения северной Башкирии (Красноуфимского уезда) были почти такие же, как и в Европейской России, но выше, чем в среднем по Пермской губернии.

Темпы естественного прироста башкир на остальной территории Башкирии хотя и были относительно высокими, но в масштабах всей второй половины XIX в. они были несколько ниже, чем у остального населения края. Это подтверждается следующими косвенными данными. Н. М. Малиев, который анализировал статистические данные об уровне рождаемости и детской смертности в Белебеевском уезде, т. е. в западной Башкирии, пришел к выводу, что темпы естественного прироста башкирского населения во второй половине XIX в. существенно не отличались от средних общероссийских. Уровень рождаемости среди башкир был сравнительно высок, однако ему сопутствовала высокая детская смертность. Н. М. Малиев приводит следующие характерные для 70-х годов XIX в. примеры: 24 женщины деревни Казангулова Белебеевского уезда до достижения 50-летнего возраста родили в общей сложности 182 ребенка (т. е. в среднем по 7,6 ребенка), из них умерло 114 (около 70%), осталось в живых 68; в деревне Ниж. Лемезы того же уезда охваченные учетом 30 женщин в возрасте 50—55 лет родили в среднем по 9,5 ребенка, из них 5,8 — умерли и только 3,7 — остались в живых⁵. Высокая детская смертность среди башкир и являлась во второй половине XIX в. основной причиной несколько пониженного уровня естественного прироста.

В Уфимской губернии средний годовой естественный прирост за 1866—1895 гг. составил 1,61%, а по Оренбургской губернии за

¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XXVIII, с. 7; т. XLV, с. 10; т. XXI, с. 97; т. X, с. 89; т. XXVI, с. 58.

² Н. Л. Скалозубов. Указ. соч., с. 24.

³ Там же, с. 22; А. Г. Рашин. Указ. соч., с. 218.

⁴ А. Г. Рашин. Указ. соч., с. 47, 218.

⁵ Н. М. Малиев. Указ. соч., с. 25—26.

1861—1895 гг.—1,67%¹. Таким образом, если все же допустить, что средний годовой естественный прирост в целом у башкир был выше, чем 1,42%, полученный Н. Л. Скалозубовым для башкирского населения Красноуфимского уезда, тем не менее этот показатель был, видимо, несколько ниже или равен общему уровню по Уфимской и Оренбургской губерниям. Следовательно, можно допустить, что в среднем годовой естественный прирост башкирского населения во второй половине XIX в. колебался в диапазоне 1,4—1,6%. В этом случае за 46 лет (с 1851 г.) башкирское население увеличилось бы примерно на 450—500 тыс. и составило бы к 1897 г. около 950 тыс.—1 млн. человек.

Становится ясным, что рост численности башкир, который показала перепись 1897 г. (1311 тыс.), не мог быть целиком следствием естественного прироста населения. Необычайно быстрый «рост» численности башкир по итогам переписи 1897 г. объясняется тем, что в составе башкир были учтены большая группа тептярей и, возможно, часть мишарей.

Как известно, до 1855 г. существовало башкиро-мещерякское войско. Указом от 19 апреля 1855 г. к войску были присоединены и тептяри. Было создано объединенное военное управление и введено новое административное деление². Все войско стало именоваться «Башкирским войском» и было разделено на 28 кантонов. По данным 1856 г. в 28 кантонах башкир было 480 317 человек³, мишарей — 110 595, тептярей — 260 975, а всего 851 887 человек⁴. В 1858 г. «Башкирское войско» насчитывало уже 981,3 тыс. человек, в том числе башкир 544,8 тыс. и припущенников 436,5 тыс. человек⁵. С этого момента во многих статистических описаниях, особенно в военно-статистических сборниках, становится обычным включение народностей, входивших в «Башкирское войско», в одну группу. При этом представители царской администрации не проводят каких-либо этнических или языковых различий между этими родственными народами и учитывают их всех под общей рубрикой «башкиры». К тому же в северо-западных и западных районах Башкирии языковые и вообще этнокультурные различия между тептярями и башкирами были ослаблены. В результате этих причин, по данным военно-статистического сборника за 1871 г. численность башкир уже достигла 1076 тыс. человек⁶. Ясно, что исходной цифрой для этого определения явилась общая численность «Башкирского войска». Включение тептярей в кантонную систему управления и объединение родственных народов — башкир, мишарей, тептярей — под общим названием «Башкирское войско» сыграло в тот момент

¹ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 40—41.

² А. Г. Рашинов. Указ. соч., с. 218.

³ Некоторое уменьшение количества башкир по сравнению с 1850 г. объясняется неточностью учета или тем, что часть башкир временно перешла в тептярское сословие.

⁴ П. Кеппен. Девятая ревизия., с. 12, 99—100.

⁵ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 149.

⁶ Н. М. Малиев. Указ. соч., с. 28.

существенную роль в смещении у части мишаро-тептярского населения понятий об этнической принадлежности. Еще более осложнили картину условия отмены кантонной системы управления. В указе от 14 мая 1863 г. говорилось: «...обитающих в губерниях Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской башкир и других иногородцев, составляющих вместе с ними нынешнее башкирское войско, уравнивать в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями...». Однако условия «уравнения» были разные: за башкирами на правах общинной собственности сохранялись их вотчинные земли; военные припущенники, т. е. входившие в «Башкирское войско» мишари, тептяри, получали не в собственность, а в пользование по 30 десятин, а гражданские припущенники также в пользование — по 15 десятин на душу VII ревизии¹. Военных припущенников, в отличие от гражданских, стали называть «новобашкирами». Первоначально термин «новобашкир» использовался лишь представителями царской администрации, но постепенно он распространился и среди населения. Как и в первой половине XIX в., этноним «башкир» в этот период не имел однозначного содержания; он употреблялся, с одной стороны, в смысле административно-сословном, с другой — в этническом. Это отмечается и в документах XIX в.² В особенно смешанных районах резких граней в принадлежности к той или другой группе не было: как башкиры, потерявшие вотчинные права, могли стать «новобашкирами», так и припущенники (особенно военные), приобретаая тем или иным путем вотчинные права, могли стать «исконными башкирами». Так, один из исследователей XIX в., известный уфимский врач и ученый Н. А. Гурвич следующим образом характеризует проникновение в башкирскую этническую среду мишарей: «...слитие мещеряков с башкирами — есть этнографически совершившийся факт, против которого бессильны какие бы то ни было административные или фискальные мотивы разъединения», «а тептяри, как сословная ветвь, составленная из разных народностей, само собой должна распасться на те элементы, из которых она составлена, т. е. вотяки-тептяри отнесены к вотякам, черемисы-тептяри к черемисам, башкиры-тептяри к башкирам и т. п.»³. А. Н. Гурвич, как увидим, сделал правильные наблюдения, правда, часть служилых мишарей позднее также вновь стала учитываться в составе собственно мишарей или татар.

Предпринятый обзор позволяет, таким образом, указать по крайней мере на три источника быстрого роста численности башкир во второй половине XIX в.: а) естественный прирост; б) учет в составе башкир т. н. «новобашкир», т. е. тептярей и мишарей, некогда входивших в «Башкирское войско» и получивших при ликвидации войска некоторые земельные льготы; в) инфильтрация в башкирскую

¹ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 150—152.

² «Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная его численность в 1878 г.» (Рукопись. Хранится в Башкирской республиканской книжной палате, № 15705), с. 4—5.

³ «Список населенных мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния». СПб., 1877, с. СУ.

этническую среду и ассимиляция в ней этнографических групп тептярей и мишарей.

Возможные пределы увеличения численности башкирского населения в 1850—1897 гг. в результате естественного прироста мы выше установили. Теперь попытаемся определить примерную численность той группы тептярей и мишарей, которые в 1897 г. были включены в состав башкир, а впоследствии вновь учитывались в составе соответствующих этнографических образований или были объединены в одну группу с татарами. Показательна в этом плане табл. 8¹.

Т а б л и ц а 8

Годы	Тептяри	Мишари	Татары
1743—1747	57 500	10 100	—
1754	61 010	—	—
1767	67 500	—	—
1781—1782	—	28 772	—
1794—1795	100 000	46 300	80 000
1815	136 680	—	—
1833	—	73 615	—
1841—1842	—	72 562	—
1850	261 824 /196 793/	—	118 413
1851	—	105 546	—
1856	260 975	110 595	—
1865	—	—	89 733
1870	—	—	101 231
1879	189 700*	138 900*	107 300*
1897	56 407	25 855	277 743
1912—1913	305 124**	150 879	210 333*

* Данные по Уфимской губернии.

** Суммированные данные по Уфимской и Оренбургской губерниям.

Обращает внимание резкий спад в 1897 г. численности тептярей и мишарей: численность тептярей по сравнению с 1850 г. уменьшается на 205 тыс. человек, а мишарей по сравнению с 1879 г. — на 113 тыс., всего на 318 тыс. человек. Эта цифра в действительности должна

¹ При составлении таблицы кроме источников, указанных выше, использованы: «Ведомость о числе народонаселения в Уфимской губернии по племенам к 1876 г.», л. I (рукопись; хранится в ИИЯЛ ВФАН СССР); «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XXVIII, с. 7; т. XIV, с. 3, 10; «Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг.» Уфа, 1914, с. 254—255.

быть большей, так как с 1850 по 1897 г. количество тептярей, как это показывают данные 1912—1913 гг., увеличилось. Это же относится и к мишарям: сведения 1879 и 1912—1913 гг. учитывают мишарей лишь в Уфимской губернии (данных по Оренбургской губернии нет), а в 1897 г.— охватывают и оренбургских мишарей. Таким образом, если бы мы располагали более полными данными о численности тептярей и мишарей в Башкирии накануне переписи 1897 г., то имели бы возможность убедиться, что численность тептярей и мишарей в 1897 г. уменьшилась не на 318 тыс. человек, как показывают данные таблицы, а примерно на 350—400 тыс. человек. Однако, судя по упомянутым выше сведениям В. М. Черемшанского о числе тептярей в 1850 г. (196 793), можно заключить, что после 1850 г. около 50—60 тыс. тептярей финно-угорской этнической принадлежности (марийцы, удмурты и др.) постепенно отошли от «тептярского звания» и стали учитываться в рамках своих национальностей¹. Это означает, что в 1897 г. на повышенной численности башкир отразился перелив в их состав 300—350 тыс. человек тептяро-мишарского населения.

В чем причина резких изменений в статистике тептярей и мишарей? Предположение о том, что тептяри и мишари в 1897 г. были целиком учтены в составе татар, не подтверждается. В 1865 и 1879 гг. татар лишь в Уфимской губернии зафиксировано соответственно 101 и 107 тыс. человек; сведений по Оренбургской губернии нет, однако если исходить из того, что в 1850 г. татар в Башкирии (в Оренбургской губернии) было 118 тыс., то вполне логично полагать, что в 1879 г. их численность в Уфимской и Оренбургской губерниях приближалась в действительности к 200 тыс. человек. Это самое минимальное предположение, так как в 1912—1913 гг. только в Уфимской губернии татар оказалось 210 тыс. человек. Следовательно, 277 тыс. татар, охваченных переписью 1897 г. по двум губерниям, если и включают тептярей и мишарей, то в очень незначительных размерах. Прошедшие изменения в численности татар вполне укладываются в темпы естественного движения этой группы населения. Значит 300—350 тыс. тептярей и мишарей учтены в составе башкир. Других возможных путей «исчезновения» столь значительной группы населения не имеется. Это положение, довольно серьезно меняющее наши прежние представления о численности башкир в конце XIX в., поддается более развернутой аргументации.

Обратимся к соотношению башкирского и татарского населения в крае за прошедшее столетие. Как видно из табл. 9, в середине XIX в. общая численность пришлого тюркского населения в Оренбургской губернии (татар, тептярей и мишарей) приблизилась к численности башкир. Это соотношение в течение XIX в. остается более или менее постоянным. С образованием БАССР (по переписи 1920 г.) это соотношение несколько меняется (удельный вес башкир повышается), так как, во-первых, в состав Башкирской АССР, кроме современной территории, были включены населенные башкирами районы,

¹ «Список населенных мест по сведениям 1870 года», с. CV, CXI.

Таблица 9

Годы	Всего населения в тыс.	В т. ч. башкир в тыс.	Башкир в % к общему населению	В т. ч. татар в тыс.	В том числе в тыс.			Татар в % к общему населению	Общее кол-во татар в тыс.	Башкиры и татары в % к общему населению края
					собств. татар	тептярей	мишарей			
1850—1851 Оренбургская губ.*	1713,0	508,0	29,6	485,0	118,0	262,0	105,0	28,3	993,0	57,9
1879 Уфимская губ.	1626,0	455,7	28,0	425,9	107,3	189,7	138,9	26,2	881,6	54,2
1897 Уфимская губ.	2197,0	899,9	41,0	245,6	184,8	39,9	20,9	11,2	1145,5	52,2
1920 Большая Башкирия	3290,0	901,0	27,4	579,6	266,8	146,6	166,2	17,6	1480,6	45,0
1926 БАССР	2665,8	625,8	23,5	621,3	462,0	23,3	136,0	23,3	1247,1	46,8
1939 БАССР	3144,7	671,2	21,3	777,2	777,2	—	—	24,7	1448,3	46,0
1959 БАССР	3341,6	737,7	22,1	768,6	768,6	—	—	23,0	1506,3	45,1
1970 БАССР	3838,0	892,3	23,4	944,5	944,5	—	—	24,7	1836,8	48,1

* Данные о численности башкир и татар за 1850 — 1851 гг. взяты по Оренбургской губернии, за 1879 г. — по Уфимской губернии, за 1897 г. — по Уфимской губернии, за 1920 г. — в границах Большой Башкирии, за 1939, 1959 и 1970 гг. — в границах современной БАССР, а за 1926 г. — с включением Аргаяшского кантона (см. табл. 15).

находящиеся в пределах Челябинской и Оренбургской областей, и, напротив, плотно заселенный преимущественно татарами Мензелинский уезд отошел к Татарской АССР; во-вторых — в 1920 г. по инерции 1897 г. некоторая часть не ассимилировавшихся в башкирской среде тептярей и мишарей все еще учитывалась в составе башкир. Однако уже в 1926 г., в связи с переходом башкирских Аргаяшского и Ялан-Катайского кантонов в состав Челябинской, Ток-Чуранского — в состав Оренбургской областей, это соотношение в пределах Башкирской АССР вновь уравнивается и до настоящего времени остается сравнительно стабильным. Существенное значение имела и более четкая методика переписи 1926 г.

На этом фоне резкое изменение соотношения численности башкир и татар в 1897 г. (по двум губерниям в целом — Уфимской и Оренбургской — это соотношение составило 30,3 и 9,2%) невозможно объяснить естественной динамикой населения. Следовательно, в конце XIX в. в официальной статистике имел место существенный

перелив населения из одной национальности в другую, а конкретно — из тептяро-мишарской в башкирскую.

Еще более убедителен этот вывод, если обратиться к соотношению башкир и татар в Уфимской губернии. Большинство татар в Приуралье живут, как известно, в западных и северо-западных районах Башкирии, составлявших основную часть территории Уфимской губернии. Однако по переписи 1897 г. удельный вес башкир и татар в общей массе населения губернии был соответственно 41 и 11%, что явно не соответствовало действительному положению вещей. Особенно это бросается в глаза, если взглянуть на соотношение башкир и татар в 1897 г. по уездам Уфимской губернии (табл. 10). Численность татар во всех уездах (кроме, возможно, Златоустовского) оказалась приуменьшенной, а численность башкир соответственно преувеличенной. Характерно, что даже в таких уездах, как Бирский, Белебеевский и Уфимский, издавна густо насе-

Т а б л и ц а 10

Уезды	Башкиры в % к общему количеству населения	Татары в % к общему количеству населения	В составе татар в %		
			собств. татар	тептярей	мишарей
Уфимский	30,7	3,93	1,21	2,41	0,31
Белебеевский	53,78	13,45	11,26	1,59	0,6
Бирский	52,69	0,98	0,47	0,09	0,42
Златоустовский	27,69	5,23	1,05	2,66	1,52
Мензелинский	32,38	32,08	28,17	3,91	—
Стерлитамакский	35,37	11,09	6,17	1,16	3,76

лённых татарами, тептярями и мишарями, общая их численность в первом случае оказалась меньше 1% (на 262 264 башкира в Бирском уезде переписью 1897 г. учтено всего 4 848 татар, тептярей и мишарей), а во втором и третьем — около 13 и 4%¹. Особенно низким оказался в этих уездах удельный вес тептярей и мишарей.

Несмотря на резкое изменение соотношения количества башкир и татар в 1897 г., динамика их общей численности на протяжении более чем столетия резких колебаний не показывает. Доля башкиро-татарского населения в крае, как видно из табл. 9, резко не менялась, за исключением случаев, связанных с изменением территорий, в пределах которых велся учет населения. В среднем удельный вес башкиро-татарского населения в Башкирии уже с конца XIX в. остается относительно стабильным и колеблется в диапазоне 45—

¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XIV, Уфимская губерния, тетрадь 2, с. 3.

50%. Это обстоятельство является еще одним доказательством того, что резкие колебания в численности и соотношении башкир и татар в Башкирии происходили за счет внутренних перегруппировок населения по национальностям.

Любопытно, что в 1897 г. отмеченные особенности в учете населения Башкирии были давней традицией, унаследованной от кантонного периода управления краем. Для иллюстрации приведем итоговые данные учета населения Уфимской губернии в 1865 г.: всего в губернии было 1 206 582 человека, в том числе башкиры, мишари и тептяри учтены вместе и составляют 604 682 души обоего пола, или около 50%, татар 101 231 человек, или 8,4%, отдельно учтены чуваша (31 919), марийцы (49 964), мордва (12 969) и удмурты (12 605)¹. Соотношение «башкирского» и татарского населения в 1865 г. (50 и 8,4%) весьма напоминает соотношение этих национальностей в Уфимской губернии по переписи 1897 г. (см. табл. 9).

Все эти материалы и наблюдения достаточно убедительно показывают, что перепись 1897 г. учла в составе башкир около 300—350 тыс. тептярей и мишарей, а именно преимущественно ту их часть, которая некогда входила в «Башкирское войско». Эта группа тептярей и мишарей, уже начиная с крестьянской подворной переписи 1912—1913 гг., и тем более в переписях последующих лет, начинает снова постепенно учитываться в соответствующих этнографических группах или в составе татар.

С учетом сделанного анализа можно приступить к определению численности собственно башкирского населения в 1897 г. Если количество мишарей и тептярей, учтенных в составе башкир, было около 300—350 тыс. человек, следовательно, численность башкирского населения равнялась примерно (1311 тыс.—300—350 тыс.) 960—1010 тыс. человек. Эти цифры совпадают с другими данными: если, как отмечено выше, в среднем темпы годового естественного прироста башкир составляли 1,4—1,6%, то с 1851 г. население в 500 тыс. человек возросло бы к 1897 г.: при приросте в 1,4% до 961 200 человек, в 1,5% — до 1 000 700, в 1,6% — до 1 054 000 человек. Статистические данные и результаты периодических учетов населения второй половины XIX в. также подтверждают правильность этой оценки. Так, по данным 1865 г., башкир было 619,7 тыс. Д. П. Никольский приводит подсчет Риттиха, по которому в 1875 г. башкир было примерно 750 тыс.²

Несмотря на то, что эти данные оценочные, они сравнительно мало расходятся между собой, показывают постепенный численный рост башкир и тем самым подтверждают свою близость к действительному положению вещей. Впрочем, есть возможность проверить точность этих оценок статистическими данными о численности населения Уфимской губернии в 1879 г. (табл. 11); сведения эти, согласно которым башкир в губернии насчитывалось 456 тыс., подготовле-

¹ «Список населенных мест по сведениям 1870 года...», с. CVI, CXI.

² «Племенной состав населения Уфимской губернии...», с. 4—8; Д. П. Никольский. Указ. соч., с. 22.

Т а б л и ц а 11

Уезды	Численность башкир
Уфимский	59 603
Стерлитамакский	99 073
Белебеевский	134 671
Мензелинский	73 324
Бирский	47 478
Златоустовский	41 580
Всего по Уфимской губернии	455 729

ны Уфимским губернским статистическим комитетом на основании тщательного административного учета населения на местах и обобщения этого материала. Сведений о численности башкир в 1879 г. по Оренбургской губернии не имеется; по переписи 1897 г. в Оренбургской губернии насчитывалось, как указано, 254 тыс. человек. Учитывая прирост населения за 18 лет, можно считать, что в 1879 г. в Оренбургской губернии проживало не более 200 тыс. башкир. Следовательно, численность башкирского населения двух губерний в 1879 г.

не превышала 650 тыс. человек, а общее количество башкир с учетом проживающих в Пермской и Саратовской губерниях равнялось примерно 700 тыс. человек. Это не расходится с приведенным выше расчетом Риттиха (750 тыс.), так как, по замечанию Д. П. Никольского, в это число «вошли и другие народности». При естественном приросте в 1,4—1,6% в год башкиры с 700—750 тыс. человек в 1879 г. могли возрасти к 1897 г. до 960—1 010 тыс. человек, что еще раз подтверждает правильность приведенного выше анализа численности башкир в конце XIX в.

Повышенные темпы естественного прироста башкир в XIX в. объяснялись, таким образом, не только внутренним развитием башкирского общества. Существенное значение в увеличении населения имели этнические процессы; иными словами, рост численности башкир к 1897 г. до 960—1010 тыс. произошел также вследствие дальнейшего проникновения в башкирскую этническую среду, а нередко и ассимиляции башкирами пришлых этнографических групп. В этом процессе надо строго различать два момента.

Этнические и этнографические группы, которые полностью ассимилировались в составе башкир, восприняв их язык и культуру и сохранив лишь некоторые особенности прежнего быта, являются органической частью народа и сейчас нет возможности восстановить их численность и определить долю участия в количественном росте башкирского народа. Хотя ассимиляция башкирами большинства этих групп завершилась во второй половине XIX в., этот процесс, без всякого сомнения, шел издавна — с XVII или XVIII, а иногда и с XVI в. К этим этнографическим группам относятся калмыки и сарты, образовавшие еще в XVII в. сарт-калмыкскую волость в Зауралье, часть тептярей в современном Учалинском и других районах БАССР, группы казахов, тезиков*, каракалпаков и мишарей в южной и горной Башкирии.

* Тезик (тажик) — в данном случае тюркоязычные пришельцы из Средней Азии.

Несколько иной характер имел процесс инфильтрации в башкирскую этническую среду основной массы пришлых тептярей и мишарей. Их проникновение в башкирскую этническую среду в большинстве случаев невозможно обозначить термином «ассимиляция» (хотя процессы такого рода также имели место). Значительная часть тептярей в разное время принимала этническое название «башкир», однако их язык и культура, испытав влияние башкирского языка и культуры, в конечном счете сохранили свою прежнюю структуру. В этом своеобразном процессе, который протекал главным образом в западной и северо-западной Башкирии, надо различать несколько этапов.

В XVII—XVIII вв., когда количество пришлого населения относительно было невелико, тептярей и мишарей башкиры обычно «припускали» в свои общинные владения на равных правах с остальными общинниками или разрешали им пользоваться частью общинных угодий на условиях внесения в казну определенной доли положенного на башкир ясака, а также выполнения ими других повинностей или уплаты общинникам оброка¹. В середине XVIII в. количество тептярей в Башкирии составляло (по неточным данным) около 60 тыс. человек, а вместе с мишарями — около 75 тыс. Численное превосходство башкир, определенная зависимость (особенно в землепользовании) пришлых групп от башкирских общинников обусловили направленность этнического взаимодействия: тептяри и мишари испытывают языковое и культурное влияние коренного населения. Особенно сильно сказалось башкирское влияние на тептярях; на материалах языка это показано в тюркологических изысканиях². Тептяри, происхождение которых было преимущественно связано с различными этнографическими группами татар, в Башкирии расселялись не компактно, а группами³, что также способствовало сравнительно быстрому воздействию на них башкирской этнокультурной среды. Этот процесс продолжался до конца XVIII — начала XIX в. К этому моменту тептяри уже не представляли собой, как в XVII и первой половине XVIII в., конгломерат различных этнографических групп и даже национальностей, объединенных лишь одинаковыми условиями их социального положения в Башкирии. В тюркской части тептяри были образованней, формирующимся в самостоятельную и довольно многочисленную этнографическую группу, язык и культуру которой можно квалифицировать как результат смешения и длительного взаимодействия языка и культуры татар и башкир.

Что касается мишарей, то те из них, которые поселились в Башкирии в XVI—XVII вв. или раньше в порядке свободной крестьянской колонизации, как уже упоминалось, ассимилировались в башкирской среде (например, мишар-юрматинский род, многочисленные родовые подразделения мишар); мишари, состоявшие в XVIII в. на военной службе у царского правительства и разместившиеся в

¹ С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании..., с. 135—137.

² А. Юлдашев. Язык тептярей. Автореферат канд. дисс. М., 1950, с. 10—14.

³ Ф. А. Фельдструп. Указ. соч., см. карту.

основном в населенных пунктах Закамской крепостной линии (а впоследствии расселившиеся по всей Башкирии), сохранили особенности своего языка и культуры и мало подверглись башкирскому этническому влиянию. В то же время обратное воздействие служилых мшарей в XVIII в. на культуру башкир и в целом на их этнический облик также прослеживается слабо.

С конца XVIII, особенно в XIX в. положение меняется; в этот период, судя по приведенным выше демографическим данным, переселенческий поток в Оренбургский край резко возрастает. Вскоре количество башкир и различных этнографических групп татар становится в северо-западных и западных областях Башкирии примерно равным, а в ряде районов численность татарского населения в целом начинает превышать количество коренных жителей края. Именно в этот период сложилось, а к середине XIX в. закрепились, различие между тептярями, как уже сложившейся местной этнографической группой, и собственно татарами, которые в XIX в. селились в Башкирии совсем на иных социальных и экономических условиях, чем некогда тептяри. Башкиры, в отличие от тептярей, татар обычно называли «казанскими» (казанлылар).

Существенное значение в историческом развитии северо-западной и западной Башкирии сыграло то, что в конце XVIII в. сложились условия для завершения процесса перехода башкир этих областей к земледельческому хозяйству, формы ведения которого они заимствовали у пришлого населения, в том числе татар. Вследствие изменения количественного соотношения башкирского и татарского населения, а также в связи с новым направлением хозяйственного развития с конца XVIII в. направление этнического взаимодействия постепенно меняется. Воздействие татарского языка и татарской культуры становится более сильным. В языке и культуре северо-западных и западных башкир под татарским этническим влиянием происходят изменения. Сила и направление этого влияния с середины XIX в. закрепляется такими мощными факторами духовного развития, как школа, печать и литература, функционировавшими здесь на татарском языке. Активность татарской торговой буржуазии способствует дальнейшему углублению этого процесса. К концу XIX — началу XX в. различия в языке и культуре северо-западных башкир и татар были уже несущественными.

Какова была роль тептярей в этом процессе? В связи с изменением этнического состава, численного соотношения населения, а также хозяйственных условий жизни, с конца XVIII в. этнокультурное воздействие башкир на тептярей ослабевает. Тептяри, успевшие заметно сблизиться в языковом и культурном отношении с башкирами, теперь сами вместе с коренными жителями края начинают испытывать воздействие новой волны переселенцев-татар. В XIX в. этническая история тептярей в северо-западной Башкирии развивалась практически параллельно этнической истории башкир этих районов. Если учесть при этом активные перекрестные браки между башкирами и тептярями, совместное расселение в одних и тех же районах и населенных пунктах, станет понятным сравни-

тельно быстрое размывание между ними языковых и культурных различий.

Остается выяснить, как эти процессы отразились на этнической статистике? Преобладающая часть башкир и тептярей рассматриваемых областей Башкирии, не говоря уже о татарах, как в XIX, так и в начале XX в. устойчиво сохраняла чувство национального самосознания. В связи со слабой изученностью вопроса сейчас трудно сказать, каковы были причины этой особенности этнического процесса в Башкирии XIX в. Возможно, в этом сказывалась (и сейчас еще сказывается) незавершенность процесса, хотя многие исследователи не раз отмечали глубокую нивелировку этнической характеристики башкир и тептярей. Возможно, также значительной была роль социальных и политических факторов. В XVIII в., например, существенным критерием для различения башкир, тептярей и мишарей было их отношение к земельной собственности. Во всяком случае, в XIX и начале XX в. тептяри в статистических обзорах, в официальных документах фигурируют в одном ряду с самостоятельными народами, так же, как, впрочем, и мишари. Говорить о крупных переделах башкир в татарскую группу нет оснований, так как численность башкир, как мы видели, в XIX в. постоянно возрастала. Однако, если в основной массе населения Башкирии этническое самосознание оставалось достаточно устойчивым, то у царской администрации ясности в понимании национальной структуры края не было. Для нее большее значение имели иллюзорные в конце XIX в. особенности в землепользовании, нежели реальные этнические процессы. Нельзя, конечно, не учитывать и близость башкирского и татарского языков и вообще отсутствие существенных различий в разговорной речи тептярей и башкир в северо-западных районах. Этими обстоятельствами и надо объяснить то, что большая группа тептярей и мишарей была учтена в составе башкир. В XX в., как увидим ниже, когда после Октябрьской революции переписи стали объективно отражать национальную структуру населения, статистические показатели по башкирам претерпели новое резкое изменение, на этот раз, естественно, в сторону уменьшения.

Было бы неверно упускать из виду и то, что происходящие этнические процессы более глубоко затронули часть тептярского и башкирского населения; ослабление или даже исчезновение в сознании населения этнических критериев, различавших башкир и тептярей, способствовало появлению неустойчивости в определении национальной принадлежности. Особенно это было характерно для смешанных башкиро-тептярских семей, в которых новое поколение не видело разницы в отнесении себя к тептярям или башкирам, так же как не придавало значения тому, считать ли свой разговорный язык башкирским или тептярским. Основным критерием для определения национальности в этих условиях становился воспринятый в историческом аспекте сословный признак: бывшая принадлежность предков к башкирскому войску, бывшие привилегии во владении землей в составе башкирских волостных или сельских общин, в некоторых случаях — сохранявшиеся остатки реальных преимуществ

в землепользовании и т. д. Группа башкиро-тептярского населения с неустойчивым этническим самосознанием имела тенденцию к численному росту. Немало тептярей (сюда входила и часть мишарей) в 1897 г. могли и по этим соображениям отнести себя к башкирам, хотя с изменением условий, разрушением прежних пережиточных представлений о сословной принадлежности или земельных привилегиях, они могли объявить себя и татарами. Но эта тенденция, как мы увидим дальше, определилась в основном в XX в. Для XIX в. была в целом характерна хотя и медленная, но постоянно возрастающая инфильтрация тептярей в башкирскую среду, что и обусловило повышенные темпы роста башкирского населения, особенно северо-западных и западных районов. Чтобы убедиться в правильности этого вывода, обратимся к табл. 12, иллюстрирующей темпы роста численности башкир в западной и восточной Башкирии¹.

Т а б л и ц а 12²

Г о д ы	Численность башкир в западной Башкирии	Численность башкир в восточной Башкирии
1725—1726	89 496	168 405
1775	5 767 дворов	8 325 дворов
1782	56 916	80 390
1849	216 250	280 709
1851	261 000	328 500
(данные по башкирам и мишарям)		
1897	832 068*	478 952
(официальные данные переписи)		
1920	524 337**	377 055
1926	324 740	301 105

* Включая Мензелинский уезд.

** Без Мензелинского уезда.

¹ К западной Башкирии отнесены Казанская и Осинская дороги, к восточной — Ногайская и Сибирская (сведения 1725—1726 и 1775 гг.); в остальных случаях к числу западных отнесены уезды Осинский, Бирский, Сарапульский, Елабужский, Бугурусланский, Бугульминский, Белебеевский, Мензелинский, к числу восточных — Екатеринбургский, Красноуфимский, Шадринский, Троицкий, Челябинский, Верхнеуральский, Стерлитамакский, Оренбургский, Златоустовский; западная часть Уфимского уезда отнесена к западной, восточная — к восточной Башкирии.

² При составлении табл. 12 использованы: МИБ, т. V, № 389, с. 381—382; В. М. Черемшанский. Указ. соч., с. 131—132; П. Кепцен. Девятая ревизия..., с. 249; «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XXVIII, с. 7; т. XLV, с. 10; т. XXI, с. 97; т. X, с. 89; т. XXVI, с. 58; ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. 1, Поволстные таблицы переписи населения 1920 г.; «Всеобщая перепись 1926 г. Башкирская АССР», отдел I. М., 1928, с. 334, табл. X.

Сведений, позволяющих группировать башкирское население XVIII—XIX вв. по областям, очень мало, однако даже те данные, которые удалось сгруппировать в приведенной таблице, показывают, как постепенно меняется соотношение численности западных и восточных башкир. В начале XVIII в. численность восточных башкир значительно превышает численность башкир западных районов. К середине XIX в. количество восточных и западных башкир почти уравнивается, а во второй половине — соотношение меняется. Если учесть, что подавляющая часть тептярей и мишарей, учтенных в 1897 г. в составе башкир, населяла западные районы Башкирии, разница в численности западных и восточных башкир была не такой резкой, как показано в таблице, но все же она была. Новое соотношение, свидетельствующее о более быстрых темпах роста численности западных башкир и о происходящих в их среде сложных этнических процессах, продолжало сохраняться и в XX в.

5. Этнодемографические процессы в XX в.

В Оренбургской и Уфимской губерниях, как и в России в целом, с 1897 до 1913 г. имел место общий рост населения. Так, по расчетам Х. Я. Тахаева, среднегодовой прирост населения в Башкирии за 1897—1917 гг. был равен 1,68%¹. Для сравнения укажем, что по Европейской России за 1896—1913 гг. естественный прирост в среднем за год составил 1,65%. По Оренбургской и Уфимской губерниям показатели среднегодового прироста населения за 1896—1913 гг. были значительно выше, чем в России (соответственно 2,1 и 1,94%)², однако в последующие годы в связи с первой мировой войной, а также механическим движением населения, произошел спад, что снизило общий уровень среднего годового прироста за 1897—1917 гг. до 1,68%. Как указывалось, во второй половине XIX в. в среднем ежегодный естественный прирост башкирского населения составлял 1,4—1,6%. После 1897 г. в дореволюционной Башкирии этот показатель для башкир, вероятно, остался на прежнем уровне или был несколько ниже. Два момента свидетельствуют о верности такого предположения. Уровень естественного прироста среди башкирского населения в 1897—1917 гг. был несколько ниже аналогичного показателя по всему населению Башкирии (1,68%). Кроме того, ряд авторитетных специалистов утверждал, что как общие, так и многие региональные демографические данные по дореволюционной Башкирии, относящиеся к периоду после переписи 1897 г., оказались преувеличенными³. Последнее может означать, что темпы естественного прироста населения края (в т. ч. башкир) могли быть ниже, чем те, которые установлены в соответствии с официальной статистикой. В то же время нет никаких оснований считать, как это проскальзывает в литературе, что в эти годы не было прироста баш-

¹ Х. Я. Тахаев. Башкирия. Уфа, 1950, с. 112.

² А. Г. Рашин. Указ. соч., с. 47, 218.

³ Там же, с. 149.

кирского населения и даже имел место существенный спад его численности. В действительности такого спада в численности башкир в 1897—1917 гг. не было. Кроме приведенных выше официальных данных о темпах естественного движения об этом убедительно свидетельствуют показатели общего роста населения в крае. Так, в шести уездах Уфимской губернии в 1897 г. проживало 2 196 642 человека, а в 1920 г.—2 688 327¹. Что касается башкирского населения, то анализ смертности, который М. Птуха провел по 11 народностям России (на материалах переписи 1897 г.), убедительно показал, что хотя детская смертность среди башкир была высокой, она в конце XIX в. не превышала средних показателей по стране. Так, в списке 11 народностей (русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, евреи, башкиры, татары и чувашы) по смертности среди детей до одного года башкиры стояли на пятом месте (после русских, чувашей, татар и украинцев), от 1 до 2 лет — также на пятом месте (после русских, молдаван, белорусов и евреев), от 2 до 3 лет — на третьем месте (после русских и белорусов), от 3 до 5 лет — на четвертом месте (после чувашей, белорусов и татар). Начиная с 10-летнего возраста, жизнеспособность башкир заметно увеличивается и по смертности среди 11 народностей они занимают 8—11 места². В начале XX в. эти показатели едва ли существенно изменились. Снижение темпов прироста и даже уменьшение численности имели место только в результате империалистической и гражданской войн, последствия которых башкир коснулись больше, чем остального населения края. В целом же приведенные данные не только опровергают тезис о постепенном вымирании башкирского народа, а, напротив, свидетельствуют, по выражению М. Птуха, «о весьма высокой жизнеспособности башкир»³.

Таким образом, хотя некоторые различия в темпах естественного прироста (и особенно в уровне рождаемости) разных национальностей края в 1897—1920 гг. наблюдались, однако они не были резкими.

Сведения о численности башкир по переписи 1920 г. находятся в противоречии с официальными данными о темпах естественного роста и движения населения Оренбургской и Уфимской губерний в 1897—1917 гг.

Восстановление численности башкирского населения, по данным переписи 1920 г., — чрезвычайно трудная задача. Перепись проходила в сложной политической обстановке и в связи с гражданской войной не была закончена. Период проведения переписи и обработки ее результатов совпал в Башкирии с годами становления Башкирской автономной республики и многократными преобразованиями, уточнениями и изменениями административных границ. Подсчет количе-

¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XLV, с. 10; «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г.»— Труды ЦСУ, т. I, вып. 2. М., 1921, с. 14.

² М. Птуха. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928, с. 21, табл. IV; с. 25, табл. V.

³ Там же, с. 26.

ства населения в разных территориальных пределах вызвал, естественно, различные оценки численности башкир, а специального изучения этого вопроса пока никто не проводил. По Р. М. Раимову, общее количество населения в 1917 г. «на территории, которая вошла в Башкирию», составляло 3134 тыс. человек, в том числе башкир было 1186 тыс., или 36,4% населения республики, татар — 459,6 тыс., или 15%. Данные эти, по словам Р. М. Раимова, выведены «путем сложения итогов переписи 1920 г. по восточной Башкирии и по пяти уездам Уфимской губернии, вошедшим в 1922 г. в состав Башкирии»¹. Оценка Р. М. Раимовым численности башкирского населения в 1920 г. в настоящее время многими принята. Однако в его подсчете сказались некоторые погрешности, связанные с изменениями в 1920—1922 гг. территориально-административных границ. Восточная, или Малая Башкирия в 1920 г. включала кантоны: Аргаяшский, Табынский, Кудейский, Яланский, Тамьян-Катайский, Юрматынский, Бурзян-Тангаурский, Кипчак-Джетеуровский, Усерганский, Токчуранский, Дуван-Кущинский. Р. М. Раимовым численность башкирского населения Малой Башкирии была учтена именно в таком составе. В июне 1922 г. Яланский кантон (ныне Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области) отошел к Челябинской губернии, так же как и Златоустовский уезд, в пределах которого проживала часть башкир соседних кантонов. Кудейский кантон был присоединен к Уфимскому, Юрматынский и Табынский — к Стерлитамакскому уезду Уфимской губернии. Башкирское население этих кантонов Р. М. Раимовым было учтено, видимо, дважды: в составе Малой Башкирии, а затем в составе «пяти уездов» Уфимской губернии. В том же 1922 г. Усерганский и Бурзян-Тангауровский кантоны были объединены в Зилаирский, а Дуван-Кущинский переименован в Месягутовский. Таким образом, к 1922 г. границы Малой Башкирии претерпели изменения, которые необходимо учесть при определении численности населения. В Центральном государственном архиве БАССР хранятся «Поволостные таблицы итогов переписи населения 1920 г.», которые дали возможность составить таблицу 13, более точно отражающую численность башкирского населения так называемой Большой Башкирии². Подсчет итогов переписи 1920 г. произведен в пределах административных границ, установившихся к 1922 г.

¹ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, с. 24 (шестой Мензелинский уезд Уфимской губернии вошел в 1920 г. в состав Татарской АССР).

² Территория Большой Башкирии в границах 1922 г. охватывала всю бывшую Уфимскую губернию (кроме Мензелинского уезда) и Малую Башкирию, в которую входили башкирские районы бывшей Оренбургской губернии (около 2/5 ее территории), включая Аргаяшский кантон в бывшем Челябинском и Ток-Чуранский кантон в бывшем Оренбургском уездах (с учетом изменений, происшедших к 1922 г.). Кроме того, в состав республики были включены населенные башкирами районы Осинского, Екатеринбургского и Шадринского уездов Пермской губернии и Юрлан-Табынская волость Самарской губернии. (Б. Х. Юлдашбаев. Образование Башкирской АССР. Уфа, 1958, с. 65, 125, 127, 129, 132—135).

Т а б л и ц а 13

Кантоны и уезды	Количество башкир
Аргаяшский кантон . .	56 605
Тамьян-Катайский кантон	31 633
Кипчак-Джетеуровский кантон	37 329
Зилаирский кантон . .	81 246
Ток-Чуранский кантон	15 342
Месягутовский-кантон .	57 312
Стерлитамакский кантон	88 211
Златоустовский уезд .	9 377
Белебеевский уезд . .	224 063
Уфимский уезд	71 160
Бирский уезд	229 114
И т о г о	901 392

Как видно¹, Большая Башкирия в 1922 г. включала почти все районы, заселенные и учтенные переписью 1897 г. в составе Уфимской, Оренбургской, Пермской и Самарской губерний. Исключение составляют лишь Яланский кантон, где по переписи 1897 г. было около 15 тыс. башкир, Мензелинский уезд Уфимской губернии — 123 тыс. и прилегающие к нему башкирские села Вятской губернии — 13,9 тыс. башкир. Таким образом, общее количество башкир в 1920 г. должно было бы составить, с учетом коррективы на неохваченные территории и естественного роста этой части населения, около 1050—1100 тыс. человек. Однако в действительности коррективка примерно на 150—200 тыс., основанная на официальных данных переписи 1897 г., для 1920 г. является преувеличенной. Дело в том,

что перепись 1920 г. (по сравнению с официальными данными 1897 г.) показала отсутствие существенных изменений в численности башкир по восточной Башкирии и совершенно определенное уменьшение — по западной и центральной Башкирии. Так, в 1897 г. во всех пяти уездах Оренбургской губернии башкир насчитывалось 254 тыс., а в 1920 г. в Малой Башкирии (без Тамьян-Катайского и Бузян-Тангауровского кантонов) их оказалось 312 тыс.² С учетом примерной оценки башкирского населения указанных кантонов в 60—65 тыс. человек (в качестве исходных взяты данные 1897 г. по Троицкому и Верхнеуральскому уездам), башкирское население Малой Башкирии составляло в 1920 г. около 372—377 тыс. человек. Это заметный рост по сравнению с 1897 г. Но если иметь в виду, что в состав Малой Башкирии включена часть башкир Уфимского, Златоустовского, Стерлитамакского уездов Уфимской губернии и Екатеринбургского, Красноуфимского, Шадринского уездов Пермской губерний, то более верным будет вывод о том, что количество башкир в восточной Башкирии, видимо, осталось на прежнем уровне или даже несколько уменьшилось. Уменьшение в численности западных башкир можно проследить по уездам (которые в 1922 г. назывались кантонами — см. табл. 14).

¹ ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. I, Поволостные таблицы итогов переписи населения 1920 г.

² ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. 1, Распределение населения 9 кантонов Малой Башкирии по национальности.

Т а б л и ц а 14

Спад в численности башкир в западной Башкирии резким назвать нельзя, тем не менее он дает достаточно оснований думать, что еще большие масштабы уменьшения башкир имели место в Мензелинском уезде и в Вятской губернии. Эти соображения заставляют снизить взятую нами корректировку на 50—100 тыс.

человек и определить общую численность башкир по данным 1920 г. в 950—1050 тыс. человек.

Эта оценка и сведения о численности башкир в Большой Башкирии, представленные в табл. 13, находят подтверждение в сводных таблицах, составленных уже после некоторых территориальных изменений; численность башкир в республике после передачи Ток-Чуранского кантона в Оренбургскую и отчасти в Самарскую губернии и изменения границ Месягутовского кантона составила 833 тыс. человек ¹.

Таким образом, сведения об общей численности башкир в 1920 г. оказались значительно ниже официальных итогов переписи 1897 г. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным положением, когда зафиксированные источниками темпы естественного прироста населения не только не сопровождаются в официальных данных ожидаемым абсолютным ростом численности народа, но, наоборот, дают заметное ее снижение. Это обстоятельство требует разъяснения.

Несмотря на трудные условия еще не закончившейся гражданской войны, разруху, недостаток подготовленных кадров переписчиков и т. п., на территории Башкирии переписью были охвачены почти все районы, за исключением Бурзян-Тангауровского, Тамьян-Катайского и частично Усерганского кантонов, численность населения в которых была определена ориентировочно по данным прежних оценок и переписей. Конечно, это обстоятельство не могло не повлиять на качество переписных материалов, однако в целом результаты переписи 1920 г. в Башкирии по полноте охвата населения отражают реальную картину. Они дают возможность с учетом некоторых корректировок достаточно обоснованно представить общую численность башкир в 1920 г. Следовательно, отмеченное расхождение между темпами естественного прироста и абсолютным ростом численности населения надо искать главным образом не в недостатках и ошибках переписи 1920 г., а в объективных условиях того времени.

¹ ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. I, Перепись населения в 1920 г.; ЦСУ БАССР, Отдел демографический. Перепись населения в 1920 г. Сводки по форме № 2 в границах Большой Башкирии с изменением границ Месягутовского кантона.

Общая численность населения Большой Башкирии равнялась 3290 тыс. человек, в том числе в пяти уездах Уфимской губернии 2221 тыс., в Малой Башкирии 1069 тыс. человек («Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г.» — Труды ЦСУ, т. I, вып. 2. М., 1921, с. 14, табл. 1).

Здесь сыграли роль многие причины. Во-первых, существенное значение имело снижение темпов естественного движения населения в 1914—1920 гг., когда в связи с первой империалистической и гражданской войнами, разрухой и голодом прирост прекратился и местами даже имела место убыль населения. Официальными статистическими данными об убыли башкирского населения в 1914—1920 гг. мы не располагаем. По расчетам Х. Я. Тахаева, в 1914—1922 гг. ежегодная убыль населения в Башкирии составляла 1,42%¹, однако основная доля этой убыли приходилась на голодные 1921—1922 гг. Вероятно, в 1914—1922 гг. численность башкирского населения оставалась на одном уровне или имела место некоторая убыль; учитывая более или менее устойчивый рост населения в 1897—1914 гг., в общей сложности мы должны были бы иметь к 1920 г. хотя бы очень небольшой рост численности. Именно такой небольшой рост башкирского населения можно установить, если исходить не из официальных итогов переписи, а из нашей оценки численности башкир в 1897 г. в 960—1010 тыс. человек. Правда, сразу сделаем существенную оговорку: как и в ряде оценок численности башкир в XIX в., в итоговых данных 1920 г. (960—1050 тыс.) учтена часть тептярей, имевшая тенденцию к ассимиляции в башкирской среде. Перепись 1926 г. показала, что эта группа тептярей все же не успела окончательно утратить сознание своей этнической принадлежности. В то же время в 1920 г. существенно возросла по сравнению с 1897 г. численность татар в Башкирии (360 тыс. в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1897 г. и 579,6 тыс. только в Большой Башкирии в 1920 г.)².

Эти материалы говорят о том, что основное воздействие на новое изменение национальной структуры населения Башкирии оказали социально-экономические и политические причины. Большие социальные изменения в башкиро-татарской деревне, обезземеливание десятков тысяч башкирских и татарских крестьян до революции и т. д.³ создали условия, в которых этноним «башкир» постепенно утратил свое сословное значение. Теперь в западной и северо-западной Башкирии редко кто связывал понятие «башкир» с вотчинными правами или тем более с повышенными земельными наделами. Образовавшаяся в XIX в. неустойчивость национального самосознания части населения, так же как существующая среди нее тенденция воспринимать этноним «башкир» как сословное наименование, соответствующим образом отреагировали на эти социально-экономические сдвиги. В этнической истории тептярей как бы начался обратный процесс. Часть тептярей и тем более мишари, по тем или иным причинам учтенные в 1897 г. или в другие более ранние годы в составе башкир, сейчас снова стали регистрироваться в соответст-

¹ Х. Я. Тахаев. Указ. соч., с. 112.

² ЦСУ БАССР, отдел демографический. Перепись населения в 1920 г. Сводки по форме № 2 в границах Большой Башкирии с изменением границ Месягутовского кантона.

³ Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958, с. 137—152.

вующих этнографических группах или отнесли себя к татарам. Это уже отразилось в результатах подворной крестьянской переписи 1912—1913 гг. (в Уфимской губернии татар, в том числе тептярей и мишарей, оказалось 623,9 тыс. против 184,8 в 1897 г.) и еще более отчетливо проявилось в переписи 1920 г. Особенно убедительным будет выглядеть этот тезис, если проследить изменения в численности западных башкир: в 1897 г. в западной Башкирии (без Мензелинского уезда, не вошедшего в состав Большой Башкирии) башкир было 709 тыс. человек, татар — всего 52,3 тыс. В 1920 г. в западных районах Большой Башкирии башкир стало 524,3 тыс., зато татар — более 400 тыс.¹ Конечно, неверно было бы думать, что в 1920 г. этот процесс закончился и все этнические группы окончательно определились. И было бы совершенно безнадежным занятием пытаться сейчас точно определить в цифровом выражении, сколько тептярей и мишарей, учтенных в 1897 г. в составе башкир, вновь перешли в 1920 г. в свои этнические группы. Определенно можно сформулировать лишь два основных положения, касающихся изучения нашего вопроса:

а) с 1897 по 1920 г. рост численности башкир был незначительным, что объясняется спадом рождаемости и потерями в 1914—1920 гг.;

б) в связи с изменениями социально-экономических условий в Башкирии начинается процесс «возврата» тептярей и мишарей, учтенных в 1897 г. и ранее в составе башкир, в свои этнические группы. Процесс этот, однако, окончательно определился лишь во время переписи 1926 г.

Перепись 1926 г. показала резкий спад численности башкирского населения; в абсолютных цифрах количество башкир в 1926 г. (713 684, в т. ч. 625,8 тыс. в БАССР) уменьшилось по сравнению с 1920 г. примерно на 300 тыс. человек², а с учетом высоких темпов прироста 1923—1926 гг., покрывших часть потерь 1921—1922 гг., эта цифра была несколько выше 300 тыс. человек. Численность населения БАССР, по данным переписи 1926 г., в целом и в национальном разрезе представлена в табл. 15.

Каковы причины резкого уменьшения численности башкир с 1920 по 1926 г.? Их несколько. Прежде всего спад объясняется тяжелейшими 1921—1922 годами, когда небывалая засуха, голод, тиф и холера поразили Среднее Поволжье и Южный Урал, и без того разоренные в период империалистической и гражданской войн.

Этот период характеризуется следующими цифрами: в Уфимской губернии убыль всего населения составила 19,25%, в Малой Башкирии — 26,92%³. Смертность среди восточных башкир была выше, чем среди остального населения края. Х. Я. Тахаев приводит данные об уменьшении населения по некоторым восточным башкирским

¹ «Первая всеобщая перепись... 1897 г.», т. XIV, с. 10; ЦГА БАССР, ф. Р-473, оп. 1, Поволостные таблицы итогов переписи 1920 г.

² «Численность и расселение народов мира», с. 64, 86.

³ «Отчет III Всебашкирскому съезду Советов (июль 1921—ноябрь 1922)». Уфа, 1922, раздел «Борьба с голодом и его последствиями», с. 5.

Т а б л и ц а 15¹

Кантоны	Всего населения	В том числе		
		русских	башкир	татар
Уфимский	568 494	309 068	57 552	98 906
Аргаяшский	100 851	31 897	40 984	27 602
Белебеевский	556 681	142 470	118 152	192 719
Бирский	535 647	148 536	177 812	121 238
Зилаирский	195 036	81 894	80 784	10 884
Месягутовский	160 219	86 371	41 521	27 173
Стерлитамакский	429 490	194 054	73 187	89 613
Тамьян-Катайский	119 419	70 417	35 854	12 483
Итого по республике .	2 665 837	1 064 707	625 846	580 618

кантонам: в Зилаирском — на 21%, в юго-восточных кантонах — на 30—31%². В целом в 1921—1922 гг. численность башкирского населения уменьшилась на 22,1%, или примерно на 220—230 тыс. человек³.

Засуха, голод, болезни имели тяжелые последствия для всего населения края, однако смертность среди восточных башкир оказалась, как видно, более высокой. Повышенная смертность среди части башкирского населения в 1921—1922 гг. объясняется особенностями социально-экономической и политической истории края: конец XIX — начало XX в. совпал с завершением в юго-восточной Башкирии резкой ломки сложившегося веками типа хозяйства и культуры башкир. К началу XX столетия процесс обезземеливания и пауперизации башкирского крестьянства достиг той ступени, когда в восточной Башкирии исчезла всякая возможность продуктивно вести традиционное полукочевое скотоводческое хозяйство. В конце XIX в. в Уфимской губернии, например, почти пятая часть (19,3%) башкирских хозяйств не имела скота, и почти треть хозяйств (29,9%) были безлошадными. Обнищание восточных башкир было еще более глубоким. Так, в населенном главным образом башкирами Орском уезде Оренбургской губернии в 1905 г. безлошадные и однолошадные хозяйства составляли 37%⁴. В то же время в горно-лесных и горно-степных районах восточной Башкирии в 1920 г. 80% хозяйств не имели посевов, хотя скотоводство здесь также дав-

¹ «Всесоюзная перепись 1926 г. Башкирская АССР», отдел I. М., 1928, с. 312—325.

² Х. Я. Тахаев. Указ. соч., с. 112.

³ «Отчет III Всебашкирскому съезду Советов», с. 4, 5; Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии (1920—1928 гг.). — «Советская Башкирия. Исторические очерки». Уфа, 1957, с. 112.

⁴ ОИБ, т. I, ч. 2, с. 303.

но утратило свою былую роль¹. Однако дело не только в том, что полукочевое скотоводческое хозяйство перестало быть экономической основой жизни; земледельческое хозяйство, к которому перешли многие восточные башкиры, из-за чрезвычайно слабой технической оснащённости и отсутствия навыков велось на очень низком уровне; сборы урожая не обеспечивали потребностей населения. Иначе говоря, разрушение традиционного типа хозяйства и культуры в восточной Башкирии далеко не всегда сопровождалось в условиях царизма органическим и естественным вхождением башкир в сферу земледельческого хозяйства и культуры. Многие и многие хозяйства, имеющие посевы и зафиксированные местной статистикой как земледельческие, в действительности продолжали летние кочевки, подчиняя их сроки и маршруты земледельческому календарю. Естественно, что продуктивность таких хозяйств была низкой. На этом фоне чрезвычайно тяжёлыми оказались потрясения, которые испытывали хозяйства башкир в годы первой империалистической и гражданской войн. Особенно сильному разорению подверглось хозяйство башкирского населения восточной Башкирии, которая была в годы гражданской войны ареной упорной борьбы. В Юрматынском, Табынском, Тамьян-Катайском, Бурзян-Тангаурском и Кипчак-Джегуровском кантонах Малой Башкирии в 1918—1919 гг. белогвардейцами и националистами было разорено и разрушено около 7 тысяч крестьянских хозяйств, уничтожено 650 деревень. Во время отступления колчаковцы только в трех кантонах — Табынском, Юрматынском и Тамьян-Катайском — отобрали у крестьян более 100 тыс. пудов хлеба, 17 тыс. пудов мяса, угнали с собой 15 тыс. лошадей, около 30 тыс. коров и еще большее число мелкого скота. На территории Малой Башкирии без крова, голодных и разутых оказалось более 157 тыс. человек. По сравнению с довоенным периодом, в 1920 г. в Уфимской губернии поголовье скота сократилось на 50%, а посевная площадь — на 43%, в Малой Башкирии за тот же период поголовье скота — на 55,3%, посевная площадь — на 60,9%².

Таким образом, испытания 1921—1922 гг. застали башкир в момент, когда прежние традиции в хозяйстве были разрушены, а новые еще не были восприняты достаточно прочно и глубоко. В этом, безусловно, одно из тяжелейших наследий царизма, последствия грубых, варварских форм проникновения капитализма в башкирскую деревню. Разруха гражданской войны, действия белых армий и валидовцев нанесли еще один очень сильный удар по экономическому положению башкир.

Трудно представить возможные масштабы трагедии 1921—1922 гг., если бы не победа Октябрьской революции и установление в Башкирии Советской власти, организовавшей энергичную и дейст-

¹ ОИБ, т. 1, ч. 2, с. 304; Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии, с. 112—113.

² «Советская Башкирия. Исторические очерки». Уфа, 1957, с. 111—112; Ф. Фумеров. Башкортостан тыныс тезелешкә күсеү осоронда. Өфе, 1958, с. 7—9.

венную помощь голодающему населению. Деятельность созданной Советским правительством организации «Башкиропомощь», достаточно подробно и всесторонне описанная в литературе, не только сохранила жизнь тысячам людей, но и содействовала восстановлению и развитию разрушенного войной хозяйства башкирских крестьян¹.

Отмечая тяжелые последствия 1921—1922 гг., в то же время надо иметь в виду, что резкое уменьшение численности башкир в 1926 г. произошло не только вследствие голода, болезней и разрухи. Снова имели место переливы населения из одной группы в другую в результате воздействия различных политических и этнических факторов. С 1920 г. на результаты переписи начинает оказывать воздействие такой важный политический фактор, как образование и развитие Башкирской автономной советской государственности. К 1926 г. этот фактор сказался уже достаточно ощутимо. В западной Башкирии, где значительная часть населения была с переходными формами быта, культуры и неустойчивым национальным самосознанием, сам факт образования Башкирской и Татарской АССР (1920 г.) начал оказывать воздействие на формирование более прочного чувства этнической принадлежности как у башкирской, так и у татарской части населения. Конкретные проявления этого процесса были различные, в зависимости от района расселения той или иной группы населения, степени и глубины смешанности культуры и т. д.

Определяющая тенденция развития в тот период была такова, что северо-западные и западные группы тептяро-мишарского населения с неустойчивым в прошлом национальным самосознанием под влиянием отмеченных политических факторов, а также в силу воздействия быстро распространяющихся грамотности и обучения на татарском языке, вновь стали относить себя к татарам. Это, конечно, совершенно не исключало иных процессов: в ряде мест тептяри и мишари испытали настолько существенное воздействие башкирской культуры, что эта часть тептяро-мишарского населения прочно и, очевидно, навсегда осталась в составе башкирской национальности. Но уже в те годы и даже раньше сформировалась другая линия — часть северо-западных и западных башкир, культуру и быт которых мы называем переходной, имея в виду присутствие в них, наряду с башкирской по происхождению основой, многочисленных элементов татарской культуры, — постепенно, правда очень медленно, стала ассимилироваться в татарской этнической среде. Эта линия, однако, как увидим ниже, в дальнейшем не получила активного развития. Во всяком случае, результаты переписей 1939, 1959 и 1970 гг. этого не отразили. Анализ развивающихся в северо-западных и западных районах глубинных процессов, не зафиксированных официальной статистикой, требует исследований по специально разработанной программе. Пока можно лишь зафиксировать, что

¹ Г. Х. Гумеров. Борьба за восстановление народного хозяйства Башкирии, с. 115—120; Ф. Гумеров. Башкортостан тыныс төзөлөшкә күсеү осоронда, с. 59—66.

основными факторами, приостановившими или сильно замедлившими здесь на многие десятилетия ассимилятивный процесс, были образование и развитие Башкирской АССР и стабилизация в условиях бурного национально-культурного строительства такого признака, как национальное самосознание. Вероятно, существенную роль играют и глубокие традиции, отраженные в языке, культуре и, в конечном итоге, в этническом самосознании и восходящие к древней и средневековой истории башкир. Эти исторические традиции связаны с тем, что именно территория западной Башкирии и соседние области были одним из древних и основных районов формирования башкирского этноса¹.

Иная картина сложилась с той частью башкирского населения, которая была включена в состав ТАССР. Мензелинские башкиры в условиях Татарской АССР стали причислять себя к татарам. По данным переписи 1926 г., на территории ТАССР (в бывшем Мензелинском уезде) башкир оказалось всего 1752 человека² (вместо 193 тыс. в 1897 г.). Это явилось, собственно, одним из заключительных этапов ассимиляции самой западной части башкир в татарской этнической среде.

На результатах переписей 1926 г. и последующих лет сказались, безусловно, и инструкции, обеспечивающие свободное определение национальной принадлежности и родного языка. Если перепись 1920 г. еще не проводила четкой грани между различными этнографическими группами татарского населения Башкирии, в 1926 г. инструкции на этот счет были уже совершенно определенными. В «дополнительной инструкции», разработанной Башкирским ЦСУ и утвержденной ЦСУ СССР, говорилось: «Особенное внимание необходимо обратить на регистрацию татаро-башкирской части населения. Здесь нужно твердо отграничить башкир от татар, мещеряков от тептярей», причем предписывалось тептярей, как группу, «образовавшуюся из смешения разных национальностей», стремиться расписать по тем этническим образованиям, к которым они в действительности принадлежали³. Результаты такой методики не замедлили сказаться (см. табл. 9): в Большой Башкирии в 1920 г. татар было 579,6 тыс., а в 1926 г. в БАССР, которая территориально была меньше Большой Башкирии, — 621,3. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что рост татар происходит, несмотря на голодные 1921—1922 гг., которые коснулись татар в такой же степени, как и остальное население края. Это противоречивое, на первый взгляд, явление можно объяснить только одним: основная часть тептярей и мишарей на этот раз была учтена в составе татар. В этом свете любопытные метаморфозы происходят с количественным соотношением западных и восточных башкир (см. табл. 12): в 1926 г. это соотношение, в связи с резким уменьшением башкир в западных районах Башкирии становится почти таким же, как и в середине XIX в. Между тем из-

¹ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа, с. 435—439.

² М. Плисецкий. Указ. соч., с. 7.

³ «Всесоюзная перепись 1926 г. Башкирская АССР». Пояснительные замечания к тому.

Т а б л и ц а 16¹

Годы	Численность башкир в тыс.	в том числе в БАССР
1939	843	671,1
1959	989	737,7
1965	1100	
1970	1240	892,3

башкир в 1926 г. на значительно бóльшую цифру, чем потери 1921—1922 гг.

В 1939, 1959 и 1970 гг. этнографические группы мишарей и тептярей отдельно не учитывались, а относились первые к татарам, вторые — к национальностям в соответствии с их национальным самосознанием (преимущественно опять же к татарам).

Переписи 1939 и 1959 гг. и учет населения последующих лет показали устойчивый рост численности башкир (табл. 16).

Победа социализма в стране, рост материального благосостояния населения привели (несмотря на тяжелые потери войны 1941—1945 гг.) в масштабах всех этих лет к значительному приросту населения². Отсутствие опубликованных статистических данных по отдельным районам БАССР пока не дает возможности анализировать динамику численности башкирского населения во взаимосвязи с современными этническими процессами в разных частях Башкирии, однако некоторые связанные с ними моменты уже сейчас могут быть отмечены. В результате переписей 1939, 1959 и 1970 гг. еще более отчетливо проявилось значение национальной государственности в развитии национального самосознания тех или иных групп населения. Башкирское население, находящееся за пределами БАССР, к западу, северо-западу и югу от ее границ постепенно сближается в этническом отношении с татарами. Мензелинские башкиры, видимо, окончательно слились с татарами. По переписи 1939 г. на территории ТАССР, также как в Кировской (Вятской) области, башкир нет совсем. Не учтены башкиры и в пределах Куйбышевской и Саратовской областей³, хотя здесь это обстоятельство может быть объяснено не столько процессом ассимиляции, сколько несовершенностью методики переписи. Относящиеся к 1960—1970 гг. материалы этнографических и фольклорных экспедиций в эти области показы-

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, с. 184, 202; «Население земного шара. Справочник». М., 1965, с. 33; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973; «Башкирия в Союзе ССР. Статистический сборник». Уфа, 1972, с. 10, 13—14.

² П. Г. Подъячих. Население СССР. М., 1961, с. 17, 21.

³ См., например, «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР». М., 1963, с. 320.

вают, что значительная часть иргизо-камеликских башкир в пределах Саратовской и Куйбышевской областей отчетливо сохраняет национальное самосознание и специфические особенности в культуре и быте.

В пределах БАССР наблюдается иная картина: несмотря на то, что в северо-западной и западной Башкирии татарский язык и многие элементы татарской культуры восприняты значительной частью башкирского населения, заметных сдвигов в национальном самосознании этой части населения после переписи 1926 г. не происходит. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, начиная с 1926 г., соотношение башкирского и татарского населения в Башкирии почти не меняется. Некоторые изменения в этой области, правда, имели место (см. табл. 9): в 1939 г. наблюдалось небольшое повышение удельного веса татар в республике, однако по результатам переписи 1959 г. фиксируется обратный процесс; доля башкир в общей массе населения БАССР возрастает, а доля татар — несколько снижается. В 1970 г. в составе населения республики повысилась доля и башкирского, и татарского населения. Однако делать какие-либо выводы из этих фактов преждевременно; будущие переписи покажут, имеем ли мы дело с временными отклонениями от наметившихся еще на рубеже веков процессов перехода части западных башкир в татарскую национальность, или же это, что более вероятно, признак закрепления у этой части населения в условиях дальнейшего развития советской автономии башкирского национального самосознания. Специального толкования в этом же свете потребует и специфика изменения численности башкир, считающих родным языком татарский: в 1926 г. 44,4% башкир в БАССР назвали родным языком татарский; в 1939 г. удельный вес этой группы возрос до 46,9%, а переписью 1959 и 1970 гг. зафиксирован обратный процесс: родным языком татарский назвали соответственно 41,4 и 36,8% башкир, проживающих в республике; и наоборот, родным языком назвали язык своей национальности (башкирский) в 1959 г. 57,6% башкир, а в 1970 г. — 63,2%. Соответствует этим наблюдениям и то, что национальное самосознание всех групп башкир, проживающих в пределах современных границ БАССР, по данным переписей 1959 и 1970 гг., продолжает укрепляться; более того, есть основания полагать, что у некоторых небольших групп татар, проживающих в республике, развивается башкирское национальное самосознание.

1. Результаты анализа источников обобщены в табл. 17. Она показывает динамику численности башкир за длительный период и, на наш взгляд, в целом верно отражает демографический процесс в крае, хотя мы по-прежнему допускаем (с накоплением новых материалов) возможность уточнения некоторых данных этой таблицы.

2. Динамика численности башкир в XVI—XX вв. не была однолинейной. С XVI до конца XVIII в. численность башкирского населения изменялась мало, что находит объяснение в особенностях

Т а б л и ц а 17

Годы	Численность башкир в тыс.
Середина XVI в. . .	180—240
1630—1631	~260
1725—1726	~260
1743	240—250
1775	230—240
1800	250—275
1815—1817	310—320
1834	392
1851	508
1858	545
1865	620
1885	750
1897	960—1010
1920	960—1050
1926	714
1939	843
1959	989
1965	1100
1970	1240

социально-экономической и политической истории народа. В XIX в. имел место существенный рост башкирского населения как за счет естественного движения, так и за счет инфильтрации в состав башкир пришлого этнического компонента, главным образом этнографических групп татар. Несколько замедлившийся в начале XX в. естественный рост населения сменился периодом резкого спада численности, вызванного голодом, разрухой и эпидемиями 1921—1922 гг., усугубленных в восточной Башкирии незавершившимся процессом перехода башкир от традиционных форм скотоводческого хозяйства к земледелию. В годы советской власти, в новых социально-экономических и политических условиях, определился устойчивый рост численности башкирского народа.

3. Изменения численности башкир в XVI—начале XX в. тесно связаны с этнической историей народа. В XVI в., на заключительном этапе формирования

башкирской народности существенным этническим компонентом в составе южных башкир явились ногайские родо-племенные группы. В XVII—XVIII вв. на территорию Башкирии кочуют и ассимилируются в составе башкир группы калмыков, казахов, каракалпачков, сартов и др. Процесс ассимиляции этих групп в составе башкирской народности завершается в XIX в. Длительным и сложным было этническое взаимодействие башкир с этнографическими группами татар (особенно с тептярями). Языковые и культурные контакты оставили глубокие следы в этническом облике как башкир (северо-западная и западная Башкирия), так и тептярской группы татар.

4. Распространенный в литературе тезис о вымирании башкир в XVIII—начале XX в. не подтверждается. В истории Башкирии были периоды относительной стабильности численности населения (XVI—XVIII вв.), были периоды быстрого его роста (XIX в.), сменявшиеся застоєм или даже спадом (1921—1922 гг.). Динамика изменения численности башкир находит объяснение в условиях социально-экономической и политической жизни общества, а также в специфике этнических процессов в Башкирии. В целом же башкирский народ, начавший в конце XIX в. формироваться в нацию,

обнаружил в процессе исторического развития высокую жизнеспособность, особенно активно проявившуюся в истории классовой борьбы трудящихся башкир, венцом которой было участие башкирского промышленного и сельского пролетариата в Октябрьской революции и в гражданской войне, в борьбе за установление в крае Советской власти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
АЭТ	— Археология и этнография Татарии
БАС	— «Башкирский археологический сборник»
БГУ	— Башкирский государственный университет
БФАН СССР	— Башкирский филиал АН СССР
БШ	— Башкирские шежере
ВАУ	— «Вопросы археологии Урала»
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ВИ	— «Вопросы истории»
ВФУ	— «Вопросы финно-угроведения»
ГАОО	— Государственный архив Оренбургской области
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИА	— «Исторический архив»
ИГАИМК	— «Известия Государственной академии истории материальной культуры»
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы
ИТДМ	— История Татарии в документах и материалах
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИБ	— Материалы по истории Башкирской АССР
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОИБ	— Очерки по истории Башкирской АССР
ПСЗ	— Полное собрание законов
РГО	— Русское географическое общество
СА	— «Советская археология»
СЭ	— «Советская этнография»
УЗ	— Ученые записки
ЦГА БАССР	— Центральный государственный архив БАССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.

Содержание

От автора	3
Роль исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкирского народа	5
Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв.	33
Структура родо-племенной организации башкир	113
Этническая история башкирского народа	129
Стратификация родо-племенной этнонимии башкир	183
Историческая демография башкирского народа	199
Список сокращений	262

Раиль Гумерович Кузеев

**Историческая этнография
башкирского народа**

Редактор *Г. А. Осташевская*

Рецензент *Р. Г. Ганеев*

Художественный редактор *М. В. Сяплин*

Художник-оформитель *А. А. Холопов*

Технический редактор *Г. К. Зигангирова*

Корректоры *Л. Г. Исаева, Н. П. Кудрявцева*

ИБ № 557

Сдано в набор 11/V 1978 г. Подписано к печати 19/X 1978 г.;
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Условн. печ.
л. 16,5. Учетн.-изд. л. 19,36. Тираж 2000. П 00178.
Заказ № 189. Цена 1 руб. 40 коп.

Башкирское книжное издательство, Уфа-25, ул. Совет-
ская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Управления по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров БАССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

